

ISSN 2306-9899 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-10-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шинкарецкая Галина Георгиевна, доктор юридических наук,
g.shinkaretskaya@yandex.ru

ISSN: 2644-5514

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-10-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Shinkaretskaya Galina Georgievna, doktor yuridicheskikh nauk,
g.shinkaretskaya@yandex.ru

ISSN: 2644-5514

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kavigor@gmail.com

Иншакова Агнесса Олеговна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦ РАН), Волгоградский государственный университет, 400062. г. Волгоград, Университетский проспект, 100, ainshakova@list.ru

Демичев Алексей Андреевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Нижегородская академия МВД РФ, кафедра гражданского права и процесса, 603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, бокс 268, aadem@bk.ru

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет, кафедра международного права. 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133.

Алимов Кадыр Захидович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека, главный редактор журнала «Узбекский журнал международного права», вице-президент Ассоциации юристов-международников Узбекистана (Узбекистан, 700174, г. Ташкент, ВУЗ городок)

Александр Белоглавек – профессор юридического факультета Пражского университета /Чехия/, арбитр Международного арбитражного суда Международной торговой палаты /Париж/, президент Всемирной ассоциации юристов /г. Вашингтон/ (Jana Zajice 32, CZ-17000 Praha-7, Czech Republic)

Бабин Борис Владимирович – доктор юридических наук, доцент, исполнительный секретарь Украинского независимого морского профсоюза (Украина, 65029, г. Одесса, ул. Дидрихсона, д. 13)

Бальмон Луи – доктор права, профессор университета Ницца-София Антиполис (Франция, avenue Doyen Louis Trotabas, 06050 Nice, Франция)

Беликова Ксения Михайловна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры

гражданского и трудового права Российского университета дружбы народов (117198, г.Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6)

Буроменский Михаил Всеволодович — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии правовых наук Украины, профессор кафедры международного права Национального юридического университета им. Ярослава Мудрого (Украина, 61024, м. Харьков, ул. Пушкинская, д. 77).

Даниленко Денис Васильевич — доктор права, Университет Экс-Марсель /Aix-Marseille Universite, France/, главный редактор журнала «Международное право и международные организации» и журнала «Право и политика», исполнительный директор Академической издавательской группы NOTA BENE - ООО "НБ-Медиа" (115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211)

Денисов Владимир Наумович — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии правовых наук Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины, заведующий отделом международного права и сравнительного правоведения Института государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Украина, 01601, г. Киев, ул. Трёхсвятительская, д. 4)

Ерпылева Наталия Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного публичного и частного права факультета права Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка улица, д. 17)

Каламкарян Рубен Амаякович — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10)

Камиллери Энрико — профессор юридического факультета Палермского университета /Италия/ (Italia, Universita' degli Studi di Palermo, Via Maqueda, 172)

Капустин Анатолий Яковлевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Ассоциации международного права (117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34)

Кешнер Мария Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18)

Ковлер Анатолий Иванович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры судебной власти факультета права Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", судья Европейского суда по правам человека от Российской Федерации /1999-2012/ (119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 /4-й учебный корпус/)

Костенко Николай Иванович — доктор юридических наук, профессор, лауреат премии имени Ф.Ф. Мартенса Российской академии наук (prof_48kost@mail.ru)

Курбанов Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист

Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, руководитель секретариата делегации Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право /Венецианской комиссии/ (119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10)

Курдюков Геннадий Иринархович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18)

Любимов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Российская академия наук, Заместитель главного ученого секретаря Президиума РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32 А, lyubimov_science@mail.ru

Сазонова Кира Львовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Москва, Проспект Вернадского, 84)

Саул Бен — доктор права, профессор, директор Сиднейского центра международного и глобального права (Room 635, Sydney Law School, Australia)

Штиблар Франьо — профессор юридического факультета Люблянского университета /Словения/, профессор Болонского университета /Италия/ (Emonska 10, 1000 Ljubljana, Slovenia)

Стон Петер Аллан — профессор юридического факультета Эссексского университета /Великобритания/ (stonp@essex.ac.uk)

Толстопятенко Геннадий Петрович — доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76)

Шугуров Марк Владимирович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии (410056 г. Саратов, ул. Вольская, д. 1)

Кембаев Женис Мухтарович – доктор права, Университет КИМЭП, юридический факультет, профессор, Проспект Абая 2, г. Алматы 050010, Казахстан, kembayev@kimep.kz

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Бааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН) (12.00.14, 12.00.04, 12.00.10). 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, margokfmn@yandex.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Аюрова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Безбородов Юрий Сергеевич - доктор юридических наук, Уральский Федеральный Университет им. Первого президента РФ Б.Н. Ельцина, профессор, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковleva, профессор, 620142, Россия, г. Екатеринбург, ул. Чапаева, 21, кв. 21, yury.bezborodov@gmail.com

Безверхов Артур Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУ ВО "Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева", Юридический институт, директор института; Кафедра теории и истории государства и права и международного права, заведующий кафедрой; Кафедра уголовного права и криминологии, профессор, 443011, Россия, Самарская область область, г. Самара, ул. академика Павлова, 1 Г, ауд. 209, bezverkhov-artur@yandex.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российской научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. Москва, ул. Нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» , главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса , Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Самович Юлия Владимировна - доктор юридических наук, Казанский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего

образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Казань), профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, 421001, Россия, республика Республика Татарстан, г. Казань, ул. Чистопольская, 73, кв. 123, juliasamovich@gmail.com

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, Российский государственный университет правосудия, Крымский филиал, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, 295000, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5, chernyadnatalya@yandex.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Шинкарецкая Галина Георгиевна - доктор юридических наук, g.shinkaretskaya@yandex.ru

Editorial collegium

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law, Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Inshakova Agnes Olegovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and International Private Law (Basic Department of the UNC RAS), Volgograd State University, 400062. Volgograd, Universitetskiy Prospekt, 100, ainshakova@list.ru

Demichev Alexey Andreevich – Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of Civil Law and Procedure, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe Highway, box 268, aadem@bk.ru

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law. 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133.

Alimov Kadyr Zahidovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek, Editor-in-Chief of the journal "Uzbek Journal of International Law", Vice-President of the Association of International Lawyers of Uzbekistan (Uzbekistan, 700174, Tashkent, University town)

Alexander Beloglavek — Professor of the Faculty of Law of Prague University /Czech Republic/, arbitrator of the International Arbitration Court of the International Chamber of Commerce /Paris/, President of the World Bar Association / Washington/ (Jana Zajice 32, CZ-17000 Praha-7, Czech Republic)

Babin Boris Vladimirovich — Doctor of Law, Associate Professor, Executive Secretary of the Ukrainian Independent Maritime Trade Union (Ukraine, 65029, Odessa, Didrikhson str., 13)

Balmont Louis — Doctor of Law, Professor at the University of Nice-Sofia Antipolis (France, avenue Doyen Louis Trotabas, 06050 Nice, France)

Ksenia Mikhailovna Belikova — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Peoples' Friendship University of Russia (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198)

Buromensky Mikhail Vsevolodovich — Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Legal Sciences of Ukraine, Professor of the Department of International Law of the National Law University. Yaroslav the Wise (Ukraine, 61024, Kharkiv, Pushkinskaya str., 77).

Denis Vasiliyevich Danilenko — Doctor of Law, University of Aix-Marseille /Aix-Marseille Universite, France/, Editor-in-chief of the journal "International Law and International Organizations" and the journal "Law and Politics", Executive Director of the Academic Publishing Group NOTA BENE - NB-Media LLC (115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, building 6A, office 211)

Denisov Vladimir Naumovich — Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Legal Sciences of Ukraine, Honored Worker of Science and Technology of Ukraine, Head of the Department of International Law and Comparative Jurisprudence of the V.M. Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine, 01601, Kiev, Trehsvyatytelska str., 4)

Natalia Yurievna Erpyleva — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Public and Private Law of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics" (17 Malaya Ordynka Street, Moscow, 119017)

Ruben Amayakovich Kalamkarian — Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (10 Znamenka str., Moscow, 119019)

Camilleri Enrico — Professor of the Faculty of Law of the University of Palermo /Italy/ (Italia, Universita' degli Studi di Palermo, Via Maqueda, 172)

Anatoly Yakovlevich Kapustin — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, First Deputy Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, President of the Association of International Law (34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow, 117218)

Keshner Maria Vladimirovna — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International and European Law of Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18)

Kovler Anatoly Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Judicial Power of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics", Judge of the European Court of Human Rights from the Russian Federation /1999-2012/ (119991, Moscow, Leninskie gory, d. 1, p. 13 /4th academic building/)

Kostenko Nikolay Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Laureate of the F.F. Martens Prize of the Russian Academy of Sciences (prof_48kost@mail.ru)

Rashad Afatovich Kurbanov — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Head of the Secretariat of the Delegation of the Russian Federation to the European Commission for Democracy through Law /Venice Commission/ (10 Znamenka str., Moscow, 119019)

Kurdyukov Gennady Irinarchovich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International and European Law of Kazan (Volga Region) Federal University, Honored Scientist of the Republic of Tatarstan (420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18)

Lyubimov Alexey Pavlovich - Doctor of Law, Russian Academy of Sciences, Deputy Chief Scientific Secretary of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, 32A Leninsky

Prospekt, Moscow, 119991, Russia, lyubimov_science@mail.ru

Sazonova Kira Lvovna — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84 Vernadsky Avenue, Moscow, 119606)

Saul Ben — Doctor of Law, Professor, Director of the Sydney Center for International and Global Law (Room 635, Sydney Law School, Australia)

Stiblar Franjo — Professor at the Faculty of Law of the University of Ljubljana /Slovenia/, Professor at the University of Bologna /Italy/ (Emonska 10, 1000 Ljubljana, Slovenia)

Stone Peter Alan — Professor at the Faculty of Law of the University of Essex /UK/ (stonp@essex.ac.uk)

Tolstopyatenko Gennady Petrovich — Doctor of Law, Professor, Dean of the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) The Ministry of Foreign Affairs of Russia (76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454)

Shugurov Mark Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Saratov State Law Academy (410056 Saratov, Volskaya str., 1)

Zhenis Mukhtarovich Kembayev — Doctor of Law, KIMEP University, Faculty of Law, Professor, Abaya Avenue 2, Almaty 050010, Kazakhstan, kembayev@kimep.kz

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Kobzar-Frolova Margarita Nikolaevna - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (IGP RAS) (12.00.14, 12.00.04, 12.00.10). 119019 Moscow, Znamenka str., 10, margokfmn@yandex.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Bezborodov Yuri Sergeevich - Doctor of Law, Ural Federal University. The First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Professor, V.F. Yakovlev Ural State Law University, Professor, 21 Chapaev str., 21, yuri, 620142, Russia, Yekaterinburg. bezborodov@gmail.com

Bezverkhov Artur Gennadievich - Doctor of Law, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Law Institute, Director of the Institute; Department of Theory and History of State and Law and International Law, Head of the Department; Department of

Criminal Law and Criminology, Professor, 443011, Russia, Samara Region, Samara region, akademika Pavlova str., 1 G, room 209, bezverkhov-artur@yandex.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khatyrina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Yulia Vladimirovna Samovich - Doctor of Law, Kazan Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice" (Kazan), Professor of the Department of State and Legal Disciplines, 421001, Russia, Republic of the Republic of Tatarstan, Kazan, 73 Chistopolskaya str., 123 sq., juliasamovich@gmail.com

Chernyadyeva Natalia Alekseevna - Doctor of Law, Russian State University of Justice, Crimean Branch, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, 295000, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5, chernyadnatalya@yandex.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 125299, Russia, room 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Shinkaretskaya Galina Georgievna - Doctor of Law, g.shinkaretskaya@yandex.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

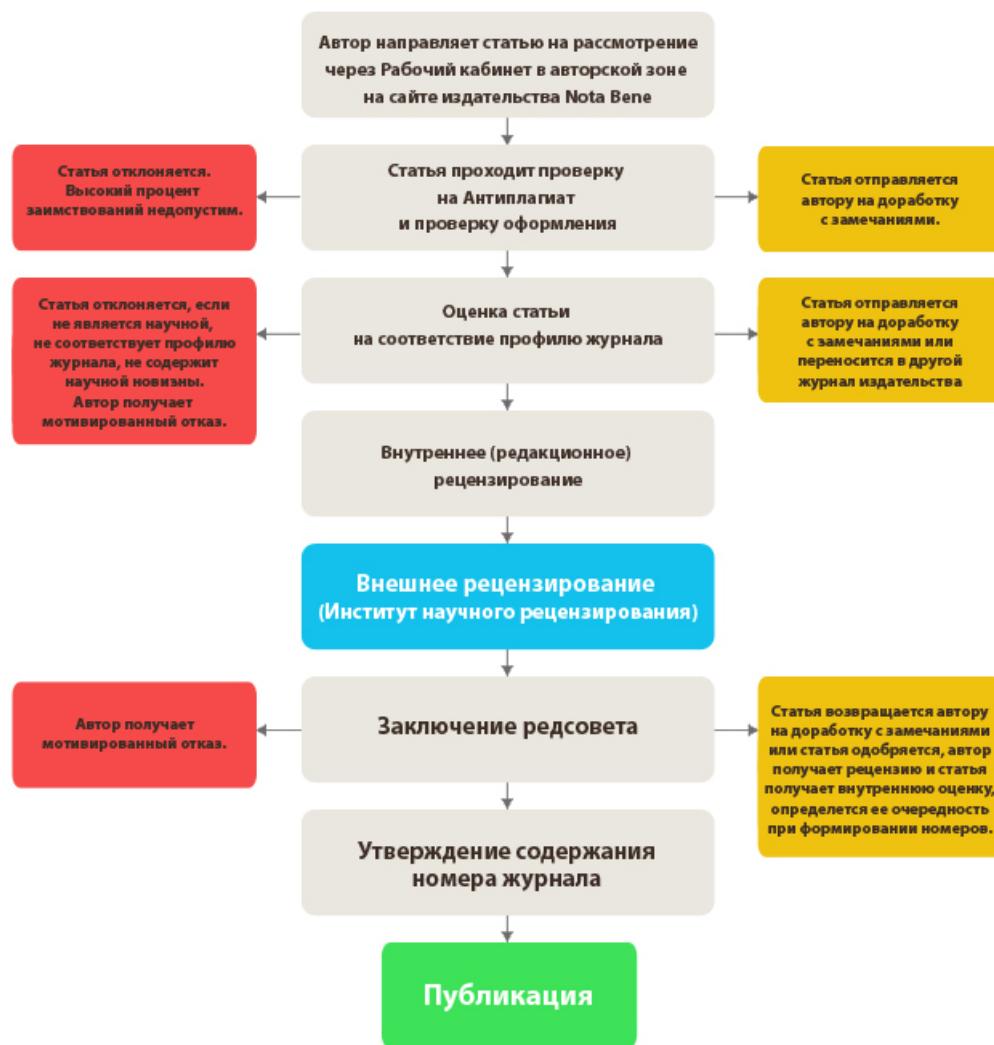
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Максимов А.А., Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г. Возможен ли общественный контроль за пределами территориальных границ государства: к постановке проблемы	1
Балычевский Д.Н. Ограничительная и расширительная интерпретация Договора по космосу 1967 года в контексте использования космических ресурсов	13
Белкин Д.С. Правовой режим морских пространств и их природных ресурсов в контексте международного строительного контрактного права	32
Давыдов Д.В. Экстерриториальность <i>in corpore</i> : пространственные пределы действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных	49
Кулов С.С. Forum internum и forum externum в праве на свободу мысли, совести и религии: международно-правовые аспекты и сравнительный анализ	63
Татаринцев К.Ю. Соглашение о партнерстве в области предоставления убежища между Соединенным Королевством и Республикой Руанда: международно-правовая оценка	82
Багандова Л.З. История регламентации запрета на пропаганду агрессивной войны в международном праве	100
Решетникова В.Д. Международно-правовые аспекты местной интеграции беженцев	113
Шугуров М.В., Шугурова И.В. Рамочная программа БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций: политico-правовое измерение	127
Кабанова О.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в условиях трансформации международного правопорядка	157
Сечин Д.С. Теоретическое осмысление принципа суверенного равенства	176
Белкин Д.С. Международное частное право и международное строительное контрактное право: применимое право и юрисдикция	191
Англоязычные метаданные	208

Contents

Maksimov A.A., Goncharov V.V., Malinovskii O.N., Petrenko E.G. Is public control possible outside the territorial borders of the state: towards the formulation of the problem	1
Balichevsky D. Restrictive and expansive interpretation of the 1967 Outer Space Treaty in the context of the use of space resources	13
Belkin D.S. Legal Regime of Maritime Spaces and Their Natural Resources in the Context of International Construction Contract Law	32
Davydov D.V. Exterritoriality in corpore: spatial limits of national law, jurisdiction, and the phenomena based on them	49
Kulov S.S. Forum internum and forum externum in the law of freedom of thought, conscience, and religion: international legal aspects and comparative analysis.	63
Tatarintsev K.Y. The Asylum Seekers Agreement between the United Kingdom and the Republic of Rwanda: international legal assessment	82
Bagandova L.Z. On the issue of the history of the regulation of the prohibition of the propaganda of aggressive war in international law.	100
Reshetnikova V.D. International Legal Aspects of Local Integration of Refugees	113
Shugurov M.V., Shugurova I.V. BRICS Framework Programme for Science, Technology and Innovation: Political and Legal Dimension	127
Kabanova O.V. The state sovereignty of the Russian Federation in the context of the transformation of the international legal order	157
Sechin D.S. Theoretical understanding of the principle of sovereign equality.	176
Belkin D.S. Private international law and international construction contract law: applicable law and jurisdiction	191
Metadata in english	208

Международное право*Правильная ссылка на статью:*

Максимов А.А., Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г. Возможен ли общественный контроль за пределами территориальных границ государства: к постановке проблемы // Международное право. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.71892 EDN: MQLJCG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71892

Возможен ли общественный контроль за пределами территориальных границ государства: к постановке проблемы

Максимов Александр Алексеевич

ORCID: 0000-0003-0853-1669

преподаватель; Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
677000, Россия, республика Якутия, г. Якутск, ул. Белинского, 58

✉ niipgergo2009@mail.ru

Гончаров Виталий Викторович

кандидат юридических наук

доцент; кафедра гражданского процесса и международного права; Кубанский государственный
университет

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

✉ niipgergo2009@mail.ru

Малиновский Олег Николаевич

ORCID: 0000-0001-6541-9046

кандидат юридических наук

заведующий кафедрой; кафедра гражданского процесса и международного права; Кубанский
государственный университет

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

✉ niipgergo2009@mail.ru

Петренко Елена Геннадьевна

кандидат юридических наук

доцент, кафедра государственного и международного права, Кубанский государственный аграрный
университет имени И. Т. Трубилина

350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13

✉ niipgergo2009@mail.ru

[Статья из рубрики "Международное право и внутригосударственное право"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.3.71892

EDN:

MQLJCG

Дата направления статьи в редакцию:

05-10-2024

Дата публикации:

29-11-2024

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу вопросов возможности и необходимости организации и осуществления общественного контроля за пределами территориальных границ государства. Авторы отмечают, что институт общественного контроля является важнейшей юридической гарантией охраны, реализации и защиты как системы конституционных принципов, так и всей системы прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации, а также многочисленных негосударственных некоммерческих организаций. В этой связи, особый интерес представляют вопросы определения пространственных границ функционирования данного института гражданского общества. В контексте международного права территории планеты условно представлена государственной территорией стран мира, территориями со смешанным режимом, а также территориями с международным режимом (особое место в данной группе территорий занимает материк Антарктика). Авторы анализируют возможности и пределы функционирования общественного контроля в рамках каждой группы указанных территорий. В статье использован ряд методов научного познания, в том числе: формально-логический; сравнительно-правовой; историко-правовой; статистический; социологический; метод анализа конкретных правовых ситуаций. В работе проводится анализ современных проблем, препятствующих оптимальному функционированию института общественного контроля за пределами территориальных границ государства (на примере России), важнейшими из которых выступают: отсутствие закрепления в законодательстве об общественном контроле понятия и содержания территориальных пределов функционирования данного института гражданского общества; отсутствие в международном законодательстве прямого закрепления института контроля гражданского общества народов Объединенных Наций за международными правительственными и неправительственными организациями; слабое развитие института международных ассоциаций и союзов субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества); игнорирование рядом стран (в том числе – США) необходимости подписания и (или) ратификации важнейших конвенций ООН, затрагивающих вопросы территорий со смешанным и международным режимом (например, Конвенции ООН по морскому праву от 16.11.1994); слабая разработка в научной доктрине международного права форм, методов, принципов, оснований и пределов функционирования общественного контроля (контроля гражданского общества) за пределами территориальных границ государства. Авторами разработана и обоснована система мероприятий по разрешению указанных проблем.

Ключевые слова:

общественный контроль, народовластие, пределы, территориальные границы,

государство, Российская Федерация, проблемы, оптимизация, международное право, суверенитет

Введение.

Вопросы определения территориальных границ государства детально исследуются в работах М. А. Григорчук, [7, с. 64-67] Р. А. Евтехова, [8, с. 109-120] Д. Н. Козака, [10, с. 328-332] А. А. Никлауса, [12, с. 12-19] В. В. Романовой, [15, с. 13-19] А. В. Савоськина, [16, с. 111-118] а также ряда иных авторов. При этом, в произведениях Е. В. Бердниковой, [2, с. 6-9] В. В. Гочарова, [3, с. 94-99; 4, с. 80-91] С. М. Максимовой, [5, с. 76-79] А. А. Борисовой, [6, с. 78-91] Т. Д. Завьяловой, [9, с. 111-121] О. В. Неженец, [11, с. 230-235] В. М. Пальченковой, [13, с. 51-56] Е. Д. Кулешовой, [14, с. 86-89] большое внимание уделено вопросам международного и межгосударственного сотрудничества субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества) при организации и проведении его мероприятий (в том числе, за пределами территориальных границ государства, являющихся местом юрисдикции национальных субъектов общественного контроля и иных субъектов гражданского общества. В тоже время, в научной и учебной литературе остаются слабо исследованными вопросы возможности, допустимости и необходимости организации и осуществления общественного контроля за пределами территориальных границ государства. Этим обстоятельством и обусловлен выбор темы настоящего исследования, целью которого выступает, с одной стороны, введение в научный и учебный дискурс проблематики возможности, допустимости и необходимости организации и осуществления общественного контроля за пределами территориальных границ государства, а с другой стороны, формализация и исследование всей совокупности проблем, препятствующих организации и проведению мероприятий общественного контроля за пределами территориальных границ государства (с разработкой и обоснованием системы мероприятий по разрешению указанных проблем). В качестве основных научных задач исследования можно выделить, в частности: а) обоснование роли и значимости института общественного контроля в качестве ключевой юридической гарантии реализации, охраны и защиты как системы конституционных принципов (прежде всего – народовластия и участия граждан страны в управлении делами государства), так и всей системы прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц; б) формализация и анализ понятия пространственных границ функционирования института общественного контроля; в) анализ основных видов территорий в международном праве в контексте их принадлежности какому-либо государству и возможности осуществления им в отношении указанных территорий своего верховенства; г) формализация и исследование основных проблем, которые препятствуют организации и функционированию контроля гражданского общества за пределами территориальных границ государства; д) разработка и обоснование системы мероприятий по разрешению указанных проблем.

Методы и методология исследования.

В статье использован ряд методов научного познания, в том числе: формально-логический; сравнительно-правовой; историко-правовой; статистический; социологический; метод анализа конкретных правовых ситуаций.

Эмпирическую основу настоящего исследования составляют, с одной стороны, Устав ООН, нормы международного права, например, Конвенции ООН о континентальном шельфе от 10.06.1964, Конвенции ООН по морскому праву от 16.11.1994 и т.д.,

посвященные вопросам классификации территорий в международном праве, определению пределов территориальных границ государства, а также определению границ территорий со смешанным режимом, территорий с международным режимом, с другой стороны, нормы международного и национального законодательства, составляющие правовую основу общественного контроля (контроля гражданского общества народов Объединенных Наций) за национальной и международной бюрократией. Кроме того, эмпирическую основу исследования составляют документы, информация и материалы национальных субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества), международных ассоциаций и союзов субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества), материалы научной доктрины гражданского общества и общественного контроля.

Основная часть.

Существование и развитие любого современного демократического государства во многом определяется, с одной стороны, уровнем демократизации его конституции и действующего законодательства, а с другой стороны, уровнем поддержки населением аппарата публичной власти. Краеугольным камнем международного и национального законодательства выступает человек, его права и свободы, реализации, охране и защите которых и посвящена в конечном итоге деятельность национальной и международной бюрократии (как органов публичной власти, так и международных правительственные и неправительственные организаций).

Однако, правовые принципы, закрепленные в международном и национальном законодательстве, а также вся система прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, нуждаются в системе юридических гарантий, посредством которых обеспечивается их реализация, охрана и защита.

Важнейшее место в системе указанных юридических гарантий занимает институт общественного контроля. В понятийном аппарате большинства иностранных государств (особенно стран ядра мировой капиталистической системы – США и государств-членов Европейского Союза) данный институт гражданского общества фигурирует под названием «прозрачность и участие» (когда под прозрачностью понимается транспарентность процессов формирования и функционирования органов публичной власти, а также международных правительственные и неправительственные организаций, а под участием понимается свободный доступ граждан к контролю за данными органами и организациями, к любой информации, связанной с их деятельностью).

Одной из крупных проблем, связанных с организацией и функционированием института общественного контроля, выступает вопрос определения пространственных границ функционирования данного института гражданского общества.

Мы считаем, что под пространственными границами функционирования института общественного контроля следует понимать территории, в рамках которых субъекты общественного контроля имеют право, закрепленное национальным или международным законодательством, на организацию и осуществление мероприятий в рамках функционирования данного института гражданского общества.

Тут же возникает вопрос: ограничивается ли пространство, в рамках которого можно осуществлять мероприятия общественного контроля, территорией самого государства.

Естественно, что в определенных случаях государственный суверенитет распространяется не только на территорию самого государства.

Например, страны могут арендовать отдельные территории других государств, как для конкретных целей (в частности, строительства и эксплуатации военных баз), так и без выделения оных.

В ряде случаев, например, имеет место оккупация всей или части территории одного государства другим государством (его вооруженными силами).

Очевидно, что в данных случаях возможности организации и проведения общественного контроля национальными субъектами общественного контроля стран, чьи территории арендованы или оккупированы, исключаются (например, в Японии несанкционированное проникновение на территорию американских военных баз представителей субъектов гражданского общества Японии рассматривается американской юстицией в качестве тяжкого преступления и виновные лица привлекаются к уголовной ответственности на основании законодательства США, а власти Японии могут лишь ходатайствовать о передаче им осужденных граждан Японии для отбывания уголовного наказания в японских учреждениях исполнения наказания, либо о помиловании данных граждан).

В соответствии с нормами международного консульского права, а также рядом иных отраслей международного права, к государственной территории приравнивается территории посольств, консульств, иных дипломатических учреждений, территории воздушных и морских судов, находящихся на территории иностранных государств и т.п.

Кроме того, общественный контроль различается в рамках государственных территорий, территорий со смешанным режимом и территорий с международным режимом.

В рамках первой категории территорий общественный контроль (контроль субъектов гражданского общества) с национальной юрисдикцией осуществляется в полном размере. При этом, под территорией государства следует понимать часть планеты Земля (сушу, недра, воды внутри территории и воды в радиусе до 12 морских миль от берега, а также воздух), которая находится под суверенитетом определённого государства и в пределах которой его институты осуществляют государственную власть. К данной территории приравниваются и выше рассмотренные территории (арендованные и оккупированные территории, территории посольских, консульских и дипломатических учреждений и т.д.).

На территориях со смешанным режимом (если проанализировать нормы международного права, например, Конвенцию ООН о континентальном шельфе от 10.06.1964, Конвенцию ООН по морскому праву от 16.11.1994 и т.д.) субъекты общественного контроля (субъекты гражданского общества) с национальной юрисдикцией имеют право, в частности, осуществления общественного экологического контроля, так как государства, сопредельные с территорией со смешанным режимом, обладают суверенитетом в части разведки и разработки ресурсов, а также осуществления мероприятий по охране природной среды.

На территориях со смешанным режимом в отношении иных объектов общественного контроля могут быть задействованы, на наш взгляд, международные ассоциации и союзы субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества), в которых участвуют субъекты общественного контроля (субъекты гражданского общества) с национальной юрисдикцией стран, сопредельных с территорией со смешанным режимом.

На территориях с международным режимом (в частности, открытого моря, воздушного пространства над открытым морем, глубоководного морского дна за пределами континентального шельфа и т.д.), на наш взгляд, мероприятия общественного контроля

(контроля институтов гражданского общества народов Объединенных Наций) должны осуществляться международными ассоциациями и союзами субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества).

Однако, организация и осуществление мероприятий общественного контроля за пределами территориальных границ государства сопряжены с многочисленными проблемами, в числе которых можно выделить следующие:

Во-первых, крупной проблемой выступает то обстоятельство, что международное законодательство не закрепляет напрямую институт контроля гражданского общества народов Объединенных Наций за международной и национальной бюрократией, что осложняет возможность организации мероприятий данного контроля на территориях со смешанным и международным режимом. Решение проблемы видится в дополнении международного законодательства соответствующими нормами.

Во-вторых, существенной проблемой является то обстоятельство, что национальное законодательство большинства стран (включая Россию) не детализирует вопросы контроля гражданского общества за пределами территориальных границ государства. Решение проблем подобного рода видится в закреплении в национальном законодательстве об общественном контроле понятия и содержания территориальных пределов функционирования данного института гражданского общества. Применительно к России данная проблема отягощена и тем, что Конституция страны игнорирует необходимость включения в ее состав понятий гражданского общества и общественного контроля (решение данной проблемы требует внесения в Конституцию Российской Федерации системы соответствующих поправок, тем более, что опыт их инкорпорирования был успешно опробован несколькими годами ранее).

В-третьих, значительной проблемой выступает отсутствие широко развитой сети международных ассоциаций и союзов субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества), которых можно было бы эффективно использовать при проведении данных контрольных мероприятий на территориях со смешанным и международным режимами. Решение указанной проблемы, на наш взгляд, видится в инициировании Общественной палатой Российской Федерации создания Международной ассоциации субъектов общественного контроля со штаб-квартирой в городе Москве.

В-четвертых, существенной проблемой на сегодняшний день выступает то обстоятельство, что ряд стран мира уклонились от подписания и ратификации соглашений, конвенций, посвященных вопросам регулирования территорий со смешанным и международным режимом (включая США). Решение проблемы видится в том, чтобы проводить разъяснительную работу с данными государствами, воздействуя на их национальные бюрократии через систему институтов гражданского общества, которое будет их побуждать к подписанию и ратификации данных международных документов.

В-пятых, крупная проблема состоит и в том, что в научной доктрине гражданского общества и общественного контроля слабо разработаны формы, виды, методы, принципы указанных контрольных мероприятий в отношении объектов, находящихся за пределами территориальных границ национальных государств. Решение данной проблемы видится, например, в поручении Общественной палаты страны организовать научно-теоретические работы в данной сфере в содружестве с международными и иностранными субъектами общественного контроля (субъектами гражданского общества), используя современные цифровые технологии. [\[1, с. 3454-3463\]](#)

Заключение.

В ходе проведенного научного исследования нами был сделан ряд выводов, в числе которых можно выделить следующие:

1. Институт общественного контроля выступает в качестве важнейшей юридической гарантии реализации, охраны и защиты как системы конституционных принципов, так и всей системы конституционных прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, так как благодаря ему граждане страны и их негосударственные некоммерческие объединения получают возможность осуществлять контроль деятельности, актов и решений не только органов публичной власти, но и любых иных органов и организаций, уполномоченных законодательством на осуществление отдельных публичных полномочий.
2. Под пространственными границами функционирования института общественного контроля следует понимать территории, в рамках которых субъекты общественного контроля имеют право, закрепленное национальным или международным законодательством, на организацию и осуществление мероприятий в рамках функционирования данного института гражданского общества.
3. В контексте территориального аспекта общественный контроль различается по основаниям, пределам, субъектам и объектам осуществления в рамках государственных территорий (в отношении которых та или иная страна обладает верховенством и которой они принадлежат), территорий со смешанным режимом (в рамках которых общественный контроль может осуществляться преимущественно субъектами общественного контроля (субъектами гражданского общества) с национальной юрисдикцией), территорий с международным режимом (в рамках которых мероприятия контроля гражданского общества народов Объединенных Наций должны осуществляться международными ассоциациями и союзами субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества), представителей в которые назначают национальные субъекты общественного контроля (субъекты гражданского общества).
4. В качестве основных проблем, которые препятствуют организации и функционированию контроля гражданского общества за пределами территориальных границ государства можно выделить, в частности: а) отсутствие закрепления в законодательстве об общественном контроле понятия и содержания территориальных пределов функционирования данного института гражданского общества; б) отсутствие в международном законодательстве прямого закрепления института контроля гражданского общества народов Объединенных Наций за международными правительственные и неправительственные организациями; в) слабое развитие института международных ассоциаций и союзов субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества); г) игнорирование рядом стран (в том числе – США) необходимости подписания и (или) ратификации важнейших конвенций ООН, затрагивающих вопросы территорий со смешанным и международным режимом (например, Конвенции ООН по морскому праву от 16.11.1994); д) слабая разработка в научной доктрине международного права форм, методов, принципов, оснований и пределов функционирования общественного контроля (контроля гражданского общества) за пределами территориальных границ государства.
5. Разрешение указанных проблем потребует разработки и реализации системы мероприятий, в числе которых можно выделить следующие: а) закрепления в Конституции Российской Федерации понятия гражданского общества и института общественного контроля, с конкретизацией его принципов, форм, методов, видов

мероприятий, круга объектов и субъектов (либо исчерпывающего перечня квалифицирующих их признаков), механизма взаимодействия с органами публичной власти и международными правительственные и неправительственные организациями; б) закрепления в законодательстве об общественном контроле (в частности, в Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» понятия и содержания территориальных пределов функционирования данного института гражданского общества; в) инкорпорирования в международное законодательство системы норм, регламентирующих основания, возможность и пределы осуществления общественного контроля (контроля гражданского общества народов Объединенных Наций) за пределами территориальных границ национальных государств; г) закрепление в международном праве круга субъектов, которые уполномочены осуществлять указанный контроль за пределами территориальных границ национальных государств (например, международных ассоциаций и союзов субъектов общественного контроля (субъектов контроля гражданского общества народов Объединенных Наций); д) стимулирование государств, уклонившихся от подписания и ратификации международных конвенций и соглашений, затрагивающих вопросы территорий со смешанным и международным режимом (например, Конвенции ООН по морскому праву от 16.11.1994), к подписанию и ратификации данных международных документов (в целях создания единого международного правового поля, которое позволит обеспечить функционирование института общественного контроля (контроля гражданского общества) за пределами территориальных границ национальных государств); е) поручение Общественной палате Российской Федерации организовать совместно с иностранными и международными субъектами общественного контроля (субъектами гражданского общества) научно-практические исследования в области форм, методов, принципов, оснований и пределов функционирования общественного контроля (контроля гражданского общества) за пределами территориальных границ государства (с последующим их внедрение в нормы международного и национального законодательства).

Библиография

1. Achmad H., Djais A. I., Petrenko E. G., Markov A. A., Vikhareva L. V., Putra A. P. 3-D printing as a tool for applying biotechnologies in modern medicine // International Journal of Pharmaceutical Research. 2020. Т. 12. № 4. С. 3454-3463.
2. Бердникова Е. В. Международные правовые стандарты в сфере общественного контроля // Международное публичное и частное право. 2018. № 4. С. 6-9.
3. Гончаров В. В. Общественный контроль за филиалами и представительствами международных неправительственных организаций на территории России // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 7 (120). С. 94-99. URL: <https://doi.org/10.24158/rep.2023.7.11>.
4. Гончаров В. В. Международное сотрудничество субъектов общественного контроля: к постановке проблемы // Международное право и международные организации. 2023. № 4. С. 80-91. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2023.4.69430>.
5. Гончаров В. В., Максимова С. М., Петренко Е. Г., Поярков С. Ю. О проблемах и перспективах развития информационного обеспечения общественного контроля в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1 (217). С. 76-79. URL: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_1_76.
6. Гончаров В. В., Петренко Е. Г., Борисова А. А., Толмачёва Л. В., Дмитриева И. А. Система социального доверия (социального рейтинга) в КНР: проблемы и перспективы внедрения в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 78-91. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2023.3.39983>.

7. Григорчук М. А. К вопросу о самоопределении народов и территориальной целостности государства // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 92-7. С. 64-67. URL: <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2022-323>.
8. Евтехов Р.А. Трансграничные пространства в системе восприятия угроз национальной безопасности России // Национальная безопасность / nota bene. 2022. № 6. С.109-120. DOI: 10.7256/2454-0668.2022.6.39056 EDN: SFSGCH URL: https://e-notabene.ru/nbmag/article_39056.html
9. Завьялова Т. Д., Кириллов Р. А., Кириллова О. Ю. Общественный контроль в системе государственных закупок: международный опыт и российская практика // Вестник МИРБИС. 2020. № 2 (22). С. 111-121. URL: <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2020.2.13>.
10. Козак Д. Н. Правовое регулирование границ территории континентального шельфа государства // Вестник науки. 2023. Т. 1. № 11 (68). С. 328-332. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54781444_66863534.pdf.
11. Неженец О. В., Петренко Е. Г. ООН как посредник в урегулировании международных конфликтов // Эпомен. 2020. № 35. С. 230-235.
12. Никлаус А. А. К вопросу о роли суверенитета в процессе территориальной оптимизации государства // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2021. № 5 (88). С. 12-19. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48163204_69515359.pdf.
13. Пальченкова В. М. Организация общественного контроля на международном уровне: историко-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4 (10). С. 51-56. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18272723_73940102.pdf.
14. Петренко Е. Г., Кулешова Е. Д. Проблемы защиты жертв военного конфликта на Востоке Украины // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 33. № 1. С. 86-89.
15. Романова В. В., Моисеева В. Ю. Особенности перемещения дипломатическими представителями оружия через таможенные границы на примере США и России // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2024. № 1 (56). С. 13-19. URL: <https://doi.org/10.18323/2220-7457-2024-1-13-19>.
16. Савоськин А. В., Галицков В. А. Правовая регламентация изменения территории Российской Федерации как фактор национальной безопасности // Вопросы безопасности. 2022. № 4. С. 111-118. URL: <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2022.4.38952>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема возможности общественного контроля за пределами территориальных границ государства. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования раскрыта: "В статье использован ряд методов научного познания, в том числе: формально-логический; сравнительно-правовой; историко-правовой; статистический; социологический; метод анализа конкретных правовых ситуаций".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Вопросы определения территориальных границ государства детально исследуются в работах М. А. Григорчук, [7, с. 64-67] Р. А. Евтехова, [8, с. 109-

120] Д. Н. Козака, [10, с. 328-332] А. А. Никлауса, [12, с. 12-19] В. В. Романовой, [15, с. 13-19] А. В. Савосыкина, [16, с. 111-118] а также ряда иных авторов. При этом, в произведениях Е. В. Бердниковой, [2, с. 6-9] В. В. Гочарова, [3, с. 94-99; 4, с. 80-91] С. М. Максимовой, [5, с. 76-79] А. А. Борисовой, [6, с. 78-91] Т. Д. Завьяловой, [9, с. 111-121] О. В. Неженец, [11, с. 230-235] В. М. Пальченковой, [13, с. 51-56] Е. Д. Кулешовой, [14, с. 86-89] большое внимание уделено вопросам международного и межгосударственного сотрудничества субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества) при организации и проведении его мероприятий (в том числе, за пределами территориальных границ государств, являющихся местом юрисдикции национальных субъектов общественного контроля и иных субъектов гражданского общества. В тоже время, в научной и учебной литературе остаются слабо исследованными вопросы возможности, допустимости и необходимости организации и осуществления общественного контроля за пределами территориальных границ государства".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Важнейшее место в системе указанных юридических гарантий занимает институт общественного контроля. В понятийном аппарате большинства иностранных государств (особенно стран ядра мировой капиталистической системы – США и государств-членов Европейского Союза) данный институт гражданского общества фигурирует под названием «прозрачность и участие» (когда под прозрачностью понимается транспарентность процессов формирования и функционирования органов публичной власти, а также международных правительственные и неправительственные организаций, а под участием понимается свободный доступ граждан к контролю за данными органами и организациями, к любой информации, связанной с их деятельностью)"; "... под пространственными границами функционирования института общественного контроля следует понимать территории, в рамках которых субъекты общественного контроля имеют право, закрепленное национальным или международным законодательством, на организацию и осуществление мероприятий в рамках функционирования данного института гражданского общества"; "Кроме того, общественный контроль различается в рамках государственных территорий, территорий со смешанным режимом и территорий с международным режимом. В рамках первой категории территорий общественный контроль (контроль субъектов гражданского общества) с национальной юрисдикцией осуществляется в полном размере. При этом, под территорией государства следует понимать часть планеты Земля (сушу, недра, воды внутри территории и воды в радиусе до 12 морских миль от берега, а также воздух), которая находится под суверенитетом определённого государства и в пределах которой его институты осуществляют государственную власть. К данной территории приравниваются и выше рассмотренные территории (арендуемые и оккупированные территории, территории посольских, консульских и дипломатических учреждений и т.д.). На территориях со смешанным режимом (если проанализировать нормы международного права, например, Конвенцию ООН о континентальном шельфе от 10.06.1964, Конвенцию ООН по морскому праву от 16.11.1994 и т.д.) субъекты общественного контроля (субъекты гражданского общества) с национальной юрисдикцией имеют право, в частности, осуществления общественного экологического контроля, так как государства, сопредельные с территорией со смешанным режимом, обладают суверенитетом в части разведки и разработки ресурсов, а также осуществления мероприятий по охране природной среды. На территориях со смешанным режимом в отношении иных объектов общественного контроля могут быть задействованы, на наш взгляд, международные ассоциации и союзы субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества), в которых участвуют субъекты общественного контроля (субъекты гражданского общества) с национальной

юрисдикцией стран, сопредельных с территорией со смешанным режимом" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, определяет его цель и задачи, раскрывает методологию исследования. В основной части работы автор исследует проблемы, препятствующие организации и проведению мероприятий общественного контроля за пределами территориальных границ государства, а также разрабатывает меры по разрешению указанных проблем. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "При этом, в произведениях Е. В. Бердниковой, [2, с. 6-9] В. В. Гочарова, [3, с. 94-99; 4, с. 80-91] С. М. Максимовой, [5, с. 76-79] А. А. Борисовой, [6, с. 78-91] Т. Д. Завьяловой, [9, с. 111-121] О. В. Неженец, [11, с. 230-235] В. М. Пальченковой, [13, с. 51-56] Е. Д. Кулешовой, [14, с. 86-89] большое внимание уделено вопросам международного и межгосударственного сотрудничества субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества) при организации и проведении его мероприятий (в том числе, за пределами территориальных границ государств, являющихся местом юрисдикции национальных субъектов общественного контроля и иных субъектов гражданского общества" - "При этом в произведениях Е. В. Бердниковой, [2, с. 6-9] В. В. Гочарова, [3, с. 94-99; 4, с. 80-91] С. М. Максимовой, [5, с. 76-79] А. А. Борисовой, [6, с. 78-91] Т. Д. Завьяловой, [9, с. 111-121] О. В. Неженец, [11, с. 230-235] В. М. Пальченковой, [13, с. 51-56] Е. Д. Кулешовой [14, с. 86-89] большое внимание уделено вопросам международного и межгосударственного сотрудничества субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества) при организации и проведении его мероприятий (в том числе за пределами территориальных границ государств, являющихся местом юрисдикции национальных субъектов общественного контроля и иных субъектов гражданского общества) - необходимо обратить внимание на лишние запятые и отсутствующую скобку.

Ученый отмечает: "В тоже время, в научной и учебной литературе остаются слабо исследованными вопросы возможности, допустимости и необходимости организации и осуществления общественного контроля за пределами территориальных границ государства" - первая запятая является лишней.

Автор указывает: "В соответствии с нормами международного консульского права, а также рядом иных отраслей международного права, к государственной территории приравнивается территории посольств, консульств, иных дипломатических учреждений, территории воздушных и морских судов, находящихся на территории иностранных государств и т.п." - "В соответствии с нормами международного консульского права, а также рядом иных отраслей международного права к государственной территории приравниваются территории посольств, консульств, иных дипломатических учреждений, территории воздушных и морских судов, находящихся на территории иностранных государств и т.п.".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, пунктуационные и стилистические ошибки.

Библиография исследования представлена 16 источниками (научными статьями, в том числе на английском языке). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Институт общественного контроля выступает в качестве важнейшей юридической гарантии реализации, охраны и защиты как системы конституционных принципов, так и всей системы конституционных прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, так как благодаря ему граждане страны и их негосударственные некоммерческие объединения получают возможность осуществлять контроль деятельности, актов и решений не только органов публичной власти, но и любых иных органов и организаций, уполномоченных законодательством на осуществление отдельных публичных полномочий. 2. Под пространственными границами функционирования института общественного контроля следует понимать территории, в рамках которых субъекты общественного контроля имеют право, закрепленное национальным или международным законодательством, на организацию и осуществление мероприятий в рамках функционирования данного института гражданского общества. 3. В контексте территориального аспекта общественный контроль различается по основаниям, пределам, субъектам и объектам осуществления в рамках государственных территорий (в отношении которых та или иная страна обладает верховенством и которой они принадлежат), территорий со смешанным режимом (в рамках которых общественный контроль может осуществляться преимущественно субъектами общественного контроля (субъектами гражданского общества) с национальной юрисдикцией), территорий с международным режимом (в рамках которых мероприятия контроля гражданского общества народов Объединенных Наций должны осуществляться международными ассоциациями и союзами субъектов общественного контроля (субъектов гражданского общества), представителей в которые назначают национальные субъекты общественного контроля (субъекты гражданского общества)" и др.), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, международного права при условии ее небольшой доработки: устранении нарушений в оформлении работы.

Международное право

Правильная ссылка на статью:

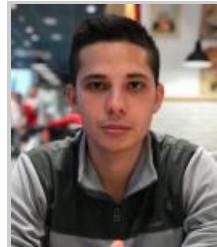
Балычевский Д.Н. Ограничительная и расширительная интерпретация Договора по космосу 1967 года в контексте использования космических ресурсов // Международное право. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.74629 EDN: WABNVN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74629

Ограничительная и расширительная интерпретация Договора по космосу 1967 года в контексте использования космических ресурсов

Балычевский Дмитрий Николаевич

Аспирант кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

119021, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2 стр.1

□ d-balichevskiy1996@mail.ru

[Статья из рубрики "Развитие отдельных отраслей международного публичного права"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.3.74629

EDN:

WABNVN

Дата направления статьи в редакцию:

24-05-2025

Дата публикации:

31-05-2025

Аннотация: Предметом исследования выступают основные теоретико-правовые подходы к интерпретации норм международного космического права в контексте использования космических ресурсов, представленные в современной доктрине международного права. Объектом исследования являются международные правоотношения, возникающие в процессе толкования и применения положений Договора по космосу 1967 г. применительно к вопросам правомерности использования и присвоения космических ресурсов различными субъектами международного права. Исследование направлено на выявление содержания и методологических оснований ограничительного и расширительного подходов к толкованию ст. I и II Договора по космосу, анализ их теоретических предпосылок и оценку влияния доктринальных разработок на

формирование перспективного международно-правового режима космических ресурсов. Особое внимание уделяется анализу позиций ведущих представителей международно-правовой науки по вопросам распространения запрета национального присвоения на частных субъектов и квалификации природных ресурсов небесных тел как составной части последних. Методологической основой исследования послужили общенаучные методы познания, включая системный подход к анализу доктринальных позиций, сравнительно-правовой анализ различных интерпретаций международно-правовых норм, а также методы юридической герменевтики при исследовании способов толкования международных договоров. Научная новизна исследования определяется комплексным анализом доктринальных подходов к проблеме космических ресурсов с позиций методологии толкования международного права. Впервые проведена систематизация теоретико-правовых концепций с выявлением их философско-правовых оснований и практических импликаций. Исследование доказывает, что расхождения в доктрине обусловлены различным пониманием природы международного права:teleologическим и буквальным толкованием международных договоров, приоритетом коллективных и индивидуальных интересов. Установлено, что ограничительный подход исходит из системного анализа международно-правовых норм и концепции общего наследия человечества, в то время как расширительный подход базируется на принципах общего права и доктрине *res nullius*. Делается вывод о необходимости синтеза рациональных элементов обеих концепций для формирования эффективного международно-правового режима космических ресурсов, учитывающего как коллективные интересы международного сообщества, так и потребности развития космических технологий.

Ключевые слова:

космические ресурсы, общее достояние человечества, ограничительное толкование, расширительное толкование, национальное присвоение, частное присвоение, небесные тела, использование космического пространства, общее наследие человечества, юридическая герменевтика

Введение

Международное космическое право представляет собой сравнительно молодую отрасль международного права, формирование которой началось во второй половине XX столетия в связи с развитием космической деятельности государств. Основополагающие международные договоры в данной сфере были приняты на заре космической эры, когда многие современные направления прикладной космической деятельности представлялись отдаленной перспективой. Думается, что именно этим обстоятельством объясняется недостаточность международно-правового регулирования по ряду направлений, включая использование космических ресурсов, что создает значительные пробелы в системе международного космического права [\[1, С. 17\]](#).

Стремительное развитие космических технологий и активная коммерциализация космической деятельности в XXI веке поставили перед мировым сообществом вопрос о правовом регулировании использования космических ресурсов. Особую актуальность данная проблема приобрела в связи с принятием рядом государств национального законодательства, закрепляющего права частных субъектов на добывшие космические ресурсы, что создало потенциальные противоречия с принципами действующего международного космического права, прежде всего с положениями Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического

пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. (далее Договор по космосу) (*URL:* https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (*Дата обращения: 28.05.2025*)).

Представляется, что недостаточность международно-правового регулирования деятельности по использованию космических ресурсов создает объективные предпосылки для различной интерпретации существующих норм международного права. Думается, что в таких условиях особую роль приобретает доктрина международного права, которая не только восполняет пробелы в правовом регулировании, но и формирует теоретические основы для выработки будущего международно-правового режима космических ресурсов. Доктринальные разработки выступают важным средством толкования действующих международно-правовых норм и определения перспектив развития международного космического права в данной сфере.

Различные аспекты правового режима космических ресурсов исследовались в работах как зарубежных, так и отечественных ученых. Среди зарубежных исследователей следует выделить работы Ф. Бергамаско, С. Горова, Ф. Данка, Ф. Де Мана, В. Джэнкса, А. Кокка, Д.С. Майерса, А. Мидзусимы, В. Попа, К. Силбера, Г.Х. Стина, П.М. Штернса, Т Чени, С. Фриланда, М. Хофмана и других. В отечественной доктрине данной проблематикой занимались А.Х. Абашидзе, О.А. Волынская, А.Н. Вылегжанин, Ю.М. Колесов, О.А. Попова, В.Л. Толстых, И.А. Черных, М.Р. Юзбашян и другие исследователи. В процессе исследования автор также обращался к работам по методологии толкования международного права Л.А. Берга.

Вместе с тем следует отметить, что существующие исследования в области правового режима космических ресурсов носят преимущественно фрагментарный характер и сосредоточены на отдельных аспектах данной проблематики. Представляется, что в современной доктрине международного права недостаточно представлены работы, предлагающие системный сравнительный анализ основных теоретико-правовых подходов к интерпретации положений Договора по космосу в контексте использования космических ресурсов с учетом их методологических оснований и практических последствий. Комплексное исследование доктринальных подходов имеет важное значение для понимания современного состояния международно-правового регулирования данной сферы и определения перспектив его дальнейшего развития. Научная новизна исследования заключается в систематизации существующих доктринальных позиций, выявлении методологических оснований различных подходов к толкованию международно-правовых норм и оценке их практических последствий для развития международного космического права.

Целью настоящего исследования является анализ основных теоретико-правовых подходов к интерпретации положений Договора по космосу в свете использования космических ресурсов в доктрине международного права. При этом, автор сосредоточивает внимание исключительно на доктринальных разработках и положениях международных договоров.

Основная часть

1. Общие положения

Основным международным договором в современном международном космическом права является Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967

г. (далее Договор по космосу) (*URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml*, (Дата обращения: 28.05.2025)). Данный международный договор устанавливает фундаментальные принципы космической деятельности, однако применительно к использованию космических ресурсов содержит лишь общие положения, прежде всего закрепленные в ст. I и II принципы использования космического пространства в интересах всего человечества и запрета национального присвоения небесных тел. Представляется, что указанные нормы требуют дополнительного толкования в контексте современных реалий космической деятельности.

Попытка восполнить данный пробел была предпринята с принятием Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. (*URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon.shtml* (Дата обращения: 28.05.2025)), которое прямо распространило режим «общего наследия человечества» на Луну, небесные тела и их природные ресурсы. Вместе с тем, как справедливо отмечается в доктрине, данное соглашение не получило широкой поддержки международного сообщества — к нему присоединились лишь 17 государств, при этом ни одна из ведущих космических держав не является его участником.

Недостаточность международно-правового регулирования в рассматриваемой сфере создала предпосылки для того, чтобы отдельные государства начали урегулировать вопросы использования космических ресурсов на национальном уровне, что представляется вторжением в сферу международного права. Начало данной тенденции было положено принятием в США в 2015 г. Закона «О конкурентоспособности коммерческих космических запусков» (*URL: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262*, дата обращения: 28.05.2025)), который наделил американских граждан и юридических лиц правами собственности на добывшие космические ресурсы. В последующем аналогичные законы были приняты в Люксембурге (2017 г.), ОАЭ (2019 г.) и Японии (2021 г.), что свидетельствует о формировании определенной практики государств в данном направлении.

Особого внимания заслуживают Соглашения Артемиды, подписанные в октябре 2020 г. США и рядом союзных им государств (*URL: https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/index.html* (Дата обращения: 28.05.2025)). Данный документ, формально не являющийся международным договором, представляет собой свод принципов сотрудничества в области исследования Луны и других небесных тел. Примечательно, что в разделе 10 Соглашений содержится положение о том, что коммерческая разработка космических ресурсов не рассматривается как национальное присвоение в смысле ст. II Договора 1967 г. К настоящему времени к Соглашениям присоединились почти 50 государств, что делает их значимым фактором в формировании международной практики.

В условиях обозначенных проблем активизировалась работа международных организаций по выработке подходов к регулированию использования космических ресурсов. В 2017 г. в рамках Юридического подкомитета Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях был включен в повестку дня пункт «Общий обмен мнениями о возможных моделях правового регулирования деятельности по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов» (*https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/corus/lsc/index.html*, (Дата обращения: 28.05.2025)). В 2022 г. была создана специальная рабочая группа по правовым аспектам деятельности по использованию космических ресурсов, которая проводит

систематическую работу по выявлению существующих пробелов и выработке рекомендаций.

Как справедливо отмечают отечественные исследователи, параллельно с официальными международными структурами активную роль в обсуждении правовых аспектов использования космических ресурсов играют различные эпистемические сообщества [2]. Особое место среди них занимает Гаагская международная рабочая группа по управлению космическими ресурсами, которая в 2019 г. разработала «Элементы для разработки международной рамочной основы деятельности, связанной с космическими ресурсами». Данный документ представляет собой попытку консолидации различных подходов к регулированию космических ресурсов на основе существующих принципов международного права.

В условиях отсутствия четкого международно-правового регулирования и множественности подходов к решению проблемы использования космических ресурсов особую актуальность приобретает обращение к доктрине международного права. Ведь как справедливо отмечается в ст. 38 Статута Международного Суда ООН, доктрины наиболее квалифицированных специалистов по международному праву различных наций являются вспомогательным средством для определения правовых норм. Думается, что в современных условиях международно-правовая доктрина выполняет не только аналитическую, но и конструктивную функцию, предлагая возможные правовые модели будущего регулирования космических ресурсов.

Представляется, что доктринальное осмысление проблемы использования космических ресурсов приобретает особое значение в контексте необходимости толкования действующих международно-правовых норм применительно к новым вызовам космической деятельности. В этой связи анализ основных теоретико-правовых подходов к интерпретации положений Договора по космосу 1967 г. в свете использования космических ресурсов представляется не только актуальным, но и необходимым для понимания перспектив развития международного космического права в данном направлении.

2. Основные теоретико-правовые подходы к интерпретации положений Договора по космосу в свете использования космических ресурсов

Представляется, что центром доктринальной дискуссии стал вопрос о том, каким образом следует понимать принципы, заложенные в Договоре по космосу 1967 г. При этом ключевое внимание исследователей сосредоточено на интерпретации ст. I и II данного международного договора, поскольку именно эти нормы определяют фундаментальные принципы использования космического пространства и режим небесных тел. Думается, что различное понимание основополагающих норм, заложенных в этих статьях Договора, определило формирование двух диаметрально противоположных направлений в доктринальном осмыслении проблемы использования космических ресурсов, которые можно условно охарактеризовать как ограничительный и расширительный.

2.1 Широкий (ограничительный) подход

Приверженцы ограничительного подхода базируют свою аргументацию на двух ключевых тезисах: во-первых, установленный в ст. II Договора 1967 г. запрет на присвоение космического пространства и небесных тел распространяется не только на небесные тела как пространственные образования, но также на природные ресурсы, находящиеся в их недрах или на поверхности; во-вторых, указанный запрет касается не исключительно государств, но и частных субъектов, ведущих деятельность под

юрисдикцией соответствующих государств.

Аргументацию в поддержку распространения ограничений на национальное присвоение космических объектов на частных субъектов можно найти в работах С. Горова [3]. Исследователь обращает внимание на неразрывную связь между обязанностями государств по контролю за национальной космической деятельностью и принципом использования космоса в общих интересах человечества, что исключает возможность частного присвоения космических ресурсов независимо от того, осуществляется ли соответствующая деятельность государственными или негосударственными организациями. Сходные позиции занимают А. Кокка [4, Р. 790], а также представители отечественной доктрины А.Н. Вылегжанин [5], О.А. Волынская [6], М.Р. Юзбашян и другие исследователи [7, Р. 6-7].

Думается, что позиция указанных исследователей заслуживает поддержки. В самом деле, согласно ст. VI Договора по космосу государства несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве, при этом деятельность неправительственных юридических лиц должна проводиться с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства-участника. Формулировка данной статьи свидетельствует о том, что космическая деятельность частных лиц находится в неразрывной связи с государственной юрисдикцией и контролем. Представляется, что присвоение космических ресурсов частными лицами *de facto* означает их национальное присвоение, поскольку такие ресурсы переходят в собственность граждан определенного государства и оказываются под его юрисдикцией. Следует также принимать во внимание, что Договор по космосу гарантирует всем государствам равный доступ к небесным телам, что находится в противоречии с идеей эксклюзивного права отдельных субъектов на космические ресурсы. Следовательно, сам факт приобретения участков небесного тела для разработки космических ресурсов, будь то частным лицом или государством, потенциально может нарушать данный принцип, создавая препятствия для осуществления космической деятельности другими субъектами международного космического права.

Существенное значение в рамках ограничительного подхода имеет и вопрос практической невозможности обеспечения предполагаемого права собственности частных лиц на космические ресурсы. Как отмечают П.М. Штернс, Г.Х. Стин и Л.И. Теннен, титул частной собственности может быть установлен исключительно в соответствии с правом какого-либо государства [8, Р. 53]. Данную позицию поддерживает В. Поп, подчеркивающий, что для существования собственности необходима высшая власть для ее обеспечения в форме государства или иного признанного субъекта [9, Р. 277]. В условиях, когда само государство не обладает правомочиями владения, пользования и распоряжения в отношении космического пространства и небесных тел, как отмечает В. Джэнкс, оно объективно не может предоставить соответствующие права частным субъектам [10]. Аналогичную позицию занимает К. Силбер, отмечая, что само содержание Договора по космосу ограничивает способность любого правительства признавать или обеспечивать исполнение частных требований в отношении космических территорий (*URL: http://www.reason.com/9811/fe.silber.html* (Дата обращения: 28.05.20235)).

Представляется, что концептуальную основу ограничительного подхода составляет расширительное толкование понятия «небесные тела», включающее не только саму территориальную основу планет и астероидов, но и все находящиеся на них или в них

природные компоненты. Стоит отметить отсутствие легального закрепления дефиниции небесного тела в Договоре по космосу и других действующих международных договорах, в связи с чем понятие небесных тел получает различную интерпретацию в доктрине. Отечественные исследователи О.А. Волынская^[6], О.А. Попова^[11] и другие обосновывают целостный подход к пониманию небесных тел. Так, О.А. Волынская акцентирует внимание на концептуальной несостоительности восприятия небесных тел исключительно в качестве поверхностных образований, игнорируя их внутреннюю структуру и содержание. О.А. Попова справедливо указывает на то, что космические ресурсы не имеют отдельного правового статуса и поэтому должны рассматриваться как составные части небесных тел, на которые распространяется общий запрет присвоения. Думается, что такой подход является обоснованным, поскольку природные ресурсы неразрывно связаны с небесными телами, и их искусственное выделение в качестве самостоятельного объекта правового регулирования не имеет достаточных оснований. Сходная ситуация наблюдается и в отношении природных ресурсов государственных территорий.

Один из доводов сторонников ограничительного подхода связан с формулировкой ст. I Договора по космосу, согласно которой космическое пространство и небесные тела являются «достоянием всего человечества». Так, Д.С. Майерс выдвинул интересную и неоднозначную точку зрения, согласно которой Договор по космосу, исходя из его содержания, придал космическому пространству характер *res communis*, что делает его неприсваиваемым отдельными государствами или частными лицами^[12, Р. 66-73]. Данная точка зрения, безусловно, заслуживает внимания, но представляется достаточно радикальной, поскольку практически сводится к тождествению фразы «общее достояние человечества» с режимом «общего наследия человечества». Следует отметить, что в доктрине международного права принята точка зрения о том, что эти две формулировки нельзя считать тождественными.

Вместе с тем представляется целесообразным отдельно остановиться на лингвистическом и смысловом анализе формулировки «общее достояние человечества». С данной целью следует обратиться к текстам Договора по космосу на русском, английском и французском языках, поскольку на основании ст. XVII Договора они являются аутентичными. В русской версии ст. I Договора по космосу используется следующая фраза: «Исследование и использование космического пространства... являются достоянием всего человечества». В английской версии текста Договора написано: «The exploration and use of outer space... shall be the province of all mankind» (*URL: https://www.unoosa.org/pdf/gares/ARES_21_2222E.pdf* (Дата обращения: 28.05.2025)). В французском варианте абз. 1 ст. I представлен следующим образом: «L'exploration et l'utilisation de l'espace extra-atmosphérique... elles sont l'apanage de l'humanité tout entière». Здесь мы видим, что в английской версии аналогом слова «достояние» является слово «province», а в французской версии слово «l'apanage» (*URL: https://www.unoosa.org/pdf/gares/ARES_21_2222F.pdf* (Дата обращения: 28.05.2025)). Обращение к авторитетному онлайн-словарю Кембриджского университета показывает, что слово «province» имеет два значения: либо административно-территориальная единица государства, либо предмет или вид деятельности, представляющий особый интерес, знания или ответственность, иными словами «компетенция» (*URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/province* (Дата обращения: 28.05.2025)). Во французской версии это переводится как «привилегия». Таким образом, представляется, что в русской версии изначально было использовано не совсем корректное слово «достояние» (*URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/french-english/apanage* (Дата обращения:

28.05.2025)). Думается, что наиболее логичным было бы использование слов «компетенция» или по аналогии с конституционным правом фразы «предмет ведения». Анализ формулировок абз.1 ст. I Договора 1967 г. в русской, английской и французской версиях позволяет сделать вывод о том, что исследование и использование космического пространства является предметом совместного ведения всего человечества.

Сторонники ограничительного толкования также ссылаются в подтверждение своих доводов на материалы и заявления, имевшие место в рамках подготовительных работ по разработке и принятию Договора по космосу в середине 1960-х гг. В частности, они указывают на заявления представителей делегаций государств в ходе переговоров, которые рассматривали ст. II как запрещающую не только публичное, но и частное присвоение космических объектов. Так, В. Поп ссылается на выступления представителей государств во время обсуждения проекта Договора по космосу [9]. Бельгийская делегация толковала понятие «неприсвоение» как запрет на установление суверенитета и возникновение права собственности, в то время как французские представители также подтверждали, что данный запрет исключает любые претензии на суверенные права или имущественные интересы в космическом пространстве.

Думается, что данный подход находит определенное подтверждение и в последующей договорной практике государств. Речь идет о Соглашении о Луне 1979 г., в котором содержится прямое указание на то, что природные ресурсы небесных тел не могут быть собственностью какого-либо государства, международной организации или любого физического лица и на них распространяется режим общего наследия человечества (ст. 11 Соглашения). Несмотря на ограниченное число участников данного соглашения (17 государств на 2023 г.) и отсутствие в нем основных космических держав, включая Россию, США и Китай, ряд исследователей считает его положения важным источником для понимания принципов Договора 1967 г. (URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XXIV-2&chapter=24&clang=_en (дата обращения: 20.08.2023)). Представители ограничительного подхода полагают, что нормы этого соглашения могут рассматриваться либо как авторитетная интерпретация космического права, либо как международный обычай. Однако важно отметить, что некоторые государства, например США, напрямую заявляют, что отказываются рассматривать нормы Соглашения о Луне в качестве обычного международного права.

Таким образом, ограничительный подход к толкованию положений Договора по космосу исходит из комплексного понимания установленных в нем принципов и норм, которое не допускает возможности присвоения космических ресурсов ни государствами, ни частными субъектами. Данная позиция основывается на системном анализе международно-правовых норм, учитывает подготовительные материалы договора и последующую договорную практику государств.

2.2 Узкий (расширительный) подход

В международно-правовой доктрине сформировался также расширительный подход к толкованию положений Договора по космосу относительно космических ресурсов. Приверженцы данного подхода утверждают, что запрет присвоения из ст. II относится исключительно к небесным телам как таковым, но не касается природных ресурсов, которые на них находятся. Кроме того, данная позиция допускает возможность приобретения права собственности на космические ресурсы со стороны частных субъектов. Представителями данного подхода в основном являются западные

исследователи, в частности Ф. Бергамаско, Ф. Данк, Ф. Де Ман, А. Мидзусима, С. Фриланд, М. Хоффман, Т. Чени и многие другие.

А. Мидзусима и другие исследователи отмечают, что целью использования космических ресурсов не является «присвоение» частей космического пространства, а лишь извлечение и использование в коммерческих целях космических ресурсов без каких-либо территориальных претензий на небесные тела [\[13\]](#). Следует отметить, что представители расширительного подхода, в противовес сторонникам ограничительного толкования, обращают внимание на различие между понятиями «небесные тела» и «космические ресурсы», указывая на то, что данные категории не являются тождественными. Так, М. Хоффман и Ф. Бергамаско предлагают переосмыслить значение термина «небесные тела» с целью исключить более мелкие астероиды с минимальным диаметром из данного понятия, что устранило бы их из-под запрета присвоения, закрепленного в ст. II Договора по космосу [\[14, Р.3\]](#).

Некоторые авторы проводят аналогию с правовым статусом открытого моря согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., в ст. 87 которой за государствами закреплено право на рыболовство в открытом море при условии соблюдения установленных ограничений. Эта аналогия, по их мнению, доказывает, что запрет присвоения морских пространств не препятствует добыче находящихся в них биологических ресурсов. Однако представляется, что данные доводы не являются убедительными по соображениям, изложенным выше при анализе ограничительного подхода.

Основополагающий аргумент представителей данного направления состоит в том, что международное право носит диспозитивный характер, в связи с чем отсутствие прямого запрета частного присвоения космических ресурсов означает допустимость такой деятельности. Так, Ф. Данк считает возможным применение к космическому праву принципа «Лотус», исходящего из презумпции свободы государств при отсутствии прямых запретов [\[15, Р. 103\]](#). Сторонники данной позиции также указывают, что ст. II Договора 1967 г. была направлена прежде всего на недопущение распространения противоборства между СССР и США на космическое пространство, при этом вопросы коммерческого освоения космических ресурсов в то время не имели практического значения. Думается, что данная аргументация является неубедительной, поскольку Договор по космосу был принят для создания универсальных правил космической деятельности государств в мирных целях и в интересах всего человечества, что четко зафиксировано в его преамбуле.

Представители данного подхода также выдвигают тезис о том, что ограничения на присвоение касаются исключительно государств, но не распространяются на частных субъектов [\[16, С. 170\]](#). В обоснование своей позиции они применяют принцип *expressio unius est exclusio alterius*, утверждая, что Договор по космосу содержит запрет только в отношении национального присвоения, следовательно, частное присвоение космических ресурсов остается правомерным.

Высказываются и другие доводы. Например, Ф. Де Ман рассуждает о необходимости четкого разграничения понятий «неприсвоение» и «использование» космического пространства [\[17\]](#). По мнению исследователя, эта дифференциация имеет критическое значение для понимания правового режима космических ресурсов, поскольку коммерческое использование космических ресурсов в любом случае подразумевает их присвоение в том или ином виде.

Следует отметить, что сторонники расширительного подхода основывают свою аргументацию на фундаментальных принципах вещного права, в частности обращаясь к доктрине *res nullius*, в соответствии с которой право собственности на бесхозяйные вещи возникает в результате соединения труда субъекта с природным объектом [18]. Применительно к космическим ресурсам авторы квалифицируют их как *res nullius*, что позволяет им обосновывать приобретение права собственности лицом, впервые осуществившим их добычу и освоение. В дополнение к этому Т. Чени утверждает, что поскольку освоение космических ресурсов требует значительной капитализации, частные инвестиции в таком масштабе могут быть возможны только при существенной степени определенности в будущих правах [19].

Представители расширительного подхода выдвигают альтернативную интерпретацию значения Соглашения о Луне 1979 г. в контексте международного режима космических ресурсов. Они акцентируют внимание на ограниченном характере участия государств в данном соглашении и подчеркивают, что его положения о запрете частного присвоения природных ресурсов небесных тел не получили широкого признания. Согласно позиции С. Фриланда и других исследователей, отсутствие среди участников Соглашения ведущих космических держав демонстрирует неприятие мировым сообществом идей о недопустимости присвоения космических ресурсов частными лицами [20].

Таким образом, расширительный подход к толкованию положений Договора по космосу основывается на буквальном прочтении его норм, классических принципах права собственности и диспозитивном характере международного права. Сторонники данного направления исходят из того, что отсутствие прямого запрета частного присвоения космических ресурсов означает допустимость такой деятельности при условии соблюдения принципа неприсвоения самих небесных тел.

3. Сравнение подходов и авторская оценка

Проанализировав содержание рассмотренных теоретико-правовых подходов, представляется необходимым оценить их методологические основания и практические последствия для развития международного космического права. Думается, что кардинальные различия между ограничительным и расширительным подходами обусловлены не только различным пониманием конкретных норм Договора по космосу, но и более глубокими расхождениями в понимании природы международного права и его функций.

Следует отметить, что сторонники ограничительного подхода ориентируются на телеологический метод интерпретации международно-правовых норм, при котором, как отмечает Л.А. Берг, основное внимание уделяется целям и задачам международного договора [21, с. 9]. При такой методологии Договор по космосу рассматривается как «живой инструмент», содержание которого должно эволюционировать в соответствии с изменяющимися потребностями международного сообщества. Напротив, приверженцы расширительного подхода опираются преимущественно на буквальное толкование договорных положений, что соответствует классической позитивистской традиции в международном праве.

Представляется, что указанные методологические различия предопределяют и различное отношение к источникам международного права. Сторонники ограничительного подхода в значительной степени апеллируют к общим принципам международного права, международным обычаям и последующей практике государств,

рассматривая принцип неприсвоения космического пространства как элемент более широкой концепции общего наследия человечества. В свою очередь, представители расширительного подхода делают акцент на анализе договорных норм и принципах англо-американской правовой системы, исходя из концепции естественных прав человека и примата права собственности.

Думается, что различия между подходами отражают более фундаментальные теоретические расхождения относительно соотношения индивидуальных и коллективных интересов в международном праве. Ограничительный подход исходит из приоритета коллективных интересов международного сообщества над частными экономическими интересами отдельных субъектов. Расширительный подход, напротив, отдает приоритет индивидуальным правам и экономической эффективности, что находит свое обоснование в активной коммерциализации космической деятельности. При этом один из ключевых постулатов данного направления состоит в том, что частная собственность на космические ресурсы будет способствовать их более эффективному использованию и создаст необходимые стимулы для развития космических технологий.

Особого внимания заслуживает анализ правовых последствий каждого из подходов. В рамках ограничительного подхода отстаивается необходимость разработки комплексного международного режима использования космических ресурсов под эгидой международных организаций. Представляется обоснованной идея о создании специального международного органа, который был бы наделен полномочиями по регулированию, лицензированию и контролю за деятельность по добыче космических ресурсов, по аналогии с Международным органом по морскому дну. В рамках расширительного подхода отстаиваются концепции минимального международного регулирования, при котором основная роль в определении правового режима космических ресурсов по сути отводится национальному законодательству государств и нормам soft law.

Следует признать, что различия между подходами отражают более широкие геополитические противоречия в современном международном праве. Ограничительный подход рассматривает принцип общего наследия человечества как механизм обеспечения справедливого распределения выгод от освоения космоса между всеми государствами международного сообщества. Расширительный подход исходит из того, что государства и частные субъекты, инвестирующие значительные ресурсы в развитие космических программ, должны иметь возможность получать адекватную отдачу от своих инвестиций.

Вместе с тем, несмотря на то что автор в целом солидарен с концепциями ограничительного подхода, следует отметить определенные недостатки каждого из рассматриваемых направлений. Сторонники ограничительного подхода не всегда последовательны в обосновании распространения запрета национального присвоения на частных субъектов, не учитывая возможность международного признания прав частной собственности на космические ресурсы независимо от государственной принадлежности их обладателей. Представители расширительного подхода недостаточно учитывают системный характер международно-правового регулирования космической деятельности, интерпретируя ст. II Договора по космосу в отрыве от принципа использования космоса в интересах всего человечества.

Кроме того, практическая реализация каждого из подходов сталкивается с серьезными вызовами. Ограничительный подход предполагает создание сложной системы международного регулирования, эффективность которой в условиях нарастающего

геополитического противостояния остается под вопросом. История Соглашения о Луне наглядно демонстрирует трудности достижения международного согласия по вопросам, затрагивающим экономические интересы ведущих космических держав. Расширительный подход может привести к фрагментации международного космического права и возникновению конфликтов между государствами по вопросам признания прав собственности на космические ресурсы.

Заключение

Проведенное исследование основных теоретико-правовых подходов к интерпретации положений Договора по космосу 1967 г. в свете использования космических ресурсов позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих значение для дальнейшего развития международного космического права.

1. Анализ действующих норм международного космического права свидетельствует о наличии имплицитного запрета на присвоение космических ресурсов, который вытекает из системного толкования ст. I, II и VI Договора по космосу 1967 г. Представляется, что данный запрет распространяется как на государственных, так и на частных субъектов, поскольку космическая деятельность последних неразрывно связана с государственной юрисдикцией и контролем. Вместе с тем следует признать, что доктринальные разногласия обусловлены объективными трудностями адаптации правовых норм, принятых в период зарождения космической эры, к современным реалиям коммерциализации космической деятельности.

2. Сравнительный анализ ограничительного и расширительного подходов выявляет их методологические различия, коренящиеся в разном понимании природы международного права. Ограничительный подход опирается на телеологическое толкование международно-правовых норм и приоритет коллективных интересов международного сообщества, тогда как расширительный подход исходит из буквального толкования договорных положений и примата индивидуальных прав. Думается, что каждый из подходов содержит рациональные элементы: ограничительный справедливо подчеркивает необходимость справедливого доступа всех государств к выгодам от освоения космоса, а расширительный обоснованно указывает на важность создания экономических стимулов для развития космических технологий.

3. Практическая реализация рассматриваемых подходов сталкивается с серьезными вызовами в условиях современной геополитической обстановки. Ограничительный подход предполагает создание сложной системы международного регулирования, эффективность которой в условиях отсутствия консенсуса между ведущими космическими державами остается под вопросом. Расширительный подход может привести к фрагментации международного космического права и возникновению конфликтов между государствами по вопросам признания прав собственности на космические ресурсы. История неудачи Соглашения о Луне 1979 г. наглядно демонстрирует сложности достижения международного согласия в данной сфере.

4. Представляется, что дальнейшее развитие международно-правового регулирования использования космических ресурсов потребует выработки компромиссного подхода, сочетающего элементы обеих доктринальных концепций. Такой компромисс должен предполагать, во-первых, разработку специального международного договора, устанавливающего не только универсальные принципы деятельности в области космических ресурсов, но и конкретные механизмы, процедуры и порядок осуществления такой деятельности; во-вторых, учреждение международного органа по координации и

лицензированию такой деятельности с участием всех государств; в-третьих, трансформацию принципа неприсвоения небесных тел в направлении признания прав операторов на добытые космические ресурсы на возмездной основе с отчислениями в специально созданный международный фонд развития, средства которого могли бы направляться на содействие развивающимся государствам и решение глобальных проблем человечества. При этом предоставление прав на использование космических ресурсов должно осуществляться на конкурсной основе с соблюдением принципов рыночной экономики и недопущением монополизации данной деятельности. Такой подход позволил бы обеспечить защиту коллективных интересов международного сообщества при одновременном создании необходимых стимулов для развития космических технологий. Особую роль в этом процессе должны играть международные организации, прежде всего ООН и ее специализированные органы.

5. Доктринальные разработки играют конструктивную роль в формировании будущего международно-правового режима космических ресурсов, способствуя выявлению проблемных вопросов и определению возможных путей их решения. Значение теоретико-правовых подходов не ограничивается их влиянием на создание новых международно-правовых норм, но распространяется на практику государств в области толкования действующих международных договоров. В условиях нарастающей геополитической турбулентности и попыток отдельных государств навязать альтернативные «правила», противоречащие универсальным принципам международного права, особое значение приобретает необходимость поиска консенсусных решений, основанных на признанных принципах и нормах международного права.

Библиография

1. Балычевский Д. Н. Актуальные тенденции в области формирования международно-правового режима использования космических ресурсов // Евразийский юридический журнал. - 2024. - № 11 (198). - С. 17-21. EDN: AMYVDG.
2. Черных И.А. Влияние эпистемических сообществ на разработку будущего международно-правового регулирования деятельности на Луне // RUDN Journal of Law. - 2024. - Т. 28. - № 1. - С. 215-230. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-1-215-230. EDN: RBDTEL.
3. Gorove S. Freedom of Exploration and Use in the Outer Space Treaty: A Textual Analysis and Interpretation // Denver Journal of International Law & Policy. - 1971. - Vol. 1, № 1. - P. 93-107.
4. Handbook of Space Law / ed. by F. von der Dunk, F. Tronchetti. - Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. - 1136 p.
5. Вылегжанин А. Н. Международно-правовые перспективы использования природных ресурсов Луны и других небесных тел // Горный информационно-аналитический бюллетень. - 2021. - № 3-1. - С. 155-172. DOI: 10.25018/0236_1493_2021_31_0_155. EDN: TSCHMM.
6. Волынская О.А. Международные политico-правовые аспекты использования космических ресурсов // Журнал российского права. - 2018. - № 9. - С. 145-154. DOI: 10.12737/art_2018_9_14. EDN: XYUNAD.
7. Hobe S. Current and Future Development of International Space Law // Disseminating and developing international and national space law: the Latin America and Caribbean perspective / Proceedings United Nations/Brazil Workshop on Space Law, ST/SPACE/28. - New York, 2005. - URL: https://www.unoosa.org/pdf/publications/st_space_28E.pdf (Дата обращения: 28.05.2025).
8. Sterns P.M. Preliminary jurisprudential observations concerning property rights on the moon and other celestial bodies in the commercial space age // Proceedings of the

- Colloquium on the Law of Outer Space. - 1996. - Vol. 39. - P. 1-60.
9. Pop V. Appropriation in outer space: the relationship between land ownership and sovereignty on the celestial bodies // Space Policy. - 2000. - Vol. 16, № 4. - P. 275-282.
10. Jenks C.W. Space law. - London: Stevens & Sons, 1965. - URL:
<https://airandspacelaw.olemiss.edu/pdfs/jsl-36-1.pdf> (Дата обращения: 28.05.2025).
11. Попова О.А. Национальное присвоение природных ресурсов в международном космическом праве // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2021. № 1. С. 46-59. DOI: 10.7256/2454-0633.2021.1.35099 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35099
12. Myers D.S. Political considerations on some aspects of the law of outer space // Proceedings of the Colloquium on the Law of Outer Space. - 1975. - Vol. 18. - P. 66-73.
13. Mizushima A. What is an Appropriate Interaction between International Law and Domestic Legal Systems to Promote Space Resources Development? // Air and Space Law. - 2017. - Vol. 42. - № 11. - URL:
<https://www.nishimura.com/en/knowledge/publications/20171101-22946> (Дата обращения: 28.05.2025).
14. Hofmann M. Space resources activities from the perspective of sustainability: legal aspects // Global Sustainability. - 2020. - Vol. 3. - P. 1-7. DOI: 10.1017/sus.2019.27. EDN: UOJLUV.
15. Von der Dunk F.G. Property Rights Over the Moon or On the Moon? The Legality of Space Resource Exploitation on Celestial Bodies // Journal of Law & Innovation. - 2023. - Vol. 6. - № 1. - P. 95-134.
16. Толстых В. Л. Реформа космического права // Актуальные проблемы российского права. - 2021. - № 5. - С. 166-182. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.166-182. EDN: OHDKEX.
17. De Man P. State practice, domestic legislation and the interpretation of fundamental principles of international space law // Space Policy. - 2017. - Vol. 42. - URL:
<https://www.law.kuleuven.be/iir/nl/onderzoek/working-papers/wp181deman.pdf> (Дата обращения: 28.05.2025). 18.
18. Wang C. Legal Regulation of Commercial Exploitation of Outer Space Resources and China's Countermeasures // Beijing Law Review. - 2024. - Vol. 15. - DOI: 10.4236/blr.2024.153063. EDN: VKKSCB.
19. Cheney T. There's No Rush: Developing a Legal Framework for Space Resource Activities // Space Law Journal. - 2019. - URL: <https://oro.open.ac.uk/69653/1/Cheney%20-%20J%20Space%20Law%20Article%20-%202.9.19.pdf> (Дата обращения: 28.05.2025).
20. Freeland S. Article II / S. Freeland, R. Jakhu // Cologne Commentary on Space Law: Volume 1, Outer Space Treaty / eds. S. Hobe, B. Schmidt-Tedd, K.-U. Schrog. - Cologne: Carl Heymanns Verlag, 2009.
21. Берг Л. А. Последующая практика применения международных договоров как средство судебного толкования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 2025. - 23 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Ограничительная и расширительная интерпретация Договора по космосу 1967 года в

контексте использования космических ресурсов»

Объектом исследования выступает совокупность отношений, подлежащих регулированию в соответствии с Договором по космосу 1967 года в контексте использования космических ресурсов. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические воззрения по тематике статьи, а также правовая регламентация использования космических ресурсов в соответствии с Договором по космосу 1967 года. Среди методологического арсенала автора особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать методы сравнительного анализа, который позволил сопоставить широкий (ограничительный) и узкий (расширительный) подходы к интерпретации положений Договора по космосу в свете использования космических ресурсов; метод догматического анализа, способствовавший уяснению положений Договором по космосу 1967 года и иных документов.

Актуальность разработки заявленной темы не вызывает сомнений в свете развития космической отрасли, глобализации межнациональных связей, а также появления новых космических феноменов, в частности, космического туризма.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором сопоставляются ограничительная и расширительная интерпретации Договора по космосу 1967 года в контексте использования космических ресурсов. Особого внимания заслуживает авторская оценка данных концепций, требующая вместе с тем определенной конкретизации, о чем будет указано ниже.

Статья характеризуется в целом научным стилем изложения. Содержание в целом логично. Вместе с тем один из абзацев встречается в тексте дважды – во введении и основной части: «Международное космическое право представляет собой сравнительно молодую отрасль международного права, формирование которой началось во второй половине XX столетия в связи с развитием космической деятельности государств. Основополагающие международные договоры в данной сфере были приняты на заре космической эры, когда многие современные направления прикладной космической деятельности представлялись отдаленной перспективой. Думается, что именно этим обстоятельством объясняется недостаточность международно-правового регулирования по ряду направлений, включая использование космических ресурсов, что создает значительные пробелы в системе международного космического права». Следует устраниТЬ данный изъян редакционного характера.

Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода. Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Автор предлагает в качестве одного из выводов по итогам статьи следующие тезисы: «4. Представляется, что дальнейшее развитие международно-правового регулирования использования космических ресурсов потребует выработки компромиссного подхода, сочетающего элементы обеих доктринальных концепций. Такой подход должен обеспечивать защиту коллективных интересов международного сообщества, включая интересы развивающихся государств, при одновременном создании необходимых условий для экономически эффективного освоения космических ресурсов. Особую роль в этом процессе должны играть международные организации, прежде всего ООН и ее специализированные органы». На наш взгляд, вывод следует конкретизировать, охарактеризовав, хотя бы в общих чертах, в чем должен заключаться компромисс между двумя проанализированными концепциями. Представляется, это придало бы работе должную завершенность.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в международно-

правовых исследований. При условии определенной доработки она может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, ограничительная и расширительная интерпретация Договора по космосу 1967 года в контексте использования космических ресурсов. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Международное космическое право представляет собой сравнительно молодую отрасль международного права, формирование которой началось во второй половине XX столетия в связи с развитием космической деятельности государств. Основополагающие международные договоры в данной сфере были приняты на заре космической эры, когда многие современные направления прикладной космической деятельности представлялись отдаленной перспективой. Думается, что именно этим обстоятельством объясняется недостаточность международно-правового регулирования по ряду направлений, включая использование космических ресурсов, что создает значительные пробелы в системе международного космического права [1, С. 17]. Стремительное развитие космических технологий и активная коммерциализация космической деятельности в XXI веке поставили перед мировым сообществом вопрос о правовом регулировании использования космических ресурсов. Особую актуальность данная проблема приобрела в связи с принятием рядом государств национального законодательства, закрепляющего права частных субъектов на добывание космических ресурсы, что создало потенциальные противоречия с принципами действующего международного космического права, прежде всего с положениями Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. (далее Договор по космосу) (URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml
(Дата обращения: 28.05.2025)). Представляется, что недостаточность международно-правового регулирования деятельности по использованию космических ресурсов создает объективные предпосылки для различной интерпретации существующих норм международного права. Думается, что в таких условиях особую роль приобретает доктрина международного права, которая не только восполняет пробелы в правовом регулировании, но и формирует теоретические основы для выработки будущего международно-правового режима космических ресурсов. Доктринальные разработки выступают важным средством толкования действующих международно-правовых норм и определения перспектив развития международного космического права в данной сфере". Ученым раскрыта степень изученности поднимаемых в статье проблем: "Различные аспекты правового режима космических ресурсов исследовались в работах как зарубежных, так и отечественных ученых. Среди зарубежных исследователей следует выделить работы Ф. Бергамаско, С. Горова, Ф. Данка, Ф. Де Мана, В. Джэнкса, А. Кокка, Д.С. Майерса, А. Мидзусими, В. Попа, К. Силбера, Г.Х. Стина, П.М. Штернса, Т Чени, С. Фриланда, М. Хофмана и других. В отечественной доктрине данной проблематикой занимались А.Х. Абашидзе, О.А. Волынская, А.Н. Вылегжанин, Ю.М.

Колосов, О.А. Попова, В.Л. Толстых, И.А. Черных, М.Р. Юзбашян и другие исследователи. В процессе исследования автор также обращался к работам по методологии толкования международного права Л.А. Берга. Вместе с тем следует отметить, что существующие исследования в области правового режима космических ресурсов носят преимущественно фрагментарный характер и сосредоточены на отдельных аспектах данной проблематики. Представляется, что в современной доктрине международного права недостаточно представлены работы, предлагающие системный сравнительный анализ основных теоретико-правовых подходов к интерпретации положений Договора по космосу в контексте использования космических ресурсов с учетом их методологических оснований и практических последствий. Комплексное исследование доктринальных подходов имеет важное значение для понимания современного состояния международно-правового регулирования данной сферы и определения перспектив его дальнейшего развития".

Научная новизна работы "... заключается в систематизации существующих доктринальных позиций, выявлении методологических оснований различных подходов к толкованию международно-правовых норм и оценке их практических последствий для развития международного космического права". Она проявляется в ряде заключений автора: "В условиях отсутствия четкого международно-правового регулирования и множественности подходов к решению проблемы использования космических ресурсов особую актуальность приобретает обращение к доктрине международного права. Ведь как справедливо отмечается в ст. 38 Статута Международного Суда ООН, доктрины наиболее квалифицированных специалистов по международному праву различных наций являются вспомогательным средством для определения правовых норм. Думается, что в современных условиях международно-правовая доктрина выполняет не только аналитическую, но и конструктивную функцию, предлагая возможные правовые модели будущего регулирования космических ресурсов"; "Представляется, что присвоение космических ресурсов частными лицами *de facto* означает их национальное присвоение, поскольку такие ресурсы переходят в собственность граждан определенного государства и оказываются под его юрисдикцией. Следует также принимать во внимание, что Договор по космосу гарантирует всем государствам равный доступ к небесным телам, что находится в противоречии с идеей эксклюзивного права отдельных субъектов на космические ресурсы. Следовательно, сам факт приобретения участков небесного тела для разработки космических ресурсов, будь то частным лицом или государством, потенциально может нарушать данный принцип, создавая препятствия для осуществления космической деятельности другими субъектами международного космического права"; "... ограничительный подход к толкованию положений Договора по космосу исходит из комплексного понимания установленных в нем принципов и норм, которое не допускает возможности присвоения космических ресурсов ни государствами, ни частными субъектами. Данная позиция основывается на системном анализе международно-правовых норм, учитывает подготовительные материалы договора и последующую договорную практику государств"; "... расширительный подход к толкованию положений Договора по космосу основывается на буквальном прочтении его норм, классических принципах права собственности и диспозитивном характере международного права. Сторонники данного направления исходят из того, что отсутствие прямого запрета частного присвоения космических ресурсов означает допустимость такой деятельности при условии соблюдения принципа неприсвоения самих небесных тел" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор осуществляет анализ основных теоретико-правовых подходов к интерпретации положений Договора по космосу в свете использования космических ресурсов в доктрине международного права. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Недостаточность международно-правового регулирования в рассматриваемой сфере создала предпосылки для того, чтобы отдельные государства начали урегулировать вопросы использования космических ресурсов на национальном уровне, что представляется вторжением в сферу международного права" - "регулировать" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 21 источником (монографиями, диссертационной работой и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Д.С. Майерс, Ф. Бергамаско, Ф. Данк, Ф. Де Ман, А. Мидзусима и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы должным образом и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Анализ действующих норм международного космического права свидетельствует о наличии имплицитного запрета на присвоение космических ресурсов, который вытекает из системного толкования ст. I, II и VI Договора по космосу 1967 г. Представляется, что данный запрет распространяется как на государственных, так и на частных субъектов, поскольку космическая деятельность последних неразрывно связана с государственной юрисдикцией и контролем. Вместе с тем следует признать, что доктринальные разногласия обусловлены объективными трудностями адаптации правовых норм, принятых в период зарождения космической эры, к современным реалиям коммерциализации космической деятельности. 2. Сравнительный анализ ограничительного и расширительного подходов выявляет их методологические различия, коренящиеся в разном понимании природы международного права. Ограничительный подход опирается на телеологическое толкование международно-правовых норм и приоритет коллективных интересов международного сообщества, тогда как расширительный подход исходит из буквального толкования договорных положений и примата индивидуальных прав. Думается, что каждый из подходов содержит рациональные элементы: ограничительный справедливо подчеркивает необходимость справедливого доступа всех государств к выгодам от освоения космоса, а расширительный обоснованно указывает на важность создания экономических стимулов для развития космических технологий. 3. Практическая реализация рассматриваемых подходов сталкивается с серьезными вызовами в условиях современной geopolитической обстановки. Ограничительный подход предполагает создание сложной системы международного регулирования, эффективность которой в условиях отсутствия консенсуса между ведущими космическими державами остается под вопросом. Расширительный подход может привести к фрагментации международного космического права и возникновению конфликтов между государствами по вопросам признания прав собственности на космические ресурсы. История неудачи Соглашения о Луне 1979 г.

наглядно демонстрирует сложности достижения международного согласия в данной сфере" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и устранении опечатки в тексте статьи.

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Белкин Д.С. Правовой режим морских пространств и их природных ресурсов в контексте международного строительного контрактного права // Международное право. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.74094
EDN: YLQSFJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74094

Правовой режим морских пространств и их природных ресурсов в контексте международного строительного контрактного права

Белкин Дмитрий Семенович

ORCID: 0009-0003-1532-1958

старший преподаватель; кафедра международного права; Славяно-Греко-Латинская Академия

105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, 20, каб. 201

✉ dmitryb81@gmail.com

[Статья из рубрики "Развитие отдельных отраслей международного публичного права"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.3.74094

EDN:

YLQSFJ

Дата направления статьи в редакцию:

14-04-2025

Дата публикации:

01-06-2025

Аннотация: Предметом исследования является совокупность правовых норм, регулирующих использование и охрану морских пространств и их ресурсов при реализации крупных строительных проектов. Объектом исследования выступают морские зоны, потенциально задействованные при возведении портовой и иной инфраструктуры, а также участники правовых отношений в рамках таких проектов. Автор подробно рассматривает вопросы взаимодействия правовых положений, закрепленных в Конвенции Организации Объединённых Наций по морскому праву, и норм международного строительного контрактного права. Особое внимание уделяется механизмам распределения рисков, экологическим обязательствам сторон, а также защите прав инвесторов и прибрежных государств. Исследование охватывает

многосторонние соглашения, национальные законодательные акты, практику судебных и арбитражных органов, формирующих правовую определённость в вопросах делимитации, строительства искусственных сооружений и рационального управления ресурсами шельфа. Аналитический подход сочетался с изучением правоприменительной практики международных судов, сравнительно-правовым анализом национальных норм и исследованием стандартных форм договоров, обеспечивающих эффективную реализацию инфраструктурных проектов в морских пространствах. Основными выводами проведенного исследования являются подтверждение высокой эффективности комплексного правового регулирования, основанного на принципах устойчивого развития и стандартах международного строительного контрактного права, а также выявление актуальных механизмов защиты прав прибрежных государств и инвесторов. Особым вкладом автора в исследование темы является систематизация судебных и арбитражных кейсов, отражающих практику разрешения конфликтов, связанных с эксплуатацией морских пространств. Новизна исследования заключается в обобщении накопленного опыта по вопросам экологического контроля, распределения ответственности и защиты морской среды. Итогом работы стала демонстрация того, что соблюдение принципов рационального природопользования и чёткая регламентация обязательств сторон способствуют снижению числа конфликтов, укреплению правовой определённости и формированию долгосрочных положительных эффектов для всех участников морских проектов.

Ключевые слова:

КООНМП, международное строительное право, МСКП, Международная федерация инженеров-консультантов, МФИК, международные строительные контракты, правовой режим, морские пространства, инвестиционные споры, экологический контроль

Глобальное значение морских пространств и их природных ресурсов продолжает возрастать в силу растущего товарооборота и необходимости поддержания устойчивых логистических цепочек. Важную роль в данной сфере играют порты и терминалы, которые обеспечивают бесперебойное функционирование мировой торговли. Реализация морских строительных проектов требует учитывать совокупность технических, инженерных и правовых аспектов, регламентируемых международным морским правом и нормами, закреплёнными в Конвенции ООН по морскому праву (КООНМП). Указанная Конвенция выступает основным документом, устанавливающим правила рационального использования и охраны морских пространств.

Наряду с нормами морского права ключевое значение для морских строительных проектов приобретают положения международного строительного контрактного права (МСКП). Принципы и рекомендации Международной федерации инженеров-консультантов (МФИК) формируют прозрачные стандартные условия, регулирующие права и обязанности участников проектов. При этом на первый план выходят экологические обязательства, соответствующие концепции устойчивого развития. Сочетание норм МСКП и принципов КООНМП способствует снижению риска конфликтов между государствами и частными инвесторами, а также обеспечивает защиту морской среды в ходе возведения крупных инфраструктурных объектов.

Гипотеза исследования: соблюдение положений Конвенции ООН по морскому праву и принципов МСКП создаёт условия для сбалансированного использования морских пространств и природных ресурсов. Правовая определённость, опирающаяся на

указанные нормативные акты, обеспечивает снижение вероятности межгосударственных конфликтов и споров с участием частных инвесторов при выполнении морских строительных проектов.

Цель исследования заключалась в комплексном анализе правового режима морских пространств и природных ресурсов в контексте МСКП с учётом современных экологических требований и практики разрешения международных споров.

Объектом являются морские пространства и их природные ресурсы, используемые в рамках международных строительных проектов, включая порты, искусственные сооружения и иные объекты инфраструктуры. Предметом исследования выступает совокупность международно-правовых норм, закреплённых в КООНМП, а также положения МСКП и стандартные условия контрактов МФИК. Данные нормы регулируют порядок и условия осуществления морских инфраструктурных проектов, определяют права и обязанности сторон, а также механизмы экологического контроля.

Задачи исследования: (1) Определить роль КООНМП в формировании правовых режимов морских пространств и механизмы защиты интересов прибрежных государств и участников строительства. (2) Изучить, каким образом международное строительное контрактное право распределяет риски и обязательства сторон, учитывая приоритет устойчивого развития. (3) Проанализировать судебную и арбитражную практику по крупнейшим морским строительным проектам для выявления типовых нарушений экологических норм и вариантов урегулирования конфликтных ситуаций. (4) Предложить правовые меры, позволяющие найти баланс между интересами государств и инвесторов, сократить административные барьеры и обеспечить сохранение морских экосистем при реализации крупных проектов.

Методы исследования: изучение международных соглашений, в том числе КООНМП и профильных правовых актов, касающихся морских пространств, анализ материалов Международного трибунала по морскому праву, Международного Суда ООН и арбитражей *ad hoc* Постоянной палаты третейского суда (ППТС), в том числе дел о разграничении морских пространств и защите морской среды. Исследование стандартных контрактов МФИК и их практического применения в морских инфраструктурных проектах. Сравнительно-правовой метод для сопоставления национальных законодательств прибрежных государств с международными нормами. Аналитический обзор научной литературы и статистических данных, посвящённых современным морским строительным проектам.

По мнению А.Н. Вылегжанина и А.М. Корженяка^[11], устойчивое развитие из принципа отдельных договорных обязательств постепенно превращается в основной правовой принцип, что обусловлено необходимостью адаптации к глобальным вызовам и увеличению нагрузки на ресурсы. Введение и применение таких норм направлено на обеспечение баланса между экономическими интересами государств и охраной окружающей среды, что делает проекты устойчивыми и безопасными.

Правовая регламентация использования морских пространств, основанная на КООНМП, непрерывно развивается. Это связано с тем, что государствам приходится решать комплекс задач, связанных с управлением природными ресурсами и защитой окружающей среды. Значительную роль играют стандарты МФИК, применяемые в рамках международного строительного контрактного права. Они вносят ясность в вопросы распределения ответственности и управления рисками, а также способствуют внедрению экологических мер. В совокупности данные факторы обеспечивают более гармоничное

правовое регулирование и снижают вероятность конфликтов при реализации крупных инфраструктурных проектов [\[2\]](#).

В сфере морских инфраструктурных проектов особое внимание уделяется вопросам делимитации, национальной юрисдикции и охране морской среды. Существует и дополнительный аспект – международная практика разрешения инвестиционных споров, которая затрагивает отношения между государствами и зарубежными компаниями, реализующими строительные проекты в морских зонах. Эта практика расширила применение механизмов защиты прав инвесторов, предусмотренных инвестиционными соглашениями и институтами (МЦУИС, ЮНСИТРАЛ).

Анализ судебной и арбитражной практики:

Государственные споры о морских границах и ресурсах. Делимитация морских границ и права на нефтегазовые месторождения часто становятся предметом разбирательств между государствами. Классическими примерами служат дела о разграничении континентального шельфа, где параллельно вставал вопрос о законности односторонней разработки ресурсов до завершения делимитации. Так, в арбитраже Гайана против Суринама (ППТС, 2007) [\[3\]](#) трибунал разграничили морские зоны двух стран и оценил инцидент 2000 г., когда ВМС Суринама силой вытеснили нефтяную буровую установку, работавшую по лицензии Гайаны. Трибунал признал, что действия Суринама являлись недопустимой угрозой силой, нарушающей международное право. Одновременно было установлено, что обе стороны не выполнили обязанность по статье 83(3) КООНМП – вести добросовестные переговоры о временных договоренностях и воздерживаться от шагов, «способных помешать достижению окончательного соглашения». Данное решение важно тем, что подчеркнуло: даже в спорных акваториях государства не должны прибегать к силовым методам защиты своих претензий, а обязаны искать временные компромиссы по совместному использованию ресурсов.

В Международном трибунале по морскому праву (МТМП) по делимитации в Гвинейском заливе рассматривался ещё один показательный спор – дело Гана против Кот-д'Ивуара [\[4\]](#). В 2017 г. палата установила линию разграничения по принципу средней линии и единогласно отклонила притязания Кот-д'Ивуара, подтвердив, что Гана не нарушила международное право, разрабатывая нефтяные месторождения в пределах своей стороны разграниченной линии. Трибунал прямо указал, что односторонняя нефтедобыча Ганы до завершения разграничения не была незаконной, поскольку велась в добросовестном убеждении соблюдения своей юрисдикции. Это решение устранило неопределенность для инвесторов (консорциумы Tullow Oil и др.), работавших на крупных шельфовых блоках (Тенга, Эньера и др.), подтверждая законность выданных Ганой лицензий. В итоге Гане отошли все спорные участки площадью свыше 9 000 кв. миль с крупными запасами – порядка 2 млрд баррелей нефти и 1,2 трлн куб. футов газа. Дело Гана/Кот-д'Ивуар продемонстрировало важный принцип: начало разработок до делимитации не влечет ответственности, если государство действовало без намерения нарушить права соседа и не пыталось поставить его перед необратимым фактом.

Международный Суд ООН также рассматривал дела, затрагивающие инфраструктурные аспекты в морских пространствах. К примеру, в деле “Нефтяные платформы” (Иран против США, 2003) [\[5\]](#), хотя основной спор касался правомерности уничтожения иранских нефтяных платформ военными силами США в Персидском заливе, Суд детально анализировал свободу коммерческого судоходства по договору 1955 г. и имплицитно – статус этих искусственных островов. А в более ранних делах о континентальном шельфе,

например: Тунис/Ливия, 1982) [6]; Ливия/Мальта, 1985 [7]; Катар/Бахрейн, 2001 [8] и др., суду приходилось учитывать местонахождение разведанных месторождений и даже рукотворные изменения (насыпные острова) при проведении линии раздела, хотя прямо вопросы контрактов не поднимались. Эти решения сформировали принципы, важные для договоров на разработку шельфа: место нахождения ресурсов никогда не учитывается (присутствие нефти как таковой не дает привилегий в установлении линии разграничения) и необходимость учитывать географию, а не инвестиции.

Проекты портовой инфраструктуры всё чаще становятся предметом длительных и сложных разбирательств в международных арбитражных институциях, что иллюстрируется рядом прецедентных дел. Характерным примером является дело DP World и Doraleh Container Terminal против Республики Джибути^[9], в котором рассматривался спор, вытекающий из одностороннего прекращения действия концессионного соглашения, заключённого в 2006 году между Республикой Джибути и компанией Doraleh Container Terminal. Указанное соглашение предусматривало строительство, развитие и последующее управление контейнерным терминалом, и хотя формально DP World не являлась стороной соглашения, компания обладала рядом имущественных и корпоративных прав, включая право на получение роялти и защиту интересов акционеров. После того как власти Джибути в декабре 2017 года в одностороннем порядке прекратили действие контракта, захватили объект и вытеснили DP World из операционной деятельности, последняя инициировала арбитражное разбирательство в Лондонском международном арбитражном суде. В 2022 году арбитраж вынес решение в пользу DP World, обязав Джибути выплатить компенсацию за утраченные управленческие сборы и дивиденды в размере \$148 млн., с начислением процентов. Впоследствии компания добилась подачи иска в Окружной суд округа Колумбия о признании и приведении в исполнение решения арбитража. Джибути не представила возражений по существу требований, что позволило подтвердить арбитражное решение в полном объёме. Несмотря на коммерческий характер арбитража, рассматриваемый конфликт приобрёл существенное публично-правовое измерение, ввиду участия суверенного государства и последствий нарушения им международных обязательств. Сопоставимыми по значимости являются другие споры, в которых DP World оспаривала действия государств по концессионным контрактам. Так, в деле DP World Callao S.R.L., P&O Dover (Holding) Limited, and The Peninsular and Oriental Steam Navigation Company против Республики Перу^[10] инициированном в 2011 году и завершившемся в 2020 году заключением мирового соглашения, инвестор отказался от первоначальных требований на сумму \$250 млн., в обмен на реструктуризацию условий концессии и расширение терминала порта Кальяо. Ход процесса был затруднён сменой нескольких арбитров, что продемонстрировало институциональные сложности арбитражных процедур в отношении крупных инфраструктурных проектов. Аналогично, в деле DP World Limited против Королевства Бельгия^[11], инвестор инициировал арбитражное разбирательство в связи с концессионным договором по эксплуатации порта Зебрюгге. Дело стало подтверждением того, что международный арбитраж остаётся востребованным механизмом защиты прав частных субъектов даже в отношениях с государствами, обладающими устойчивой правовой системой и высоким уровнем институциональной стабильности.

Строительство искусственных сооружений и экология. Отдельно стоит упомянуть спор Сингапура и Малайзии по намыву земель в районе пролива Джохор. В 2003 г. Малайзия обратилась в МТМП, утверждая, что масштабные земельные работы Сингапура (расширение береговой линии) наносят ущерб морской среде и ее правам^[12]. Трибунал

назначил промежуточные меры – стороны должны сотрудничать и провести оценку воздействия. В итоге спор был урегулирован мирно, а дело стало первым примером использования срочных мер по экологическим вопросам в морском арбитраже.

Дело о МОХ-предприятии (Ирландия против Великобритании), рассматривавшееся Международным трибуналом по морскому праву в 2001 году, касалось запуска в эксплуатацию завода по переработке ядерного топлива на территории Великобритании, сопровождаемого строительством инфраструктуры, связанной с подводными выбросами в Ирландское море [13]. Ирландия, полагая, что это создаёт угрозу морской среде и нарушает её права, инициировала спор в соответствии с приложением VII к Конвенции ООН по морскому праву, ссылаясь на многочисленные положения об охране морской среды и трансграничном сотрудничестве. В ожидании формирования арбитража Ирландия потребовала временных мер, однако трибунал не нашёл оснований для их применения в запрашиваемом объёме, ограничившись предписанием о сотрудничестве сторон в обмене информацией, мониторинге и предотвращении загрязнения. Несмотря на то, что окончательного решения по существу принято не было – в связи с параллельной юрисдикцией институтов Европейского Союза, включая Суд ЕС, а также арбитражного трибунала, учреждённого в соответствии со статьёй 32 Конвенции по защите морской среды Северо-Восточной Атлантики (ОСПАР), – само дело стало важным прецедентом, продемонстрировавшим необходимость учёта экологических аспектов в трансграничных инфраструктурных проектах в морской среде и их увязки с международным строительным контрактным правом.

Инвестиционный спор Ampal-American Israel Corp. и другие против Арабской Республики Египет (МЦУИС, дело № ARB/12/11, 2012–2017) [14] касался участия иностранных инвесторов, в том числе корпорации Ampal из США и аффилированных с ней юридических лиц, в проекте по транспортировке египетского природного газа в Израиль посредством подводного трубопровода, построенного компанией East Mediterranean Gas S.A.E. (EMG), учреждённой в Египте. После политических событий 2011 года и диверсий на инфраструктуре Египет прекратил поставки газа, аннулировал предоставленные ранее налоговые льготы и, по утверждению инвесторов, инициировал действия, которые повлекли за собой фактическую экспроприацию их участия в проекте. Арбитражный трибунал ICSID, рассмотрев дело, установил, что отмена предусмотренного контрактом налогового освобождения, ограничение доступа EMG к финансовым средствам, а также прекращение исполнения обязательств по контракту поставки газа со стороны египетских государственных компаний EGPC и EGAS, в совокупности нарушили обязательства Египта по двустороннему инвестиционному соглашению с США. Было признано, что действия Египта привели к лишению инвесторов их имущества без надлежащей компенсации, что не соответствует стандартам защиты иностранных инвестиций. Возражения ответчика о договорной природе спора, недостаточной степени участия истцов в управлении EMG и недопустимости множественности производств не были приняты трибуналом, который подтвердил свою юрисдикцию в отношении большинства требований. При этом трибунал отметил необходимость недопущения двойного возмещения убытков в параллельных процессах. В результате рассмотрения и с учётом материалов дела сумма компенсации была ограничена приблизительно 174 миллионами долларов США. Данный кейс является показательным примером того, что действия государства, даже обусловленные соображениями внутренней безопасности, подлежат оценке с точки зрения международных обязательств по защите инвестиций, а резкое изменение условий, включая отзыв налоговых преференций или разрыв долгосрочных контрактов, требует компенсации убытков, если оно нарушает разумные ожидания инвесторов, сформированные на основании заключённых соглашений.

Освоение нефтегазового шельфа: инвестиционные иски. В 2000-х годах ряд малых государств Карибского бассейна, включая Гренаду и Сент-Люсию, заключили соглашения с иностранными инвесторами, направленные на стимулирование разведки и разработки нефтегазовых ресурсов на их континентальном шельфе, что привело к ряду международных арбитражных споров. Компания RSM Production Corporation (США), получившая лицензии на разведку углеводородов в прибрежных водах Гренады, инициировала разбирательство в МЦУИС^[15]. Полагая, что расторжение соглашения о недропользовании со стороны государства нарушает её инвестиционные права, компания обратилась с иском. Однако трибунал установил, что RSM не подала заявку на получение лицензии в установленный срок — в течение 90 дней после прекращения действия обстоятельств форс-мажора, — что представляло собой неисполнение предусмотренного договором отлагательного условия. В соответствии с применимым правом Гренады, такое нарушение освобождало государство от дальнейшего исполнения обязательств и давало основание для расторжения договора. МЦУИС подтвердил правомерность расторжения и отказал в удовлетворении требований инвестора, обязав его также компенсировать судебные расходы. Аналогично, в деле против Сент-Люсии^[16] трибунал впервые в истории МЦУИС удовлетворил ходатайство о внесении обеспечительного платежа (англ. «security for costs»), учитывая историю неплатежей RSM по предыдущим процессам. Инвестору было предписано депонировать \$750 000 в счёт возможных судебных издержек, однако сумма внесена не была, в связи с чем разбирательство было фактически прекращено. Указанные дела показали, что наличие международно-правовых механизмов защиты инвестиций не освобождает инвестора от соблюдения договорных обязательств, включая требования о сроках подачи заявок и выполнении обязательного объема вложений. Кроме того, практика МЦУИС подтвердила готовность трибуналов пресекать злоупотребления процедурными правами и обеспечивать баланс интересов сторон в рамках договорного регулирования недропользования в морских пространствах.

Приморские месторождения и обязательства по локализации: арбитражное дело Mobil и Murphy против Канады. Крупные международные нефтегазовые компании нередко прибегают к международному арбитражу в случае введения новых регулирующих требований в сфере разработки морских природных ресурсов. Так, американские инвесторы в проекты по освоению шельфовых месторождений «Гиберния» и «Терра Нова», расположенных у побережья канадской провинции Ньюфаундленд и Лабрадор, — Mobil Investments Canada Inc. и Murphy Oil Corporation — обратились в арбитраж с требованием к Канаде в связи с изменениями в правовом регулировании, обязывавшими инвесторов осуществлять дополнительные отчисления на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в пределах провинции. По мнению инвесторов, такие нововведения представляли собой меру принудительного характера, направленную на увеличение локального содержания затрат, что противоречит положениям статьи 1106 Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), запрещающей государствам-участникам требовать от иностранных инвесторов приобретения товаров или услуг исключительно местного происхождения. Разбирательство рассматривалось в рамках процедуры по Дополнительному механизму МЦУИС Дело № ARB(AF)/07/4^[17]. В результате арбитражный трибунал пришёл к выводу о нарушении Канадой своих международных обязательств. Суд постановил, что распространение новых требований на уже действующие проекты инвестора имело ретроспективный характер и нарушило принцип правовой определённости. Канада была обязана выплатить компенсацию, общий размер которой составил порядка 13,9

миллиона канадских долларов. Хотя сумма возмещения была относительно незначительной, дело имело важное прецедентное значение, поскольку подтвердило, что государствам следует проявлять осторожность при изменении нормативных условий, регулирующих реализацию соглашений о разделе продукции или предоставление лицензий на освоение морских ресурсов. Введение новых обязательств для инвесторов без должного учёта ранее принятых международных обязательств может быть признано нарушением международного инвестиционного права. В рамках рассмотрения дела также возник вопрос о включении в сумму компенсации налоговых вычетов по роялти, которые инвесторы заявляли в расчётах. Истцы подчёркивали, что не стремятся к двойной компенсации и выражали готовность вернуть любую сумму переплаты в случае, если компетентные органы подтвердят соответствующие налоговые послабления. Ответчик указывал, что инвесторы уже фактически пользуются этими льготами, и настаивал на необходимости их учёта при расчёте убытков. Однако арбитражный трибунал отметил, что отсутствуют достаточные правовые основания для точной оценки последствий таких вычетов, в том числе ввиду длительности процедуры аудита и высокого риска последующего возмещения со стороны инвесторов. В связи с этим суд отказался учитывать налоговые вычеты в качестве основания для снижения объёма компенсации. Трибунал подтвердил принцип, согласно которому изменение условий регулирования действующих проектов может привести к международно-правовой ответственности государства, даже если прямой экономический ущерб инвесторов ограничен. Дело Mobil и Murphy против Канады стало важным ориентиром в правоприменительной практике, касающейся защиты инвестиций в сфере освоения морских ресурсов.

Экспроприация объектов шельфовой инфраструктуры. В ходе масштабной национализации нефтяного сектора, проводимой Боливарианской Республикой Венесуэла в конце 2000-х годов, были затронуты не только непосредственные добывающие предприятия, но и обслуживающие компании, осуществлявшие поддержку эксплуатации морских нефтяных объектов. В частности, в арбитражном деле Tidewater Inc., Tidewater Investment SRL, Tidewater Caribe, C.A., et al. v. The Bolivarian Republic of Venezuela (МЦУИС Дело №. ARB/10/5)^[18] в и прекращению контрактных отношений с компаниями группы Tidewater имели характер экспроприации. При этом, несмотря на признание целей экспроприации соответствующими публичным интересам, государство не обеспечило предоставление быстрой, адекватной и эффективной компенсации, что явилось нарушением международных обязательств. В результате разбирательства сумма присужденной компенсации составила около 46,4 млн долларов США при изначально заявленных инвесторами требованиях на сумму свыше 230 млн долларов США. Этот прецедент подтвердил, что даже действия государства, осуществляемые в рамках его суверенного права на национализацию, подлежат правовой оценке с позиций международного инвестиционного права, предусматривающего обязательность справедливой компенсации при отчуждении частных инвестиций. Особенность рассматриваемого дела заключалась в том, что предметом экспроприации выступали не права на недропользование, как в других разбирательствах против Венесуэлы (например, дела ConocoPhillips, Mobil и др.), а вспомогательная инфраструктура морской нефтедобычи — суда снабжения и береговые базы, что расширило практику международной защиты прав инвесторов, участвующих в морских и прибрежных инфраструктурных проектах.

Морская среда, суверенные права и публичное право. Споры о намыве земель и расширении прибрежной линии нередко связаны с экологическими аспектами и затрагивают суверенные права в море в контексте инфраструктурных проектов.

Показательным примером является разбирательство между Малайзией и Сингапуром по вопросу намывных работ в районе пролива Джохор, рассматривавшихся МТМП по запросу о временных мерах (2003 г.) и в более поздних процедурах (2005 г.) [19]. В данном деле Малайзия полагала, что масштабные береговые работы Сингапура в непосредственной близости к морской границе наносят ущерб окружающей среде и негативно сказываются на праве доступа к малайзийскому побережью. В свою очередь, Сингапур утверждал, что производит соответствующие оценочные исследования и готов взаимодействовать с Малайзией, однако фактически полноценного учёта последствий для соседнего государства сделано не было. Трибунал, проанализировав доводы сторон, пришёл к выводу, что проекты по искусственно расширению суши требуют учитывать интересы примыкающих государств и могут быть приостановлены или скорректированы во избежание серьёзного вреда морской среде и нарушения прав соседей. В результате было предписано провести совместную экспертизу, обязав стороны воздерживаться от действий, способных усугубить спор или нанести невосполнимый ущерб окружающей среде, и, в случае необходимости, приостановить некоторые работы до окончания научных исследований и дополнительного согласования позиций.

Ярким прецедентом в вопросах правового режима морских пространств явилось арбитражное разбирательство, инициированное Республикой Филиппины против Китайской Народной Республики в соответствии с Приложением VII к Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (Постоянная палата третейского суда (ППТС, решение 2016 г.) [20]). Хотя Китай не участвовал в процессе, постоянно действующий Третейский суд рассмотрел вопросы правомерности сооружений, возведённых Китаем на спорных рифах, и их влияния на экосистему, а также оценил законность «девятипунктирной линии». Трибунал единогласно пришёл к выводу, что «исторические» притязания Китая в пределах этой линии не соответствуют положениям Конвенции, а масштабное создание искусственных островов и добыча биоресурсов в исключительной экономической зоне Филиппин нарушают суверенные права последней. Было установлено, что ряд объектов — в том числе риф Мисчиф, несмотря на военную инфраструктуру (взлётно-посадочная полоса, порт), — в действительности представляют собой отмели, затопляемые при приливе, не образуют острова, не формируют морских зон и находятся в пределах 200-мильной филиппинской зоны. Трибунал признал незаконным размещение там китайских объектов и создание препятствий для традиционного филиппинского рыболовства в районе Скарборо. Данное дело подтвердило верховенство правовой системы Конвенции ООН по морскому праву над односторонними заявлениями и прояснило критерии определения островов, что имеет существенное значение для проектов по расширению суши или строительству морских платформ. Отдельно подчёркнута обязанность государств сохранять морскую среду, поскольку строительные работы привели к значительному ущербу коралловым рифам, что было расценено как нарушение Китайской Народной Республикой экологических обязательств по Конвенции.

В 2010 году британское правительство в одностороннем порядке учредило морской заповедник в акватории архипелага Чагос (Индийский океан) – территории, на которую претендует Маврикий, что послужило поводом к рассмотрению в рамках арбитражного дела [21]. По представлению Маврикия, запрет на рыболовство был введен без должных двусторонних консультаций и с игнорированием ранее данных обещаний, включая перспективы возвращения архипелага, что создало препятствия для осуществления прав заинтересованного государства на использование природных ресурсов. Трибунал, не имея компетенции решать спор о суверенитете, проанализировал действия

Великобритании на предмет соответствия нормам КООНМП и пришёл к выводу, что Лондон нарушил обязательство «надлежащим образом учитывать права другого государства» (статья 56(2) КООНМП), фактически проигнорировав договорные гарантии Маврикия и его притязания на архипелаг. Данное решение подчеркнуло, что природоохранные меры, в том числе запрет на промысел, должны вводиться добросовестно и с соблюдением прав других заинтересованных сторон, особенно если статус территории оспаривается. Параллельно в рамках системы ООН сохранялась дискуссия о завершении деколонизации Маврикия, и Международный Суд (ICJ) в консультативном заключении от 25 февраля 2019 года указал, что процесс деколонизации не был законно завершён, а Соединённое Королевство обязано прекратить управление архипелагом Чагос «как можно скорее». Вслед за этим Генеральная Ассамблея приняла резолюцию A/73/L.84/Rev.1 (май 2019 г.), потребовавшую безоговорочного вывода колониальной администрации и признавая архипелаг Чагос неотъемлемой частью территории Маврикия [\[22\]](#). Тем самым международные органы зафиксировали, что любые меры по охране морской среды должны учитывать принцип самоопределения и права Маврикия, а все вопросы, связанные с использованием ресурсов в водах Чагоса, тесно увязаны с требованием завершения деколонизации и добросовестного соблюдения взаимных прав и интересов.

Рассмотренные кейсы демонстрируют многогранность правового режима морских пространств, особенно когда в игру вступают крупные строительные и ресурсные проекты. С одной стороны, споры о делимитации и суверенитете (Гайана/Суринам, Гана/Кот-д'Ивуар, Филиппины/Китай, Чагос и др.) формируют «каркас» – правила того, кто и где может строить и добывать. Эти решения опираются на нормы КООНМП и устанавливают пределы односторонних действий государств в ожидании окончательных соглашений. С другой стороны, инвестиционные арбитражи (*Ampal v. Egypt*, *Mobil v. Canada*, *RSM, Tidewater* и др.) заполнили «прикладные» пробелы, уточнив ответственность государств перед частными партнерами за изменения правил игры, экспроприации или срыв проектов. Благодаря им сложилась практика применения норм международного публичного права (договоров об инвестициях, принципов обращения с иностранными инвесторами) в контексте морских инфраструктурных контрактов.

Анализ морских строительных проектов, учитывающих международное право, требует комплексного подхода к выполнению норм, регламентирующих использование морских пространств, а также соблюдения требований международных договоров. Приоритетное значение приобретает соблюдение экологических стандартов, закреплённых в многосторонних соглашениях, поскольку такие проекты оказывают существенное влияние на окружающую среду.

Систему международных отношений в рассматриваемой области характеризует отсутствие единообразного определения понятия «международный спор». Практика Международного Суда ООН, в частности, свидетельствует: для признания конфликта международным спором недостаточно только расхождения во мнениях сторон о фактах или правовых нормах; требуется наличие конкретных действий, правовых требований либо официального возбуждения судебного разбирательства. Значимость подобных споров проявляется особенно остро при разграничении морских пространств и освоении их ресурсов, поскольку в подобные проекты вовлечены многочисленные субъекты – государства и инвесторы, опирающиеся на нормы КООНМП и другие международные документы.

Научные работы подтверждают, что международные правовые конфликты охватывают не

только вопросы толкования договорных обязательств, но и иные аспекты международных отношений, включая взаимные претензии сторон. Например, Д. Н. Джунусова в своём учебном пособии [23] подчёркивает значимость комплексного рассмотрения морских споров, касающихся научных исследований, сохранения морской среды и соблюдения положений многосторонних соглашений.

КООНМП, которую нередко именуют «Конституцией океанов», устанавливает механизмы создания международных институтов (например, Международный трибунал по морскому праву, МТМП), уполномоченных разрешать споры на основе Конвенции. В исследованиях О. Н. Серегиной [24], указывается на сложность унификации положений КООНМП при их имплементации в национальное законодательство, что обусловлено разнотчтениями в правоприменении.

Практика Международного Суда ООН и МТМП демонстрирует, что споры о делимитации, рыболовстве и охране окружающей среды занимают в их деятельности особое место. Международный Суд ООН рассмотрел ряд дел (включая инцидент в проливе Корфу, а также споры о континентальном шельфе), подтверждая приоритет единых правовых норм при определении границ и распределении прав и обязанностей государств. В свою очередь, МТМП с 1997 года рассмотрел 29 дел, связанных с арестами судов, делимитацией морских пространств и защищкой экосистем, что позволяет говорить о росте значения судебных процедур в регулировании морских вопросов. Исследования М. И. Гараева [25] отмечают, что решения Суда закладывают фундаментальные принципы справедливого распределения морских пространств.

Наравне с МС ООН и МТМП важную роль играют арбитражные институты, созданные в рамках КООНМП, а также Постоянная палата третейского суда (ППТС) и трибуналы ad hoc. Они применяются, если стороны согласовали обязательность арбитража или сочли целесообразным передать дело на рассмотрение независимых арбитров. Исследования А.Г. Архиповой и Е.А. Абросимовой [26] показывают, что наличие государственного интереса, бюджетных средств и иных публично-правовых аспектов может усложнять признание решений арбитражей. Тем не менее дела Малайзия vs. Сингапур по поводу мелиорации, а также Филиппины vs. Китай (ППТС, 2016) иллюстрируют востребованность таких механизмов. При этом государственные позиции могут приводить к отказу в признании решений: Китай, например, не принял выводы по Южно-Китайскому морю, а Хорватия оспорила вердикт ППТС по своему спору со Словенией. Исследование М.В. Елизарова [27] подтверждает, что подобные факторы затрудняют практическую реализацию решений международных судебных инстанций.

Важнейшее значение для морских строительных проектов имеют стандарты Международной федерации инженеров-консультантов (МФИК) и международное строительное контрактное право (МСКП). Эти нормы определяют механизм распределения рисков и ответственности при реализации проектов, а также предусматривают включение экологических обязательств. В крупных делах (Ampal-American Israel Corp. v. Egypt, Mobil v. Canada, RSM Production Corporation v. Grenada и др.) арбитражные трибуналы подтверждали необходимость чёткой регламентации инвестиционных обязательств и экологических мер, особенно когда речь идёт о проектах на континентальном шельфе и в исключительных экономических зонах.

Реализация масштабных портовых проектов (например, в Джибути, Перу, Бельгии) продемонстрировала, что концессионные контракты и соглашения о строительстве или расширении терминалов нередко становятся предметом коммерческих и инвестиционных

арбитражей. Прецеденты DP World (в отношении порта Дорале в Джибути), Callao (Перу) и Зебрюгге (Бельгия) отражают значимость соответствия госорганов своим международным обязательствам, а также подтверждают прямое влияние арбитражных решений на использование морской инфраструктуры.

Отдельного внимания заслуживают споры, затрагивающие экологические аспекты (например, дело о заводе МОХ). Подобные разбирательства подчёркивают обязательность учёта принципов устойчивого развития при реализации морских проектов, особенно когда встает вопрос о негативном воздействии на морскую среду.

Исследования Бирни, Бойла и Редгвелла [28], а также работа Джулиана Робертса [29] подчёркивают, что прогресс в области морской экологии во многом зависит от правильного использования существующих механизмов защиты природы и тщательного контроля соответствия строительных проектов принципам устойчивого развития. Процедуры объявления особо чувствительных морских районов требуют не формального статуса, а реальных экологических выгод.

Полученные данные подтверждают, что совокупность норм КООНМП и МСКП создаёт стабильный юридический режим для реализации инфраструктурных проектов в море. Участникам строительства необходимо чётко следовать стандартам МФИК, закрепляя в договорах механизмы экологического контроля и порядок взаимодействия сторон. Результатом подобного правового регулирования становится поиск баланса между экономическими и природоохранными интересами, укрепление взаимного доверия и предотвращение конфликтов при освоении морских пространств.

В ходе исследования подтверждено, что полноценное соблюдение норм КООНМП и механизмов международного строительного контрактного права в морских инфраструктурных проектах создаёт правовую предсказуемость, снижает вероятность спорных ситуаций и улучшает экологическую обстановку. Анализ пяти крупнейших проектов в 2023 году показывает, что прямое включение экологических клаузул и принципов устойчивого развития в контракты помогает защитить морские экосистемы и согласовать интересы прибрежных государств и международных инвесторов. Судебная и арбитражная практика подчеркивает, что государствам не следует односторонне менять лицензионные условия или прибегать к силовым методам в спорных акваториях, поскольку подобные действия становятся поводом для инвестиционных исков и могут приводить к международно-правовой ответственности.

Кроме того, ключевым фактором снижения конфликтов выступает прозрачное распределение рисков и обязательств в контрактах, разработанных по стандартам МФИК. Эти стандарты позволяют чётко закреплять требования к экологической оценке проектов и к защите окружающей среды, а также механизмы компенсации в случае непредвиденных последствий. Практическая реализация принципов устойчивого развития приобретает статус одного из доминирующих критериев для международной правовой оценки морских строительных проектов.

Полученные результаты подтверждают исходную гипотезу о том, что сочетание норм КООНМП и МСКП способствует гармоничному использованию морских пространств и рациональному управлению природными ресурсами, позволяя эффективно регулировать новые вызовы — от экологических до инвестиционных. Закрепление международных экологических норм и обязательств в строительных контрактах формирует более ответственный подход к освоению шельфа, развитию портовой инфраструктуры и иных объектов в морской зоне. Это даёт основания полагать, что дальнейшая интеграция

устойчивых механизмов в международное морское право будет укреплять гарантии защиты как государства, так и инвесторов, обеспечивая стабильное и безопасное развитие морских проектов.

Библиография

1. Вылегжанин А.Н., Корженяк А.М. Клаузулы устойчивого развития в международном морском праве // Московский журнал международного права. 2022. № 4. С. 6-33. DOI: 10.24833/0869-0049-2022-4-6-33. EDN: RYVHIV.
2. Charrett D. (ed.). The international application of FIDIC contracts: A practical guide. – Taylor & Francis, 2019.
3. Guyana v. Suriname. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/9/> (дата обращения: 9 марта 2025 года).
4. Dispute concerning delimitation of the maritime boundary between Ghana and Côte d'Ivoire in the Atlantic Ocean (Ghana/Côte d'Ivoire). URL: <https://www.itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-23/> (дата обращения: 9 марта 2025 года).
5. Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America). 2003. URL: <https://www.icj-cij.org/node/103215> (дата обращения: 9 марта 2025 года).
6. Continental Shelf (Tunisia/Libyan Arab Jamahiriya). 1982. URL: <https://www.icj-cij.org/case/63> (дата обращения: 9 марта 2025 года).
7. Continental Shelf (Libyan Arab Jamahiriya/Malta). 1985. URL: <https://www.icj-cij.org/case/68> (дата обращения: 9 марта 2025 года).
8. Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain). 2001. URL: <https://www.icj-cij.org/node/103159> (дата обращения: 9 марта 2025 года).
9. DP World and Doraleh v. Djibouti. DP World and Doraleh Container Terminal v. Republic of Djibouti, LCIA Case No. 183886, 2024. URL: <https://jusmundi.com/en/document/decision/en-dp-world-and-doraleh-container-terminal-v-republic-of-djibouti-report-and-recommendation-of-the-united-states-district-court-for-the-district-of-columbia-friday-5th-july-2024> (дата обращения: 9 марта 2025 года).
10. DP World Callao S.R.L., P&O Dover (Holding) Limited, and The Peninsular and Oriental Steam Navigation Company v. Republic of Peru, ICSID Case No. ARB/11/21, 2020. URL: <https://www.italaw.com/cases/12472> (дата обращения: 9 марта 2025 года).
11. DP World Limited v. Kingdom of Belgium, ICSID Case No. ARB/17/21, 2024. URL: <https://www.italaw.com/cases/5994> (дата обращения: 9 марта 2025 года).
12. Case concerning Land Reclamation by Singapore in and around the Straits of Johor (Malaysia v. Singapore), Provisional Measures, 2023. URL: <https://www.itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-12/> (дата обращения: 10 марта 2025 года).
13. The MOX Plant Case (Ireland v. United Kingdom), Provisional Measures, 2001. URL: <https://www.itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-10/> (дата обращения: 10 марта 2025 года).
14. Ampal-American and others v. Egypt. Ampal-American Israel Corp., EGI-Fund (08-10) Investors LLC, EGI-Series Investments LLC, BSS-EMG Investors LLC and David Fischer v. Arab Republic of Egypt, ICSID Case No. ARB/12/11. URL: <https://jusmundi.com/fr/document/decision/en-ampal-american-israel-corp-egi-fund-08-10-investors-llc-egi-series-investments-llc-bss-emg-investors-llc-and-david-fischer-v-arab-republic-of-egypt-decision-on-jurisdiction-monday-1st-february-2016> (дата обращения: 11 марта 2025 года).
15. RSM Production Corporation and others v. Grenada, ICSID Case No. ARB/10/6. URL:

- <https://www.italaw.com/cases/937> (дата обращения: 11 марта 2025 года).
16. RSM Production Corporation v. Saint Lucia, ICSID Case No. ARB/12/10. URL: <https://www.italaw.com/cases/2706> (дата обращения: 11 марта 2025 года).
17. Mobil Investments Canada Inc. and Murphy Oil Corporation v. Canada, ICSID Case No. ARB(AF)/07/4. URL: <https://www.italaw.com/cases/1225> (дата обращения: 11 марта 2025 года).
18. Tidewater Inc., Tidewater Investment SRL, Tidewater Caribe, C.A., et al. v. The Bolivarian Republic of Venezuela, ICSID Case No. ARB/10/5. URL: <https://www.italaw.com/cases/1096> (дата обращения: 11 марта 2025 года).
19. Land Reclamation by Singapore in and around the Straits of Johor (Malaysia v. Singapore). URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/108/6> (дата обращения: 11 марта 2025 года).
20. The South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China). URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/7/> (дата обращения: 11 марта 2025 года).
21. Chagos Marine Protected Area Arbitration (Mauritius v. United Kingdom). URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/11/> (дата обращения: 11 марта 2025 года).
22. Консультативное заключение Международного Суда о правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 году. URL: <https://docs.un.org/ru/A/73/L.84/Rev.1> (дата обращения: 11 марта 2025 года).
23. Джунусова Д. Н. Международное морское право: учебное пособие. – Астрахань: ИД "Астраханский университет", 2012. – 328 с. ISBN 978-5-9926-0557-0. EDN: TLZKLX.
24. Серегина О. Н. Кодификация норм международного публичного права на примере Конвенции ООН по морскому праву 1982 г // Актуальные проблемы права. 2016. С. 195-197. EDN: XEYYAJ.
25. Гараев М. И. Международные пограничные споры о морской делимитации в практике Международного Суда ООН // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 65-69. EDN: NYQISW.
26. Архипова А. Г., Абросимова Е. А. Арбитрабельность морских споров с публично-правовым элементом // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 196-205. DOI: 10.17223/15617793/463/25. EDN: UJEEZS.
27. Елизаров М. В. О средствах мирного урегулирования международных морских споров // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2017. Т. 9. № 3. С. 197-201. EDN: ZAELBD.
28. Boyle A. E., Redgwell C. Birnie, Boyle, and Redgwell's international Law and the environment. Oxford University Press, 2021.
29. Roberts J. Marine environment protection and biodiversity conservation: the application and future development of the IMO's particularly sensitive sea area concept. Springer Science & Business Media, 2006.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, правовой режим морских пространств и их природных ресурсов в контексте международного строительного контрактного права. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования раскрыта: "... изучение международных соглашений, в том числе КООНМП и профильных правовых актов, касающихся морских пространств, анализ

материалов Международного трибунала по морскому праву, Международного Суда ООН и арбитражей *ad hoc* Постоянной палаты третейского суда (ППТС), в том числе дел о разграничении морских пространств и защите морской среды. Исследование стандартных контрактов МФИК и их практического применения в морских инфраструктурных проектах. Сравнительно-правовой метод для сопоставления национальных законодательств прибрежных государств с международными нормами. Аналитический обзор научной литературы и статистических данных, посвящённых современным морским строительным проектам".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Глобальное значение морских пространств и их природных ресурсов продолжает возрастать в силу растущего товарооборота и необходимости поддержания устойчивых логистических цепочек. Важную роль в данной сфере играют порты и терминалы, которые обеспечивают бесперебойное функционирование мировой торговли. Реализация морских строительных проектов требует учитывать совокупность технических, инженерных и правовых аспектов, регламентируемых международным морским правом и нормами, закреплёнными в Конвенции ООН по морскому праву (КООНМП). Указанная Конвенция выступает основным документом, устанавливающим правила рационального использования и охраны морских пространств. Наряду с нормами морского права ключевое значение для морских строительных проектов приобретают положения международного строительного контрактного права (МСКП). Принципы и рекомендации Международной федерации инженеров-консультантов (МФИК) формируют прозрачные стандартные условия, регулирующие права и обязанности участников проектов. При этом на первый план выходят экологические обязательства, соответствующие концепции устойчивого развития. Сочетание норм МСКП и принципов КООНМП способствует снижению риска конфликтов между государствами и частными инвесторами, а также обеспечивает защиту морской среды в ходе возведения крупных инфраструктурных объектов". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "... даже в спорных акваториях государства не должны прибегать к силовым методам защиты своих претензий, а обязаны искать временные компромиссы по совместному использованию ресурсов"; "... начало разработок до делимитации не влечет ответственности, если государство действовало без намерения нарушить права соседа и не пыталось поставить его перед необратимым фактом"; "Эти решения сформировали принципы, важные для договоров на разработку шельфа: место нахождения ресурсов никогда не учитывается (присутствие нефти как таковой не дает привилегий в установлении линии разграничения) и необходимость учитывать географию, а не инвестиции"; "... международный арбитраж остаётся востребованным механизмом защиты прав частных субъектов даже в отношениях с государствами, обладающими устойчивой правовой системой и высоким уровнем институциональной стабильности"; "Данный кейс является показательным примером того, что действия государства, даже обусловленные соображениями внутренней безопасности, подлежат оценке с точки зрения международных обязательств по защите инвестиций, а резкое изменение условий, включая отзыв налоговых преференций или разрыв долгосрочных контрактов, требует компенсации убытков, если оно нарушает разумные ожидания инвесторов, сформированные на основании заключённых соглашений"; "Указанные дела показали, что наличие международно-правовых механизмов защиты инвестиций не освобождает инвестора от соблюдения договорных обязательств, включая требования о сроках подачи заявок и выполнении обязательного объема вложений. Кроме того, практика

МЦУИС подтвердила готовность трибуналов пресекать злоупотребления процедурными правами и обеспечивать баланс интересов сторон в рамках договорного регулирования недропользования в морских пространствах"; "Рассмотренные кейсы демонстрируют многогранность правового режима морских пространств, особенно когда в игру вступают крупные строительные и ресурсные проекты. С одной стороны, споры о делимитации и суверенитете (Гайана/Суринам, Гана/Кот-д'Ивуар, Филиппины/Китай, Чагос и др.) формируют «каркас» – правила того, кто и где может строить и добывать. Эти решения опираются на нормы КООНМП и устанавливают пределы односторонних действий государств в ожидании окончательных соглашений. С другой стороны, инвестиционные арбитражи (Ampal v. Egypt, Mobil v. Canada, RSM, Tidewater и др.) заполнили «прикладные» пробелы, уточнив ответственность государств перед частными партнерами за изменения правил игры, экспроприации или срыв проектов. Благодаря им сложилась практика применения норм международного публичного права (договоров об инвестициях, принципов обращения с иностранными инвесторами) в контексте морских инфраструктурных контрактов" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, определяет его объект, предмет, цель, задачи, методологию. В основной части работы автор осуществляет комплексный анализ правового режима морских пространств и природных ресурсов в контексте МСКП с учётом современных экологических требований и практики разрешения международных споров. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий. Однако оно не лишено небольших недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В исследованиях О. Н. Серегиной [24], указывается на сложность унификации положений КООНМП при их имплементации в национальное законодательство, что обусловлено различиями в правоприменении" - первая запятая является лишней.

Ученый отмечает: "Исследования М. И. Гараева [25] отмечают, что решения Суда закладывают фундаментальные принципы справедливого распределения морских пространств" - "В исследованиях М. И. Гараева [25] отмечается..." (см. на стилистику).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются пунктуационные и стилистические погрешности.

Библиография исследования представлена 29 источниками (монографиями, научными статьями, учебным пособием, аналитическими и эмпирическими материалами, международными документами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Полученные данные подтверждают, что совокупность норм КООНМП и МСКП создаёт стабильный юридический режим для реализации инфраструктурных проектов в море. Участникам строительства необходимо чётко следовать стандартам МФИК, закрепляя в договорах механизмы экологического контроля и порядок взаимодействия сторон. Результатом подобного правового регулирования становится поиск баланса между экономическими и

природоохранными интересами, укрепление взаимного доверия и предотвращение конфликтов при освоении морских пространств. В ходе исследования подтверждено, что полноценное соблюдение норм КООНМП и механизмов международного строительного контрактного права в морских инфраструктурных проектах создаёт правовую предсказуемость, снижает вероятность спорных ситуаций и улучшает экологическую обстановку. Анализ пяти крупнейших проектов в 2023 году показывает, что прямое включение экологических клаузул и принципов устойчивого развития в контракты помогает защитить морские экосистемы и согласовать интересы прибрежных государств и международных инвесторов. Судебная и арбитражная практика подчеркивает, что государствам не следует односторонне менять лицензионные условия или прибегать к силовым методам в спорных акваториях, поскольку подобные действия становятся поводом для инвестиционных исков и могут приводить к международно-правовой ответственности. Кроме того, ключевым фактором снижения конфликтов выступает прозрачное распределение рисков и обязательств в контрактах, разработанных по стандартам МФИК. Эти стандарты позволяют чётко закреплять требования к экологической оценке проектов и к защите окружающей среды, а также механизмы компенсации в случае непредвиденных последствий. Практическая реализация принципов устойчивого развития приобретает статус одного из доминирующих критериев для международной правовой оценки морских строительных проектов. Полученные результаты подтверждают исходную гипотезу о том, что сочетание норм КООНМП и МСКП способствует гармоничному использованию морских пространств и рациональному управлению природными ресурсами, позволяя эффективно регулировать новые вызовы — от экологических до инвестиционных. Закрепление международных экологических норм и обязательств в строительных контрактах формирует более ответственный подход к освоению шельфа, развитию портовой инфраструктуры и иных объектов в морской зоне. Это даёт основания полагать, что дальнейшая интеграция устойчивых механизмов в международное морское право будет укреплять гарантии защиты как государства, так и инвесторов, обеспечивая стабильное и безопасное развитие морских проектов"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права при условии ее небольшой доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания) и устранении нарушений в оформлении работы.

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Давыдов Д.В. Экстерриториальность *in corpore*: пространственные пределы действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных // Международное право. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.74669 EDN: WKMQXC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74669

Экстерриториальность *in corpore*: пространственные пределы действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных

Давыдов Дмитрий Васильевич

ORCID: 0009-0001-9466-2624

Аспирант; Юридический факультет; Государственный академический университет гуманитарных наук

119049, Россия, г. Москва, р-н Якиманка, Мароновский пер., д. 26

✉ d.davydov@gauhn.ru

[Статья из рубрики "Международное право и внутригосударственное право"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.3.74669

EDN:

WKMQXC

Дата направления статьи в редакцию:

28-05-2025

Дата публикации:

04-06-2025

Аннотация: Традиционные представления о территориальном верховенстве и пространственных пределах действия правовых норм, допускавшие лишь в единичных, строго определенных случаях их экстерриториальное применение, фактически обесцениваются благодаря устойчивому стремлению государств распространить пространство действия своего национального права и юрисдикции. Как показало время, вопросы экстерриториальности уже не ограничиваются личным статутом и фикцией экстерриториальности. Необходимость урегулирования данной проблемы также продиктована последствиями стремительного развития глобальной конкуренции, оказывающей чрезвычайно негативное влияние на внешнюю торговлю. В настоящей статье поставлена цель сформулировать наиболее полный перечень различных

практических проявлений экстерриториальности, кратко проследить отношение международно-правовой доктрины к этой проблеме, а также проанализировать, с учетом проведенного исследования, предложенный Комиссией международного права ООН вариант урегулирования проблемы осуществления экстерриториальной юрисдикции. При написании данной статьи применялись аналитический, дедуктивный, индуктивный, исторический, системный, сравнительно-правовой и функциональный методы исследования. В статье анализируются особенности проявления различных форм и видов экстерриториальности и предпринята попытка оценить многообразие этих проявлений в их совокупности. Теперь наука и практика международного права должны вырабатывать подходы, касающиеся экстерриториального действия не только законов, но и прав и обязанностей, из них вытекающих, судебных решений, а также документов. Обобщенный перечень разнообразных случаев экстерриториальности не оставляет сомнений в том, что данная проблема находится на стыке международного публичного и международного частного права. Очевидно, что проблема экстерриториальности по своему объему и сложности такова, что потребует участия многих специалистов, представляющих разные правовые традиции, и координации их усилий, вероятнее всего под эгидой Комиссии международного права ООН.

Ключевые слова:

иммунитет, международная правовая помощь, национализация, территориальное верховенство, трансграничное движение документов, фикция экстерриториальности, экстерриториальность, экстрапротерриториальность, юрисдикция, юрисдикционный анклав

Стремление отдельных государств распространить действие национального права, а также своей юрисдикции за пределы собственных государственных границ является одним из проявлений проблемы экстерриториальности национального права. В конце XX в. и начале XXI в. данный вопрос приобрел беспрецедентную актуальность. В условиях глобальной конкуренции [1] [2] многие государства, прежде всего США, стремятся придать целому ряду положений своего национального права экстерриториальный характер. Чаще всего речь идет об установлениях антимонопольного, банковского, валютного, налогового законодательства, а также об ограничительных мерах, вытекающих из экспортного регулирования, торгово-экономических рестрикций, положений о ценных бумагах, биржах, борьбе с коррупцией и т.д. В этом же ряду стоят и попытки расширить свою процессуальную юрисдикцию далеко за пределы собственных государственных границ.

Особое место в рамках этой политики принадлежит такому инструменту, как санкции. Под этим термином на самом деле скрываются односторонние принудительные экономические меры [3], используемые для того, чтобы заставить другие государства следовать курсом, который соответствует политико-экономическим интересам стран, навязывающих другим государствам свои интересы. Как указывает Патрик С. Терри, «США стремятся подорвать внешнюю и торговую политику третьих государств, нацеливаясь на их граждан и бизнес. Санкционная политика США, таким образом, является попыткой установить контроль над внешней политикой других государств. Такое принуждение равносильно незаконному вмешательству во внутренние дела этих государств» [4]. На эти же обстоятельства указывает и А. А. Клишас, отмечая что США и ЕС проводят последовательную политику по реализации собственных интересов во внутригосударственных делах зарубежных

стран. Он подчёркивает, что это является очевидным нарушением принципа невмешательства во внутренние дела государств, который относится к императивным нормам международного права^[5].

В этой ситуации весьма интересно то, что проблему экспансии американского правового вектора признают и в самих США. Ещё в 1982 г. в редакционной статье «Бизнес и закон: установление правил в США и за рубежом» в газете «Нью-Йорк таймс» Т. Левин отмечал: «Американские суды имеют право наказывать иностранные компании, если они нарушают антимонопольное законодательство США и оказывают существенное негативное влияние на американскую экономику. Бизнес-решения, которые выгодны для экономики одной страны, часто невыгодны для экономики другой»^[6].

Естественно, что навязывание собственного права вызывает ответные меры со стороны других государств. Некоторыми странами было разработано и введено в действие специальное законодательство по противодействию американскому правовому доминированию (так называемые «блокирующие акты»)^[7].

Складывающаяся ситуация не может не вызвать обеспокоенности, не говоря уже о необходимости её адекватной правовой оценки. Проф. С. В. Бахин указывает, что конкуренция в сфере права и юриспруденции является одним из инструментов в борьбе за глобальное доминирование^[8]. Развивая эту мысль, можно вести речь даже о правовой экспансии.

В этих условиях естественно возникает вопрос о правовых рамках, которые могут быть установлены для экстерриториального действия национального законодательства и экстерриториальной юрисдикции. Проблема, однако, в том, что в науке международного права экстерриториальность никогда не анализировалась в качестве комплексного правового феномена.

Так сложилось исторически. Во-первых, экстерриториальность всегда рассматривалась обособленно и нескоординированно специалистами по международному публичному и международному частному праву. Во-вторых, до сих пор не предпринималось попыток собрать воедино и оценить в совокупности различные фактические проявления экстерриториальности. В-третьих, пока не выработано эффективных инструментов противодействия попыткам навязывания одними государствами другим своих нормоустановлений и правовых режимов.

Подчас складывается впечатление, что внимание специалистов в большей мере сосредоточено не на правовых рамках для экстерриториальности, а на констатации общего положения о том, что экстерриториальность как таковая в целом противоречит ряду фундаментальных положений международного права. Так, еще на рубеже XIX и XX вв. проф. Ф. Ф. Мартенс обращал внимание, что «не оправдываясь разумными требованиями, экстерриториальность обратится в насилие и узурпацию, и не может быть терпима»^[9, с. 408]. Ключевым в высказывании Ф. Ф. Мартенса следует признать термин «разумность», которую логично толковать как выяснение воли другого государства на применение иностранного права. Вместе с тем, полное отрицание экстерриториального применения иностранного права едва ли соответствует интересам мирового сообщества. Как отмечал британский юрист Дж. Чешир, «государства пришли к выводу, что они не могут себе позволить отрицать, ссылаясь на принцип территориального суверенитета, действие норм иностранного права исключительно на том основании, что они

противоречат нормам национального правопорядка» [\[10, с. 31\]](#).

В то же время на практике фактически отсутствует какое-либо последовательное регулирование экстерриториального применения иностранного права, а в международно-правовой доктрине до сих пор не проведено полноценного анализа феномена экстерриториальности. В этом ключе правомерно, в первую очередь, поставить вопрос о том, в каких именно формах в прошлом и в настоящем проявлялась экстерриториальность национального права и юрисдикции.

Специалистами экстерриториальность понимается либо узко, как исключительное подчинение законам собственной страны и полный иммунитет от юрисдикции иностранного государства [\[11, с. 602\]](#), либо широко, как отсутствие связи между правовым установлением и территорией его действия [\[12, с. 9\]](#). В течение длительного времени отсутствовало даже единство в терминологии, поскольку, наряду с термином «экстерриториальность» как равнозначный использовался термин «внеземельность». Проф. Ф. Ф. Мартенс и проф. А. Н. Мандельштам оперировали сразу тремя терминами: внеземельность, экстерриториальность и экстрапретерриториальность, не проводя между ними смыслового разграничения [\[9, с. 40-405\]](#) [\[13, с. 15-84\]](#).

Экстерриториальное применение национального права в определенных случаях неразрывно связано с осуществлением экстерриториальной юрисдикции. Комиссия международного права ООН (далее также – Комиссия) в 2006 г. определила экстерриториальную юрисдикцию как «попытку регулировать с помощью национального законодательства, а также вынесения и исполнения судебных решений, поведение лиц, имущественные отношения или действия вне его границ, которые затрагивают интересы государства в отсутствие соответствующих норм в международном праве» [\[14\]](#). Единства в определении понятия «юрисдикции» в международном праве не сложилось, в доктрине, как правило, при анализе проблем экстерриториальности общепринято руководствоваться разделением юрисдикции на предписательную, исполнительную и судебную [\[15\]](#).

Как это ни парадоксально, но ни в шеститомном (1967-1969) [\[16\]](#), ни в семитомном (1989-1993) [\[17\]](#) фундаментальных российских курсах международного права о существовании проблемы экстерриториального действия национального права даже не упоминалось. Более того, в Дипломатическом словаре, выпущенном Министерством иностранных дел СССР в 1985-1986 гг. в словарной статье «Экстерриториальность» указывалось, что этот термин устарел, не является точным и не нашел отражения в принципах и нормах международного права [\[11, с. 602\]](#). Между тем, ситуация складывается прямо противоположным образом, ибо на практике различные проявления экстерриториальности возникают чем далее, тем чаще.

Интересно задаться вопросом, почему в советской России вопрос об экстерриториальности сперва рассматривался чуть ли не как ключевой применительно к соотношению национальных правовых систем, а затем интерес к этой теме был начисто утрачен. Можно предположить, что данная тенденция была обусловлена не одним, а несколькими взаимосвязанными факторами.

Проблемы экстерриториальности интересовали юристов-международников по большей части лишь по особым случаям. Так, в России в XX в. это была, прежде всего, проблема

национализации имущества, проводившейся согласно Декретам Совета народных комиссаров и Постановлениям Высшего совета народного хозяйства 1917-1920 гг. В отечественной международно-правовой доктрине была выработана формула о полном соответствии советской национализации международному праву и об экстерриториальном действии актов о национализации [\[18, с. 13-92\]](#), в результате чего, как показало время, советская доктрина оказалась в своеобразной «ловушке».

В рамках советской международно-правовой доктрины в своеобразном ключе толковалось провозглашенное в международных документах право на национализацию, осуществляющую в рамках деколонизации. Так, положения Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 14 декабря 1960 г. о праве народов на свободное распоряжение своими естественными богатствами и ресурсами интерпретировались как предполагающие возможность национализации, осуществление которой может базироваться на признании иностранных актов о национализации [\[18\]](#).

Однако изменение политico-экономической ситуации в мире с неизбежностью поставило под сомнение некоторые постулаты советской концепции относительно экстерриториальности. Так, в 1980-х гг. экстерриториальное действие американского экспортного регулирования в отношении европейских организаций, участвовавших в строительстве газопровода «Уренгой-Помары-Ужгород», было объявлено противоречащим международному праву [\[19\]](#).

Между тем, ситуация уже тогда осложнялась тем, что проблема экстерриториальности находится на стыке международного публичного и международного частного права. Специалисты по международному публичному праву были вынуждены сообразовывать сложившиеся публично-правовые воззрения с догматикой международного частного права об экстерриториальном действии законов. Как отмечала проф. Н. Р. Баратянц, «в связи с этим особое значение приобрела такая правовая категория, как юрисдикция» [\[19\]](#).

Понимание пределов государственной власти и международно-правового значения суверенитета складывалось в течение длительного времени. Детальное рассмотрение проблемы осуществления экстерриториальной юрисдикции не могло возникнуть раньше XIX в. Лишь в XIX в. немецким правоведом Ф. К. фон Савиньи была развита идея международного общения, а также получила распространение мысль о том, что государства не могут самовольно вторгаться в сферу интересов другого независимого государства и определять свою правовую компетенцию вне пределов своего [территориального властования \[20, с. 462\]](#). Проф. М. А. Таубе полагал, что экстерриториальность определенных лиц является ограничением действия государственной власти на собственной территории, и в определенных случаях государственная власть может действовать экстерриториально [\[21, с. 81\]](#). Иными словами, экстерриториальное применение национального права рассматривалось исключительно как экстраординарный случай.

Такой подход не претерпел изменений и в советской доктрине. Проф. Б. М. Клименко в семитомном курсе международного права, подытоживая рассуждения о территориальном верховенстве, указывал: «В то время как полная и исключительная власть государства ограничена пределами его территории, юрисдикция государства в ряде случаев распространяется за пределы его территории». В качестве примеров распространения

юрисдикции за пределы территории, не называя ее экстерриториальной, Б. М. Клименко привел следующие: континентальный шельф, искусственные острова, сооружения и установки, находящиеся в районе этого шельфа; морские суда, плавающие под флагом государства в открытом море, а также воздушные суда, находящиеся в не принадлежащем какому-либо государству воздушном пространстве и в некоторых случаях на иностранной территории; запущенный в космическое пространство объект и его экипаж; научный и сопровождающий персонал в Антарктике; военные базы [22, с. 12-13]. Примечательно, что перечисленные примеры касаются исключительно вопросов (и объектов) международного публичного права. Вопросы действия международного частного права, в частности правовое положение иностранных физических и юридических лиц, не вошли в этот перечень.

В международном публичном праве разработка проблемы экстерриториальности началась с выдвижения фикции экстерриториальности, автором которой, по мнению проф. В. П. Даневского, является Гуго Гроций [23, с. 243]. Эта концепция предполагает освобождение послов от юрисдикции принимающего государства [24, с. 430]. Как показала практика, эти изъятия применялись не только к послам, но и к иным лицам — консулам, находящимся под их покровительством иностранцам, торговцам.

Греческие проксены и римские патроны — прообразы современных консулов — подчинялись юрисдикции принимающего государства, так же как и находившиеся под их покровительством иностранцы. Лишь после крестовых походов XI-XII вв. в странах Востока стали возникать фактории, имевшие полный иммунитет от юрисдикции иностранного государства и подчинявшиеся законам собственного государства; такие фактории возглавлялись консулами, обладавшими административными и судебными полномочиями [25, с. 12-15]. По мнению Ф. Ф. Мартенса, «в XIV в. институт консулов перешел с Востока в западно-европейские государства» [9, с. 69]. История свидетельствует, что помимо факторий, экстерриториальность пользовались и иные территории — вольный, или свободный, город (нем. Freie Stadt, Freistadt, т.е. город, имевший статус самостоятельного территориально-политического образования, независимого от государства, на территории которого он расположен); свободный порт (porto-franko, т.е. приморская гавань, пользовавшаяся правом беспошлинных ввоза и вывоза товаров). Не подчинялись местной юрисдикции районы проживания иностранцев в Китае и странах Востока на основании режима капитуляций (сеттльменты).

Консульские должностные лица, используемые ими помещения, документы и архивы и по сей день пользуются неприкосновенностью и иммунитетом на основании ст.ст. 31-33, 43 Венской конвенции о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. (далее — Венская конвенция 1963 г.) и положений двусторонних консульских конвенций. Консулы также экстерриториально применяют нормы права представляемого государства (ст. 5 Венской конвенции 1963 г.). Аналогичные нормы об иммунитетах и неприкосновенности послов закреплены в Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г.

В дальнейшем, с учетом складывавшейся дипломатической и консульской практики, экстерриториальность стали пользоваться и главы государств; воззрение о том, что они пользуются иммунитетом от юрисдикции государства пребывания, развилось, по мнению Ф. Листа, «в связи с учением о дипломатических представителях» [26, с. 115]. Правовой статус глав государств не претерпел изменения спустя столетия; аналогичными иммунитетами от гражданской и уголовной юрисдикции стали пользоваться также главы

правительств и министры иностранных дел, что было подтверждено Международным Судом ООН в решении от 14 февраля 2002 г. по спору между Демократической Республикой Конго и Бельгией.

Совершенно независимо от экстерриториальности персон и объектов в международном частном праве развивалась теория экстерриториального действия законов. Примечательно, что специалистов в этой области интересовали не столько вопрос о пределах распространения государственной власти, сколько торгово-экономические соображения. По большей части средневековые юристы занимались проблемами, связанными с совокупностью прав и обязанностей физических и юридических лиц при их нахождении на территории иностранного государства, а также о режиме недвижимого имущества.

Важно отметить, что механизмы международного частного права не всегда способны обеспечить решение проблем, возникающих при экстерриториальном применении публичного права, поскольку считается, что коллизионные нормы могут разграничивать лишь действие внутригосударственного частного права. Примечательно, что понимание данного вопроса в России и на Западе различается. Например, в ст. 13 швейцарского Федерального закона о международном частном праве от 18 февраля 1987 г. закреплено, что применение иностранного права не исключается лишь на том основании, что соответствующему положению приписывается публично-правовой характер [\[27, с. 1014\]](#). В то же время, согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 12 марта 2024 г. по делу № А40-138158/2022, «публичное право не обладает экстерриториальным характером».

Данная позиция Верховного Суда РФ справедлива лишь отчасти. В некоторых международных договорах предусмотрено, что по просьбе запрашивающего государства иностранный суд (если он сочтет это возможным) может применить формальности, предусмотренные процессуальным законодательством иностранного государства. Это предусмотрено, в частности, в рамках оказания международной правовой помощи. Подобные исключения возможны в рамках вручения судебных повесток в соответствии с Конвенцией о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 г., исполнения судебных поручений в соответствии с Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. (далее – Кишиневская конвенция 2002 г.), сборе доказательств в соответствии с Конвенцией о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам от 18 марта 1970 г. и в некоторых других случаях. Кроме того, международная правовая помощь предусматривает признание и приведение в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений. Таким образом, на территории государства могут действовать не только нормы иностранного права, но и иностранные правоприменительные акты.

Процессуальное право может применяться экстерриториально и в отсутствие международного договора, например, в рамках вынесения судами анти-исковых судебных запретов (ст. 248.2 АПК РФ). Относительно последних важно отметить, что несмотря на скептическое отношение в доктрине к данному институту [\[28\]](#), он задействован на практике. Так, в соответствии со ст. 5ab Регламента Совета Европейского союза № 833/2014 от 31 июля 2014 г. (в ред. от 25 февраля 2025 г.), объявлены «подсанкционными» лица, обратившиеся в российский суд в порядке ст. 248.1 или 248.2 АПК РФ.

Помимо закона, экстерриториально могут действовать и права (правомочия), из национального правового акта вытекающие. Например, в доктрине можно встретить мнение, что экстерриториальный характер имеют права на секреты производства [29]. Необходимо сделать оговорку, что в англо-саксонской системе права вопросам экстерриториального действия прав уделяется внимания более, нежели вопросам приобретенных прав английскими судами проф. М. М. Агарков пришел к выводу, что «суд снабжает принудительной силой не иностранный закон и вообще не иностранное право в объективном смысле (foreign law), а то или другое субъективное право (right), приобретенное под действием иностранного закона» [30, с. 65]. М. И. Брун выражал основную идею «всего конфликтного права» так: «Благоприобретенные права подлежат защите, не взирая на то, что правоотношение переместилось на другую территорию» [31, с. 45-46].

Вместе с тем, проблемы экстерриториальности не ограничиваются выходом права, актов правоприменения и приобретенных прав за пределы территории государства. Геополитические притязания некоторых государств в отношении иностранной территории и возможности обязывать иностранных лиц заставили науку и практику международного права обратить более пристальное внимание и на пространственное действие юрисдикции государства. Европейскому суду по правам человека (далее – ЕСПЧ) приходилось отвечать на вопрос, распространяется ли юрисдикция Турции на территорию Турецкой Республики Северного Кипра (дело «Лоизиду против Турции»: жалоба № 15318/89) и юрисдикция государств-участников НАТО – на обстреливавшиеся ими территории современной Сербии (дело «Банкович и другие против Бельгии и других»: жалоба № 52207/99).

Выше уже упоминались рассуждения Б. М. Клименко о том, что юрисдикция государства может распространяться на различные виды территорий, в частности на территории военных баз. В. А. Батырь называет военные базы и посольства (консульства) «юрисдикционными анклавами» [32, с. 66], не поясняя, что под этим подразумевается. По всей видимости, критерием здесь является иммунитет от юрисдикции государства пребывания.

К юрисдикционным анклавам, видимо, также необходимо относить и территории, на которых в силу указания национального закона действует иностранное право. К таким территориям относится Международный финансовый центр «Астана» (далее – МФЦА). Согласно п. 1 ст. 4 Конституционного закона Республики Казахстан от 7 декабря 2015 г. № 438-V, действующим правом МФЦА являются положения Закона об МФЦА, не противоречащие ему акты МФЦА, которые могут быть основаны на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса и (или) стандартах ведущих мировых финансовых центров и действующего права Республики Казахстан. Проф. С. П. Мороз называет Суд МФЦА своеобразным «анклавом» в существующей судебной системе Казахстана [33, с. 114]. Нельзя назвать Казахстан первоходцем в данном вопросе. В доктрине отмечается, что МФЦА создавался на примере и опыте Международного финансового центра Дубай (Dubai International Financial Centre) [34, с. 101].

Экстерриториальную силу могут иметь и некоторые документы. Прежде всего, речь идет о документах, прошедших процедуру апостилирования в соответствии с Конвенцией, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов от 5 октября

1961 г., или консульской легализации. Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 12 Кишиневской конвенции 2002 г., документы, скрепленные официальной печатью, действуют на территории другого государства без какого-либо удостоверения.

В международном обороте экстерриториальное действие может быть придано документам, оформленным за границей. Так, например, подобное положение закреплено в ст. 106 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее – Основы). Кроме того, российский нотариус в соответствии со ст. 104 Основ уполномочен применять нормы иностранного права и совершать удостоверительные надписи в форме, предусмотренной законодательством других государств. В определенных случаях нотариальные акты могут действовать за пределами территории государства, например, согласие родителей на пересечение ребенком государственной границы другого государства.

Другими примерами документов, действующих экстерриториально, являются национальные и международные водительские удостоверения в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения». На основании международных договоров Российской Федерации экстерриториальную силу имеют также и судовые документы судна, плавающего под флагом иностранного государства (ст. 30 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации). Такую же силу имеют судовые документы, имеющиеся на борту гражданских воздушных судов иностранных государств, если они соответствуют международным авиационным стандартам, признаваемым Российской Федерацией (ст. 81 Воздушного кодекса Российской Федерации).

Таким образом, как мы видим, ныне понятие экстерриториальности должно быть значительно расширено. Она не ограничена трансграничным действием национального законодательства. В разнообразных ситуациях практическое проявление экстерриториальности может состоять в: следовании права за лицом или подчинении правоотношения иностранному праву (личный закон или избранный закон в международном частном праве); изъятиях из правового режима территории для глав государств, дипломатов и приравненных к ним лиц (дипломатическое и консульское право); льготах и привилегиях в рамках режима капитуляций (сеттльменты и аналогичные режимы); консульских привилегиях (торговое право); специальной юрисдикции в отношении морских и воздушных судов, а также космических объектов; особом режиме специальных территорий (торговый город, свободный порт, особые финансовые центры, иностранные военные базы и иные подобные объекты); правовой помощи и исполнении иностранных судебных и арбитражных решений (международный гражданский процесс); экстерриториальном действии нотариальных актов, а также иных официальных и неофициальных документов. Экстерриториальность как особое правовое явление не может быть осмыслена на концептуальном уровне и подвергнута правовой регламентации без сравнения и соотнесения её фактических проявлений в их совокупности.

В то же время, проявления экстерриториальной юрисдикции настолько разнообразны, что в каждом конкретном случае, по всей видимости, потребуется специфическое регулирование, а может быть, и отдельный юридический документ. Комиссия международного права ООН предложила разработать акт, ориентированный на установление общих принципов и более конкретных норм, регулирующих установление экстерриториальной юрисдикции в рамках международного публичного права [\[14\]](#). Учитывая, что с момента внесения этого предложения прошло уже почти 20 лет,

нетрудно вообразить, с какими трудностями столкнулась Комиссия при подготовке такого документа. Надо полагать, что адекватное регулирование всей совокупности проблем, связанных с экстерриториальностью, возможно лишь в том случае, если к разработке искомого документа будет привлечен широкий круг высококлассных специалистов, которые могли бы выступить в качестве экспертов относительно тех или иных проявлений экстерриториальности.

Очевидно, что совершенно особые задачи встают перед наукой международного права, которой предстоит не только комплексное исследование различных проявлений экстерриториальности и определение принципиального юридического статуса этого феномена, но и поиск реальных путей и средств, при помощи которых возможно установление юридических рамок согласования государствами механизма трансграничного действия их права и юрисдикции.

Библиография

1. Бахин С.В. Право международной конкуренции и безопасность государств (некоторые рассуждения о ближайшем будущем) // Глобальные вызовы и угрозы международной безопасности. Сборник материалов международной научно-практической онлайн-конференции. 30 сентября 2020 года, Нур-Султан / Под ред. Ш.В. Тлепиной, Р.Д. Акшаловой, Д.М. Каматовой. Нур-Султан: ИП Булатов, 2020. С. 43-49.
2. Бахин С.В. Глобальная конкуренция (на подступах к новому миропорядку) // Наука СПбГУ-2022. Сборник материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием. Санкт-Петербургский государственный университет. Москва: ООО "Издательство Ипполитова", 2023. С. 1230-1231. EDN: GBULBU.
3. Бахин С.В. "Санкционное право": постановка проблемы // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 4. С. 143-152. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).143-152. EDN: KUINNW.
4. Терри П.С. Проведение в жизнь внешней политики США путем наложения односторонних вторичных санкций: работает ли право сильного в международном публичном праве? // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 25-55. DOI: 10.17323/19967845-2022-01-02. EDN: SXNBFQ.
5. Клишас А.А. О вмешательстве США и ЕС во внутренние дела государств [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [сайт]. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/81083/> (дата обращения: 27.05.2025).
6. Lewin T. Business and the Law; Imposing Rule of U.S. Abroad // New York Times. November 16, 1982. Sec. D. P. 2.
7. Боклан Д.С., Коваль В.В. Односторонние санкции в соответствии с международным правом и эффективность блокирования // Московский журнал международного права. 2024. № 1. С. 6-23. DOI: 10.24833/0869-0049-2024-1-6-23. EDN: MLJGHG.
8. Бахин С.В. Экономическая безопасность Российской Федерации и международное частное право // Журнал международного частного права. 2018. № 1 (99). С. 24-53. EDN: YOJWBV.
9. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Том II. Изд. пятое, доп. и испр. Санкт-Петербург: Типография А. Бенке, 1905. 626 с.
10. Cheshire J., North P., Fawcett J. International Private Law / P. Torremans, J. Fawcett, 15th edition. Vicenza: L.E.G.O. S.p.A., 2017. 1632 p.
11. Дипломатический словарь : в 3 т. Т. 3. С-Я / гл. редакция А.А. Громыко и др. 4-е перераб. и доп. изд. Москва: Наука, 1986. 749, [1] с.
12. Самарин А.А. Экстерриториальное действие права : дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / А.А. Самарин. Нижний Новгород, 2016. 229 с. EDN: LGOSFW.
13. Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного

- права. Том I. Санкт-Петербург: Типография А. Бенке, 1900. 273 с.
14. Доклад Комиссии международного права Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]: 1 мая 9 июня и 3 июля 11 августа 2006 г. (Пятьдесят восьмая сессия) A/61/10. С. 536-558. URL: <https://docs.un.org/ru/A/61/10> (дата обращения: 27.05.2025).
15. Терентьева Л.В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его государственных границ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 160-180. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.3.160.180. EDN: GJFPOL.
16. Курс международного права : в 6 т. / Академия Наук СССР, Ин-т государства и права. Москва: Наука, 1967-1969.
17. Курс международного права. В 7 т. / ред. кол. В.Н. Кудрявцев (гл. ред.) и др. Москва: Наука, 1989-1993.
18. Вилков Г.Е. Национализация и международное право. Москва: Издательство Института международных отношений, 1962. 134 с.
19. Баратянц Н.Р. Проблемы экстерриториального действия правовых норм и международное частное право // Международное частное право: современные проблемы / Отв. ред. М.М. Богуславский. Москва: Издательское товарищество "ТЕИС", 1994. С. 245-261.
20. Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Типография Губернского Правления, 1903. 567 с.
21. Таубе М.А. Система межгосударственного права в схематическом изложении: программа-конспект лекций. Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбайма, 1909. 51 с.
22. Курс международного права. В 7 т. Т. 3. Основные институты международного права / отв. ред. Н.А. Ушаков. Москва: Наука, 1990. 260 с.
23. Золотой фонд российской науки международного права. Т. V. Даневский В.П. Пособие к изучению истории и системы международного права / Науч. ред. Г.С. Стародубцев. Москва: Международные отношения, 2021. 496 с.
24. Гроций Г. О праве войны и мира: репринт с изд. 1956 г. / С.Б. Крылов; пер. с лат. А.Л. Саккетти. Москва: Ладомир, 1994. 868 с.
25. Алексиева Б.Б. Тенденции развития института консульских привилегий и иммунитетов : дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / Б.Б. Алексиева. Москва, 2006. 150 с. EDN: NNRVNR.
26. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / В.Э. Грабарь, перевод М. Мебель. Юрьев: Издание М.А. Полянской, 1902. 404 с.
27. Международное частное право. Сборник национальных кодификаций / сост. и ред. В. Плеханов. Москва, 2021. 1112 с.
28. Гландин С.В. Закон о праве подсанкционных лиц переносить судебные споры в Россию: причины и предпосылки // Международное правосудие. 2021. № 1 (37). С. 131-152. DOI: 10.21128/2226-2059-2021-1-131-152. EDN: HLIPMK.
29. Гаврилов Э. Гражданко-правовая защита и охрана секретов производства и коммерческой тайны // Хозяйство и право. 2014. № 7. С. 41-56. EDN: UFEMHL.
30. Агарков М.М. Применение советским судом иностранного закона // Проблемы социалистического права. Сборник 3. Москва: Юридическое издательство НКЮ Союза СССР, 1938. С. 65-72.
31. Брун М.И. Очерки истории конфликтного права. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1915. 106 с.
32. Батырь В.А. Международное территориальное право. Москва: Международные отношения, 2021. 664 с. EDN: XDPDOB.
33. Мороз С.П. Суд МФЦА: вопросы теории и практики // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 1 (59). С.

111-115. EDN: HSYTKB.

34. Мурзагалиева А.М. К вопросу о видах международных финансовых центров // CONCORDE. 2018. № 3. С. 99-104. EDN: XMJMTB.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Экстерриториальность *in corpore*: пространственные пределы действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам пространственных пределов действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных. Автором статьи раскрываются проблемы экстерриториальной юрисдикции, в частности, отмечается, что «проявления экстерриториальной юрисдикции настолько разнообразны, что в каждом конкретном случае, по всей видимости, потребуется специфическое регулирование, а может быть, и отдельный юридический документ». В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения международных актов, мнения ученых, материалы практики.

Методология исследования.

Цель исследования может быть обозначена в качестве разрешения отдельных проблемных вопросов, связанных с пространственными пределами действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных и материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «в ст. 13 швейцарского Федерального закона о международном частном праве от 18 февраля 1987 г. закреплено, что применение иностранного права не исключается лишь на том основании, что соответствующему положению приписывается публично-правовой характер [27, с. 1014]. В то же время, согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 12 марта 2024 г. по делу № А40-138158/2022, «публичное право не обладает экстерриториальным характером»».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема пространственных пределов действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Стремление отдельных государств

распространить действие национального права, а также своей юрисдикции за пределы собственных государственных границ является одним из проявлений проблемы экстерриториальности национального права. В конце XX в. и начале XXI в. данный вопрос приобрел беспрецедентную актуальность. В условиях глобальной конкуренции [1] [2] многие государства, прежде всего США, стремятся придать целому ряду положений своего национального права экстерриториальный характер».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «понятие экстерриториальности должно быть значительно расширено. Она не ограничена трансграничным действием национального законодательства. В разнообразных ситуациях практическое проявление экстерриториальности может состоять в: следовании права за лицом или подчинении правоотношения иностранному праву (личный закон или избранный закон в международном частном праве); изъятиях из правового режима территории для глав государств, дипломатов и приравненных к ним лиц (дипломатическое и консульское право); льготах и привилегиях в рамках режима капитуляций (сеттльменты и аналогичные режимы); консульских привилегиях (торговое право); специальной юрисдикции в отношении морских и воздушных судов, а также космических объектов; особом режиме специальных территорий (торговый город, свободный порт, особые финансовые центры, иностранные военные базы и иные подобные объекты); правовой помощи и исполнении иностранных судебных и арбитражных решений (международный гражданский процесс); экстерриториальном действии нотариальных актов, а также иных официальных и неофициальных документов».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению положений международных актов, что может быть полезно для специалистов в изучаемых сферах исследования.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с пространственными пределами действия национального права.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Бахин С.В., Терри П.С., Боклан Д.С., Коваль В.В., Lewin T. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области международного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным в статье вопросам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Кулов С.С. Forum internum и forum externum в праве на свободу мысли, совести и религии: международно-правовые аспекты и сравнительный анализ // Международное право. 2025. № 3. С. 63-81. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.74619 EDN: WXOAHW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74619

Forum internum и forum externum в праве на свободу мысли, совести и религии: международно-правовые аспекты и сравнительный анализ

Кулов Станислав Сергеевич

аспирант; кафедра международного права; Дипломатическая академия МИД РФ
адвокат; Карачаево-Черкесская республиканская коллегия адвокатов

115035, Россия, г. Москва, р-н Якиманка, 3-й Кадашевский пер., д. 5 стр. 5

✉ staskulov@gmail.com

[Статья из рубрики "Теория и философия международного права"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.3.74619

EDN:

WXOAHW

Дата направления статьи в редакцию:

27-05-2025

Дата публикации:

04-06-2025

Аннотация: В статье рассматриваются концепции forum internum и forum externum как элементы права на свободу мысли, совести и религии. Анализируются международные правовые акты, включая Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах и Европейскую конвенцию, а также практика Комитета по правам человека ООН и Европейского суда по правам человека. Особое внимание уделено разграничению между внутренними убеждениями, подлежащими абсолютной защите, и их внешним проявлением, которое может быть ограничено при соблюдении определённых условий. Статья также исследует соответствие российской правовой системы международным стандартам в данной области. В работе обобщены актуальные тенденции развития доктрины forum internum/externum и проанализированы

новейшие практические кейсы, что ранее не получало системного освещения в отечественной литературе. Цель статьи состоит в комплексном анализе понятия *forum internum* и *forum externum* в контексте права на свободу мысли, совести и религии. Основной акцент сделан на сравнительно-правовом аспекте защиты данного права в международных и региональных механизмах (ООН, Совет Европы, СНГ), а также в российском правопорядке. Методологическая основа исследования включает совокупность общенаучных и специальных юридических методов. В качестве методов научного исследования использованы сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, кейс-стади. Практическая значимость состоит в том, что выводы и рекомендации статьи могут быть использованы для совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности, а также в экспертной и учебной работе по вопросам международной защиты свободы совести. Международный опыт, проанализированный в статье, демонстрирует, что эффективная защита свободы мысли, совести и религии возможна при условии строгого соблюдения границ между *forum internum* и *forum externum*. Абсолютная охрана внутренней убежденности каждого человека должна сочетаться с разумным и обоснованным регулированием внешних религиозных проявлений. Соблюдение этого баланса способствует гармоничному сосуществованию разных мировоззрений в обществе, предотвращает конфликты на религиозной почве и укрепляет принцип верховенства права. Международно-правовые механизмы накопили ценный материал, которым могут воспользоваться государства, включая Россию и страны СНГ, для совершенствования своей практики.

Ключевые слова:

свобода мысли, свобода совести, свобода вероисповедания, права человека, международное право, ООН, ограничения прав, ЕСПЧ, *forum internum*, *forum externum*

Введение

Во второй половине XX века право на свободу мысли, совести и религии заняло ключевое место в системе международной защиты прав человека. Оно закреплено еще во Всеобщей декларации прав человека 1948 года (ст. 18) и конкретизировано в последующих договорах. Данная свобода традиционно включает две взаимосвязанные сферы – внутреннюю (*forum internum*) и внешнюю (*forum externum*). *Forum internum* охватывает внутренние убеждения и мировоззрение личности, которые защищены абсолютно и не подлежат каким-либо ограничениям. *Forum externum*, напротив, предполагает внешние проявления религии или убеждений – исповедание, выполнение обрядов, распространение учения, соблюдение определенных традиций – и может подвергаться ограничениям, установленным законом в строго необходимых случаях. Международные нормы прямо закрепляют оба элемента данного права: свободу иметь, придерживаться или менять убеждения и религию по своему выбору, а также свободу проявлять свою религию или убеждения в преподавании, богослужении, исполнении и соблюдении обряда (например, ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах). При этом свобода исповедовать религию или убеждения (*forum externum*) подлежит ограничениям только при соблюдении условий, указанных в самих договорах (легитимная цель, необходимость и соразмерность). В отличие от этого, свобода иметь или принимать убеждения (*forum internum*) не может быть ограничена ни при каких обстоятельствах. Комитет ООН по правам человека отдельно подчеркнул, что никто не должен подвергаться принуждению с целью ущемить его свободу исповедовать

или принять ту или иную религию или убеждение по своему выбору [1]. Несмотря на столь широкое признание принципа разделения внутренней и внешней сфер, на практике возникают непростые вопросы разграничения абсолютной защиты убеждений и допустимых границ их выражения. Это подтверждает актуальность настоящего исследования.

Цель статьи состоит в комплексном анализе понятия *forum internum* и *forum externum* в контексте права на свободу мысли, совести и религии. Основной акцент сделан на сравнительно-правовом аспекте защиты данного права в международных и региональных механизмах (ООН, Совет Европы, СНГ), а также в российском правопорядке. Для достижения указанной цели в рамках исследования решаются следующие задачи:

1. Раскрыть содержание категорий *forum internum* и *forum externum* применительно к свободе мысли, совести и религии, показать их отличие и значение в теории права человека.
2. Проанализировать международно-правовые источники, закрепляющие свободу мысли, совести и религии – универсальные (акты ООН) и региональные (Европейская конвенция о защите прав человека, Конвенция СНГ о правах и свободах человека) – с точки зрения разграничения внутренней и внешней сфер данного права.
3. Изучить законодательство Российской Федерации в данной сфере и выявить, каким образом национальные нормы отражают категории внутренней свободы убеждений и внешней свободы исповедания.
4. Провести сравнительно-правовой анализ практики международных органов (Комитет ООН по правам человека) и региональных судебных механизмов (Европейский суд по правам человека, институты СНГ) по делам, затрагивающим свободу совести и религии; выявить общие подходы и расхождения в понимании *forum internum* и *forum externum*.
5. Сформулировать выводы о степени эффективности существующих механизмов защиты *forum internum* и условиях допустимости ограничений *forum externum*, а также предложить направления совершенствования правоприменения.

Научная новизна исследования обусловлена именно таким комплексным сопоставлением различных механизмов защиты свободы совести – от универсального уровня ООН до региональных инструментов (европейских и региона СНГ) – и их сравнением с национальной практикой России. В работе обобщены актуальные тенденции развития доктрины *forum internum/externum* и проанализированы новейшие практические кейсы, что ранее не получало системного освещения в отечественной литературе. Практическая значимость состоит в том, что выводы и рекомендации статьи могут быть использованы для совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности, а также в экспертной и учебной работе по вопросам международной защиты свободы совести. Структура статьи отражает логику исследования: после введения изложены теоретико-методологические основы, далее анализируются нормативные гарантии *forum internum/forum externum* в международном и национальном праве, затем рассматривается правоприменительная практика, и в заключение формулируются общие выводы. Научная новизна исследования заключается в уточнении доктринального и практического содержания понятий *forum internum* и *forum externum* как элементов права на свободу мысли, совести и религии, а также в систематизации подходов к их разграничению в международно-правовой теории и практике. Впервые в отечественной литературе на русском языке сопоставлены ключевые подходы Комитета по правам

человека ООН, Европейского суда по правам человека и ведущих зарубежных исследователей (Билемельдт, Ганеа, Новак) к внутреннему и внешнему аспектам свободы религии и убеждений [9].

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблематике свободы совести, прав человека и международного права. Значение разделения на внутренний и внешний аспекты свободы религии отражено в работах таких российских авторов, как А. В. Пчелинцев, М. О. Шахов, С. А. Бурьянов, Ф. М. Рудинский и др. В частности, профессор М. О. Шахов отождествляет *forum internum* с внутренней свободой мировоззренческого выбора личности, которая не подлежит контролю со стороны государства [6]. Профессор А. В. Пчелинцев также отмечает, что свобода совести в субъективном смысле (лат. *forum internum*) не может быть ограничена никаким образом, поскольку относится к области мыслительной деятельности человека [7]. В объективном же смысле (*forum externum*) свобода совести предполагает возможность проявлять свои убеждения вовне – выполнять религиозные обряды, участвовать в церемониях, распространять верование – и такие внешние выражения религиозных или иных убеждений могут подвергаться законным ограничениям [7]. Идеи о неограниченности внутренней свободы убеждений и необходимости соразмерного регулирования их внешней реализации получили развитие и в зарубежной литературе. Например, в фундаментальном комментарии к праву на свободу религии под эгидой ООН под редакцией Х. Билемельдта утверждается безусловный характер «внутреннего ядра» убеждений и одновременно раскрывается богатство форм их проявления вовне [3]. Схожих взглядов придерживаются и другие исследователи международного права религиозной свободы. Теоретическую базу исследования дополняют классические зарубежные работы, такие как монография Б. Г. Тахзизб о гарантиях свободы вероисповедания в международном праве, исследования Н. Лернера и М. Эванса по вопросам религиозной свободы [4][5]. Важное значение для данной работы имели также результаты, полученные автором ранее: материалы магистерской диссертации и первая публикация, посвященная практике Комитета ООН по правам человека в сфере свободы совести [8]. Опора на ранее проведенные исследования позволила обеспечить преемственность научного поиска и более глубоко проработать проблематику *forum internum/forum externum*. Разграничение между *forum internum* и *forum externum* подробно обосновано в докладе Специального докладчика ООН по свободе религии и убеждений Хайнера Билемельдта, где подчёркивается, что внутренняя область убеждений (*forum internum*) охраняется абсолютно и не допускает каких-либо ограничений, независимо от мотивов государствах [9]. Анализируя взаимодействие между личной убеждённостью и её выражением, Назила Ганеа, указывает на трансформационный характер *forum externum*, где право индивида вступает в конкуренцию с общественными интересами [10]. Манфред Новак подчёркивает, что соблюдение государствами баланса между внутренней и внешней формой свободы совести требует учёта принципа наименьшего вмешательства при соблюдении легитимных целей [11]. Таким образом, современная международно-правовая доктрина формирует устойчивую типологию защиты, где *forum internum* не может быть ограничен даже при чрезвычайных обстоятельствах, в то время как *forum externum* может регулироваться с соблюдением условий необходимости, законности и соразмерности.

Методологическая основа исследования включает совокупность общенаучных и специальных юридических методов. В работе использован сравнительно-правовой метод – прежде всего для сопоставления нормативных положений и судебных прецедентов разных правовых систем (универсальных механизмов ООН, региональных механизмов Совета Европы и СНГ, а также национального российского права). Применен формально-юридический метод для анализа содержания правовых норм международных договоров и законов Российской Федерации. Системный подход позволил рассмотреть право на свободу религии как целостную систему норм и принципов, внутри которой взаимообусловлены уровни *forum internum* и *forum externum*. Кроме того, использовался метод кейс-стади (анализ конкретных случаев, дел) применительно к решениям международных органов и национальных судов. В исследовании учитывается доктринальный подход к абсолютной природе *forum internum* и допустимости ограничений *forum externum*, закрепленный в международных стандартах и поддерживаемый научным сообществом [1][3]. Такой комплексный методологический инструментарий обеспечивает объективность и всесторонность полученных результатов.

Международно-правовые и региональные стандарты *forum internum* и *forum externum*

Право на свободу мысли, совести и религии закреплено в ряде универсальных и региональных актов, которые закладывают основы разделения внутренней и внешней сфер данного права. Прежде всего, статья 18 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. провозгласила, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, включая свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и совместно с другими, публично или приватно. Хотя Декларация не носит юридически обязательного характера, она заложила фундаментальные принципы, впоследствии отраженные в договорах. К числу таковых относится Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., статья 18 которого практически дословно воспроизводит эти положения, но уже как юридически обязывающие нормы. Важным нововведением Пакта стало прямое запрещение любых форм принуждения, способных ущемить свободу человека иметь или принять религию или убеждения по своему выбору (п. 2 ст. 18 Пакта). Это положение, по сути, гарантирует неприкосновенность *forum internum* на договорном уровне: государствам-участникам запрещено заставлять индивида принять или отказаться от какой-либо веры. Комитет ООН по правам человека в своем Замечании общего порядка № 22 (1993) разъяснил, что свобода иметь или менять убеждения не может быть ограничена ни при каких условиях, даже в чрезвычайной ситуации, поскольку относится к абсолютным правам [1].

Региональные инструменты в целом поддерживают такой дуализм внутренней и внешней сторон свободы совести. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 9) гарантирует каждому право на свободу мысли, совести и религии, включая свободу менять религию или убеждения и свободу исповедовать религию или убеждения индивидуально либо совместно с другими, публично или приватно, в поклонении, обучении, практике и соблюдении обрядов. Хотя Конвенция не содержит отдельной статьи, аналогичной ст. 18(2) Пакта, Европейский суд по правам человека вывел из ст. 9 принцип недопустимости принуждения в вопросах веры – то есть защиты *forum internum* – путем толкования самой сути права исповедания. Так, принуждение к сообщению о религиозных взглядах или к совершению действий, противоречащих убеждениям, квалифицируется как нарушение свободы мысли, совести и религии (нарушение ст. 9 ЕКПЧ) даже при отсутствии прямого текста о запрете принуждения. В то

же время внешние аспекты (реализация религии или убеждений) согласно п. 2 ст. 9 ЕКПЧ могут подвергаться определенным ограничениям – но только таким, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах публичной безопасности, порядка, охраны здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц. Аналогичные оговорки о допустимых ограничениях содержатся и в региональных договорах постсоветского пространства. Например, статья 10 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г. закрепляет право каждого на свободу мысли, совести и вероисповедания, включая право исповедовать свою религию и убеждения индивидуально или совместно с другими, отправлять религиозный культ, следовать и выполнять религиозные и ритуальные обряды и действовать в соответствии с ними. Далее Конвенция СНГ указывает, что свобода исповедовать религию или убеждения может ограничиваться лишь законом и лишь в целях защиты безопасности, общественного порядка, здоровья, нравственности или прав и свобод других лиц [\[2\]](#). Данный перечень условий совпадает с формулировками ст. 9(2) ЕКПЧ и отражает общий международный подход к границам *forum externum*.

Следует отметить, что помимо специальных норм о свободе совести, международное право содержит родственные положения о свободе убеждений и мнений, подтверждающие абсолютную защиту внутреннего измерения мыслительной деятельности. Так, статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах гарантирует свободу иметь собственные мнения без препятствий, что рассматривается как *forum internum* свободы выражения взглядов. Согласно разъяснениям Комитета ООН (Замечание общего порядка № 34, 2011 г.), это право не подлежит никаким ограничениям [\[2\]](#). В совокупности международно-правовые стандарты формируют твердый принцип: внутренняя убежденность личности неприкосновенна, тогда как внешние проявления веры могут регулироваться государством, но лишь в узких пределах необходимости.

Законодательство Российской Федерации о свободе совести

Конституция Российской Федерации закрепляет свободу совести и вероисповедания в статье 28, устанавливая, что каждому гарантируется право самостоятельно определять свое отношение к религии, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Данная конституционная норма охватывает как внутренний аспект (свобода определять свои убеждения, «иметь» их), так и внешний аспект (свобода распространять убеждения, действовать согласно им). Причем текст статьи 28 не содержит каких-либо оговорок об ограничениях этого права, что теоретически означает его особо важный статус. Ограничения свободы совести по соображениям защиты иных ценностей могут вводиться только федеральным законом и лишь в той мере, в какой это необходимо (ст. 55 Конституции РФ). Таким образом, российская Конституция в целом соответствует международному стандарту разделения *forum internum* и *forum externum*: вероисповедание по убеждению совести провозглашается свободным, но реализация этого права осуществляется в правовом поле.

Развитие конституционных положений нашло отражение в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Данный закон детально регламентирует внешние проявления свободы религии – создание и деятельность религиозных организаций, проведение богослужений, миссионерскую

работу, обучение религии и т. д. – исходя из принципов светского характера государства и равенства граждан независимо от отношения к религии. В законе заявлено, что осуществление права на свободу совести может быть ограничено в той мере, в какой это необходимо для защиты основы конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 4). Эти основания перекликаются с оговорками, присутствующими в международных актах. Вместе с тем практика правоприменения показала ряд проблем в реализации данного закона, особенно в части *forum exterrum*. Например, законодательство требовало обязательной регистрации религиозных организаций для законного осуществления их деятельности, что породило сложности для новых или малочисленных общин. В конце 1990-х годов возникали случаи, когда не прошедшие перерегистрацию религиозные объединения фактически лишились возможности коллективно исповедовать свою веру.

Конституционный Суд РФ сыграл важную роль в уточнении границ допустимого вмешательства государства во внешнюю сферу свободы совести. В Постановлении от 23 ноября 1999 г. № 16-П Суд проверял конституционность положений закона о свободе совести, устанавливающих требование 15-летнего срока существования религиозной группы для получения статуса юридического лица, а также обязывающих ежегодно перерегистрировать организацию без такого статуса. Поводом послужили жалобы региональных объединений Свидетелей Иеговы (Верховный суд Российской Федерации 20 апреля 2017 года признал деятельность "Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России" экстремистской и запретил его деятельность и деятельность всех 395 местных религиозных организаций на территории России) и евангельских христиан, указавших, что эти требования существенно ограничивают их деятельность. Конституционный Суд признал оспариваемые нормы в целом соответствующими Конституции, но дал предельно важное толкование: религиозные организации, действующие до вступления закона в силу, либо входящие в структуру централизованных организаций, не должны предоставлять доказательства 15-летнего существования и не обязаны ежегодно перерегистрироваться. Таким образом, Суд устранил риск произвольного прекращения деятельности уже сформировавшихся общин и фактически защитил их право на *forum exterrum*. В определении от 13 апреля 2000 г. № 46-О Конституционный Суд также защитил интересы религиозного объединения (в данном случае ордена иезуитов), которому местные власти отказали в регистрации по формальным основаниям. Суд указал на недопустимость использования регистрационных процедур для необоснованного воспрепятствования осуществлению свободы вероисповедания.

Российская судебная практика по вопросам свободы совести постепенно впитывала подходы Европейского суда по правам человека. До 2022 года, когда Российская Федерация прекращала участие в Конвенции о правах человека, решения ЕСПЧ служили ориентиром для национальных судов. Так, Верховный Суд РФ в ряде определений ссылался на стандарты статьи 9 ЕКПЧ при оценке ограничений религиозной деятельности. Однако в последние годы наблюдается ужесточение государственного контроля над *forum exterrum*. Примером является признание экстремистскими и запрет ряда религиозных объединений, прежде всего организации «Свидетели Иеговы» (решение Верховного Суда РФ от 20 апреля 2017 г.). Фактически тысячи верующих оказались под угрозой уголовного преследования только за совместное исповедание своей религии. Международные органы негативно отреагировали на такой шаг: Европейский суд в 2022 г. констатировал нарушение статьи 9 Конвенции в связи с запретом Свидетелей Иеговы в России, указав на отсутствие доказательств какой-либо насильственной деятельности с их стороны. Несмотря на изменившиеся отношения с

ЕСПЧ, Россия остается участницей МПГПП и других договоров, поэтому проблемы ограничения *forum exterrum* продолжают оцениваться через призму универсальных международных стандартов.

Сравнительно-правовой анализ практики: ООН, ЕСПЧ и страны СНГ

Практика Комитета ООН по правам человека. В рамках контрольного механизма МПГПП Комитет по правам человека рассматривает индивидуальные жалобы на нарушения статьи 18 Пакта (при условии ратификации Факультативного протокола). За время своей деятельности Комитет накопил значительный кейсовый материал: по оценкам, им вынесено порядка 75 решений, касающихся свободы совести и вероисповедания [8]. В этих решениях прослеживается последовательный акцент на защиту *forum internum* и тщательную проверку обоснованности ограничений *forum exterrum*. Например, в деле «Бикрамджит Сингх против Франции» (сообщение № 1852/2008, решение 2012 г.) Комитет рассмотрел случай исключения ученика-сикха из государственной школы за ношение религиозного тюрбана (дастара). Франция ссыпалась на закон о светском характере школ, запрещающий ношение религиозных символов. Комитет подчеркнул, что ношение дастара является для сикхов обязательным религиозным требованием и выражением их веры, то есть относится к *forum exterrum*. Ограничение этого проявления допускается лишь при соблюдении критерия необходимости. В данном случае Комитет признал, что исключение ученика не было необходимым в демократическом обществе для защиты прав других или порядка, и заключил о нарушении статьи 18 Пакта [12]. Другое важное направление практики – случаи отказа от военной службы по убеждениям. В делах «Ким, Чун Нам и другие против Республики Корея» (№ 1786/2008) и ряде аналогичных Комитет рассматривал жалобы представителей религиозного объединения, осужденных за уклонение от призыва. Комитет подтвердил, что право не выполнять военную службу по соображениям совести является частью свободы религии, вытекающей из ст. 18 Пакта [11]. Отсутствие альтернативной гражданской службы принуждает индивида выбирать между нарушением закона и нарушением своих глубочайших убеждений, что недопустимо [8]. В итоге Комитет ООН счел наказание заявителей грубым ущемлением их *forum internum* – искренних убеждений, запрещающих применение оружия. Таким образом, уже к началу 2000-х годов Комитет по правам человека сформулировал прогрессивные подходы, признающие, что внешние действия, продиктованные внутренними убеждениями (носить религиозную одежду, отказаться от армии и т. д.), заслуживают уважения и их ограничение требует веских причин. Отдельно стоит отметить, что из стран СНГ жалобы по статье 18 регулярно подавались, например, против Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, и нередко Комитет выявлял нарушения. Так, в деле «Худойберганова против Узбекистана» (№ 931/2000) было признано нарушение свободы религии из-за отчисления студентки за ношение хиджаба. В сообщении «Виктор Левен против Казахстана» заявитель – гражданин Германии, принадлежавший к баптистской общине – жаловался на притеснения со стороны властей; Комитет также встал на защиту его прав [8]. Общий вывод, который следует из практики ООН: государства не должны прибегать к репрессивным мерам там, где религиозные действия не несут угрозы – даже если эти действия противоречат господствующей идеологии или политике государства.

Практика Европейского суда по правам человека. Европейский суд накопил обширный массив решений по применению статьи 9 ЕКПЧ, уточняя границы *forum internum* и *forum exterrum* применительно к различным ситуациям. В своих общих принципах ЕСПЧ неизменно подчеркивает, что свобода мысли, совести и религии – один

из краеугольных камней демократического общества. В религиозном измерении она является ценнейшим благом для верующих, но включает и право не исповедовать нежелательную веру. Так, Суд отмечал, что никого нельзя принуждать демонстрировать взгляды или поведение, ассоциируемые с определенной религией, против его воли. Иными словами, *forum internum* находится под абсолютной защитой: государство не вправе требовать от человека исповедания какой-либо веры или раскрытия своих убеждений. ЕСПЧ последовательно указывает, что внутренние убеждения не подлежат вмешательству государства, тогда как внешнее проявление религии может регулироваться при выполнении условий, указанных в п. 2 ст. 9. Как выразил Суд, «если бы свобода проявлять убеждения охранялась только в частной сфере, статья 9 имела бы крайне узкое поле применения», поэтому государство должно обеспечивать реальную возможность публичного исповедания, ограничивая ее лишь в необходимых случаях.

Практика ЕСПЧ по статье 9 условно разделяется на несколько тематических групп precedентов. **Дела о принуждении, затрагивающем *forum internum*.** К этой категории относятся ситуации, где имело место прямое или косвенное принуждение к исповеданию (или отказу от исповедания) определенных убеждений. Показательный пример – дело «*Buscarini* и другие против Сан-Марино» (1999). Заявители, избранные в парламент Сан-Марино, по закону должны были принести присягу на Евангелии, хотя не являлись верующими. ЕСПЧ единогласно признал, что требованиеносить религиозную присягу равносильно принуждению к выражению определенной веры и нарушает статью 9. По сути, парламентский регламент заставлял лиц либо совершить действие вопреки своим убеждениям, либо отказаться от должности – такой выбор Суд счел недопустимым, поскольку он вмешивается во внутреннюю свободу совести. Другой пример – дело «*Александридис* против Греции» (2008): адвокат в Греции должен был официально заявить что является атеистом, или что его религия не допускает присяги, чтобы его освободили от религиозной присяги в суде. ЕСПЧ постановил, что обязанность разглашать свои религиозные взгляды ради избавления от обряда является нарушением ст. 9. Государство не должно ставить человека перед альтернативой: либо участвовать в религиозном акте (принести присягу по религиозному обряду), либо раскрыть свою принадлежность к иной вере или иным убеждениям (атеизму). Оба варианта нарушают право на *forum internum*. Таким образом, европейская практика строго охраняет «секрет веры» – право не сообщать о своих убеждениях и не подвергаться принуждению в вопросах религии.

Дела о внешних проявлениях и допустимости их ограничений. К данной категории относятся споры вокруг того, в каких пределах государство может ограничивать публичное исповедание веры, ношение религиозных символов, миссионерскую деятельность и пр. Классический precedent – дело «*Коккинакис* против Греции» (1993). Заявитель был осужден в Греции по уголовной статье за прозелитизм (миссионерскую проповедь). ЕСПЧ впервые констатировал нарушение ст. 9, указав, что распространение религиозных убеждений, если оно не сопряжено с неподобающим наложением или насилием, составляет одну из сторон свободы исповедания. Уголовный запрет на мирную попытку обратить другого в свою веру Суд признал непропорциональным. Решение по делу Коккинакиса утвердило принцип: миссионерская деятельность входит в *forum exterrum*, и ее ограничение требует особо убедительного обоснования. В последующие годы ЕСПЧ развел критерии допустимых ограничений внешней стороны свободы совести. В делах о религиозной одежде в светских учреждениях Суд иногда становился на сторону государства. Так, в деле «*Лейла Шахин* против Турции» (2005) заявительница – студентка университета – оспаривала запрет носить исламский платок (хиджаб) в государственном вузе. Большая Палата ЕСПЧ сочла нарушение

недоказанным: запрет был признан соразмерным в свете принципа светскости турецкого государства, хотя ряд судей высказали особые мнения. Позднее, в деле «S.A.S. против Франции» (2014), заявительница обжаловала законодательный запрет на ношение паранджи и никаба (полного покрытия лица) в общественных местах. ЕСПЧ также не усмотрел нарушения статьи 9, признав стремление обеспечить «условия совместного проживания» (*living together*) допустимой целью ограничения. Решение было крайне спорным и принято с разногласиями, однако отражает подход, при котором Суд допускает широкий «простор усмотрения» национальных властей (*margin of appreciation*) в оценке необходимости таких мер. Эти случаи показывают, что ЕСПЧ иногда готов учитывать особый контекст – например, исторически закрепленный принцип светского государства или соображения общественной безопасности – при оценке ограничения *forum externum*. Однако в каждом деле Суд тщательно анализирует, была ли конкретная мера пропорциональной и действительно необходимой.

Дела о конфликте убеждений с общественным долгом. Отдельную группу составляют кейсы, где личные убеждения сталкиваются с обязанностями перед государством, и требуется найти необходимый баланс. К ним относятся уже упомянутые дела об отказе от военной службы. Примечательно развитие практики ЕСПЧ: изначально Суд не считал уклонение от армии по религиозным мотивам подпадающим под защиту статьи 9 (дело «Вербицкас против Литвы», 1999 – жалоба объявлена неприемлемой). Однако в деле «Баятян против Армении» (2011) Большая Палата пересмотрела подход. Заявитель был осужден за отказ от призыва, поскольку в Армении тогда не было альтернативной службы. ЕСПЧ признал, что искренние религиозные убеждения, препятствующиенесению военной службы, относятся к *forum internum*, а наказание за их соблюдение нарушает статью 9. Таким образом, непризнание права на альтернативную службу ЕСПЧ расценил как непропорциональное вмешательство. Этот переломный вердикт сблизил европейский подход с позицией Комитета ООН, который еще за несколько лет до того прямо заявлял о праве на отказ от военной службы как составляющей свободы совести. Теперь и в Совете Европы страны обязаны предоставлять альтернативу военной службе, иначе рискуют нарушить Конвенцию.

Дела, связанные с воспитанием детей и свободой родителей. В ряде споров предметом рассмотрения становились обязательные элементы школьного образования, которые родители считали противоречащими своим убеждениям. Например, в деле «Лаутси против Италии» (2011) заявительница возражала против размещения распятия в классах государственной школы, а в деле «Фольгеро против Норвегии» (2007) – против обязательного курса по христианской религии в школе. ЕСПЧ исходил из того, что государство должно уважать право родителей обеспечивать образование детей в соответствии со своими убеждениями (принцип, заложенный в ст. 2 Протокола 1 к ЕКПЧ). В деле Фольгеро Суд признал нарушение, указав, что программа обучения религии должна быть максимально нейтральной и давать возможность освобождения от тех элементов, которые противоречат убеждениям семьи. В деле Лаутси большая Палата, напротив, не усмотрела нарушения в самом факте наличия религиозного символа (распятия) в классах, посчитав, что это не ведет к принуждению детей исповедовать католицизм. Эти примеры демонстрируют тонкую грань между *forum internum* родителей (их право воспитывать детей согласно своим убеждениям) и культурно-религиозной традицией общества. Европейский суд признает, что светский характер образования не должен навязываться в ущерб свободе вероисповедания, но и религиозные атрибуты сами по себе не всегда представляют вмешательство.

Обобщая, можно отметить, что подходы ООН и ЕСПЧ в целом едины в

неприкосновенности *forum internum* и в признании того, что ограничения *forum externum* допустимы только при строжайшем соблюдении критериев необходимости. Однако ЕСПЧ нередко применяет доктрину «широкой свободы усмотрения» государства, особенно в делах, где затрагиваются вопросы национальной идентичности, религиозных традиций или светского устройства. Это приводит к тому, что в некоторых ситуациях Страсбургский суд оправдывает ограничения, которые с точки зрения Комитета ООН могли бы показаться чрезмерными. В качестве примера, можно рассмотреть дела, связанные с ношением религиозной одежды: Комитет по правам человека в упомянутом деле Сингха против Франции фактически не принял довод о светскости как достаточный для запрета тюрбана в школе, тогда как ЕСПЧ поддержал Францию в похожих случаях с исламскими платками, признав приоритет принципа *laïcité* (принципа светскости). С другой стороны, эволюция практики ЕСПЧ (например, признание права на альтернативную службу в деле Баятана) свидетельствует о постепенном усилении защиты *forum internum*, что сближает европейский механизм с подходом ООН.

Особенности стран СНГ. В государствах постсоветского пространства формально признается свобода совести по образцу международных договоров, однако практическая реализация этого права имеет свою специфику. Многие страны СНГ законодательно закрепляют светский характер государства и довольно жестко регулируют религиозную сферу. Например, законы Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана требуют обязательной регистрации религиозных организаций и запрещают деятельность незарегистрированных общин, ограничивают миссионерство, вводят цензуру на религиозную литературу. Подобные ограничения зачастую выходят за рамки «необходимых в демократическом обществе» и критикуются международными наблюдателями. Однако в отсутствие эффективно действующего регионального механизма по правам человека (Комиссия СНГ по правам человека, предусмотренная Конвенцией 1995 г., до сих пор не реализовала свой потенциал) оценка соответствия таких мер международным стандартам осуществляется главным образом через механизмы ООН. Комитет по правам человека, как отмечалось, уже выявлял нарушения в ряде случаев, связанных со странами СНГ. Тем не менее, общего прецедентного органа, аналогичного ЕСПЧ, в данном регионе нет, что приводит к разноплановости практики. В одних странах (например, в Казахстане, Киргизии) в последнее десятилетие проводятся реформы, стремящиеся учесть рекомендации международного сообщества (вводится альтернативная служба, смягчаются требования к регистрации религиозных объединений), в то время как в других (Туркменистан) сохранена практически монополия государства на духовную жизнь граждан. Россия, до недавнего времени бывшая связующим звеном между европейским и постсоветским правовым пространством, теперь ориентируется в основном на внутренние подходы и обязательства по универсальным договорам. В этих условиях вопросы обеспечения баланса между *forum internum* и *forum externum* в странах СНГ приобретают особую актуальность, требуя повышенного внимания к международным стандартам и обмену лучшими практиками.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает фундаментальное значение дилеммы *forum internum* и *forum externum* для понимания содержания права на свободу мысли, совести и религии. *Forum internum*, охватывающее внутренние убеждения человека, обладает абсолютной защитой: никакие отклонения, чрезвычайные ситуации или государственные интересы не могут оправдать вмешательство во внутренний мир веры индивида. Это отражено как в универсальных нормах (запрет принуждения в статье 18 МПГПП), так и в

precedentах региональных судов (ЕСПЧ прямо указал на недопустимость требований раскрывать убеждения или участвовать в нежелательных религиозных обрядах). Абсолютная природа *forum internum* обусловлена тем, что мысль и совесть принадлежат к интимной сфере человеческой личности, куда власть не должна проникать.

Что касается *forum externum* – внешнего проявления убеждений, – международное право признает за государствами право устанавливать определенные ограничения, но лишь в узких рамках. Допустимость вмешательства оценивается по строгим критериям: наличие предусмотренной законом основы, преследование легитимной цели (защита общественной безопасности, порядка, здоровья, морали или прав других лиц) и необходимость в демократическом обществе. Любые ограничения, не отвечающие этим требованиям, рассматриваются как нарушение свободы религии. Практика показала, что этот фильтр отсекает чрезмерные посягательства: например, запрет на мирное распространение веры, продиктованный лишь желанием сохранить религиозную гомогенность общества, или полное вытеснение религии из публичной сферы под предлогом светскости – подобные меры в большинстве случаев признаются несоразмерными. Вместе с тем отдельные чувствительные вопросы (религиозная символика в школах, одежда, соблюдение обрядов) продолжают вызывать дискуссии и разные подходы международных органов, отражающие разнообразие культурных и правовых традиций.

Российская Федерация, закрепив на конституционном уровне свободу совести, в целом восприняла международные принципы неприкосновенности *forum internum* и допустимости ограничений *forum externum*. Законодательство и решения высших судов РФ стремились найти баланс между обеспечением общественных интересов и реализацией религиозных прав. Однако практика последних лет выявила новые вызовы: расширительное применение законодательства об экстремизме в отношении религиозных групп, ужесточение контроля над миссионерской деятельностью, усиление роли религиозного большинства при сужении возможностей для религиозных конфессий, представляющих меньшинство. Эти тенденции чреваты отходом от международных стандартов, если меры не будут соразмерны реальным угрозам. В связи с этим напрашиваются некоторые рекомендации по совершенствованию правоприменения. Во-первых, следует более четко разграничивать сферу истинно общественно опасных деяний и добросовестное осуществление религиозных обрядов, чтобы борьба с экстремизмом не приводила к запрету мирных проявлений веры. Во-вторых, необходимо обеспечивать доступность альтернативной гражданской службы и уважение убеждений (в том числе и религиозных) отказников от военной службы по соображениям совести – этот шаг уже сделан во многих странах и соответствует позициям универсальных и региональных механизмов. В-третьих, при введении новых норм (например, в сфере образования, здравоохранения, трудовых отношений) следует учитывать требования недискриминации по признаку религиозных убеждений и избегать ситуаций, когда лицо вынуждено нарушить свою веру для выполнения законных обязанностей.

Проведённый анализ показал, что форум *internum* и *externum* представляют собой не только два уровня реализации свободы совести, но и различные по юридической природе объекты международно-правовой охраны. Первый обладает характером абсолютного права, не подлежащего ограничению ни при каких обстоятельствах, тогда как второй предполагает возможность государственного вмешательства в целях охраны общественного порядка, безопасности и прав других лиц. Доктрина (Билефельдт, Ганеа, Новак и др.) и международная судебная практика согласуются в признании данной дихотомии фундаментальной для понимания свободы совести как комплексного института

международного права

Международный опыт, проанализированный в статье, демонстрирует, что эффективная защита свободы мысли, совести и религии возможна при условии строгого соблюдения границ между *forum internum* и *forum externum*. Абсолютная охрана внутренней убежденности каждого человека должна сочетаться с разумным и обоснованным регулированием внешних религиозных проявлений. Соблюдение этого баланса способствует гармоничному существованию разных мировоззрений в обществе, предотвращает конфликты на религиозной почве и укрепляет принцип верховенства права. Международно-правовые механизмы накопили ценный материал, которым могут воспользоваться государства, включая Россию и страны СНГ, для совершенствования своей практики. Научное осмысление категорий *forum internum* и *forum externum* позволяет глубже понять природу свободы совести и выработать такие решения, которые обеспечат ее эффективную реализацию в современных условиях.

Библиография

1. Комитет ООН по правам человека. Замечание общего порядка № 22: Право на свободу мысли, совести и религии (ст. 18) // CCPR/C/21/Rev.1/Add.4. – 30.07.1993.
2. Комитет ООН по правам человека. Замечание общего порядка № 34: Свободы мнения и выражения // CCPR/C/GC/34. – 12.09.2011.
3. Bielefeldt H., Ghanea N., Wiener M. Freedom of Religion or Belief: An International Law Commentary. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 625 р.
4. Lerner N. Religion, Beliefs and International Human Rights. – Leiden: Brill, 2021. – 340 р.
5. Evans M. D. Religious Liberty and International Law in Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 392 р.
6. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации / Сретенская духовная семинария. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2019. – 880 с.
7. Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые основы, – М.: ИД «Юриспруденция», 2012. – 248с.
8. Кулов С. С. Практика Комитета по правам человека ООН по обращениям, касающимся нарушений права на свободу мысли, совести и религии // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 4. – С. 24-25.
9. Билефельдт Х. Свобода религии или убеждений: нормативные рамки // Religion and Human Rights. – 2012. – Т. 7. № 1. С. 15-29.
10. Ганеа Н. Право на свободу религии и права других лиц // Religion and Human Rights. – 2012. – Т. 7. № 2. С. 123-136.
11. Новак М. Международный пакт о гражданских и политических правах: Комментарий к положениям. 2-е изд. – Кель-ам-Райн: N.P. Engel, 2005. – 1312 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, *forum internum* и *forum externum* в праве на свободу мысли, совести и религии. Автор сосредоточил внимание на соответствующих международно-правовых аспектах и сравнительном анализе. Заявленные границы

исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "В работе использован сравнительно-правовой метод – прежде всего для сопоставления нормативных положений и судебных прецедентов разных правовых систем (универсальных механизмов ООН, региональных механизмов Совета Европы и СНГ, а также национального российского права). Применен формально-юридический метод для анализа содержания правовых норм международных договоров и законов Российской Федерации. Системный подход позволил рассмотреть право на свободу религии как целостную систему норм и принципов, внутри которой взаимообусловлены уровни *forum internum* и *forum externum*. Кроме того, использовался метод кейс-стади (анализ конкретных случаев, дел) применительно к решениям международных органов и национальных судов. В исследовании учитывается доктринальный подход к абсолютной природе *forum internum* и допустимости ограничений *forum externum*, закрепленный в международных стандартах и поддерживаемый научным сообществом [1][3]".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Во второй половине XX века право на свободу мысли, совести и религии заняло ключевое место в системе международной защиты прав человека. Оно закреплено еще во Всеобщей декларации прав человека 1948 года (ст. 18) и конкретизировано в последующих договорах. Данная свобода традиционно включает две взаимосвязанные сферы – внутреннюю (*forum internum*) и внешнюю (*forum externum*). *Forum internum* охватывает внутренние убеждения и мировоззрение личности, которые защищены абсолютно и не подлежат каким-либо ограничениям. *Forum externum*, напротив, предполагает внешние проявления религии или убеждений – исповедание, выполнение обрядов, распространение учения, соблюдение определенных традиций – и может подвергаться ограничениям, установленным законом в строго необходимых случаях. Международные нормы прямо закрепляют оба элемента данного права: свободу иметь, придерживаться или менять убеждения и религию по своему выбору, а также свободу проявлять свою религию или убеждения в преподавании, богослужении, исполнении и соблюдении обряда (например, ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах). При этом свобода исповедовать религию или убеждения (*forum externum*) подлежит ограничениям только при соблюдении условий, указанных в самих договорах (легитимная цель, необходимость и соразмерность). В отличие от этого, свобода иметь или принимать убеждения (*forum internum*) не может быть ограничена ни при каких обстоятельствах. Комитет ООН по правам человека отдельно подчеркнул, что никто не должен подвергаться принуждению с целью ущемить его свободу исповедовать или принять ту или иную религию или убеждение по своему выбору [1]. Несмотря на столь широкое признание принципа разделения внутренней и внешней сфер, на практике возникают непростые вопросы разграничения абсолютной защиты убеждений и допустимых границ их выражения. Это подтверждает актуальность настоящего исследования". Ученым раскрыта степень изученности поднимаемых в статье проблем: "Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблематике свободы совести, прав человека и международного права. Значение разделения на внутренний и внешний аспекты свободы религии отражено в работах таких российских авторов, как А. В. Пчелинцев, М. О. Шахов, С. А. Бурьянов, Ф. М. Рудинский и др." и т.д. Научная новизна работы обусловлена "... комплексным сопоставлением различных механизмов защиты свободы совести – от универсального уровня ООН до региональных инструментов (европейских и региона СНГ) – и их сравнением с национальной практикой России. В работе обобщены актуальные тенденции развития доктрины *forum internum/externum* и проанализированы новейшие практические кейсы, что ранее не

получало системного освещения в отечественной литературе". Она проявляется в ряде заключений автора: "В совокупности международно-правовые стандарты формируют твердый принцип: внутренняя убежденность личности неприкосновенна, тогда как внешние проявления веры могут регулироваться государством, но лишь в узких пределах необходимости"; "В законе заявлено, что осуществление права на свободу совести может быть ограничено в той мере, в какой это необходимо для защиты основы конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 4). Эти основания перекликаются с оговорками, присутствующими в международных актах. Вместе с тем практика правоприменения показала ряд проблем в реализации данного закона, особенно в части *forum externum*"; "Российская судебная практика по вопросам свободы совести постепенно впитывала подходы Европейского суда по правам человека. До 2022 года, когда Российской Федерации прекращала участие в Конвенции о правах человека, решения ЕСПЧ служили ориентиром для национальных судов. Так, Верховный Суд РФ в ряде определений ссылался на стандарты статьи 9 ЕКПЧ при оценке ограничений религиозной деятельности. Однако в последние годы наблюдается ужесточение государственного контроля над *forum externum*. Примером является признание экстремистскими и запрет ряду религиозных объединений, прежде всего организации «Свидетели Иеговы» (решение Верховного Суда РФ от 20 апреля 2017 г.); "Общий вывод, который следует из практики ООН: государства не должны прибегать к репрессивным мерам там, где религиозные действия не несут угрозы – даже если эти действия противоречат господствующей идеологии или политике государства"; "Обобщая, можно отметить, что подходы ООН и ЕСПЧ в целом едины в неприкосновенности *forum internum* и в признании того, что ограничения *forum externum* допустимы только при строжайшем соблюдении критерии необходимости. Однако ЕСПЧ нередко применяет доктрину «широкой свободы усмотрения» государства, особенно в делах, где затрагиваются вопросы национальной идентичности, религиозных традиций или светского устройства. Это приводит к тому, что в некоторых ситуациях Страсбургский суд оправдывает ограничения, которые с точки зрения Комитета ООН могли бы показаться чрезмерными" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, определяет его цель и задачи, раскрывает методологию. В основной части статьи автор осуществляет комплексный анализ понятий *forum internum* и *forum externum* в контексте права на свободу мысли, совести и религии, выявляет соответствующие проблемы интерпретации и определяет пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы и предложения по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Заявитель, был осужден в Греции по уголовной статье за прозелитизм (миссионерскую проповедь)" - запятая является лишней.

Ученый отмечает: "Заявитель, был осужден за отказ от призыва, поскольку в Армении тогда не было альтернативной службы" - первая запятая является лишней.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются пунктуационные ошибки.

Библиография исследования представлена 8 источниками (монографиями, научными статьями, аналитическими материалами). С формальной точки зрения источников должно

быть не менее 10. Следовательно, теоретическая база работы нуждается в расширении. Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Проведенное исследование подтверждает фундаментальное значение дилеммы *forum internum* и *forum externum* для понимания содержания права на свободу мысли, совести и религии. *Forum internum*, охватывающее внутренние убеждения человека, обладает абсолютной защитой: никакие отклонения, чрезвычайные ситуации или государственные интересы не могут оправдать вмешательство во внутренний мир веры индивида. Это отражено как в универсальных нормах (запрет принуждения в статье 18 МПГПП), так и в прецедентах региональных судов (ЕСПЧ прямо указал на недопустимость требований раскрывать убеждения или участвовать в нежелательных религиозных обрядах). Абсолютная природа *forum internum* обусловлена тем, что мысль и совесть принадлежат к интимной сфере человеческой личности, куда власть не должна проникать. Что касается *forum externum* – внешнего проявления убеждений, – международное право признает за государствами право устанавливать определенные ограничения, но лишь в узких рамках. Допустимость вмешательства оценивается по строгим критериям: наличие предусмотренной законом основы, преследование легитимной цели (защита общественной безопасности, порядка, здоровья, морали или прав других лиц) и необходимость в демократическом обществе. Любые ограничения, не отвечающие этим требованиям, рассматриваются как нарушение свободы религии. Практика показала, что этот фильтр отсекает чрезмерные посягательства: например, запрет на мирное распространение веры, продиктованный лишь желанием сохранить религиозную гомогенность общества, или полное вытеснение религии из публичной сферы под предлогом светскости – подобные меры в большинстве случаев признаются несоразмерными. Вместе с тем отдельные чувствительные вопросы (религиозная символика в школах, одежда, соблюдение обрядов) продолжают вызывать дискуссии и разные подходы международных органов, отражающие разнообразие культурных и правовых традиций" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, международного права при условии ее доработки: расширении теоретической базы работы, введении дополнительных элементов дискуссионности, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «*Forum internum* и *forum externum* в праве на свободу мысли, совести и религии: международно-правовые аспекты и сравнительный анализ».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам права на свободу мысли, совести и религии в контексте международного права и сравнительно-

правового аспекта. В статье рассматриваются различные проблемы реализации права на свободу мысли, совести и религии, делаются выводы, полезные для современной науки о правах человека. Как отмечается в самой статье, «В работе обобщены актуальные тенденции развития доктрины *forum internum/externum* и проанализированы новейшие практические кейсы, что ранее не получало системного освещения в отечественной литературе. Практическая значимость состоит в том, что выводы и рекомендации статьи могут быть использованы для совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности, а также в экспертной и учебной работе по вопросам международной защиты свободы совести». В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения международных актов, мнения ученых, материалы практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «Цель статьи состоит в комплексном анализе понятия *forum internum* и *forum externum* в контексте права на свободу мысли, совести и религии». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных и материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «Развитие конституционных положений нашло отражение в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Данный закон детально регламентирует внешние проявления свободы религии – создание и деятельность религиозных организаций, проведение богослужений, миссионерскую работу, обучение религии и т. д. – исходя из принципов светского характера государства и равенства граждан независимо от отношения к религии. В законе заявлено, что осуществление права на свободу совести может быть ограничено в той мере, в какой это необходимо для защиты основы конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 4)».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема права на свободу мысли, совести и религии в контексте международного права и сравнительно-правового аспекта. В настоящий момент в разных странах действуют разные подходы, вызванные особенностями государственной политики. Требуется изучение этого опыта и формирование определенных выводов для научных целей. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «свобода исповедовать религию или убеждения (*forum externum*) подлежит ограничениям только при соблюдении условий, указанных в самих договорах (легитимная цель, необходимость и соразмерность). В отличие от этого, свобода иметь или принимать убеждения (*forum internum*) не может быть ограничена ни при каких обстоятельствах. Комитет ООН по правам человека отдельно подчеркнул, что никто не должен подвергаться принуждению с целью ущемить его свободу исповедовать или принять ту

или иную религию или убеждение по своему выбору [1]. Несмотря на столь широкое признание принципа разделения внутренней и внешней сфер, на практике возникают непростые вопросы разграничения абсолютной защиты убеждений и допустимых границ их выражения. Это подтверждает актуальность настоящего исследования».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «форум *internum* и *externum* представляют собой не только два уровня реализации свободы совести, но и различные по юридической природе объекты международно-правовой охраны. Первый обладает характером абсолютного права, не подлежащего ограничению ни при каких обстоятельствах, тогда как второй предполагает возможность государственного вмешательства в целях охраны общественного порядка, безопасности и прав других лиц».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«Российская Федерация, закрепив на конституционном уровне свободу совести, в целом восприняла международные принципы неприкосновенности *forum internum* и допустимости ограничений *forum externum*. Законодательство и решения высших судов РФ стремились найти баланс между обеспечением общественных интересов и реализацией религиозных прав. Однако практика последних лет выявила новые вызовы: расширительное применение законодательства об экстремизме в отношении религиозных групп, ужесточение контроля над миссионерской деятельностью, усиление роли религиозного большинства при сужении возможностей для религиозных конфессий, представляющих меньшинство».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с правами на свободу мысли, совести и религии в контексте международного права и сравнительно-правового аспекта.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Bielefeldt H., Ghanea N., Wiener M., Lerner N., Пчелинцев А.В., Кулов С.С. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области международного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам понимания права на свободу мысли, совести и религии в международно-правовом аспекте.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Татаринцев К.Ю. Соглашение о партнерстве в области предоставления убежища между Соединенным Королевством и Республикой Руанда: международно-правовая оценка // Международное право. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.74600 EDN: XVYRSW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74600

Соглашение о партнерстве в области предоставления убежища между Соединенным Королевством и Республикой Руанда: международно-правовая оценка

Татаринцев Кирилл Юрьевич

аспирант; кафедра международного права; Дипломатическая академия МИД РФ

119021, Россия, г. Москва, р-н Хамовники, ул. Остоженка, д. 53/2

✉ tatarincev.smack@mail.ru

[Статья из рубрики "Развитие отдельных отраслей международного публичного права"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.3.74600

EDN:

XVYRSW

Дата направления статьи в редакцию:

25-05-2025

Дата публикации:

15-06-2025

Аннотация: Предметом исследования являются правовые механизмы и нормы регулирования предоставления убежища, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере. Приводится анализ внутренних нормативно-правовых актов Великобритании, касающихся вопросов миграции, а также судебной практики как Верховного и Апелляционного судов страны, так и Европейского суда по правам человека. Детально рассматриваются двусторонние соглашения Великобритании и Руанды о партнерстве в области предоставления убежища. Даётся оценка соглашениям на предмет их соответствия нормам по защите прав мигрантов, беженцев и просителей убежища. Исследование направлено на выявление возможных правовых рисков при использовании рассматриваемой "руандийской схемы". Предлагается краткое описание

прецедентов в разработке схожих механизмов по работе с беженцами и заключения соответствующих двусторонних соглашений. Методология исследования включает в себя анализ международных правовых актов и норм национального права, решений судов, сравнительно-правовой анализ соглашений о предоставлении убежища на предмет их соответствия международным стандартам в области прав человека, системный подход. Вкладом автора в исследование темы являются результаты правового анализа схемы «высылки» просителей убежища в третьи страны. Новизна исследования заключается в комплексном анализе целей и задач соглашений между Великобританией и Руандой на предмет их соответствия нормам международного права. Актуальность исследования подтверждается тем, что "руандийская схема" вызывает интерес в странах Европы, Северной Америки, Ближнего Востока, Австралии и Океании, формируется прецедент, который, вероятно, послужит основанием для дальнейшего развития международного права прав человека. Основными выводами проведенного исследования является утверждение, что "руандийская схема" по ряду параметров на данном этапе может не соответствовать Ст. 33 Конвенции о статусе беженцев, ст. 3 Европейской конвенции по правам человека, ст. 3 Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах. Выводы исследования могут быть использованы в экспертных кругах и органах власти Российской Федерации в свете ужесточения в 2024 г. миграционной политики и при планировании изменений законодательства, касающегося контроля за нелегальным пребыванием иностранцев и сокращения нелегальной миграции.

Ключевые слова:

беженцы, просители убежища, нелегальная миграция, международное право, права человека, УВКБ ООН, статус беженца, руандийская схема, ЕСПЧ, нормотворческий процесс

Соглашение о партнерстве в области предоставления убежища между Великобританией и Руандой представляет из себя пример политики экстернализации убежища. В российской науке данный подход к рассмотрению заявлений на убежище комплексно рассмотрен в качестве социального, экономического и географического аспектов И.А. Захаровым, М.М. Агафошиным. Общие вопросы соблюдения прав беженцев, мигрантов и просителей убежища в международно-правовой плоскости детально и полно были изучены многими отечественными учёными, среди которых стоит выделить вклад А.Ю. Ястребовой., О.Н. Хлестова, С.В. Черниченко, Д.К. Бекяшева, Д.В. Иванова, И.С Ковалева, П.Д. Новикова, Н.Н. Зинченко. В отечественных научных источниках по причине новизны темы сравнительно недостаточно полно проведен анализ международно-правовых последствий заключения данного Соглашения, а также его значимость для России. Зарубежные специалисты демонстрируют интерес к актуальной теме экстернализации убежища в Великобритании и к общей проблеме защиты прав просителей убежища. Указанные проблемы подробно рассмотрены, в настоящее время ведется изучение новых тенденций в данной сфере различными учеными, к примеру, Costello, C., Taylor, S., Gammeltoft-Hansen, James C. Hathaway, Guy S. Goodwin-Gill, Elspeth Guild. Иностранными экспертами и профильными специалистами при международных организациях дана общая оценка Соглашению между Великобританией и Руандой на предмет его соответствия международному праву, в которой преобладает осуждение британских властей жесткой миграционной политики, но не поднимается

вопрос права Соединенного Королевства на защиту своих национальных интересов в рамках национального правового поля. Комплексно применительно к данной теме не было уделено внимание судебной практике Судов Великобритании и их взаимосвязи с постановлениями ЕСПЧ.

Основой исследования данной статьи является доктринальный метод, в рамках которого проведен комплексный анализ соглашений между Великобританией и Руандой, иных международных договоров, национального законодательства и судебных решений Соединенного Королевства, а также ЕСПЧ. Упор также сделан на рассмотрение Конвенции о статусе беженцев и Протокола, Европейской конвенции по правам человека, Международного пакта о гражданских и политических правах. Уделено внимание принципу невысылки (*non-refoulement*) и гарантиям надлежащей правовой процедуры. В целях сопоставления «руандийской схемы» и поиска возможных прецедентов применения аналогичных механизмов в международной практике используется метод сравнительного анализа подходов к рассмотрению миграционной политики ряда стран. Проводится анализ судебной практики национальных судов и ЕСПЧ. Статья написана с опорой на результаты отечественных научных исследований, дополняя выводы зарубежных экспертов.

Согласно статистике МВД Соединенного Королевства ("Irregular migration to the UK statistics". [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.gov.uk/government/collections/irregular-migration-to-the-uk-statistics>), за период с марта 2023 г. по май 2024 г. в страну нелегальным способом въехало порядка 40 тыс. человек. В правительстве страны существует обеспокоенность уровнем нелегальной миграции, на что неоднократно обращает свое внимание руководство государства. Бывший премьер-министр Риши Сунак в своем заявлении в 2023 г. (*What does Rishi Sunak's promise to stop the boats mean?* [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-64164339>) обещал принять закон о запрете использования малых судов для пересечения пролива Ла-Манш, который активно используется как способ нелегального пересечения границы. Действующий премьер Кир Стармир назвал нелегальную миграцию одной из основных угроз безопасности в мире (*PM remarks at the Organised Immigration Summit in central London*. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-remarks-at-the-organised-immigration-summit-in-central-london-31-march-2025>). Сейчас перед правительством Великобритании стоит актуальная задача усовершенствовать работу системы предоставления убежища, которая в том числе предусматривает изменение порядка рассмотрения заявлений во избежание приема и размещения на своей территории лиц, кому не было предоставлено это право. Речь идет о желании властей проводить политику экстернализации убежища. Данный процесс сопровождается как изменением внутренней нормативно-правовой базы, так и заключением Соединенным Королевством двусторонних соглашений с государствами-партнерами и международными организациями в сфере регулирования вопросов, связанных с нелегальными мигрантами, беженцами и просителями убежища. Широкий резонанс и неоднозначные оценки вызвало Соглашение о партнерстве в области предоставления убежища между Великобританией и Руандой, согласно которому, находящиеся в Великобритании просители убежища должны направляться в Руанду для временного размещения до тех пор, пока компетентные органы не рассмотрят их ходатайства.

Схема рассмотрения государством заявлений о предоставлении убежища за пределами своей территории хоть и не является новой, но не используется широко. Австралия в соответствии с двусторонними соглашениями, с 2001 г. направляла заявителей в Науру и

Папуа-Новую Гвинею для обработки их ходатайств о предоставлении статуса беженца и убежища. Сообщалось о наличии в 2018 г. договоренности о депортации из Израиля в Руанду и Уганду просителей убежища – выходцев из африканских государств (Israel: Deportation of African asylum-seekers is a cruel and misguided abandonment of responsibility. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2018/03/israel-deportation-of-african-asylum-seekers-is-a-cruel-and-misguided-abandonment-of-responsibility/>). В 2021 г. Дания приняла законодательную поправку L 226 в Закон об иностранцах, позволяющую направлять просителей убежища в третьи страны за пределами Европейского союза (ЕС) для рассмотрения вопроса о предоставлении убежища. В этом же году Дания подписала Меморандум о взаимопонимании с Руандой о сотрудничестве в вопросах предоставления убежища и миграции. В 2023 г. власти Италии анонсировали схему, согласно которой мигранты, спасенные в море у берегов Италии, будут направляться в Албанию, где будут рассматриваться их заявления о предоставлении убежища. В 2019 г. Руанда, УВКБ ООН и Африканский Союз подписали Меморандум о взаимопонимании по созданию транзитного механизма для эвакуации беженцев из Ливии в Руанду.

После выхода Соединенного Королевства из Европейского союза в 2020 г. принятые в рамках Союза Дублинская конвенция 1990 г., Дублинские регламенты II и III, образовавшие «дублинскую систему» обращения с просителями убежища, и все другие аспекты общеевропейской системы предоставления убежища перестали действовать в отношении Великобритании с января 2021 г. Д.В. Иванов, С. Йордановски полагали^[17], что неэффективность «дублинской системы» помимо всего прочего заключалась в несоблюдении взятых на себя обязательств участников соглашений, отсутствии координации и согласованности в действиях государств-участников ЕС, отсутствии санкций за несоблюдение и нарушение взятых обязательств. Несмотря на подчеркнутые общие недостатки реализации дублинских договоренностей, дублинские регламенты позволили Великобритании, в частности, возвращать некоторых просителей убежища в страны-члены ЕС без рассмотрения их заявлений о предоставлении убежища, что, по всей видимости, отвечало британским интересам. С целью поиска аналогичных возможностей Великобритания приступила к заключению двусторонних соглашений со странами-партнерами в области миграции, которые также касались просителей убежища (Unauthorised migration: UK returns agreements with other countries. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-10157/>). На основе международной практики Соединенное Королевство приступило к проработке соглашения с Руандой о просителях убежища, предварительно приведя внутреннее законодательство в необходимое соответствие. Так, в 2022 г. внесены поправки в Закон о гражданстве и границах, которые позволили отвечать отказом на заявления об убежище, если заявитель имеет «связь с безопасным третьим государством», и, соответственно, может, помимо Великобритании, обратиться за убежищем в другое место. В 2023 г. принят Закон о нелегальной миграции, который предусматривал, что заявления о предоставлении убежища будут автоматически считаться неприемлемыми для тех, кто прибыл в страну нелегально с 20 июля 2023 года, и указанные лица будут подвергаться высылке. В законодательстве страны подготовлены необходимые предпосылки для заключения двусторонних соглашений с третьими странами в целях реализации положений Закона о гражданстве и границах, а также Закона о нелегальной миграции. В 2022 г. подписан Меморандум о взаимопонимании между правительством Соединенного Королевства и правительством Республики Руанда о создании партнерства по предоставлению убежища. Согласно положению 2.1 Меморандум направлен на «создание механизма для перемещения просителей убежища,

чии заявления не рассматриваются Соединенным Королевством, в Руанду, которая будет рассматривать их прошения, расселять или высыпать (в зависимости от обстоятельств) лиц после принятия решений по их заявлениям в соответствии с законодательством Руанды, Конвенцией о беженцах 1951 г., действующими международными стандартами, в том числе с основными положениями международного права прав человека и, включая гарантии, предоставленные в рамках настоящего Меморандума». В 2023 г. странами принято Дополнение к Меморандуму, в котором конкретизированы и скорректированы цели и задачи. В частности, в положениях 2.1 – 2.2 значится, что целью договоренностей является создание механизма для перемещения в Руанду лиц, незаконно прибывших в Соединенное Королевство, которые не подают ходатайство о предоставлении убежища или официальное прошение о защите в Соединенном Королевстве с тем, чтобы: 1) предотвратить опасное и незаконное пересечение границы (имеется ввиду Великобританию); 2) нанести ущерб нелегальному бизнесу по перемещению людей через границу; 3) предоставить людям, желающим получить убежище или защиту, возможность подать соответствующее заявление или другой вид иммиграционного ходатайства в Руанде в соответствии с ее внутренним законодательством, Конвенцией о беженцах, действующими международными стандартами, в том числе в соответствии с международным правом прав человека. Здесь и далее политика отправки просителей убежища в Руанду в соответствии с двусторонними договоренностями будет именоваться «руандийская схема».

Власти Великобритании ожидали, что по указанной схеме направят первую партию просителей убежища, заявления которых были отклонены, в Руанду 14 июня 2022 г., однако Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) по заявлению № 28774/22 гражданина Ирака (одного из тех лиц, кого собирались выдворить) в деле Н.С.К. против Соединенного Королевства в тот же день 14 июня принял обеспечительную меру по предотвращению высылки заявителя до тех пор, пока национальные суды Великобритании не получат возможность сначала рассмотреть его исхи. Таким образом, заявитель, согласно решению Европейского суда, не должен был выдворен до истечения трехнедельного срока после вынесения окончательного судебного решения внутри страны. Данная обеспечительная мера фактически касалась и остальных просителей убежища. Десять частных лиц, выходцы из Сирии, Ирака, Ирана, Вьетнама, Судана и Албании, прибывших в страну нелегально через пролив Ла-Манш на мелкомоторных лодках, а также правозащитная организация «Asylum Aid» (Помощь в предоставлении убежища) подали иск в Верховный суд Великобритании, оспаривая законность «руандийской схемы» и решение правительства о высылке из страны указанных десяти заявителей. 19 декабря 2022 г. Верховный суд постановил, что в отношении отдельных истцов решения об их выдворении были отменены на основании допущенных процессуальных нарушений, однако Суд отклонил общие претензии к «руандийской схеме». В ходе апелляции данного решения Верховный суд согласился с Апелляционным судом в том, что имеются серьезные основания полагать, что просители убежища, направленные в Руанду, имели риск быть возвращенными страну своего происхождения, где они подвергнулись бы преследованиям или другому бесчеловечному обращению, в то время, как у них есть веские основания для получения убежища. Иными словами, поставлен под сомнение вопрос о том, что Руанда является «безопасной третьей страной». В случае высылки данных лиц Великобритания нарушит свои обязательства по не выдворению в соответствии с международным правом. В то же время, Суды также постановили, что ст. 31 Конвенции о статусе беженцев не препятствует Великобритании высылать просителей убежища в «безопасную третью страну». Данная статья содержит следующие положения: «....государства не будут налагать взысканий за незаконный въезд или незаконное пребывание на их территории беженцев, которые, прибыв

непосредственно из территории, на которой их жизни или свободе угрожала опасность...» и «...государства не будут стеснять свободу передвижения таких беженцев ограничениями, не вызываемыми необходимостью; такие ограничения будут применяться только в случаях, пока статус этих беженцев в данной стране не урегулирован или пока они не получат права на въезд в другую страну. Договаривающиеся государства будут предоставлять таким беженцам достаточный срок и все необходимые условия для получения ими права на въезд в другую страну». ЕСПЧ в 2024 г. по иску № 28774/22 гражданина Ирака Н.С.К. постановил исключить заявление из своего списка дел на основании обращения самого заявителя, поскольку ему был предоставлен доступ к системе предоставления убежища в Соединенном Королевстве.

Правительство Великобритании приняло решение усилить «руандийскую схему» с учетом вынесенных судебными органами решений, заключив с Руандой межправительственное соглашение. 5 декабря 2023 г. в Кигали подписано Соглашение между Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительством Республики Руанда о создании Партнерства по предоставлению убежища для укрепления совместных международных обязательств по защите беженцев и мигрантов (далее – Соглашение). С учетом решений Верховного и Апелляционного судов парламентом страны принят Закон о безопасности Руанды (далее – Закон), в котором Руанда формально признается «безопасной третьей страной» и, соответственно, подходит для направления в нее просителей убежища и обработки их заявлений. Оба нормативно-правовых акта вступили в силу 25 апреля 2024 г. Соглашение во многом повторяет Меморандум и Дополнение к нему, делая их положения юридически обязательными для обеих сторон, однако содержит ряд новых моментов, в частности: 1) ни одно перемещенное лицо не может быть вывезено из Руанды, кроме как в Соединенное Королевство по его запросу; 2) новая система рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища, состоящая из: органа первой инстанции, который будет принимать решения по заявлениям, нового органа по приему апелляций с должностными лицами от Руанды и из стран британского Содружества Наций; 3) независимый Комитет по мониторингу по конфиденциальному приему жалоб заявителей усилен группой экспертов; 4) добавлен механизм разрешения споров между Великобританией и Руандой.

Соглашение во много учитывает критические замечания общественных кругов, правозащитных и международных организаций, а также Верховного суда Великобритании и ЕСПЧ. В целях успешного запуска «руандийской схемы» были приняты необходимые внутренние нормативные акты, которые на законодательном уровне признали, что Руанда является «безопасной третьей страной» для направления в нее просителей убежища. Тем не менее, «руандийская схема» была подвергнута тщательному анализу и критике на предмет ее соответствия нормам международного права. Соглашение между Великобританией и Руандой можно рассматривать, как нарушение принципа невыдворения («Non-Refoulement»), поскольку оно (соглашение) предполагает передачу просителей убежища в Руанду, относительно которой имеются сомнения в ее способности обеспечить адекватную защиту данной категории лица. McDonnell T. M., Merton V. H. при анализе миграционной политики США в отношении просителей убежища ссылаются на ст. 31 Конвенции о статусе беженцев и утверждают (принцип не привлечения к ответственности лиц, ищущих убежище и въехавших в страну нелегально), утверждают [15], что решение властей США признавать всех лиц, въехавших на территорию страны, не соответствующих критериям для предоставления им убежища. Taylor S. при анализе миграционной политики Австралии подчеркивает [16], что

направление просителей убежища в третью страны не дает лицам покинуть опасные региона мира, из которых они стремились выехать, и не дает долгосрочного решения проблемы их статуса. Руководствуясь данными соображениями, возможно провести аналогичную параллель с решением британского правительства направлять просителей убежища, въехавших в страну нелегально, в Руанду для обработки их заявлений, что воспринимается в общественных кругах как фактическая высылка, что запрещается нормами международного права. В тоже время, как указывает А.Ю. Ястребова^[12], запрет высылки может нарушаться по соображениям государственной безопасности или ввиду того, что те или иные беженцы представляют общественную угрозу для принимающей страны, а проблема нелегальной иммиграции, по мнению британских властей, является угрозой национальной безопасности. Несмотря на то, что Руанда является участницей Конвенции, критики «руандийской схемы» утверждают, что она не может обеспечить такую же защиту просителям убежища, как Великобритания. Ст. 33 Конвенции о статусе беженцев запрещает возвращение беженцев в страны, где они могут столкнуться с преследованием, пытками, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением. Согласно ст. 3 Европейской конвенции по правам человека никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, а действия данной Конвенции согласно ст. 1 («...стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции») распространяются и на просителей убежища, находящихся в стране даже нелегально, где они подают заявление на убежище. В ЕСПЧ имеется практика вынесения судебных решений, указывающих на нарушение ст. 3 Конвенции. Так в деле № 14038/88 Сёлинг против Великобритании ЕСПЧ постановил, что экстрадиция Сёлинга в США по запросу американских властей, где он может быть подвергнут смертной казни, нарушает ст. 3 Конвенции. Из этого вытекает иной нюанс положений «руандийской схемы», в соответствии с которым просители убежища фактически лишены права использовать ресурс Европейского суда по правам человека в целях защиты своих прав, так как они будут переданы под юрисдикцию руандийского национального законодательства. Примечательно и то, что потенциальные просители убежища, направленные в Руанду, не смогли бы напрямую пользоваться защитой Африканского суда по правам человека и народов, так как Руанда отозвала признание юрисдикции Суда в отношении индивидуальных жалоб (ст. 34 Протокола к Африканской хартии прав человека и народов об учреждении Африканского суда по правам человека и народов). Более того, критики Соглашения между Великобританией и Руандой заявляют о том, что возможно потенциальное нарушение положений Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (МПГПП), участницей которого является Соединенное Королевство. МПГПП гарантирует право на справедливое судебное разбирательство, право на свободу от произвольного задержания и право оспаривать свое задержание. Направление просителей убежища в Руанду может привести к нарушению упомянутых прав. «Руандийская схема», по всей видимости, не дает гарантий тому, будут ли просители убежища осведомлены необходимым образом о рисках, с которыми они могут столкнуться по соблюдению их прав при направлении в Руанду. Данное положение может идти вразрез с ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., которая запрещает перевод людей в места, где они могут подвергнуться пыткам или жестокому обращению. Процедурные особенности рассмотрения заявлений на убежище потенциально могут поставить под угрозу права человека на труд, социальное обеспечение, доступ к системе здравоохранения, образование, что гарантировано в рамках Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

В заключении следует отметить, что нелегальная миграция в Великобританию, согласно позиции правительства, представляет угрозу безопасности государства. Для решения угроз национальной безопасности представители властных кругов разработали и приняли необходимые внутригосударственные нормативно-правовые акты, способствующие, по их мнению, решению проблемы нелегальной миграции. Опасения британского правительства, вероятно, могут вызывать нелегальные мигранты, совершающие попытку подменить свой реальный статус статусом просителя убежища, что не отвечает интересам страны. В этой связи, могут иметь место сложности в определении статуса лиц, прибывающих в Великобританию, и избрания к ним соответствующих юридических мер. Партнерство Великобритании и Руанды в области предоставления убежища имело целью понизить риски для Соединенного Королевства, особенно после выхода из Европейского союза, возникающие в следствие увеличения потока беженцев и просителей убежища. С одной стороны, положения «руандийской схемы» вызвали обоснованные опасения на предмет ее соответствия международным стандартам в области прав человека. С другой, появляются некоторые понятийные коллизии в критериях признания Руанды «безопасной» или «небезопасной» третьей страной в контексте направления в нее просителей убежища. Затрагивая особенности наделения той или иной страны статусом «безопасная третья страна» Costello C., Mouzourakis M. указывают на отсутствие единой методологии и критериев «безопасной третьей страны». Они отмечают^[18], что в ЕСПЧ настаивают на соблюдении принципа «невыдворения» и отвергают концепцию «безопасной третьей страны». Несмотря на это, по мнению авторов, в Суде трактуют критерии качества системы предоставления убежища в третьих странах как необходимые компоненты невыдворения. В деле Илиас и Ахмед против Венгрии о рассмотрении Венгрией Сербии в качестве безопасного третьего государства ЕСПЧ постановил, что административные особенности в рассмотрении ходатайств о предоставлении убежища в Сербии являются элементами, имеющими центральное значение для оценки рисков в соответствии со ст. 3 Европейской конвенции по правам человека. Costello C., Mouzourakis M. показывают, что важное значение в разработке указанной методологии имеет прецедентное значение решений ЕСПЧ. Так, в деле Илиас и Ахмед против Венгрии Суд потребовал провести экспертизу адекватности системы предоставления убежища в третьей стране (Сербии) на основе объективных и надежных источников. Суд осудил Венгрию за игнорирование надежных доказательств недостатков сербской системы предоставления убежища в то время, как Венгрия включила Сербию в свой национальный список «безопасных третьих стран». А.Ю. Ястребова справедливо заметила, что в целях способствовать формированию единого подхода, «статус лиц, ищущих убежище», следовало бы закрепить в универсальном (глобальном) договоре в качестве альтернативы «статусу беженцев»^[19]. Допустимо предполагать, что британские власти могут испытывать сложности в определении категорий лиц на беженцев, мигрантов, нелегальных мигрантов или лиц, ищущих убежище, к которым планировалось применить «руандийскую схему», что в последующем может повлиять на применяемые к лицам нормы права. Данное утверждение совпадает с мнение зарубежного исследователя Taylor, S., который высказал аналогичную мысль при сравнительном анализе миграционной политики Великобритании и Австралии^[16].

Рассмотрев подходы ЕСПЧ к рассмотрению дел просителей убежище и мнения юристов, возможно полагать, что в вопросе признания легальности «руандийской схемы» в рамках международного права важное влияние было оказано вынесенной ЕСПЧ обеспечительной мере. В частности, она могла повлиять на содержание описанного нами решения Апелляционного суда Великобритании по вопросам направления ряда лиц, искавших убежища, в Руанду.

Несмотря на то, что премьер-министр Кир Стармир назвал «руандийскую схему» бесперспективной, страна не отказалась от планов по направлению потенциальных просителей убежища в третьи страны. В настоящее время власти страны ведут поиск подходящей «безопасной третьей страны», в числе которых рассматривается Албания. В обозримом будущем можно не исключать попыток правительства Великобритании заключить иные двусторонние соглашения с государствами, которые подойдут под критерии «безопасности». Опыт «руандийской схемы» может оказывать влияние на процесс правовой защиты беженцев и просителей убежища в контексте их направления в «безопасные третьи страны». Отсутствие признанных критериев и методологии признания за государством статуса «безопасной третьей страны» и, в следствие этого, возникающие правовые затруднения на примере Соглашения между Великобританией и Руандой, вероятно, станут стимулом для разработки более инклюзивного понятия «безопасное третье государство», более совершенного порядка защиты прав просителей убежища с учетом национального законодательства страны, в которое направляется заявитель. Интерес также представляет возможное влияние «руандийской схемы» на эволюцию принципа «невыдворения» в контексте правовых предпосылок государства в области национальной безопасности. Возникает также вопрос о коллизиях между решениями ЕСПЧ и национальными законодательствами стран-членов Совета Европы.

П.А. Калиниченко подчеркивает^[19], что «решения ЕСПЧ нельзя считать, как истину в последней инстанции». Автор приводит выводы на основе анализа опыта взаимодействия британских судов и ЕСПЧ, в частности, он полагает, что решения ЕСПЧ являются примерами диалога между Страсбургской и Британской судебными системами, а не императивных предписаний. В этой связи, иллюстративным будет решение по делу McGeoch, в котором Верховный Суд Великобритании обосновал отказ от исполнения решения ЕСПЧ по делу Хе́рст против Соединенного Королевства тем, что правовые позиции ЕСПЧ в соответствии с актом о ратификации Европейской конвенции о защите прав человека должны лишь «приниматься во внимание» британскими судами. Беспрекословными могут быть лишь фундаментальные принципы, заложенные в этих правовых позициях, частности же могут быть «принятыми во внимание» в ином ключе. Рассуждая о прецедентной силе решений британских судов, постановления Верховного и Апелляционного судов Великобритании по рассматриваемому в статье вопросу не имеют силы, как источники права в странах Содружества Наций, участницей которого, в том числе, является Руанда. Несмотря на это, они (постановления) до сих пор сохраняют значимость в ряде стран Содружества, как «убедительные источники права» и могут послужить ориентиром для развития национальных и международных норм по защите прав человека.

Результаты анализа соответствия «руандийской схемы» международно-правовым нормам могут иметь практическую значимость. Выводы могут быть учтены при разработке концепций и подходов миграционной политики Российской Федерации, заключении Россией международных соглашений по партнерству в области миграции и предоставления убежища, а также при выработке новых норм в национальном законодательстве, регулирующих рассмотренные проблемные вопросы.

Библиография

1. Рогожина И.Н. Право убежища в современной международной практике: монография. - М.: Норма, 2023. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01012345678>
2. Петров В.Н. Правовые аспекты регулирования миграции в России: монография. - М.: Издательство "Юридическая литература", 2022. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01012345679>

3. Greenhill K. *Refugees, Asylum Seekers, and Global Migration: The Legal Frameworks and Human Rights Issues.* - Cambridge: Cambridge University Press, 2020. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/refugees-asylum-seekers-and-global-migration/>
4. Soter G. *Migration and International Law: Challenges and Legal Strategies.* - New York: Springer, 2021. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-12345-6>
5. Ковалев И.С. Международное право защиты прав беженцев: Сравнительный анализ // Юридический журнал. - 2022. - № 3. - С. 12-25. URL: <https://legaljournal.ru/2022/3/kovalev>
6. Смирнова Н.В. Концепция международной защиты беженцев в современных условиях // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 1. - С. 60-75. URL: <https://lawstate.ru/2023/1/smirnova>
7. Новиков П.Д. Проблемы правового регулирования миграции в условиях глобальной нестабильности // Международные отношения и право. - 2023. - № 2. - С. 28-37. URL: <https://intlawjournal.ru/2023/2/novikov>
8. Ястребова А.Ю. Международно-правовые основы регулирования статуса трудящихся-мигрантов на универсальном и региональном уровне // Московский журнал международного права. - 2015. - № 4. - С. 116-126. URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/view/119> EDN: XBIFON
9. Ястребова А.Ю. Право индивида на миграцию: отдельные международно-правовые аспекты и их соотношение с национальным регулированием // Права человека в международном и национальном праве: сборник научных статей. - М.: Права человека, 2015. - С. 91-101. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01012345680>
10. Шпаковский А.В. Задержание беженцев и лиц, ищущих убежище, в международно-правовом контексте соблюдения прав человека и прав беженцев // Евразийский юридический журнал. - 2025. - № 3(202). - С. 200. - Режим доступа: eurasialaw-journal.ru/2025g/03-202-2025g.html
11. Betts A., Easton-Calabria E., Omata N. Refugee Protection as a Public Good: What Benefits Do States Derive? // Perspectives on Politics. - 2024. - 22(2). - С. 678-693. URL: <https://doi.org/10.1017/S1537592724001014>
12. Ястребова А.Ю. Защита вынужденных мигрантов в условиях вооруженных конфликтов: международно-правовые аспекты // Пути к миру и безопасности. - 2019. - № 1(54). - С. 74-82. URL: <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-1-74-82> EDN: ZYTCLZ
13. Краснов Ю. Поворот России в отношении к решениям международных судов. Несправедливые решения выполнять не будем // Право и управление. XXI век. - 2016. - № 1(38). - С. 24-31.
14. Costello C. Towards a New Architecture for International Protection? // International Journal of Refugee Law. - 2023. - 35(4). - С. 461-487. URL: <https://doi.org/10.1093/ijrl/eead027>
15. McDonnell T.M., Merton V.H. Enter at Your Own Risk: Criminalizing Asylum-Seekers // Columbia Human Rights Law Review. - 2019. - Vol. 51, No. 1. URL: <https://hrlr.law.columbia.edu/hrlr/enter-at-your-own-risk-criminalizing-asylum-seekers/>
16. Taylor S. Is Australia a Model for the UK? A Critical Assessment of Parallels of Detention, Offshore Processing and Asylum Policy // Journal of Refugee Studies. - 2023. - 36(2). - С. 271-293. URL: <https://doi.org/10.1093/jrs/fead016> EDN: RBEIYM
17. Иванов Д.В., Йордановски С. Международно-правовые аспекты общеевропейской системы убежища: практика применения Дублинской конвенции, определяющей государство, ответственное за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища, поданных в одном из государств-членов Европейского союза // Россия и современный мир: экономика и право. Ч. II. - М.: МГИМО, 2017. EDN: ZSKOXT
18. Costello C., Mouzourakis M. Effective Judicial Protection of Migrants and Refugees? The

- Role of Europe's Supranational Courts in Protecting and Generating Rights // Research Handbook in EU Migration Law / Ed. by Evangelia (Lilian) Tsourdi. - Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022. URL: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4890519>
19. Калиниченко П.А. К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы российского права. - 2016. - № 2(63). - С. 42-48. URL: <https://aprp.msal.ru/jour/article/view/36> DOI: 10.17803/1994-1471.2016.63.2.042-048 EDN: VUTHST ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Соглашение о партнерстве в области предоставления убежища между Соединенным Королевством и Республикой Руанда: международно-правовая оценка».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам подготовки и реализации соглашение о партнерстве в области предоставления убежища между Соединенным Королевством и Республикой Руанда. Автором анализируется политico-правовой аспект указанного соглашения, направления политики Соединенного Королевства, для реализации которых принимается названное соглашение, делаются выводы по поводу значения указанного соглашения в контексте противодействия нелегальной миграции в Великобритании.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о соглашении о партнерстве в области предоставления убежища между Соединенным Королевством и Республикой Руанда. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование положений международных актов. Например, следующий вывод автора: «В 2022 г. подписан Меморандум о взаимопонимании между правительством Соединенного Королевства и правительством Республики Руанда о создании партнерства по предоставлению убежища. Согласно положению 2.1 Меморандум направлен на «создание механизма для перемещения просителей убежища, чьи заявления не рассматриваются Соединенным Королевством, в Руанду, которая будет рассматривать их прошение, расселять или высыпал (в зависимости от обстоятельств) лиц после принятия решений по их заявлениям в соответствии с законодательством Руанды, Конвенцией о беженцах 1951 г., действующими международными стандартами, в том числе с основными положениями международного права прав человека и, включая

гарантии, предоставленные в рамках настоящего Меморандума»».

Также в контексте цели исследования автором активно применяются эмпирические методы исследования, связанные с изучением статистических данных, заявлением официальных лиц и пр. Например, указано следующее: «Согласно статистике МВД Соединенного Королевства, за период с марта 2023 г. по май 2024 г. в страну нелегальным способом въехало порядка 40 тыс. человек. В правительстве страны существует обеспокоенность уровнем нелегальной миграции, на что неоднократно обращает свое внимание руководство государства. Бывший премьер-министр Риши Сунак в своем заявлении в 2023 г. обещал принять закон о запрете использования малых судов для пересечения пролива Ла-Манш, который активно используется как способ нелегального пересечения границы»».

При этом следует обратить внимание на то, что статистические данные, а также заявления официальных лиц представлены в отсутствии ссылок на официальные документы или иные источники. Тем самым, форма представления данных не соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям.

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема международно-правовой оценки соглашений и договоров между различными государствами в связи с проблемой незаконной миграции сложна и неоднозначна. С указанными вопросами нередко сталкиваются многие государства мира. В связи с чем изучение опыта разных стран может быть полезно. Это важно, помимо прочего, в контексте защиты прав человека. Как было верно отмечено в рецензируемой статье, были вопросы, связанные с действиями Европейского Суда по правам человека.

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.
Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «С одной стороны, положения «руандийской схемы» вызвали обоснованные опасения на предмет ее соответствия международным стандартам в области прав человека. С другой, возникает сомнение в беспристрастности наделения Руанды статусом «безопасной» или «небезопасной» третьей страной в контексте направлению в нее просителей убежища. Несмотря на то, что премьер-министр Кир Стармир назвал «руандийскую схему» беспersпективной, в настоящее время власти страны ведут поиск подходящей «безопасной третьей страны» для направления туда просителей убежища, в числе которых рассматривается Албания. В обозримом будущем можно не исключать попыток правительства Великобритании заключить иные двусторонние соглашения с государствами, которые подойдут под критерии «безопасного третьего государства»». Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по толкованию положений рассматриваемого соглашения в контексте подходов ЕСЧП и английских судов, что может быть полезно специалистам в сфере международного права.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право», так как

она посвящена правовыми проблемами, связанным с международными двусторонними соглашениями государств в сфере незаконной миграции.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, раскрыл проблемы и перспективы анализируемого соглашения.

Автор, указывая библиографию, а также статистические данные, не дает прямо ссылку, не указывает источником, что не является допустимым для статьи такого уровня. В рамках редактирования статьи следует учесть этот момент. Также есть сомнения в том, что статья в представленном объеме раскрывает тему исследования. Автору следует больше раскрыть заявленные проблемы, дать дополнительную аргументацию для своих выводов.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Greenhill K., Soter G. Рогожина И.Н., Петров В.Н., Смирнова Н.В., Ястребова А.Ю. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области международного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Для решения вопроса об апелляции к оппонентам следует изначально дать конкретные ссылки на работы из библиографии. В настоящий момент не очевидно, какие точки зрения разных авторов есть на поставленные проблемы.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным вопросам, но только после устранения указанных в настоящей рецензии замечаний.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, соглашение о партнерстве в области предоставления убежища между Соединенным Королевством и Республикой Руанда. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Согласно статистике МВД Соединенного Королевства ("Irregular migration to the UK statistics". [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.gov.uk/government/collections/irregular-migration-to-the-uk-statistics>), за период с марта 2023 г. по май 2024 г. в страну нелегальным способом въехало порядка 40 тыс. человек. В правительстве страны существует обеспокоенность уровнем нелегальной миграции, на что неоднократно обращает свое внимание руководство

государства. ... Сейчас перед правительством Великобритании стоит актуальная задача усовершенствовать работу системы предоставления убежища, которая в том числе предусматривает изменение порядка рассмотрения заявлений во избежание приема и размещения на своей территории лиц, кому не было предоставлено на это право. Данный процесс сопровождается как изменением внутренней нормативно-правовой базы, так и заключением Соединенным Королевством двусторонних соглашений с государствами-партнерами и международными организациями в сфере регулирования вопросов, связанных с нелегальными мигрантами, беженцами и просителями убежища. Широкий резонанс и неоднозначные оценки вызвало Соглашение о партнерстве в области предоставления убежища между Великобританией и Руандой, согласно которому, находящиеся в Великобритании просители убежища должны направляться в Руанду для временного размещения до тех пор, пока компетентные органы не рассмотрят их ходатайства на предоставление убежища". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Несмотря на подчеркнутые общие недостатки реализации дублинских договоренностей, дублинские регламенты позволили, в частности, Великобритании, возвращать некоторых просителей убежища в страны-члены ЕС без рассмотрения их заявлений о предоставлении убежища, что, по всей видимости, отвечало британским интересам. В том числе с целью поиска аналогичных возможностей возвращения лиц Великобритания приступила к заключению двусторонних соглашений со странами-партнерами в области миграции, которые также касались просителей убежища. На основе имеющейся международной практики Соединенное Королевство приступило к проработке соглашения с Руандой о просителях убежища, предварительно приведя внутреннее законодательство в необходимое соответствие"; "Соглашение во много учитывает критические замечания общественных кругов, правозащитных и международных организаций, а также Верховного суда Великобритании и ЕСПЧ. В целях успешного запуска «руандийской схемы» были приняты необходимые внутренние нормативные акты, которые на законодательном уровне признали, что Руанда является «безопасной третьей страной» для направления в нее просителей убежища. Тем не менее, «руандийская схема» была подвергнута тщательному анализу и критике на предмет ее соответствия нормам международного права. Соглашение между Великобританией и Руандой можно рассматривать, как нарушение принципа невыдворения («Non-Refoulement»), поскольку оно (соглашение) предполагает передачу просителей убежища в Руанду, относительно которой имеются сомнения в ее способности обеспечить адекватную защиту данной категории лица"; "Несмотря на то, что премьер-министр Кир Стармир назвал «руандийскую схему» бесперспективной, страна не отказалась от планов по направлению потенциальных просителей убежища в третьи страны. В настоящее время власти страны ведут поиск подходящей «безопасной третьей страны», в числе которых рассматривается Албания. В обозримом будущем можно не исключать попыток правительства Великобритании заключить иные двусторонние соглашения с государствами, которые подойдут под критерии «безопасности». Опыт «руандийской схемы» может оказать влияние на процесс правовой защиты прав беженцев и просителей убежища в контексте их направления в «безопасные третьи страны». Отсутствие признанных критериев и методологии признания за государством статуса «безопасной третьей страны» и, в следствие этого, возникающие правовые затруднения на примере Соглашения между Великобританией и Руандой, вероятно, станут стимулом для разработки более инклюзивного понятия «безопасное третье государство», более совершенного порядка защиты прав просителей убежища с учетом национального

законодательства страны, в которое направляется заявитель" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор исследует соглашение о партнерстве в области предоставления убежища между Соединенным Королевством и Республикой Руанда, выявляет его достоинства и недостатки, определяет дальнейшие перспективы правового регулирования исследуемой проблемы. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Иванов Д. В., Йордановски С. полагали[17], что неэффективность «дублинской системы» помимо всего прочего заключалась в несоблюдении взятых на себя обязательств участников соглашений, отсутствие координации и согласованности в действиях государств-участников ЕС, отсутствие санкций за несоблюдение и нарушение взятых обязательств" - "Иванов Д. В., Йордановски С. полагали[17], что неэффективность «дублинской системы» помимо всего прочего заключалась в несоблюдении взятых на себя обязательств участников соглашений, отсутствии координации и согласованности в действиях государств-участников ЕС, отсутствии санкций за несоблюдение и нарушение взятых обязательств" (см. на орфографию).

Ученый отмечает: "Так в 2022 г. внесены поправки в Закон о гражданстве и границах, которые позволили отвечать отказом на заявления об убежище, если заявитель имеет «связь с безопасным третьим государством», и, соответственно, может помимо Великобритании может обратиться за убежищем в другом месте" - "Так, в 2022 г. внесены поправки в Закон о гражданстве и границах, которые позволили отвечать отказом на заявления об убежище, если заявитель имеет «связь с безопасным третьим государством» и, соответственно, может, помимо Великобритании, обратиться за убежищем в другое место" (см. на орфографию и пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются множественные опечатки, орфографические и пунктуационные ошибки.

В тексте статьи инициалы ученых ставятся перед их фамилиями (см.: "Иванов Д. В., Йордановски С.").

Библиография исследования представлена 19 источниками (монографиями и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (S. Taylor и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Несмотря на то, что премьер-министр Кир Стармир назвал «руандийскую схему» бесперспективной, страна не отказалась от планов по направлению потенциальных просителей убежища в третьи страны. В настоящее время власти страны ведут поиск подходящей «безопасной третьей страны», в числе которых рассматривается Албания. В обозримом будущем можно не исключать попыток правительства Великобритании заключить иные двусторонние соглашения с государствами, которые подойдут под критерии «безопасности». Опыт «руандийской схемы» может оказывать влияние на процесс правовой защиты прав беженцев и просителей убежища в контексте их направления в «безопасные третьи страны». Отсутствие признанных критериев и методологии признания за государством

статуса «безопасной третьей страны» и, в следствие этого, возникающие правовые затруднения на примере Соглашения между Великобританией и Руандой, вероятно, станут стимулом для разработки более инклюзивного понятия «безопасное третье государство», более совершенного порядка защиты прав просителей убежища с учетом национального законодательства страны, в которое направляется заявитель. Интерес также представляет возможное влияние «руандийской схемы» на эволюцию принципа «невыдворения» в контексте правовых предпосылок государства в области национальной безопасности. Возникает также вопрос о коллизиях между решениями ЕСПЧ и национальными законодательствами стран-членов Совета Европы" и др.; "Опыт «руандийской схемы» может быть учтен при разработке двусторонних соглашений Российской Федерации с зарубежными странами по партнерству в области миграции и предоставления убежища, а также при создания новых норм в национальном законодательстве, регулирующих рассмотренные проблемные вопросы"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, конституционного права, миграционного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устранении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования выступает международно-правовая оценка соглашения между Великобританией и Руандой о партнерстве в области предоставления убежища, известного как "руандийская схема". Автор анализирует данное соглашение в контексте политики экстернализации убежища и ее соответствия международно-правовым стандартам защиты прав беженцев и просителей убежища. Предмет исследования четко определен и имеет важное теоретическое и практическое значение в современных условиях миграционных вызовов.

Методология исследования

В статье применяется комплексная методология, основанная на доктринальном методе с анализом международных договоров, национального законодательства и судебной практики. Автор использует сравнительно-правовой метод для сопоставления "руандийской схемы" с аналогичными механизмами других государств (Австралия, Дания, Италия). Применяется анализ судебной практики ЕСПЧ и национальных судов Великобритании. Методологический аппарат соответствует поставленным задачам и позволяет провести всесторонний анализ исследуемой проблематики.

Актуальность

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Проблема экстернализации убежища приобрела особую остроту в контексте современных миграционных процессов и является предметом активных международных дискуссий. "Руандийская схема" представляет собой новый подход к решению миграционных вопросов, требующий тщательного

правового анализа. Для российской науки данная тема особенно важна в контексте выработки собственных подходов к миграционной политике и международному сотрудничеству в данной сфере.

Научная новизна

Научная новизна работы состоит в том, что автор впервые в российской правовой науке провел комплексный анализ соглашения между Великобританией и Руандой с позиций международного права. Новизна проявляется в исследовании взаимосвязи между решениями ЕСПЧ и национальными судами Великобритании по данному вопросу, а также в анализе влияния Brexit на миграционную политику Соединенного Королевства. Автор предлагает рассматривать данное соглашение как прецедент для развития международно-правового регулирования статуса "безопасных третьих стран".

Стиль, структура, содержание

Статья написана в академическом стиле, соответствующем требованиям научной периодики. Структура работы логична и последовательна: от анализа предпосылок появления "руандийской схемы" к рассмотрению ее содержания и международно-правовой оценки. Содержание статьи отличается глубиной анализа и аргументированностью выводов. Однако следует отметить некоторые стилистические недочеты и повторы, которые несколько затрудняют восприятие текста. Отдельные предложения излишне сложны и могли бы быть упрощены для лучшего понимания.

Библиография

Библиографический аппарат включает 19 источников, представляющих отечественную и зарубежную литературу по теме исследования. Автор использует актуальные научные публикации, нормативные акты и судебную практику. Вместе с тем, библиография могла бы быть более обширной, особенно в части зарубежных источников, посвященных политике экстернализации убежища. Некоторые ссылки на электронные ресурсы требуют проверки актуальности.

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знание различных точек зрения на исследуемую проблему, ссылаясь на позиции как отечественных, так и зарубежных ученых. В статье присутствует анализ критических оценок "руандийской схемы" со стороны правозащитных организаций и международных экспертов. Однако дискуссия с оппонентами могла бы быть более развернутой, особенно в части обоснования собственной позиции автора по спорным вопросам.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы статьи обоснованы и вытекают из проведенного анализа. Автор справедливо отмечает противоречивость "руандийской схемы" с точки зрения международного права и указывает на необходимость разработки более четких критериев определения "безопасных третьих стран". Практическая значимость результатов исследования для российской миграционной политики подчеркивается автором и представляется обоснованной.

Статья будет интересна широкому кругу специалистов: международников, специалистов по миграционному праву, исследователей в области прав человека, а также практикующих юристов и представителей государственных органов, занимающихся вопросами миграции и предоставления убежища.

Общая оценка и рекомендации

Рецензируемая статья представляет собой качественное научное исследование актуальной проблемы международного права. Работа отличается новизной подхода, глубиной анализа и практической значимостью результатов.

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Багандова Л.З. История регламентации запрета на пропаганду агрессивной войны в международном праве // Международное право. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.74848 EDN: PPFSTC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74848

История регламентации запрета на пропаганду агрессивной войны в международном праве

Багандова Лейла Закировна

ORCID: 0000-0001-5060-9015

Младший научный сотрудник научно-организационного отдела; Институт государства и права Российской академии наук

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10, каб. 207

✉ leyla.bagandova@mail.ru

[Статья из рубрики "Развитие отдельных отраслей международного публичного права"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.3.74848

EDN:

PPFSTC

Дата направления статьи в редакцию:

15-06-2025

Дата публикации:

25-06-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является формирование отрасли международного уголовного права в части регламентации положений о преступлениях агрессии. Автор рассматривает в ретроспективе разработку и принятие международных документов по криминализации пропаганды агрессивной войны, таких как Устав ООН, проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и т.д. Особый вклад автора заключается в комплексном обзоре принятых договоров и резолюций, а также в анализ дискуссионных вопросов, возникавших при принятии соответствующих документов. Актуальность настоящего исследования заключается в том, что в эпоху сложной международной политической и экономической ситуации, рекордном количестве региональных конфликтов, рассмотрение данного вопроса в ретроспективе важно для разработки более действенных мер противодействия преступлениям

агрессии, в частности, пропаганде агрессивных войн для выполнения задачи уголовного закона по обеспечению мира и безопасности человечества. Научная новизна исследования заключается в том, что автором проводится комплексный обзор международных документов для детерминации наиболее эффективных способов противодействия пропаганде агрессии в условиях нынешней международной ситуации, а также вновь вводится в научный оборот формулировка "пропаганда агрессивной войны", в то время как в законодательстве Российской Федерации оно отсутствует и заменено на "публичные призывы к развязыванию агрессивной войны". При осуществлении настоящего исследования автором использовались исторический, сравнительно-правовой методы, а также методы анализа, дедукции и индукции. В результате проведенной работы автор пришел к выводу, что что на протяжении прошлого столетия предпринималось не мало попыток ограничить не только саму агрессивную войну, но и ее пропаганду. Во многом отправной точкой для этого стал Приговор Нюрнбергского Трибунала, однако деятельность по криминализации рассматриваемого деяния велась и задолго до этого. В результате комплексного анализа международных документов автор также обозначил, что несмотря на принятие соответствующих резолюций, мировое сообщество так и не пришло к тому, чтобы именно пропаганда агрессивной войны, а не ее отдельные элементы (подстрекательство) стало международным преступлением, так как само по себе явление «пропаганда» охватывает более широкий спектр действий, множество из которых не подпадает под действие соответствующих норм.

Ключевые слова:

пропаганда, пропаганда агрессии, агрессивная война, ООН, Лига Наций, Нюрнбергский Трибунал, Римский Статут, международное уголовное право, преступления агрессии, безопасность человечества

События Второй Мировой войны показали, что война не должна считаться одним из способов разрешения конфликтов между государствами. Помимо действий, непосредственно связанных с ведением войны, пропаганда агрессивной военной идеологии также стала предметом рассмотрения Нюрнбергского Трибунала и была признана преступным деянием. Развитие международного права по данному вопросу является важным элементом формирования регионального и национального законодательства, предусматривающего запрет на преступления агрессии, в частности, на пропаганду агрессивной войны. Актуальность настоящего исследования заключается в том, что в эпоху сложной международной политической и экономической ситуации, рекордном количестве региональных конфликтов, рассмотрение данного вопроса в ретроспективе важно для разработки более действенных мер противодействия преступлениям агрессии, в частности, пропаганде агрессивных войн для выполнения задачи уголовного закона по обеспечению мира и безопасности человечества. В условиях цифровизации и информатизации общественной жизни настоящая проблема является особенно актуальной, так как пропаганда агрессии или агрессивной войны может распространяться посредством социальных сетей и Интернет-ресурсов. Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что с использованием исторического и сравнительно-правового метода исследования автором будет проведен комплексный анализ норм международного права для детерминации оснований криминализации запрета публичных призывов к развязыванию агрессивной войны в УК РФ, определения корректной терминологии для целей применения ст. 354 УК РФ.

Настоящий вопрос выступал предметом исследования ученых-правоведов, данная тематика проходила сквозной нитью в трудах А.Н. Трайнина, Р.Б. Дзейтовой, В.П. Ревина [1] и т.д.

Вопрос о недопустимости и неправомерности ведения войн стал активно обсуждаться на рубеже XIX-XX веков [2, с. 43-54]. При этом, как отметил А.Н. Савенков, переломным моментом в становлении международного права и уголовной юстиции стала Первая Мировая война, которая окончилась подписанием Версальского мирного договора. [3, с. 23]. Действительно, мы разделяем вышеприведенное утверждение. Использование в эпоху Первой мировой войны различных средств передачи данных (радио, прессы и т.д.) ознаменовали появление нового способа подготовки, развязывания и ведения войны – пропаганды.

С появлением первых международных органов задача по разработке стратегии осуждения военной агрессии стала возлагаться на них. Лига Наций, созданная после Первой мировой войны, имела своей целью превенцию применения или угрозы применения вооруженной силы и стала воплощением идей и проектов по сохранению мира и безопасности человечества, обсуждаемых с XVII века [4, с. 249]. Устав организации закрепил, что «всякая война или угроза войны, затрагивает ли она прямо, или нет, кого-либо из Членов Лиги, интересует Лигу в целом и что последняя должна принять меры, способные действительным образом оградить мир Наций». Статут Лиги Наций содержал не только ограничение агрессивной войны, но и предусмотрел санкции за нарушение его положений [5, с. 98-99], однако, вопрос о пропаганде войны или подстрекательстве к ней не был освещен. Также в научной литературе справедливо подчеркивается, что «участники Парижской конференции, одним из итогов которой стало создание Лиги Наций, так и не смогли решиться на закрепление в учредительном акте этой организации окончательного и полного запрета войны» [6, с. 167].

А.Н. Трайнин отмечал, что в 1927 г. на конгрессе мира в Афинах была принята резолюция, предусматривающая, в законодательстве каждого государства должен быть введен запрет на «прямое возбуждение общественного мнения с целью вызвать вторжение на территорию другого государства, границы которого общепризнаны, независимо от того, имело ли место это деяние на совещаниях или в публичной речи или оно совершено путем распространения произведения печати или изображений, направленных к той же цели» [7, с. 363].

В том же году на Парижской конференции, посвященной унификации уголовного законодательства, С. Раппопортом было предложено разработать проект уголовного закона, который содержал бы преступление «подстрекательство к агрессивной войне» [8, с. 267]. Судья Верховного Суда Польши утверждал, что такая практика уже успешно реализуется в Польше. По итогам конференции в резолюции 1930 г. был закреплен запрет на пропаганду с целью публичного призыва к войне под угрозой наказания [7, с. 267].

Лига Наций также стремилась регулировать такую пропаганду и организовала межправительственную конференцию, которая привела к принятию в 1936 г. Конвенции об использовании радиовещания в интересах мира. Хотя эта Конвенция была ратифицирована немногими государствами и никогда не применялась, она тем не менее представляла собой «образец, своего рода авторитетный кодекс хорошего поведения»

[19] (перевод наш – Л.Б.). Статья 2 настоящего документа предусматривает, что передачи станций двух договаривающихся сторон не должны быть подстрекательством к войне в их отношении (Международная конвенция об использовании радиовещания в интересах мира [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901348?ysclid=mbterdqbc281115378> (дата обращения: 10.06.2025)). Настоящая норма является нормой-предписанием и не содержит санкций. При этом ценность данной Конвенции невозможно переоценить: впервые на международном уровне был предусмотрен запрет на подстрекательство к войне в мирное время.

Дальнейшее развитие международного права связано с событиями Второй Мировой войны и Приговором Нюрнбергского Трибунала. Во время Второй Мировой и Великой Отечественной войн фашистское правительство вело активную пропагандистскую деятельность по распространению нацистской идеологии и убеждению в ее исключительной правильности [10, с. 108-109]. В Приговоре отмечалось, что «в Германии был учрежден целый ряд официальных агентств, в обязанность которых входило осуществление контроля и оказание влияния на прессу, радио, кино, издательства и т. д. и надзор за развлечениями, искусством и культурой. Все эти официальные агентства были подчинены министерству народного просвещения и пропаганды, возглавлявшемуся Геббельсом, которое вместе с соответствующей организацией в НСДАП и с имперской палатой культуры несло полную ответственность за осуществление этого надзора» (Приговор Международного Военного Трибунала [Электронный ресурс] // URL: https://www.baikproc.ru/nurmberg/4_prigovor.PDF (дата обращения: 10.03.2025)). Следовательно, Приговор Нюрнбергского Трибунала стал первым прецедентом установления международной уголовной ответственности за пропаганду агрессивной войны.

После окончания Второй Мировой войны мировое сообщество убедилось, что Лига Наций не выполнила тех целей и задач, которые возлагались на нее перед ней как перед международным органом. Создание Организации Объединенных Наций (далее по тексту – ООН) стало новой попыткой международного сообщества предотвратить потенциальную жестокость политики государств по отношению друг к другу. Устав ООН, включивший в себя принципы нового международного права, однако, не содержит в себе запрет именно на пропаганду агрессии или войны. В ч. 4 ст. 2 Устава ООН закреплено лишь положение о том, что государства воздерживаются от применения силы или угрозы применения силы против территориальной неприкосновенности, политической независимости другого государства, либо применения силы иным образом, несовместимым с Уставом ООН. Прежде всего речь идет об актах вооруженного нападения, однако мы разделяем точку зрения Ю.М. Колосова и В.И. Кузнецова о том, что данная статья запрещает и применение невооруженной силы, которая «носит характер противоправного применения силы» [11, с. 34]. На наш взгляд, закрепление настоящего принципа является важным шагом в становлении законодательства, запрещающего преступления агрессии, но при этом пропаганда агрессии или публичные призывы к развязыванию агрессивной войны выпадают из его содержания как действия, предшествующие непосредственному применению силы или угрозе совершения такого деяния.

Как нами было отмечено выше, Приговор Нюрнбергского трибунала, вынесенный в 1946 году, стал поворотным моментом в развитии международного уголовного права и задал его фундаментальные принципы, действующие по сей день. Приговор стал правовым прецедентом, заложившим основы последующего формирования международных документов. Так, 11 декабря 1946 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию

«Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала», «в которой предложила Комитету по кодификации международного права (позднее - Комиссия международного права) рассмотреть в качестве вопроса первостепенной важности проекты, имеющие целью формулировку и внесение принципов, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала, нашедших выражение в его решении, в общую кодификацию преступлений против мира и безопасности человечества или в международный уголовный кодекс» [\[12\]](#).

Эта резолюция подтвердила принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в его приговоре. Она признала в полной мере обязательными для всех государств -членов ООН постановления Устава Международного военного трибунала об уголовной ответственности за планирование и подготовку и развязывание агрессии, за военные преступления и преступления против человечества.

В известной резолюции 177 (II) 1947 года Генеральная Ассамблея поручила Комиссии международного права сформулировать принципы международного права, признанные в Уставе и Приговоре Нюрнбергского трибунала, и составить проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, закрепив в нем нюрнбергские принципы. Большой вклад в принятие данной резолюции внес СССР. Советская делегация наметила четыре конкретные мероприятия по противодействию преступлениям агрессии:

1. Осуждение ведущейся реакционными кругами в разных странах преступной пропаганды новой войны;
2. Признание допущения, а тем более поддержки такой пропаганды нарушением обязательств по поддержанию мира, принятых членами ООН;
3. Признание необходимым призвать правительства всех стран запретить под страхом наказания ведение в любой форме пропаганды войны;
4. Принятие мер в целях воспрепятствования и пресечения пропаганды войны.

В тексте принятой резолюции не содержится предложений советской делегации, однако ее принятие уже явилось признанием разрушительной силы пропаганды войны.

Важным шагом в становлении законодательства по защите мира и безопасности человечества стала разработка проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (далее по тексту - Кодекс). А.Н. Трайнин справедливо подчеркнул, что в документе не отражено «такое тяжкое преступление против мира и безопасности народов, как пропаганда агрессии [\[4, с. 368\]](#). Мы, однако, не согласны с ученым в части того, что Кодекс «обходит полным молчанием» рассматриваемое преступление. В п. 2 ч. 13 Кодекса содержится положение, что преступлениями против мира и безопасности человечества являются действия, составляющие «прямое подстрекательство к совершению какого-либо из преступлений, определяемых в предшествующих пунктах настоящей статьи», где упоминается агрессия (Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_offences.shtml?ysclid=mbw2ozdlfp477126123 (дата обращения: 15.06.2025). Действительно, подстрекательство не отражает в полной мере пропаганду агрессивной войны, при этом, на наш взгляд, отражение данного положения в Кодексе стало большим шагом для обозначения направлений дальнейшего развития международной уголовно-правовой политики в отношении преступлений агрессии.

Устав ООН стал отправной точкой для дальнейшего развития международного права в

части конкретизации установленных принципов. Следующим важным международным документом стал Международный пакт о гражданских и политических правах (далее по тексту – Пакт). В ч. 1 ст. 20 Пакта закреплены положения о том, что любая пропаганда войны подлежит запрещению законом (Международный Пакт о гражданских и политических правах 1960 [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml?ysclid=mbumwaxlvj204846354 (дата обращения: 11.06.2025)). Принятие данного положения сопровождалось дискуссиями относительно соблюдения иного принципа – принципа свободы слова, мысли и информации. Делегаты рассуждали, в какую статью было бы наиболее целесообразно включить запрет на пропаганду войны – в статью о свободе мнений (ст. 19) или о запрете любой дискrimинации (ст. 26). Делегат от Аргентины считал, что каждый элемент этого положения серьезно угрожает принципу свободы информации. Отметив, что большинство делегатов осудили бы пропаганду враждебности любого рода, он выразил сомнение в том, что они могут быть определены с достаточной точностью для международного договора, предупредив, что: «такой запрет означал бы принятие тоталитарного контроля над всеми формами выражения (UNGA, Third Committee, 9th Session, 2 November 1954, A/C.3/SR.570, p. 133, para. 4). Делегат из Канады аналогично придерживался позиции о том, что определение условий рассматриваемой статьи в части ее включения в ст. 19 Пакта нецелесообразно, особенно условий о подстрекательстве к ненависти и насилию [9].

США также противились предложенным дополнительным ограничениям, заявив, что они не нужны, поскольку: «пропаганда и предрассудки могут быть преодолены только за счет наиболее свободного потока информации, который делает факты доступными для людей». Тем не менее, США должны были представить поправку к ч. 3 ст. 19, которая содержала ограничения на право на свободу выражения мнений, которые, по мнению делегата Великобритании, «достаточно совпадали с предложением Советского Союза о предотвращении пропаганды войны, чтобы избежать необходимости включения такой отдельной концепции в третий параграф» (UNGA, Third Committee, 16th Session, 16 October 1961, A/C.3/SR.1074, p. 73, para. 20).

Представитель Чили предложил, чтобы сразу после рассмотрения ст. 19 Комитет перешел к ст. 26, которая затем могла бы стать ст. 20. Делегат Чили заявил, что современное явление пропаганды освещается наиболее подробно в статье 26, и предложил, что две различные проблемы защиты права на свободу выражения мнений и запрещения подстрекательства к ненависти и дискrimинации следует рассматривать в отдельных статьях. Он утверждал, что, если запрет должен быть абсолютным, он не должен входить в число ограничений, предусмотренных статьей 19, которая в остальном формулируется в целом положительно и предоставляет государствам-участникам право устанавливать ограничения, а в статье, касающейся запрета призывов к национальной, расовой или религиозной ненависти.

С началом обсуждений проекта ст. 26 на Третьем комитете, чилийский делегат в пользу включения данного запрета в рассматриваемую статью привел в качестве юридических прецедентов действия Лиги Наций, постановления Нюрнбергского трибунала, некоторые из которых были вынесены по делам, связанным исключительно с распространением нацистской пропаганды; два исторических решения Генеральной ассамблеи, содержащиеся в резолюции 110 (II), озаглавленной «Меры, которые следует предпринять против пропаганды и подстрекателей к новой войне», и резолюции 381 (V) под названием «Осуждение пропаганды против мира»; проект Конвенции о свободе информации, который детально рассматривал вопрос пропаганды; и положения о

пропаганде, содержащиеся в законах и конституциях многих государств (UNGA, Third Committee, 16th Session, 19 October 1961, A/C.3/SR.1078, p. 94, para. 14). Делегат США заявила, что она смогла бы принять выражение «пропаганда войны» только в том случае, если бы оно оставалось связанным с точным юридическим понятием подстрекательства к насилию. В выступлении было подчеркнуто, что термин «пропаганда войны» плохо определен и может привести к злоупотреблениям правом на свободу выражения мнений. Комитет затем был приглашен проголосовать по двум параграфам поправки шестнадцати держав.

Тем не менее к обсуждению и дальнейшему голосованию была предложена ч. 1 ст. 26, касающаяся запрета на пропаганду войны. 53 делегата проголосовали за, 21 против и 9 воздержались. был поставлен на поименное голосование и принят 53:21 при 9 воздержавшихся. Затем Председатель предложил к голосованию перенесение положений ст. 26 в ст. 20, что было принято 52 делегатами – 19 проголосовало против, 12 воздержалось. Таким образом, Пактом был установлен безоговорочный запрет на пропаганду агрессивных войн [\[13\]](#).

Мы полагаем, что дискуссии относительно ограничения права на свободу слова, мысли и информации путем введения запрета на пропаганду войны не состоятельны. Ужасы Второй Мировой войны показали, что проявление жестокости может быть неограниченным, именно поэтому Международный Военный Трибунал в Нюрнберге провозгласил преступление по планированию, подготовке, развязыванию и ведению агрессивной войны тягчайшим международным преступлением, посягающим на мирное сосуществование государств и народов. Мы поддерживаем точку зрения, изложенную позднее Европейским Судом по правам человека в деле по реабилитации нацизма «Пасторс против Германии», о том, что свобода слова – это расширенная, но не безгранична защита содержания речи или выступления человека (Case of Pastors v. Germany. Application no. 55225/14. Judgement of 3 October 2019. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/%20eng#{%22fulltext%22:\[%22pastors%20v.%20germany%22\],%22itemid%22:\[%22001-166885%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/%20eng#{%22fulltext%22:[%22pastors%20v.%20germany%22],%22itemid%22:[%22001-166885%22]}) (дата обращения: 11.06.2025).

Ограничения прав и свобод человека, в частности, ограничение свободы слова и мысли, предусмотрены в конституциях большинства государств, если это необходимо для обеспечения национальной безопасности государства. В частности, в ст. 23 Конституции Республики Беларусь закреплено, что «ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» (Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/?ysclid=mc986mzbxx407851630> – (дата обращения – 20.06.2025)). В ст. 20 Конституции Сербии указывается, что «Права граждан и меньшинств, гарантированные Конституцией, могут быть ограничены Законом, если такое ограничение допустимо Конституцией, для целей, для которых это разрешено Конституцией, в той мере, в какой это необходимо для достижения конституционной цели ограничения в демократическом обществе и без посягательства на сущность гарантированного права» (Конституция Сербии [Электронный ресурс] // URL: <https://russian.rs/laws/konstitucziya-respubliksi-serbiya/?ysclid=mc98at1zcc55352689> (дата обращения: 20.06.2025)). Конституция Российской Федерации также предусматривает схожее положение: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности,

здравья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter2> (дата обращения: 20.06.2025). Мы полагаем, что пропаганда агрессии или агрессивных войн является посягательством в том числе и на национальную безопасность и демократические основы государства, так как «любое из прав имеет свои границы осуществления, обусловленные существованием противоположных по своему содержанию прав» [\[14, с. 67\]](#). В связи с этим, ограничение свободы слова для недопущения пропаганды войны является обусловленным.

Следующим шагом по установлению запрета на пропаганду агрессивной войны стало принятие в 1987 г. Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях. Документ устанавливает, что, стремясь устранить опасность новых вооруженных конфликтов между государствами путем обеспечения поворота в международной обстановке от конфронтации к мирным отношениям и сотрудничеству и принятия других надлежащих мер по укреплению международного мира и безопасности, в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций государства обязаны воздерживаться от пропаганды агрессивных войн.

Несмотря на ранее принятые резолюции ГА ООН, отдельные международные договоры, запрещающие пропаганду агрессии в той или иной форме, Римский Статут Международного уголовного суда не сразу криминализировал преступления агрессии. Позднее были разработаны «кампальские поправки» к нему, куда уже было включено определение агрессии, однако отдельно не были криминализированы действия по пропаганде войны. Разработчики документа пошли по пути разработчиков проекта Кодекса, установив ответственность за отдачу лицом приказа, подстрекательство или побуждение совершить такое преступление.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что на протяжении прошлого столетия предпринималось не мало попыток ограничить не только саму агрессивную войну, но и ее пропаганду. Во многом отправной точкой для этого стал Приговор Нюрнбергского Трибунала, однако деятельность по криминализации рассматриваемого деяния велась и задолго до этого. В результате комплексного анализа международных документов автор также обозначил, что несмотря на принятие соответствующих резолюций, мировое сообщество так и не пришло к тому, чтобы именно пропаганда агрессивной войны, а не ее отдельные элементы (подстрекательство) стало международным преступлением, так как само по себе явление «пропаганда» охватывает более широкий спектр действий, множество из которых не подпадает под действие соответствующих норм. На наш взгляд, на международном уровне все еще необходимо разработать более полный документ, который бы отражал все особенности такого явления, как «пропаганда агрессивной войны», так как идеологический фактор является одним из отправных при формировании волевых качеств народа.

Библиография

1. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. 2-е издание, исправленное и дополненное / под ред. В.П. Ревина. — М.: Юстицинформ, 2009. — СПС "КонсультантПлюс".
2. Формирование уголовной ответственности за преступление агрессии в международном праве конца XIX - первой половины XX века // Право и политика. — 2024. — № 6. — С. 53-54.

3. Савенков А.Н. Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции: специализированный учебный курс / А.Н. Савенков. — Москва: ИГП РАН, 2022. — 253 с. — EDN: UZVAIC.
4. Шпаковский Ю.Г. ЛИГА НАЦИЙ // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. — 2020. — № 12 (76). — С. 249-256. — EDN: UGUDLY.
5. Батырь В.А. Концептуальные подходы к международноправовому определению понятия "агрессия" и проблемы совершенствования российского законодательства // Lex Russica. — 2025. — Vol. 78, № 1 (218). — С. 95-116. — DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.095-116. — EDN: WUZFRK.
6. Ильинская О.И. Проблема запрещения агрессивных войн в истории международного права // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 8(165). — С. 162-173. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.162-173. — EDN: SGRPNM.
7. Трайнин А.Н. Избранные произведения / под общей ред. Р.А. Руденко. — Москва, 1969. — 454 с.
8. Дзейтова Р.Б. Запрет пропаганды войны в международном и российском праве // Пенитенциарная наука. — 2023. — № 3 (63). — Vol. 17. — С. 265-272. — DOI: 10.46741/2686-9764.2023.63.3.004. — EDN: MXEAWP.
9. Kearney M. The prohibition of propaganda for war in the international covenant on civil and political rights // Netherlands Quarterly of Human Rights. — 2005. — Vol. 23/4. — Pp. 551-570.
10. Багандова Л.З. Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны как состав преступления по российскому законодательству: дискуссионные аспекты // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 2. С. 107-120. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.2.73609 EDN: YULAXX URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=73609
11. Международное право: Учебник / Отв. ред. Ю.М. Колосов и В.И. Кузнецов. — М.: Международные отношения, 1995. — 608 с.
12. Валеев Р.М. Кодификация преступлений против человечности (к 70-летию Нюрнбергского процесса) // Юридическая наука. — 2015. — № 3. — С. 69-74. — EDN: VCCITH.
13. Третьякова О.В. Запрет пропаганды войны в СМИ: международные и российские правовые нормы // Социально-гуманитарные знания. — 2020. — № 4. — С. 212-228. — EDN: LWEYUN.
14. Коломейцева Т.А., Свистунова Л.Ю. Конституционно-правовые аспекты ограничений права на свободу слова // Ленинградский юридический журнал. — 2019. — № 2 (56). — С. 65-72. — EDN: QCYZAN.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья на тему «К вопросу об истории регламентации запрета на пропаганду агрессивной войны в международном праве» для опубликования в журнале «Международное право». Статья посвящена анализу исторического развития норм международного права, направленных на запрет пропаганды агрессивной войны. Автор рассматривает ключевые международные документы, начиная с Версальского договора и заканчивая Римским статутом Международного уголовного суда, а также уделяет внимание роли Нюрнбергского трибунала в формировании современных правовых стандартов. Методология исследования основана на авторском использовании

исторического и сравнительно-правового методов, что позволяет проследить эволюцию правовых норм и выявить их особенности в разные периоды. Автор анализирует международные конвенции, резолюции ООН, решения судебных органов и научные труды, что обеспечивает комплексный подход к исследованию. Актуальность темы обусловлена ростом числа региональных конфликтов и усилением пропагандистских кампаний, направленных на оправдание агрессии. Исследование подчеркивает необходимость совершенствования международного права для противодействия таким явлениям. Актуальность подтверждается и современными событиями, такими как конфликт в Украине, где вопросы пропаганды войны вышли на первый план. Автор вносит вклад в науку, систематизируя нормы международного права и выделяя пробелы в регулировании пропаганды агрессивной войны. Особое внимание уделено критике недостаточной криминализации этого явления в современных документах, таких как Римский статут. Новизна также проявляется в предложении разработать более детализированный международный акт, охватывающий все аспекты пропаганды войны.

Стиль, структура, содержание работы в целом соответствуют предъявляемым требованиям. Статья написана научным стилем, с соблюдением логической последовательности. Структура работы включает введение, основную часть, разделенную на тематические блоки, и заключение с выводами. Содержание насыщено ссылками на международные документы и научные труды, что усиливает аргументацию. Однако некоторые разделы могли бы быть более детализированы, например, анализ современных вызовов, связанных с цифровыми технологиями и социальными сетями. Библиография насчитывает 10 источников, только 7 из которых можно признать научными, что несколько ниже требований искомого для опубликования статьи журнала (не менее 15 релевантных теме научных изданий). Между тем, список литературы включает авторитетные источники, такие как труды А.Н. Трайнина, Р.Б. Дзейтовой. По тексту статьи приведен анализ международных конвенций и решений судов. Однако для усиления актуальности можно было бы добавить современные научные исследования отечественных и зарубежных авторов, опубликованные за последние 2-3 года, например: Санчес-Кабальеро, С. Концепции и законы, применимые к гибридным угрозам, с особым акцентом на Европу. *Humanit Soc Sci Commun* 10, 360 (2023). <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01864-y>; Ткачёва К., Идлер А., Джонсон Н. и др. Объяснение конфликтного насилия с точки зрения динамики участников конфликта. *Sci Rep* 13, 21187 (2023). <https://doi.org/10.1038/s41598-023-48218-x>; Батырь, В. А. Концептуальные подходы к международно-правовому определению понятия "агрессия" и проблемы совершенствования российского законодательства / В. А. Батырь // *Lex Russica* (Русский закон). – 2025. – Т. 78, № 1(218). – С. 95-116. – DOI 10.17803/1729-5920.2025.218.1.095-116; Ильинская, О. И. Проблема запрещения агрессивных войн в истории международного права / О. И. Ильинская // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 8(165). – С. 162-173. – DOI 10.17803/1994-1471.2024.165.8.162-173; Багандова, Л. З. Запрет на ведение войны в религиозных течениях Средневековья: эволюция и история / Л. З. Багандова // Право и политика. – 2025. – № 3. – С. 112-125. – DOI 10.7256/2454-0706.2025.3.72577 и другие. Автор учитывает позиции критиков, например, аргументы делегатов ООН о возможном конфликте запрета пропаганды войны со свободой слова. Однако эти возражения убедительно опровергаются ссылками на практику Европейского суда по правам человека и исторический контекст. Тем не менее, дискуссия о балансе между свободой выражения и безопасностью могла бы быть расширена за счет увеличения библиографического перечня и анализа альтернативных позиций.

Статья представляет значительный интерес для юристов-международников, политологов и историков. Выводы подчеркивают необходимость дальнейшего развития

международного права в области запрета пропаганды войны, что особенно важно в условиях современных геополитических вызовов. Работа стимулирует научную дискуссию и может служить основой для дальнейших исследований. Рецензируемая статья является качественным научным исследованием, но требует доработки в части расширения библиографического перечня и более глубокого анализа современных научных исследований, в том числе из числа предложенных публикаций.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, история регламентации запрета на пропаганду агрессивной войны в международном праве. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "... с использованием исторического и сравнительно-правового метода исследования автором будет проведет комплексный анализ норм международного права для детерминации оснований криминализации запрета публичных призывов к развязыванию агрессивной войны в УК РФ, определения корректной терминологии для целей применения ст. 354 УК РФ".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "События Второй Мировой войны показали, что война не должна считаться одним из способов разрешения конфликтов между государствами. Помимо действий, непосредственно связанных с ведением войны, пропаганда агрессивной военной идеологии также стала предметом рассмотрения Нюрбергского Трибунала и была признана преступным деянием. Развитие международного права по данному вопросу является важным элементом формирования регионального и национального законодательства, предусматривающего запрет на преступления агрессии, в частности, на пропаганду агрессивной войны. Актуальность настоящего исследования заключается в том, что в эпоху сложной международной политической и экономической ситуации, рекордном количестве региональных конфликтов, рассмотрение данного вопроса в ретроспективе важно для разработки более действенных мер противодействия преступлениям агрессии, в частности, пропаганде агрессивных войн для выполнения задачи уголовного закона по обеспечению мира и безопасности человечества. В условиях цифровизации и информатизации общественной жизни настоящая проблема является особенно актуальной, так как пропаганда агрессии или агрессивной войны может распространяться посредством социальных сетей и Интернет-ресурсов". Ученым раскрыта степень изученности поднимаемых в статье проблем: "Настоящий вопрос выступал предметом исследования ученых-правоведов, данная тематика проходила сквозной нитью в трудах А.Н. Трайнина, Р.Б. Дзейтовой, В.П. Ревина [1] и т.д.".

Научная новизна работы "... заключается в том, что с использованием исторического и сравнительно-правового метода исследования автором будет проведет комплексный анализ норм международного права для детерминации оснований криминализации запрета публичных призывов к развязыванию агрессивной войны в УК РФ, определения корректной терминологии для целей применения ст. 354 УК РФ" и проявляется в ряде заключений автора: "Мы полагаем, что дискуссии относительно ограничения права на свободу слова, мысли и информации путем введения запрета на пропаганду войны не состоятельны. Ужасы Второй Мировой войны показали, что проявление жестокости может быть неограниченным, именно поэтому Международный Военный Трибунал в

Нюрнберге провозгласил преступление по планированию, подготовке, развязыванию и ведению агрессивной войны тягчайшим международным преступлением, посягающим на мирное сосуществование государств и народов. Мы поддерживаем точку зрения, изложенную позднее Европейским Судом по правам человека в деле по реабилитации нацизма «Пасторс против Германии», о том, что свобода слова – это расширенная, но не безграничная защита содержания речи или выступления человека (Case of Pastors v. Germany. Application no. 55225/14. Judgement of 3 October 2019. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/%20eng#%22fulltext%22:\[%22pastors%20v.%20germany%22\],%22itemid%22:\[%22001-166885%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/%20eng#%22fulltext%22:[%22pastors%20v.%20germany%22],%22itemid%22:[%22001-166885%22]}) (дата обращения: 11.06.2025)"; "Мы полагаем, что пропаганда агрессии или агрессивных войн является посягательством в том числе и на национальную безопасность и демократические основы государства, так как «любое из прав имеет свои границы осуществления, обусловленные сосуществованием противоположных по своему содержанию прав» [14, с. 67]. В связи с этим, ограничение свободы слова для недопущения пропаганды войны является обусловленным"; "Таким образом, мы пришли к выводу о том, что на протяжении прошлого столетия предпринималось не мало попыток ограничить не только саму агрессивную войну, но и ее пропаганду. Во многом отправной точкой для этого стал Приговор Нюрнбергского Трибунала, однако деятельность по криминализации рассматриваемого деяния велась и задолго до этого. В результате комплексного анализа международных документов автор также обозначил, что несмотря на принятие соответствующих резолюций, мировое сообщество так и не пришло к тому, чтобы именно пропаганда агрессивной войны, а не ее отдельные элементы (подстрекательство) стало международным преступлением, так как само по себе явление «пропаганда» охватывает более широкий спектр действий, множество из которых не подпадает под действие соответствующих норм. На наш взгляд, на международном уровне все еще необходимо разработать более полный документ, который бы отражал все особенности такого явления, как «пропаганда агрессивной войны», так как идеологический фактор является одним из отправных при формировании волевых качеств народа" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его методологию. В основной части работы автор осуществляет комплексный анализ норм международного права с целью определения оснований криминализации запрета публичных призывов к развязыванию агрессивной войны в УК РФ, установления корректной терминологии для целей применения ст. 354 УК РФ. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что с использованием исторического и сравнительно-правового метода исследования автором будет проведен комплексный анализ норм международного права для детерминации оснований криминализации запрета публичных призывов к развязыванию агрессивной войны в УК РФ, определения корректной терминологии для целей применения ст. 354 УК РФ" - "проведен" (опечатка).

Ученый отмечает: "А.Н. Трайнин отмечал, что в 1927 г. на конгрессе мира в Афинах была принята резолюция, предусматривающая, в законодательстве каждого государства должен быть введен запрет на «прямое возбуждение общественного мнения с целью

вызвать вторжение на территорию другого государства, границы которого общепризнаны, независимо от того, имело ли место это деяние на совещаниях или в публичной речи или оно совершено путем распространения произведения печати или изображений, направленных к той же цели» [7, с. 363]» - "А.Н. Трайнин отмечал, что в 1927 г. на конгрессе мира в Афинах была принята резолюция, предусматривающая, что в законодательстве каждого государства должен быть введен запрет на «прямое возбуждение общественного мнения с целью вызвать вторжение на территорию другого государства, границы которого общепризнаны, независимо от того, имело ли место это деяние на совещаниях или в публичной речи или оно совершено путем распространения произведения печати или изображений, направленных к той же цели» [7, с. 363]".

Автор указывает: "В том же году на Парижской конференции, посвященной унификации уголовного законодательства, С. Раппопортом было предложено разработать проект уголовного закона, который содержал бы преступление «подстрекательство к агрессивной войне» [8, с. 267]" - "содержал бы состав преступления".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 14 источниками (монографией, научными статьями, учебниками). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А.Н. Трайнин и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, мы пришли к выводу о том, что на протяжении прошлого столетия предпринималось не мало попыток ограничить не только саму агрессивную войну, но и ее пропаганду. Во многом отправной точкой для этого стал Приговор Нюрнбергского Трибунала, однако деятельность по криминализации рассматриваемого деяния велась и задолго до этого. В результате комплексного анализа международных документов автор также обозначил, что несмотря на принятие соответствующих резолюций, мировое сообщество так и не пришло к тому, чтобы именно пропаганда агрессивной войны, а не ее отдельные элементы (подстрекательство) стало международным преступлением, так как само по себе явление «пропаганда» охватывает более широкий спектр действий, множество из которых не подпадает под действие соответствующих норм. На наш взгляд, на международном уровне все еще необходимо разработать более полный документ, который бы отражал все особенности такого явления, как «пропаганда агрессивной войны», так как идеологический фактор является одним из отправных при формировании волевых качеств народа"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, уголовного права при условии ее небольшой доработки: устранении нарушений в оформлении работы.

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Решетникова В.Д. Международно-правовые аспекты местной интеграции беженцев // Международное право. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.74820 EDN: QMIFTF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74820

Международно-правовые аспекты местной интеграции беженцев

Решетникова Виктория Дмитриевна

ORCID: 0009-0002-9008-4609

аспирант; Юридический институт; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
ведущий специалист; Институт социально-гуманитарного образования; Московский педагогический
государственный университет

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 vd.reshetnikova@gmail.com

[Статья из рубрики "Развитие отдельных отраслей международного публичного права"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.3.74820

EDN:

QMIFTF

Дата направления статьи в редакцию:

12-06-2025

Дата публикации:

26-06-2025

Аннотация: В статье проанализировано понятие местной интеграции, предложенное УВКБ ООН в рамках реализации концепции долгосрочного решения проблем беженцев, а также содержащееся в международно-правовых актах универсального уровня. Проанализированы положения международных документов в области защиты прав беженцев на предмет выявления положений о местной интеграции беженцев. Определены механизмы, которые могут быть использованы для успешной местной интеграции беженцев в местные сообщества. Рассмотрена роль принимающего государства, общества, частного сектора, а также таких структур, как УВКБ ООН и другие гуманитарные организации, в поддержке местной интеграции беженцев. Автором приведены примеры программы и проекты УВКБ ООН, направленные на улучшение

условий жизни беженцев и их интеграцию в общество. Исследование направлено на выявление международно-правовых основ местной интеграции беженцев в международном праве беженцев. Автором использована методологическая основа, представленная общенациональными (анализ, синтез, толкование) и частноправовыми (сравнительно-правовой и формально-логический) методами. Международно-правовое регулирование местной интеграции находит отражение в международных документах универсального уровня, в том числе, в документах УВКБ ООН, точно направленных на ее регулирование. УВКБ ООН играет ключевую роль в этом процессе, принимая на себя обязанность по поиску и реализации решений беженцев, что выражается в принятии программ, а также посредничество между беженцами, государством приема и происхождения. Региональный опыт правового регулирования подчеркивает стремление государств коллективно принимать решения, справляющиеся с проблемой беженцев. Местная интеграция может стать эффективным долгосрочным решением для интеграции беженцев в новой среде, предоставляя им возможности для самообеспечения. Однако для оценки успешной реализации этого механизма требуются дополнительные исследования опыта правового регулирования.

Ключевые слова:

международное право, международное право беженцев, беженцы, интеграция, долгосрочные решения проблем, УВКБ ООН, защита прав беженцев, защита беженцев, локальная интеграция, международно-правовое регулирование

Введение

В условиях современных глобальных вызовов проблема интеграции беженцев и мигрантов становится одной из ключевых тем для международного сотрудничества. Глобальные вызовы, такие как вооруженных конфликтов, стихийные бедствия, изменение климата влекут за собой масштабные миграционные потоки, требующие разработки правовых инструментов, обеспечивающих успешную адаптацию и интеграцию этих групп населения. На октябрь 2024 г. Управление верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (далее – УВКБ ООН) приводит следующую статистику: в мире 43.7 млн беженцев, включая 32 млн беженцев, подпадающих под мандат организации (источник: официальный сайт УВКБ ООН – дата обращения: 25 апреля 2025 г.). ООН ожидает, что в 2025 г. количество перемещений населения не уменьшится, напротив, рост конфликтов, стихийные бедствия и глобальные кризисы будут способствовать увеличению числа людей, вынужденных покидать свои места проживания (источник: официальный сайт ООН – дата обращения: 25 апреля 2025 г.).

Также, по данным УВКБ ООН, страны с низким и средним уровнем дохода приняли 75% беженцев и других лиц, нуждающихся в международной защите, от общемирового числа таких лиц (источник: Интерфакс – дата обращения: 27 апреля 2025 г.). Таким образом, более половины беженцев сконцентрированы в странах, не имеющих должных ресурсов не только для содействия беженцам, но и для собственного развития. Страны, принимающие беженцев, часто являются развивающимися, в связи с этим важно поддерживать эти страны, поскольку долгосрочное размещение беженцев может вызвать экономические и социальные последствия, которые, при игнорировании, могут привести к конфликтам и угрозам безопасности [\[7, с. 6\]](#). В тексте Глобального договора о беженцах (далее – ГДБ, Договор), принятого Генеральной Ассамблеей 17 декабря 2018 г. на основании Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах 2016 г. (Resolution

adopted by the General Assembly on 17 December 2018 A/RES/73/151), отмечено, что «Ряд государств сочли полезным перейти к местной интеграции беженцев, в том числе путем предоставления долгосрочного правового статуса и натурализации, где это уместно, без ущерба для конкретной ситуации в некоторых странах со средним уровнем дохода и развивающихся странах, сталкивающихся с массовым притоком беженцев» (п. 97).

Проблема беженцев и пути ее решения через реализацию долгосрочных решений подробно освещены в Докладе УВКБ ООН 1989 г., в котором подчеркивается, что основной задачей организации является поиск решений для этой проблемы [14]. По настоящее время УВКБ ООН предлагает различные механизмы, позволяющие справиться с проблемой – местная интеграция является одним из решений наряду с добровольной репатриацией и переселением.

Проводимое исследование направлено на выявление международно-правовых основ местной интеграции беженцев в международном праве беженцев. В задачи работы входит изучение международных документов, регулирующих этот процесс, анализ деятельности УВКБ ООН по урегулированию местной интеграции и исследование региональных подходов на примере Латинской Америки. Автором использована методологическая основа, представленная общенаучными и частноправовыми методами. Выявление содержательного наполнения ключевых понятий представляется путем анализа, синтеза, толкования и сравнения. Сравнительно-правовой метод исследования позволил установить международно-правовую базу местной интеграции беженцев и выявить международно-правовые нормы универсального и регионального характера. Формально-логический метод использовался для анализа официальных документов, международно-правовых актов. Универсально-значимыми и фундаментальными исследованиями по международному праву беженцев являются работы Гая Гудвина-Гилла («Статус беженца в международном праве», 1997 г.), Эрнста Георга Равенштайна («Законы миграции», 1985 г.). Международно-правовые исследования в области решения проблем беженцев встречаются в работах Е.В. Киселевой («О защите беженцев правозащитными средствами», 2017), Алиева Джаваншира Мамеда оглы («Статус беженцев и лиц, ищущих убежище, по европейскому праву», 2019 г.), К. Вальтера («Права человека и интеграция мигрантов», 2003 г.), К. Льюис («УВКБ ООН и международное право в области защиты беженцев: от договоров к инновациям», 2012 г.). Вопросы международно-правового регулирования миграционных процессов также были предметом внимания ведущих ученых в области международного права.: А.Х. Абашидзе, В.А. Карташкина, И.И. Лукашука, А.О. Четверикова и других. Проблемы беженцев глубоко рассмотрены в зарубежной и отечественной правовой науке, однако считаем, что вопросы международно-правового регулирования местной интеграции беженцев являются самостоятельной актуальной проблемой в контексте текущей миграционной ситуации в мире, требующей отдельного исследования.

Понятие локальной интеграции

УВКБ ООН в 2003 г. приняла Рамочную программу для долгосрочных решений проблем беженцев и подмандатных лиц (далее – Рамочная программа 2003 г.) [7]. Во введении Рамочной программы 2003 г. указано, что она нацелена на обеспечение справедливого распределения бремени и обязанностей и создания потенциала для приема и защиты беженцев и активизации поиска долгосрочных решений «посредством оказания помощи беженцам в целях развития, репатриации, реинтеграции, реабилитации и реконструкции и развития на основе местной интеграции». В п. 14 раздела Рамочной программы 2003 г., посвященного стратегии по содействию развитию, указано, что реализация стратегии

«Развитие через местную интеграцию» возможна в том случае, если она является жизнеспособной в конкретном принимающем беженцев государстве. Эта стратегия предполагает дополнительную помочь для постепенной интеграции беженцев, рассматривая ее как возможность для принимающих беженцев государств, а не обязательство.

Понятие местной интеграции представлено в Заключении Исполнительного комитета Программы Верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее – Исполкомом)^[9] и определяется как «динамичный и многогранный двусторонний процесс, который требует усилий всех заинтересованных сторон, включая готовность беженцев адаптироваться к принимающему обществу без необходимости отказываться от своей собственной культурной самобытности, а также соответствующую готовность со стороны принимающих сообществ и государственных учреждений принимать беженцев и удовлетворять потребности самых разных слоев населения» (Преамбула документа, переведено автором). Документ также содержит положения, раскрывающие данное определение: местная интеграция «требует от беженцев сознательных усилий по адаптации к местной среде, уважения и понимания новых культур и образа жизни, ценностей местного населения, а также требует, чтобы принимающее сообщество принимало беженцев в свою социокультурную структуру, при этом этот процесс должен основываться на принципах многообразия, недискриминации и терпимости» (пункт N, переведено автором).

Определение местной интеграции также можно встретить в тексте ГДБ 2018 г. Под ней понимается динамичный и двусторонний процесс, который требует усилий всех сторон, включая готовность беженцев адаптироваться к принимающему обществу и соответствующую готовность принимающих общин и государственных учреждений принимать беженцев и удовлетворять их потребности (п. 98). Формулировка понятия в ГДБ 2018 г. содержательно идентична формулировке, представленной в Заключении Исполкома 2005 г., что свидетельствует о едином подходе к определению и трактовке местной интеграции на международном универсальном уровне.

В международно-правовых науках местная интеграция де-юре рассматривается как предоставление постоянного статуса беженцу в принимающей стране, а де-факто – как процесс, в рамках которого беженец договаривается с местным обществом о своей принадлежности к этому обществу^[11, с. 3]. Исследователь в области миграции Сара Хасаламва отмечает, что местная интеграция часто становится институциональным ответом на проблемы беженцев и альтернативной политикой по сравнению с размещением беженцев в лагерях^[10, с. 2]. Политика, альтернативная размещению беженцев в лагерях, находит свое отражение в характеристике местной интеграции. Одним из ее компонентов является экономическая независимость беженцев от принимающего общества. В Рамочной программе 2003 г. в разделе «Развитие через местную интеграцию» указано, что в контексте местной интеграции беженцы достигают все большей степени самообеспечения и обретают возможность обеспечивать себя устойчивыми средствами к существованию. Экономически интегрированные беженцы вносят свой вклад в экономическое развитие принимающей страны, а не просто являются «бременем» (п. 6) ^[7].

Понятие самообеспечения детально раскрывается в позиции УВКБ ООН 2002 г. и означает сокращение потребности во внешней поддержке, способность обеспечить себя и членов своей общины продуктами питания и другими расходами на проживание (п. 9) ^[15]. Достижение долгосрочных решений складывается в том числе из самообеспечения

беженцев в рамках местной интеграции, поскольку экономически независимые беженцы приобретают навыки и опыт, которые могут быть использованы далее и в своей стране происхождения по возвращении, и в стране убежища, если местная интеграция станет долгосрочным решением (п. 10).

Еще одной характеристикой местной интеграции, согласно Рамочной программе 2003 г., является социальный компонент, заключающийся во взаимодействии между беженцами и местными сообществами на недискриминационной основе, позволяющий им вносить свой вклад в развитие принимающих сообществ (п. 6). Правовой компонент характеризуется предоставлением беженцам широкого спектра прав, соизмеримого с тем, которыми пользуются местные граждане (п. 6).

Таким образом, местная интеграция беженцев как долгосрочное решение является комплексным процессом, направленным, в первую очередь, на содействие принимающей беженцев стороне, выражающимся как в поисках наилучших решений для развития местного общества, так и в предоставлении условий для самообеспечения беженцев в целях гармоничного включения беженцев в новую среду.

Участники процесса локальной интеграции

Согласно Конвенции 1951 г. и Протоколу, касающемуся статуса беженцев 1967 г., под беженцем понимается «лицо, которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» (пп. 2 п. А ст. 1 Конвенции).

Заключение Исполкома 2005 г. содержит характеристики беженцев, к которым может быть применена местная интеграция: беженцы, рожденные в странах убежища; беженцы, которые не смогут репатриироваться в страну своего происхождения в обозримом будущем; и беженцы, которые установили тесные семейные, социальные, культурные и экономические связи со страной убежища (раздел I). Также документ обращает внимание на то, что местная интеграция должна быть нацелена на поддержку жизнеспособности местных общин, затронутых присутствием больших групп беженцев, поскольку невыполнение этого требования может привести к серьезному обременению принимающих стран.

В тексте Бразильской декларации, принятой в 30-летний юбилей Картахенской Декларации в 2014 г. (*Declaration and Plan of Action, Regional Refugee Instruments & Related, 3 December 2014*), ставшей очередной программой для сотрудничества и региональной солидарности в целях укрепления международной защиты беженцев, перемещенных лиц и лиц без гражданства в Латинской Америке и Карибском бассейне, отмечено, что центральная роль в местной интеграции отводится государству, а также местным муниципальным властям, принимающим общинам, самим беженцам, частному сектору, гражданскому обществу и международным организациям.

В Чилийской Декларации и Плане действий на 2024-2034 гг., принятых 12 декабря 2024 г. в рамках Картахенского процесса (*Regional Refugee Instruments & Related, Chile Declaration and Plan of Action 2024-2034, 12 December 2024*), акцентируется внимание на институциях, вносящих вклад в местную интеграцию. В преамбуле документа говорится о

необходимости проведения государственной политики, направленной на обеспечение правовой, социально-экономической, социокультурной интеграции беженцев, через местные органы власти и муниципалитеты, организации гражданского общества и организации, возглавляемые беженцами и перемещенными лицами. Исполком в своем Заключении о долгосрочных решениях и взаимодополняющих путях 2024 г. призывает использовать все возможные дополнительные пути для долгосрочных решений, включая привлечение спонсоров для поддержки интеграции беженцев (п. f) [\[8\]](#).

Рамочная программа 2003 г. подчеркивает ключевую роль принимающего государства при реализации местной интеграции (п. 7 раздела «Развитие через местную интеграцию»). К числу рекомендуемых координационных мер относится: сотрудничество с международными организациями и заключение двусторонних и многосторонних соглашений, размещение беженцев в экономически выгодных условиях, включение проблем беженцев в повестку дня в области развития, разработка правовых и институциональных рамок (пп. 9-16 раздела «Развитие через местную интеграцию»).

Таким образом, в процессе местной интеграции участвуют как беженцы, так и принимающая сторона, представляемая государством и обществом. Это подчеркивает двусторонний характер интеграции. Однако особое внимание следует уделить именно принимающей стороне, поскольку в обществе, готовом к принятию беженцев, значительно выше вероятность создания условий для успешной интеграции вновь прибывших лиц в социум.

Правовое регулирование локальной интеграции

Международно-правовое регулирование статуса беженцев находит отражение в основном международном правовом документе о беженцах – в Конвенции о статусе беженцев 1951 г. В ст. 34 указано «Договаривающиеся государства будут по возможности облегчать ассимиляцию и натурализацию беженцев». В Конвенции используется термин «ассимиляция», который обычно подразумевает исчезновение различий между беженцами и принимающим обществом, а также их постоянное проживание в этом обществе [\[12, с. 27\]](#). Согласно глосарию Международной организации по миграции 2019 г., под ассимиляцией понимается «подход к интеграции иностранных граждан, в рамках которого вновь прибывшее лицо усваивает язык, традиции, ценности принимающего общества, в результате чего иностранный гражданин становится менее социально отличимым от остальных членов этого общества» [\[13, с. 24\]](#). При соотношении понятий «интеграция» и «ассимиляция», выявляется несколько подходов: эти понятия являются синонимами, либо же используются в контексте конкретной миграционной ситуации в стране [\[2, с. 317\]](#). В свете Конвенции 1951 г. понятие «ассимиляция» может считаться тождественным понятию «интеграция», хотя и не имеющему нормативного определения на международно-правовом уровне, подразумевающему включение беженцев в различные сферы принимающего общества наравне с местным населением. В социологических науках интеграция рассматривается через этническую, республиканскую и мультикультурную модели, различающиеся степенью сохранения культуры иностранного гражданина в принимающем обществе [\[3, с. 5\]](#). Этническая модель подчеркивает важность знания иностранными гражданами языка страны проживания. Язык играет ключевую роль в формировании национальной идентичности, в условиях мультикультурализма она подвергается угрозам. Данное утверждение подчеркивается большинством исследователей в области миграции, в том числе на региональных и национальных примерах: «владение иммигрантом американской культурой и включение

в жизнь общества всегда означало овладение английским языком» [\[4, с.148\]](#). Стремясь защитить свой суверенитет, государства могут предпринимать меры по поддержке единого коммуникативного пространства. В этом контексте языковая адаптация мигрантов выступает неотъемлемым элементом интеграционного процесса, одновременно выполняя функцию сохранения национальной идентичности принимающего общества. Исследуемое понятие «местная интеграция» как средство долгосрочных решений проблем беженцев, на наш взгляд, концептуально отличается от понятия «интеграция». Однако использование понятия «интеграция» в рамках проводимого исследования выражается в необходимости подчеркнуть озабоченность мирового сообщества вопросами принятия и включения беженцев в принимающее общество.

ГДБ 2018 г. содержит основные положения относительно местной интеграции беженцев. В тексте подчеркивается, что успешная интеграция зависит от фактора адаптации беженцев к новому обществу, а также от фактора предоставления принимающим государством таким лицам правового статуса, экономических возможностей и социальной поддержки. Договор предусматривает обеспечение поддержки принимающих беженцев стран посредством конкретных мер: укрепление потенциала соответствующих государственных структур, работающих с беженцами; анализ ресурсов стран приема, а также беженцев; поощрение инвестиций в районы, принимающие беженцев (п. 99).

Картахенская декларация о беженцах 1984 г. содержит упоминание интеграции. Статья 11 призывает государства-члены обеспечивать экономические, социальные и культурные права беженцев через содействие интеграции за счет расширения возможностей занятости. В разделе 3 Чилийской Декларации 2024 г. перечислены механизмы защиты беженцев и вынужденно перемещенных лиц. Среди них отмечено обеспечение правового статуса лиц, который позволит им получить жилье, работу, доступ к здравоохранению, образованию, банковским системам, что способствует их интеграции в принимающей стране (абз. д, п. 3).

Роль УВКБ ООН в реализации местной интеграции

В тексте представления УВКБ ООН в рамках универсального периодического обзора «Защита беженцев и смешанная миграция: Десятикомпонентный план в действии» 2011 г. (документ УВКБ ООН, содействующий процессу универсального периодического обзора, в рамках которого государства-члены ООН представляют информацию о соблюдении прав человека в своих странах) перечислены варианты поддержки заинтересованным сторонам и партнёрам, оказываемой УВКБ ООН по обеспечению местной интеграции [\[6\]](#). К ним относится: «консультации по законам и политике касательно убежища и миграции с целью содействия интеграции; содействие диалогу между странами убежища с целью обмена передовыми практиками местной интеграции; выявление партнеров для участия в реинтеграционных проектах» (Глава 7). Для эффективной реализации местной интеграции УВКБ ООН заключает соглашения с заинтересованными сторонами для решения проблем беженцев в конкретной стране, принимающей беженцев. Так, в 2007 г. муниципалитет Десампарадос в Сан-Хосе заключил соглашение с УВКБ ООН, в соответствии с которым был создан центр «Дом прав», деятельность которого направлена на поддержку самообеспечения беженцев, проживающих в муниципалитете [\[6, с. 207\]](#). Поддержка самообеспечения в данном случае заключается в содействии беженцам в поиске работы и предоставлении доступа к государственным услугам, особенно в сфере здравоохранения и образования. УВКБ ООН принимает активное участие в региональных проектах. Например, совместный проект Республики Беларусь, Республики Молдавии и Украины «Местная интеграция»

2009-2010 гг. был направлен на улучшение интеграционных перспектив беженцев в каждой из стран посредством оказания психологической помощи беженцам, разработки программ профессиональной и языковой подготовки, содействия в трудоустройстве, обеспечения жильем [5, с. 48]. УВКБ ООН выступило координатором проекта, оказывающим поддержку в наращивании потенциала для содействия местной интеграции, а также финансирующим отдельные мероприятия проекта (специальные программы для детей беженцев в средних школах, открытие центров занятости и др.) [1, с. 16].

Заключение

Целью местной интеграции в контексте долгосрочных решений проблем беженцев является создание условий для эффективного существования вновь прибывших лиц и местного населения, что способствует развитию принимающего государства и защите беженцев. УВКБ ООН озабочено не только защитой прав беженцев, но и содействием принимающему государству для снижения «бремени». Международно-правовое регулирование местной интеграции находит отражение и в международных документах универсального уровня, в том числе, в документах УВКБ ООН, точечно направленных на ее регулирование. УВКБ ООН играет ключевую роль в этом процессе, принимая на себя обязанность по поиску и реализации решений проблем беженцев, что выражается в принятии программ, а также посредничестве между беженцами, государством приема и происхождения. Тем не менее, рекомендации УВКБ ООН по внедрению механизмов местной организации подчеркивают ведущую роль принимающего государства. Таким образом, помимо координирующей функции, УВКБ ООН предоставляет методическую и организационную поддержку, учитывая конкретные ресурсы конкретной страны. Международный региональный опыт демонстрирует стремление государств к стремлению коллективного преодоления проблем беженцев. Местная интеграция может стать эффективным долгосрочным решением для интеграции беженцев в новой среде, предоставляя им условия и возможности для самообеспечения. Однако для оценки успешности реализации этого механизма требуются дополнительные исследования.

Библиография

1. Андрысек О., Рантала Т. Интеграция беженцев в Республике Беларусь, Республике Молдова и Украине: "Стратегия действий", Седеркопингский процесс. 2008. С. 186. URL: <https://www.unhcr.org/ru/media/integraciya-bezhencev-v-belarusi-moldove-i-ukraine-pdf> (дата обращения: 01.05.2025).
2. Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // ЖИСП. 2016. № 3. С. 315-330. EDN: WONTVF.
3. Герасимова И.В. Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. 2019. Т. 7. № 4. С. 8. DOI: 10.24411/2311-1763-2019-10211. EDN: UTOVOT.
4. Гринин Ю.Д. Глобализация: эрозия национальной идентичности // Век глобализации. 2015. № 1. С. 142-153. EDN: TSBZRJ. 5.
5. Селиванова Т.М. Проект "интеграция беженцев в Беларуси, Молдове и Украине" // Журнал международного права и международных отношений. 2009. № 3. С. 47-51. URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2009-3/2009-3-selivanova> (дата обращения: 01.05.2025).
6. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Защита беженцев и смешанная миграция: Десятикомпонентный план в действии. 1 февраля 2011. URL:

- <https://www.refworld.org/ru/policy/comp/unhcr/2011/ru/78406> (дата обращения: 29.04.2025).
7. Core Group on Durable Solutions. Framework for Durable Solutions for Refugees and Persons of Concern. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR), May 2003. URL: <https://www.refworld.org/policy/strategy/unhcr/2003/en/35014> (дата обращения: 27.04.2025).
8. Executive Committee of the High Commissioner's Programme (ExCom). Conclusion No. 117 (LXXV): Durable Solutions and Complementary Pathways. Adopted by the Executive Committee. 2024. URL: <https://www.refworld.org/policy/exconc/excom/2024/en/148870> (дата обращения: 29.04.2025).
9. Executive Committee of the High Commissioner's Programme. Conclusion No. 104 (LVI): Local Integration. Adopted by the Executive Committee. 2005. URL: <https://www.refworld.org/policy/exconc/excom/2005/en/114429> (дата обращения: 27.04.2025).
10. Khasalamwa-Mwandha S. Local Integration as a Durable Solution? Negotiating Socioeconomic Spaces between Refugees and Host Communities in Rural Northern Uganda // Sustainability. 2021. Т. 13. С. 10831. DOI: 10.3390/su131910831. URL: https://www.academia.edu/63526523/Local_Integration_as_a_Durable_Solution_Negotiating_Socioeconomic_Spaces_between_Refugees_and_Host_Communities_in_Rural_Northern_Uganda (дата обращения: 29.04.2025). EDN: PGWFBM.
11. Hossain Md. Aslam. The Rohingya dilemma: Exploring the challenges of local integration in Bangladesh // International Migration. 2025. Т. 63. № 3. С. 1-17. DOI: 10.1111/imig.70027. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/imig.70027?campaign=woletoc> (дата обращения: 22.04.2025).
12. Dryden-Peterson S., Hovil L. A remaining hope for durable solutions: Local integration of refugees and their hosts in the case of Uganda // Refuge. 2004. Т. 22. № 1. С. 26-38. DOI: 10.25071/1920-7336.21315. URL: https://www.researchgate.net/publication/237282671_A_Remaining_Hope_for_Durable_Solutions_Local_Integration_of_Refugees_and_Their_Hosts_in_the_Case_of_Uganda (дата обращения: 29.04.2025). 13.
13. Sironi A., Bauloz C., Emmanuel M. Glossary on Migration // International Migration Law. 2019. № 34. С. 248.
14. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR). Solution to the Refugee Problem and the Protection of Refugees. EC/SCP/55. 23 августа 1989. URL: <https://www.refworld.org/reference/annualreport/unhcr/1989/en/94203> (дата обращения: 27.04.2025).
15. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR). Global Consultations on International Protection/Third Track: Local Integration. EC/GC/02/6. 25 апреля 2002. URL: <https://www.refworld.org/policy/strategy/unhcr/2002/en/15967> (дата обращения: 27.04.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, международно-правовые аспекты местной интеграции беженцев. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "В условиях современных глобальных вызовов проблема интеграции беженцев и мигрантов становится одной из ключевых тем для международного сотрудничества. Глобальные вызовы такие как вооруженные конфликты, стихийные бедствия, изменение климата влекут за собой масштабные миграционные потоки, требующие разработки правовых инструментов, обеспечивающих успешную адаптацию и интеграцию этих групп населения. На октябрь 2024 г. УВКБ ООН приводит следующую статистику: 43.7 миллионов беженцев всего в мире, включая 32 млн беженцев, подпадающих под мандат организации.[1] ООН ожидает, что в 2025 году количество перемещений населения не уменьшится, напротив, рост конфликтов, стихийные бедствия и глобальные кризисы будут способствовать увеличению числа людей, вынужденных покидать свои места проживания.[2] Также по данным УВКБ ООН страны с низким и средним уровнем дохода приняли 75% беженцев и других людей, нуждающихся в международной защите, от общемирового числа таких лиц.[3] Таким образом, более половины беженцев сконцентрированы в странах, не имеющих должных ресурсов не только для содействия беженцам, но и для собственного развития" и др. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Понятие местной интеграции представлено в Заключении Исполнительного комитета Программы Верховного комиссара ООН по делам беженцев [7] и определяется как «динамичный и многогранный двусторонний процесс, который требует усилий всех заинтересованных сторон, включая готовность беженцев адаптироваться к принимающему обществу без необходимости отказываться от своей собственной культурной самобытности, а также соответствующую готовность со стороны принимающих сообществ и государственных учреждений принимать беженцев и удовлетворять потребности самых разных слоев населения» (Преамбула документа, переведено автором). Документ также содержит положения, раскрывающие данное определение: местная интеграция «требует от беженцев сознательных усилий по адаптации к местной среде, уважению и пониманию новых культур и образа жизни, принимая во внимание ценности местного населения, а также требует, чтобы принимающее сообщество принимало беженцев в свою социокультурную структуру, при этом этот процесс должен основываться на ценностях многообразия, недискриминации и терпимости» (пункт N, переведено автором)"; "Таким образом, местная интеграция беженцев как долгосрочное решение является комплексным процессом, направленным, в первую очередь, на содействие принимающей беженцев стороне, выражаясь как в поисках наилучших решений для развития местного общества, так и в предоставлении условий для самообеспеченности беженцев в целях гармоничного включения беженцев в новую среду"; "Таким образом, в процессе местной интеграции участвуют как беженцы, так и принимающая сторона, представляемая государством и обществом. Это подчеркивает двусторонний характер интеграции. Однако особое внимание следует уделить именно принимающей стороне, поскольку в обществе, готовом к принятию беженцев, значительно выше вероятность создания условий для успешной интеграции вновь прибывших лиц в местную жизнь" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор рассматривает международно-правовые основы местной интеграции праве беженцев. В

заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Глобальные вызовы такие как вооруженных конфликтов, стихийные бедствия, изменение климата влекут за собой масштабные миграционные потоки, требующие разработки правовых инструментов, обеспечивающих успешную адаптацию и интеграцию этих групп населения" - "Глобальные вызовы, такие как вооруженные конфликты, стихийные бедствия, изменение климата, влекут за собой масштабные миграционные потоки, требующие разработки правовых инструментов, обеспечивающих успешную адаптацию и интеграцию этих групп населения" (см. на пунктуацию).

Ученый отмечает: "Целью настоящего исследования является выявление международных правовых основ местной интеграции в международном праве беженцев" - "Исследование направлено на изучение международно-правовых основ интеграции беженцев на локальном уровне" (см. на стилистику).

Автор указывает: "Согласно Конвенции 1961 г. и Протоколу, касающемуся статуса беженцев 1967 г., под беженцем понимается лицо «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» (пп. 2 п. А ст. 1 Конвенции)" - предложение не согласовано.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Все аббревиатуры при их первом использовании должны расшифровываться.

Автор не высказал своей точки зрения по поводу встречающихся в научной литературе толкований понятий «интеграция» и «ассимиляция».

Библиография исследования представлена 12 источниками (монографией, научными статьями, аналитическими материалами), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Целью местной интеграции в контексте долгосрочных решений проблем беженцев является создание эффективного сосуществования вновь прибывших лиц и местного населения, что способствует развитию принимающего государства и защите беженцев. УВКБ ООН озабочено не только защитой прав беженцев, но и содействием принимающему государству для снижения «бремени». Международно-правовое регулирование местной интеграции находит отражение и в международных документах универсального уровня, в том числе, в документах УВКБ ООН, точно направленных на ее регулирование. УВКБ ООН играет ключевую роль в этом процессе, принимая на себя обязанность по поиску и реализации решений беженцев, что выражается в принятии программ, а также посредничестве между беженцами, государством приема и происхождения. Региональный опыт подчеркивает стремление государств коллективно справиться с

проблемой беженцев. Местная интеграция может стать эффективным долгосрочным решением для интеграции беженцев в новой среде, предоставляя им возможности для самообеспечения. Однако для оценки успешной реализации этого механизма требуются дополнительные исследования"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, конституционного права, миграционного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), уточнении и углублении отдельных положений работы, введении дополнительных элементов дискуссионности, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья на тему «Международно-правовые аспекты местной интеграции беженцев» для опубликования в журнале «Международное право». Статья посвящена анализу международно-правовых механизмов местной интеграции беженцев как одного из ключевых долгосрочных решений глобальной миграционной проблемы. Автор исследует концептуальные основы интеграции, роль УВКБ ООН и региональные практики, уделяя особое внимание правовым, экономическим и социальным аспектам. Методология исследования основана на авторском применении комплекса методов. Был предложен сравнительно-правовой анализ международных документов (Конвенция 1951 г., Глобальный договор о беженцах 2018 г., региональные декларации); системный подход к изучению деятельности УВКБ ООН; формально-логический анализ статистических данных и правовых норм. Тема является актуальной в контексте роста числа беженцев (43.7 млн по данным УВКБ ООН на 2024 г.) и кризиса системы их распределения. Работа восполняет пробел в изучении местной интеграции как альтернативы лагерям беженцев, что соответствует Целям устойчивого развития ООН (п. 10.7). Актуальность подкреплена ссылками на современные источники, включая Чилийскую декларацию 2024 г. Научная новизна исследования усматривается в авторском критическом анализе терминологии («ассимиляция» и «интеграция»); оценке двустороннего характера интеграции (обязанности беженцев и принимающих государств); предложении рассматривать интеграцию как инструмент снижения «бремени» для развивающихся стран. Однако отсутствие оригинальных классификаций или моделей интеграции создает впечатление неоконченности исследования, о чем вскользь упоминает сам автор в заключительной части работы: «Однако для оценки успешности реализации этого механизма требуются дополнительные исследования». Это несколько снижает вклад в науку и требует восполнения для полноценности восприятия достигнутых автором результатов.

Стиль, структура, содержание в целом соответствуют предъявляемым требованиям. Статья написана научным языком. Работа четко структурирована: введение, понятийный аппарат, анализ участников, правового регулирования и роли УВКБ ООН. Сильной стороной является использование актуальных примеров (проект «Дом прав» в Коста-Рике). Библиография представлена 13 источниками. Список литературы релевантен теме исследования и включает: ключевые международные акты (Конвенция 1951 г., ГДБ 2018 г.); современные исследования (Khasalamwa-Mwandha, 2021; Md. Aslam Hossain, 2025);

документы УВКБ ООН за 2022-2024 гг. Автор учитывает позиции критиков, например, дискуссию о тождественности терминов «ассимиляция» и «интеграция». Однако не хватает полемики с теми, кто считает местную интеграцию угрозой национальной идентичности (например: Моисеенко А.О. «С. П. Хантингтон кто мы? Вызовы национальной американской идентичности» (реферат) Huntington S. P. Who are we- the challengers to America's National identity identity - new Delhi: Penguin Books India, 2004. - XVIII, 428 p // Полит. наука. 2005. №4; Гавриленко, Н. В. Международные отношения в терминах психологии: секьюритизация угроз национальной идентичности / Н. В. Гавриленко // Власть. - 2023. - Т. 31, № 5. - С. 157-161. - DOI 10.31171/vlast.v31i5.9814; Тарасенко, Е. Н. Медиа репрезентация мигрантов как «угрозы национальной идентичности» в образовательной и трудовой сферах / Е. Н. Тарасенко, М. М. Ажигалиева, В. В. Рудченко // Вопросы национальных и федеративных отношений. - 2025. - Т. 15, № 1(118). - С. 137-146. - DOI 10.35775/PSI.2025.118.1.016 и др.).

Статья представляет ценность для исследователей международного права, миграционных процессов и социальной политики. Практическая значимость - в предложениях по совершенствованию программ УВКБ ООН. Для усиления вывода стоит добавить конкретные рекомендации, модели, механизмы (например, по адаптации зарубежного опыта на основе канадской модели частного спонсорства). Также следует расширить апелляцию к возможным оппонентам, дополнив анализом по вышепредложенным или другим источникам. Вывод: статья рекомендуется к доработке.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Международно-правовые аспекты местной интеграции беженцев»

Объектом исследования выступает совокупность международных миграционных правоотношений, возникающих вследствие местной интеграции беженцев. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические взгляды по тематике статьи, нормы и механизмы регулирования местной интеграции беженцев, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди методологического арсенала автора особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать методы анализа международных правовых актов, позволившего выявить основные принципы и нормы, регулирующие процессы местной интеграции беженцев; сравнительно-правовой метод «позволил установить международно-правовую базу местной интеграции беженцев и выявить международно-правовые нормы универсального и регионального характера»; системный подход позволил в комплексе рассмотреть международно-правовое регулирование местной интеграции беженцев в контексте международно-правовых норм, регулирующих отношения в связи с помощью беженцам.

Актуальность разработки заявленной темы не вызывает сомнений в свете повышенного внимания к теме миграции и связанным с ней социальным процессам как в России, так и за рубежом. Автором на этот счет верно подмечено: «В условиях современных глобальных вызовов проблема интеграции беженцев и мигрантов становится одной из ключевых тем для международного сотрудничества. Глобальные вызовы, такие как вооруженные конфликты, стихийные бедствия, изменение климата влекут за собой масштабные миграционные потоки, требующие разработки правовых инструментов, обеспечивающих успешную адаптацию и интеграцию этих групп населения».

Своевременность проведенного исследования подтверждается также изменением российского миграционного законодательства в 2024 году, направленным на ужесточение контроля за нелегальным пребыванием мигрантов и сокращение нелегальной миграции.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором исследуются аспекты международно-правового регулирования местной интеграции беженцев.

Статья характеризуется научным стилем изложения. Вместе с тем, стилистика порой требует корректировки. Так, к примеру, имеет место повторение, к тому же в заключении, что особенно бросается в глаза: «Международный региональный опыт демонстрирует стремление государств к стремлению коллективного преодоления проблем беженцев».

Содержание в целом логично.

Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода. Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Заключению статьи, на наш взгляд, не хватает завершенности. Оно содержит открытый финал, который в известной степени обесценивает проведенный анализ: «Местная интеграция может стать эффективным долгосрочным решением для интеграции беженцев в новой среде, предоставляя им условия и возможности для самообеспечения. Однако для оценки успешности реализации этого механизма требуются дополнительные исследования». Каких дополнительных исследования требуются? И какова их связь с предпринятым автором исследованием? Автору рекомендуется дать читателю ответы на эти вопросы для позиционирования роли собственной статьи.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в международно-правовых исследованиях. При условии определенной доработки она вполне может быть рекомендована к публикации.

Международное право*Правильная ссылка на статью:*

Штуров М.В., Штугрова И.В. Рамочная программа БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций: политико-правовое измерение // Международное право. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.75322 EDN: CKWNNK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75322

Рамочная программа БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций: политико-правовое измерение**Штуров Марк Владимирович**

ORCID: 0000-0003-3604-3961

доктор философских наук

профессор; кафедра международного права; Саратовская государственная юридическая академия

410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104

[✉ shugurovs@mail.ru](mailto:shugurovs@mail.ru)**Штугрова Ирина Викторовна**

ORCID: 0000-0003-3414-2704

кандидат юридических наук

доцент; кафедра международного права; Саратовская государственная юридическая академия

410056, Россия, Саратовская обл., г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., д. 104

[✉ ivshugrova@mail.ru](mailto:ivshugrova@mail.ru)[Статья из рубрики "Интеграционное право и наднациональные объединения"](#)**DOI:**

10.25136/2644-5514.2025.3.75322

EDN:

CKWNNK

Дата направления статьи в редакцию:

23-07-2025

Дата публикации:

30-07-2025

Аннотация: Предметом исследования является Рамочная программа БРИКС в области науки, технологий и инноваций. Цель исследования заключается в раскрытии политико-

правового измерения программы. В связи с этим осуществлялось изучение специфики ее политико-правовых основ, в качестве которых выступает Меморандум о сотрудничестве в сфере НТИ 2015 года, в также положения деклараций саммитов лидеров государств БРИКС и министерских совещаний, которые содержат директивные указания. Специальную политico-правовую основу образует Соглашение о программе, заключенное национальными агентствами стран БРИКС, осуществляющих финансирование сферы исследований и разработок. Авторы подробно останавливаются на анализе механизма управления реализацией программы в процессе проведения конкурсов проектов на основе согласованных приоритетных направлений. Большое внимание уделялось раскрытию перспектив перехода к новой стадии функционирования программы, связанной с флагманскими проектами. Методологическая база исследования включает в себя следующие методы и подходы: системный и исторический подходы, формально-догматический и сравнительно-правовой методы, прогностический метод. Основным выводом исследования выступает положение о том, что в силу отсутствия международно-договорного регулирования многостороннего МНТС в рамках БРИКС повышенное значение приобретает программное регулирование. Новизна исследования заключается в систематизации политico-правовых основ функционирования программы. Установлено, что благодаря реализации многосторонних проектов возникают перспективы перехода МНТС БРИКС на новый качественный уровень, необходимый для совместного ответа на большие вызовы. Наряду с этим выявлены недостатки программы. Во-первых, это чрезмерный уровень конкуренции проектных заявок, что вызвано достаточно скромным финансированием. Во-вторых, двухступенчатая система заявочного процесса в рамках БРИКС является недостаточно эффективной. Во многом эта система вызвана самой природой объединения БРИКС, которое не является интеграционным объединением, а потому программное регулирование МНТС не основано на международно-договорных инструментах. Вкладом статьи в предметную область исследований является раскрытие специфики механизма регулирования многостороннего МНТС в рамках БРИКС.

Ключевые слова:

международное сотрудничество, инновации, БРИКС, программное регулирование, многосторонние проекты, научно-технологическая инициатива, большие вызовы, конкурсы заявок, научно-технологические приоритеты, флагманские проекты

Введение

Ключевой закономерностью функционирования объединений государств в современном мире является наращивание сотрудничества в области науки, технологий и инноваций (далее – НТИ) на основе развития и совершенствования соответствующих институциональных рамок, задаваемых многоуровневым правовым регулированием и функционированием различных организационных структур. Данная закономерность со всей отчетливостью проявляется на уровне такого альянса государств, как БРИКС. В настоящее время данное объединение государств, не будучи по своей природе интеграционным объединением, проводит неуклонную политику по реализации трех столпов стратегического партнерства (политика и безопасность, экономика и финансы, культура и гуманитарные связи). Одновременно это сочетается с активизацией взаимодействия в сфере НТИ для достижения скоординированных усилий в целях ответа на глобальные вызовы. В связи с этим в научно-технологической и инновационной

сферах особое значение приобретают многосторонние действия и инициативы, существенным образом дополняющие сотрудничество на двустороннем уровне.

Многосторонний формат международного научно-технологического сотрудничества (далее – МНТС) в рамках БРИКС стал официальным пунктом повестки объединения лишь в 2012 году. Несмотря на это, данное сотрудничество за последнее десятилетие осуществляется в самых разных тематических направлениях и формах, а также в виде реализации конкретных проектов, которые приводят к получению конкретных результатов, имеющих практическое значение. В одном из аналитических отчетов подчеркивается, что БРИКС, будучи потенциальной движущей силой, показывает пример плодотворного и процветающего сотрудничества в области НТИ [\[1\]](#). Отношения между государствами-партнерами в данной сфере базируются на общих принципах функционирования альянса – равноправия и взаимного уважения, открытости, прагматизма, солидарности. Многостороннее МНТС на уровне БРИКС стало предметом научного и экспертного анализа. Возник целый блок научной литературы [2–16] и аналитических обзоров [17–20], посвященных анализу многостороннего МНТС БРИКС.

Результаты научно-экспертных исследований рассматриваемого международного взаимодействия позволяют воссоздать общую картину и наметить перспективы. Данное поле исследований является открытым для дальнейшего изучения в силу непрекращающегося потока различных инициатив государств-участников БРИКС в сфере НТИ, а также в связи с процессами совершенствования дальнейшей институционализации возникающих здесь отношений.

Как и в ряде других объединений государств, например ЕС, АСЕАН, ЕАЭС, в БРИКС достаточно успешно апробирована программная основа МНТС на многостороннем уровне. Как показала практика, программное регулирование стало одним из ключевых инструментов, значение которого с каждым годом усиливается. Во многом это объясняется тем, что многостороннее МНТС в рамках БРИКС не базируется на международно-договорной основе, что является проявлением специфической природы БРИКС, детально освещенной в научной литературе [23–26].

В связи с этим данное сотрудничество регулируется инструментами т.н. «мягкого» международного права, в частности положениями политico-правовых документов, таких как декларации ежегодных саммитов лидеров государств БРИКС, декларации министров, а также положениями стратегий экономического и инновационного сотрудничества. Данная категория инструментов сотрудничества также представлена Рамочной программой БРИКС в области НТИ (BRICS STI Framework Programme). Программа имеет свой собственный секретариат, специальный веб-сайт и электронную систему подачи заявок [\[27\]](#), предоставляя заинтересованным сторонам централизованную платформу для доступа к информации и участия в мероприятиях программы. Программа пользуется поддержкой национальных агентств, финансирующих науку. Это позволило ей стать успешным инструментом поддержки сотрудничества в области НТИ в формате многосторонних проектов на конкурсной основе (BRICS STI Calls). По имеющейся информации, с момента ее практической реализации, начиная с 2016 года, проведено шесть конкурсов проектов, в ходе которых было подано более 1500 заявок, из которых 157 получили финансирование [\[28, р. 107\]](#). Не вызывает сомнение, что совместные многосторонние проекты являются основным форматом развития научно-технологической кооперации БРИКС.

В последнее время многостороннее МНТС в рамках БРИКС в условиях современных

геополитических вызовов приобретает повышенное значение. Поэтому особой актуальностью отличается исследование модели его программного регулирования с точки зрения оценки эффективности и обнаружения новых перспектив. Данный анализ позволит определить меру успешности развития многостороннего МНТС БРИКС в рамках выбранной модели.

Различные аспекты учреждения и реализации Рамочной программы нашли свое освещение в научной литературе и экспертно-аналитических обзорах [29–34]. Однако в них отсутствует системный анализ Рамочной программы в качестве одного из ключевых политico-правовых инструментов масштабирования многостороннего МНТС в рамках БРИКС. Поэтому новизна исследования заключается в проведении анализа Рамочной программы в пространстве международно-правового дискурса.

В связи с этим целью исследования является раскрытие политico-правового измерения Рамочной программы БРИКС в области НТИ. На достижение данной цели направлено решение следующих задач:

- 1) выявление специфики политico-правовых основ Рамочной программы БРИКС в области НТИ;
- 2) проведение анализа механизма управления реализацией Рамочной программы;
- 3) раскрытие перспектив перехода к новой стадии ее реализации, связанной с флагманскими проектами.

Методология исследования представлена общенаучными и частно-научными методами, подходами и принципами. В основе исследования находится системный подход, позволивший создать целостную картину функционирования Рамочной программы как ключевого инструмента регулирования и координации многостороннего МНТС в рамках БРИКС. Принцип историзма позволил связать воедино инициативу по учреждению и запуску программы с общим контекстом развития повестки БРИКС в области НТИ. Общенаучные методы анализа и синтеза, абстрагирования и обобщения стали основой обработки статистических данных, что позволило выявить эффективность программы в качестве инструмента сотрудничества. Историко-правовой метод был использован в качестве основы анализа динамики развития политico-правовых основ программы. В свою очередь раскрытие содержания положений документов, содержащих соответствующие политico-правовые основы, осуществлялось при опоре на использование юридико-догматического метода. Сравнительно-правовой метод применялся в ходе сравнения программного регулирования МНТС, имеющего место в Европейском союзе и БРИКС. Прогностический метод использовался в процессе анализа возможных треков развития инструмента программного регулирования многостороннего МНТС в рамках БРИКС.

1. Политico-правовые основы Рамочной программы БРИКС

Выдвижение и реализацию инициативы по использованию программного регулирования следует рассматривать в общем контексте становления повестки МНТС в рамках БРИКС. Положения о развитии МНТС в рамках БРИКС стали составной частью Делийской декларации IV-го саммита БРИКС 2012 годах [35]. В п. 40 декларации констатировалось, что в рамках альянса предпринимаются серьезные усилия по укреплению сотрудничества по целому ряду направлений, в том числе в сфере НТИ. Поворотным пунктом стала Кейптаунская декларация 2014года, принятая на первой встрече профильных министров НТИ [36]. В п. 11 декларации было указано на то, что передача

знаний и технологий является средством взаимного расширения прав и возможностей государств-участников БРИКС. В связи с этим была высказана поддержка усилиям по созданию механизмов, способствующих передаче технологий и знаний между странами, входящими в объединение.

Разработка проекта Программы, предназначеннной для содействия запуску совместных конкурсов исследовательских проектов, стартовала в период российского председательства в БРИКС в 2015 году сразу же после принятия Меморандума о сотрудничестве государств-участников БРИКС в сфере НТИ^[37]. По этой причине вполне обоснованно утверждать, что во многом ныне функционирующая Рамочная программа является результатом усилий именно российской стороны, предложившей новый инструмент сотрудничества. В сущности, программа призвана стать основой практического воплощения положений Меморандума. Важным шагом, направленным на ее запуск, стала серия встреч представителей агентств, финансирующих науку, из Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР (Россия, 6–7 июля 2015 года). Одна из встреч состоялась на площадке РФФИ^[38]. Целью встречи стало обсуждение проекта инициативы по запуску программы поддержки многосторонних проектов БРИКС в области НТИ. Одновременно с этим данная встреча внесла вклад в институционализацию взаимодействия между национальными агентствами, финансирующими НТИ, и спроектировала перспективу их дальнейшего сотрудничества. В ходе прошедших переговоров были согласованы основные положения проведения многосторонних конкурсов поддержки научных и инновационных проектов в составе реализации Рамочной программы. Участники пришли к выводу о своевременности формирования нового инструмента сотрудничества в многостороннем формате.

Следует отметить, что инициатива по запуску Программы была предпринята в рамках более широкого процесса, а именно реализации комплексной Инициативы БРИКС в области исследований и инноваций, состоящей из двух базовых основных инициатив – тематических рабочих групп по НТИ и совместных конкурсов исследовательских проектов. Организационной основой для воплощения идеи программы явилось учреждение экспертной Рабочей группы по финансированию научных исследований(BRICS STI Funding Working Group), которая является инструментом управления программой. В состав данной группы вошли представители финансирующих агентств и профильных министерств стран БРИКС. Свой неоценимый вклад в ее учреждение внес российский Совет по научно-техническому и инновационному сотрудничеству в рамках БРИКС. Одновременно с этим Минобрнауки проводило работу по достижению официального признания странами БРИКС предпринятой инициативы. В качестве координирующего центра Группы и секретариата Программы выступил РФФИ. Это можно обосновать тем, что РФФИ уже обладал к тому времени богатым опытом организации и проведения конкурсов, а также финансирования проектов-победителей, в которых участвовали команды российских и зарубежных ученых, в том числе в составе рамочных программ Европейского Союза.

Под председательством России 19–21 января 2016 года в Пекине была проведена очередная встреча Рабочей группы по финансированию научных исследований^[39], ставшей постоянно действующим органом, в мандат которого входит организация и проведение совместных конкурсов по отбору многосторонних исследовательских проектов, участниками которых являются исследователи из стран БРИКС. Во встрече участвовали представители восьми агентств из всех стран объединения. В рамках Рабочей группы были предприняты усилия по выработке архитектуры программы и разработке проектов уставных документов, которые были согласованы на пекинской

встрече.

В основе запуска Программы находится согласование позиций национальных финансирующих агентств, которые, как известно, действуют в рамках национальных правил финансирования НТИ. Принципы организации и функционирования Программы нашли свое отражение в Соглашении по Рамочной программе (*Arrangement of the for BRICS STI Framework Program*), заключенном министрами НТИ и подкрепленном Планом реализации многостороннего научно-исследовательского и инновационного проекта БРИКС (*Implementation Plan for BRICS Multilateral research and Innovation project*). Соглашение, которое, к сожалению, отсутствует в свободном доступе в сети Интернет, стало основой для совместного финансирования исследований и инноваций в приоритетных областях. В сущности, данная встреча была учредительной. По итогам встречи ее участники решили инициировать проведение в 2016 году первого конкурса, секретариатом которого должен стать РФФИ, далее преобразованный, как известно, в Российский центр научной информации / РЦНИ.

Итоги встречи, а именно принятие Соглашения, были одобрены в п. 4 Джайпурской декларации министров и расценены в качестве значимого вклада в реализацию Инициативы БРИКС в области исследований и инноваций. Министры подчеркнули, что Соглашение о программе будет «способствовать реализации совместной Инициативы стран БРИКС по многостороннему междисциплинарному финансированию исследований и инноваций в рамках Рамочной программы БРИКС в области НТИ, о чем свидетельствует запуск первого пилотного конкурса БРИКС 2016 года по взаимно согласованным приоритетным направлениям. Помимо этого, они отметили активную поддержку ученых стран БРИКС в их совместной работе в рамках многосторонних исследовательских проектов [40].

Таким образом, была учреждена организационная основа проведения конкурсов в рамках программы. Согласно принятым правилам, поддержка может оказываться проектам, в которых участвуют партнеры как минимум из трех стран. Участники финансируемых проектов должны соответствовать национальным правилам национальных финансовых организаций, которые оказывают поддержку тем или иным участникам из своих стран. Оценку проектной документации осуществляют члены независимого жюри. Такой подход позволил надстроить над двусторонним сотрудничеством уровень многостороннего взаимодействия и тем самым избежать дублирования.

Как следует из уставных документов, основная цель Рамочной программы – это поддержка перспективных исследований и разработок, которые предпринимаются в соответствии с утвержденными приоритетными направлениями сотрудничества БРИКС в области НТИ. Рамочная программа направлена на поддержку передовых исследований в приоритетных областях, которые могут быть наиболее эффективным образом поддержаны с помощью многонационального подхода. В дополнение к этому программа стала своего рода атTRACTором, позволяющим соединить усилия профильных министерств и институтов развития, национальных и региональных фондов, научно-технологических центров и, наконец, научных сообществ разных стран. Одновременно с этим программу следует рассматривать в качестве одного из организационных инструментов МНТС, который вносит вклад в его институциализацию. Данная институционализация позволяет эффективным образом решать задачу финансирования МНТС в рамках БРИКС.

Финансирование, наряду с распределением прав на полученные результаты НИОКР, всегда является наиболее сложным участком данного направления сотрудничества. На

уровне программы был реализован следующий алгоритм финансирования: виртуальный бюджет конкурса означает, что каждая финансирующая организация оказывает поддержку именно своим национальным участникам проектов. В свою очередь решение о финансовой поддержке тех или иных заявленных проектов, которые прошли конкурсный отбор, принимаются совместно всеми вовлеченными финансирующими организациями.

С самого начала проекты, которые были признаны победителями конкурсов в соответствии с положением о Рамочной программе, спонсировались не только министерствами стран БРИКС по вопросам НТИ, но и другими соответствующими национальными финансирующими органами. Уже в самом начале своей реализации программа функционировала при активном организационном и финансовом содействии со стороны более десяти профильных финансирующих агентств государств-участников, таких как Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (ФСПП), Национальный совет Бразилии по развитию науки и технологий (CNPq), Агентство по инновациям Бразилии, Департамент науки и технологий Индии (DST), Министерство науки и технологий Китая, Национальный фонд естественных наук Китая Национальный фонд естественных наук Китая (NSFC), Национальный исследовательский фонд (NRF) и Агентство технологических инноваций ЮАР (TIA), а также Департамент науки и инноваций (DSI). Совет по медицинским исследованиям (MRC) и Комиссия по водным исследованиям (WRC) ЮАР, предоставляющих финансирование для совместных исследовательских и инновационных проектов.

Применительно к началу 2016 года верным был тезис о том, что «несмотря на общность научных интересов стран БРИКС, опыт поддержки многосторонних совместных научно-исследовательских проектов в пятистороннем формате отсутствует» [34, с. 50]. Данный пробел был восполнен благодаря тому, что с момента выдвижения инициативы по разработке и запуску, а также принятия соглашения о программе прошел весьма короткий срок – менее одного года. Во многом это было вызвано тем, что на своих периодических встречах профильные министры договорились об активизации сотрудничества в области НТИ. Необходимо отметить, что подобного рода инициативы, связанные с достижением согласованности относительно порядка финансирования совместных исследований, являются достаточно редким явлением в мировой практике МНТС.

2. Реализация программы: результаты и перспективы

Реализация Рамочной программы, предполагающей конкурсный отбор и выполнение совместных проектов, предусматривает два этапа. В течение первой – pilotной – фазы было проведено 3 конкурса проектов (2016–2020 гг.) и еще три в течение второй фазы (2021–2024 гг.). В результате активной работы по разработке конкурсной документации, создания веб-портала программы и налаживания тесного взаимодействия между национальными контактными центрами в мае 2016 года был объявлен первый试点ный конкурс многосторонних научно-технологических и инновационных проектов БРИКС.

Проведению первого конкурса предшествовал подготовительный этап. Так, в 2015 году Минобрнауки России в рамках Федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 гг.» (ФЦП ИиР на 2014–2020 гг.) решило провести инициативный конкурс совместных исследовательских проектов со странами БРИКС. В результате поддержка была оказана 22 проектам с общим объемом выделенного

финансирования более 330 млн рублей [41]. Проведение данного конкурса стало своего рода индикатором степени заинтересованности иностранных партнеров в участии в совместных проектах. Согласно статистике, количество заявок составило 87; из них к участию в конкурсном отборе были допущены 73 заявки. В итоге 3 заявки предполагали реализацию совместных проектов с научно-исследовательскими организациями из ЮАР, 6 заявок – с научно-исследовательскими организациями Индии, 52 заявки – с научно-исследовательскими организациями из КНР, 10 заявок – с организациями из Бразилии. Особо следует указать, что 2 заявки предполагали выполнение многостороннего проекта.

В ходе пилотного конкурса 2016 года в составе Рамочной программы (Pilot call 2016) [42], объявленного по 10 тематическим областям, было подано 320 заявок. Из них поддержано 26 проектов в области передовых материалов и нанотехнологий, биотехнологий и биомедицины, новых и возобновляемых источников энергии, ИКТ и астрономии. При этом 22 заявки были максимально многосторонними, т.е. предполагали участие исследователей из всех пяти стран. Как отмечает Я.В. Сорокотяга, «реализация Секретариатом программы на базе российского учреждения способствовала высокой активности отечественного научного сообщества – российские коллективы приняли участие в подготовке 230 проектов, наши ученые наиболее часто выступали координаторами многостороннего сотрудничества. По результатам первого конкурса были поддержаны 26 проектов по десяти научным областям, 22 реализовывались с участием ученых РФ» [32].

Во время первого конкурса был отточен порядок проведения конкурсных процедур, который далее подлежал совершенствованию. В итоге, экспертиза и отбор осуществляется параллельным образом на национальных уровнях. Далее следует совместное обсуждение результатов и происходит совместный отбор проектов. Рассмотрение заявлений, поступивших на конкурс, осуществляется национальными финансирующими организациями в соответствии с их внутренними правилами и процедурами и сопровождается простановкой баллов. Далее процесс оценки и рассмотрения происходит на уровне Рабочей группы по финансированию научно-технических и инновационных проектов БРИКС, которая формулирует рекомендации в отношении поддержки проектов. Формальное решение о финансировании выносится национальными финансирующими организациями.

Как отмечается в литературе, «преимуществом такого механизма является возможность поддержки научных исследований в широком спектре научных дисциплин, междисциплинарных проектов. При этом выгоды от реализации проектов могут получить сразу несколько стран-участниц. Это в полной мере справедливо в отношении фундаментальных исследований, и в несколько меньшей степени в отношении крупных прикладных проектов, направленных на улучшение качества жизни, в частности, обеспечение энергией, чистой водой, защитой среды обитания, обеспечение безопасности, здравоохранение и т. д. [34, с. 51].

Организаторами первого конкурса выступили 8 финансирующих организаций из всех стран объединения. Общий бюджет для российских участников составил около 180 млн руб. На каждый проект предусматривалось выделение до 10 млн руб. в год. Следует признать, что бюджет программы в целом и конкретных проектов в частности весьма скромный по сравнению с финансированием проектов по линии рамочных программ ЕС. Еще одна особенность – это отсутствие официальной информации относительно бюджета не только отдельных проектов, но и бюджета конкурсов. Во многом это объясняется

многосторонним характером финансирования. Согласно правилам, финансирование, которое должно быть выделено иностранным партнером в течение календарного года, должно составлять не менее 50 % финансирования, запрашиваемого российским заявителем на календарный год. Данное финансирование должно быть выражено в рублях по курсу на дату подачи заявки. Проекты, которые уже получили / подали заявку на финансирование из других федеральных источников, не допускаются к финансированию. Совместная заявка должна подаваться ведущим исполнителем в секретариат конкурса и подлежать централизованной регистрации в целях статистического учета.

Следует признать, что принципиальное значение имеют тематические направления сотрудничества. Ключевым аспектом МНТС является решение вопроса не только о согласовании его организационных форм и механизмов, но и согласование предметных направлений. Безусловно, это является залогом успеха как двустороннего, так и многостороннего сотрудничества. На практике его достижение – это серьезная проблема, для своего решения требующая приложения соответствующих усилий.

Тематика МНТС рамках БРИКС была согласована на первой встрече министров НТИ стран БРИКС 2014 года. В п. 8 Кейптаунской декларации за государствами-участниками БРИКС в целях содействия скорейшей реализации целей, изложенных в Меморандуме, были закреплены следующие пять тематических областей, а именно: (а) изменение климата и смягчение последствий стихийных бедствий, возглавляемое Бразилией; (б) водные ресурсы и очистка загрязнений, возглавляемое Россией; (с) геопространственные технологии и их применение, возглавляемое Индией; (д) новые и возобновляемые источники энергии и энергоэффективность, возглавляемое Китаем; (е) астрономия, возглавляемая Южной Африкой. Далее закрепление приоритетов имело место в п. 3 Меморандума 2015 года, но привязка к странам отсутствовала. В последующем данные пять направлений были отражены в п. 6 Бразильской декларации министров 2015 года. При этом министры приветствовали расширение направлений, а новые инициативы, согласованные странами БРИКС, было решено включить в План работы^[43]. Данные направления были подтверждены далее в п. 6 Московской декларации министров 2015 года^[44]. Одновременно с этим на московской встрече 2015 года министры НТИ поддержали в дополнение к согласованным пяти еще шесть новых направлений сотрудничества: биотехнологии и биомедицина (Россия и Бразилия); ИКТ и высокопроизводительные вычисления (Китай и ЮАР); научно-технологические исследования океана и полярных областей (Бразилия и Россия); фотоэлектроника (Индия и Россия); материаловедение и нанотехнологии (Индия и Китай).

В дальнейшем происходило увеличение тематики сотрудничества, что позволило расширить диапазон приема заявок. Как следствие, в период председательства России в 2024 году были согласованы еще три новые темы сотрудничества: искусственный интеллект и квантовые технологии; социальные и гуманитарные науки; новые показатели для науки (наукометрия). Далее в 2025 году в период бразильского председательства в п. 79 декларации саммита 2025 года в качестве новых направлений были выдвинуты искусственный интеллект, квантовые технологии и инновации в промышленности^[45].

Второй конкурс совместных заявок был объявлен в сентябре 2017 года. Особенностью нового конкурса стало то, что подготовка к его проведению началась еще до подведения итогов первого конкурса. Во многом это стало своего рода ответом на повышенный интерес к Рамочной программе как новому инструменту поддержки исследований со стороны представителей научных сообществ стран БРИКС.

Примечательно, что объявление второго конкурса [46] последовало буквально спустя один месяц после того, как были объявлены результаты первого конкурса. В мае 2017 года Рабочая группа БРИКС по финансированию НТИ, встретившись в Претории, согласовала итоги первого пилотного конкурса, в результате которого было поддержано 26 многосторонних проектов. Одновременно с этим были усовершенствованы технические средства приема и обработки заявок на базе создания нового интернет-портала Рамочной программы, что было дополнено внедрением электронной системы управления заявками.

Второй конкурс проводился не по 10, как ранее, а по 6 тематическим направлениям. Это было вызвано стремлением повысить процент успешности, т.к. в первом конкурсе количество выигравших заявок составило всего 8 %. При этом к моменту запуска второго конкурса увеличить бюджет было просто нереально. Однако расчет на уменьшение тематических направлений не оправдался. Особенностью заявочной компании стало то, что количество заявок увеличилось на 45 % и составило 460. Как и в рамках первого конкурса, наибольшую склонность к формированию консорциумов проявляли ученые из России, Индии и Китая, что объясняется длительной историей двустороннего сотрудничества ученых данных стран. Второй конкурс характеризовался также возникновением разрыва между возрастанием количества заявителей и возможностями национальных финансовых организаций. Несмотря на то, что число выигравших проектов составило 33, коэффициент прохождения составил 7 %. 25 выигравших проектных заявок предполагали участие российских ученых.

В ходе четвертого заседания Рабочей группы БРИКС по финансированию НТИ (июнь 2018 года, ЮАР) стороны решили провести заключительный конкурс первого этапа, расширив тематический охват и доведя его до 13 направлений [47]. Число финансирующих агентств увеличилось до 9. Заявочная компания показала сокращение количества заявок по сравнению со вторым конкурсом до 331. Однако это не являлось следствием снижения интереса к конкурсу со стороны исследователей, а объяснялось техническими причинами, а именно реорганизацией профильных ведомств в некоторых странах БРИКС и усилением бюрократических ограничений. Это в определенной степени ослабило координацию одновременного запуска конкурсных процедур на национальном уровне. С другой стороны, произошло, пусть и незначительное, увеличение количества финансирующих агентств – с 8 до 9. Вопреки организационным препонам было поддержано 35 проектов.

Согласно статистике, приводимой в п. 4 Кампинасской декларации министров, за время первого пятилетнего цикла совместных раундов было подано 1 100 заявок, в которых приняли участие не менее 3 400 исследователей и был отобран 91 проект по 11 научным направлениям [48]. Отметим, что РФФИ поддержало из их числа 59 проектов.

Как отмечается в одном из аналитическом обзоров, «несмотря на достаточно короткий срок своего существования, РП БРИКС стала заметным явлением в научной жизни БРИКС: несколько тысяч ученых приняли участие в ее деятельности, подготовив свыше 1100 проектов, ежегодная посещаемость портала РП БРИКС составляла 15 000 человек» [32]. Приведенные результаты свидетельствуют о востребованности программы и высоком интересе к ней со стороны исследователей из стран БРИКС. В ряде случаев поддержка проектов позволила осуществить целый ряд научных исследований. Но в ходе ее реализации был выявлен ряд недостатков, наиболее существенные из которых – «отбор проектов в формате параллельных национальных конкурсов и низкий коэффициент поддержки проектов. Это приводило к значительным сложностям как на этапе подготовки

совместных проектов со стороны заявителей, так и на этапе экспертизы со стороны организаторов конкурса. Однако внедрить формат «единого окна» не представлялось возможным ввиду ограниченной нормативно-правовой базы отдельных организаций-участников РП БРИКС» [\[32\]](#).

В связи с обнаружившимися недостатками вторая фаза функционирования программы (2021–2025 гг.) отмечена процессом совершенствования архитектуры конкурсной деятельности с учетом имеющихся ограниченных возможностей для маневра. Начало данного процесса планировалось на второй квартал 2020 года в период председательства России. Однако пандемия COVID-19 привела к корректировке планов. В частности, РФФИ выдвинул инициативу по проведению внеочередного конкурса проектов, направленного на преодоление последствий глобальной пандемии.

При опоре на позицию Рабочей группы по финансированию, а также на мнение Руководящего комитета БРИКС по НТИ был подготовлен и во второй половине 2020 года проведен четвертый конкурс по 5 конкурсным направлениям, непосредственно связанных с тематикой пандемии COVID-19 по 5 конкурсным тематикам [\[49\]](#). Как отмечается в соответствующем аналитическом обзоре, «страны БРИКС единогласно поддержали инициативу российской стороны по проведению многостороннего междисциплинарного конкурса исследовательских проектов БРИКС по тематике новой коронавирусной инфекции, в том числе по поиску решений, касающихся преодоления последствий глобальной пандемии в области здравоохранения, экономики, социальных наук, психического здоровья и иных областях жизнедеятельности человека» [\[50, с. 7\]](#).

В рамках пятой встречи Управляющего комитета НТИ 11 июня 2020 года в режиме видео-конференц-связи особое внимание было уделено докладу Секретариата Рамочной программы НТИ БРИКС (РФФИ) о текущем положении дел в процессе подготовки к проведению скоординированного конкурса научно-исследовательских проектов по борьбе с пандемией COVID-19 по линии Рамочной программы. Подчеркивалось, что данный конкурс находится на финальной стадии подготовки. На встрече также обсуждалась подготовка к пятому Форуму молодых ученых стран БРИКС, включая Конкурс молодых инноваторов стран БРИКС [\[50, с. 8\]](#).

В силу специфики тематической направленности конкурса поступило всего лишь 111 заявок. Впрочем, это вполне объяснимо. Итоги внеочередного конкурса были подведены в конце 2020 года: поддержка была оказана 12 проектам, 10 из которых предполагали участие российских ученых. Участниками одного проекта стали исследователи из всех стран БРИКС.

После проведения внеочередного конкурса произошло возобновление работы по совершенствованию механизма Рамочной программы, что сопровождалось обсуждением проектной деятельности на уровне специальных тематических рабочих групп БРИКС. Активная работа проводилась в течение всего 2020 года. Например, в форме видеоконференций было проведено три заседания Рабочей группы по финансированию НТИ. В дополнение к этому не снижалась активность по выполнению поддержанных проектов. Поэтому далеко не случайно, что в конце 2020 года удалось согласовать обновленную архитектуру реализации второго этапа Программы БРИКС.

Данные инициативы включают следующее:

- 1) проведение конкурсов проектов в форме двухэтапной подачи заявок (предварительных и полных). Такой подход призван рационализировать заявочный

процесс, поскольку сама подготовка заявки, тем более многосторонней, требует приложения немалых усилий исследователей и характеризуется существенными трудозатратами. В дополнение к этому новая система заявочного процесса позволяет повысить степень синхронизации национальных процедур;

2) разработка концепции и реализации флагманских исследовательских проектов, которые могут претендовать на более масштабное финансирование.

На совершенствование реализации проектов Программы было направлено новое Положение о Рамочной программе (*Terms of Reference (ToR) of the BRICS STI Framework Program to appropriately navigate the further management of Joint Calls for Proposals to support research work, including early launch of the BRICS STI Flagship Projects*), утвержденное в сентябре 2024 года на встрече Рабочей группы по финансированию науки [\[51\]](#). Положение регулирует дальнейшее управление совместными конкурсами заявок и призвано продолжить успешную историю реализации программы межрегионального сотрудничества БРИКС, а также обеспечить стабильную и долгосрочную правовую основу для дальнейшего развития программы [\[52\]](#). Принятие Положения было одобрено не только в п. 10 Московской декларации министров НТИ 2024 года, но и в п. 111 Казанской декларации XVI-го саммита, в котором главы государств поддержали инициативу скорейшего запуска флагманских научно-технологических и инновационных проектов БРИКС [\[53\]](#).

В 2021 году был проведен пятый конкурс (*5 the BRICS STI FP Call 2021*) по 10 конкурсным тематикам [\[54\]](#). Согласно информационным источникам в сентябре 2022 года Минобрнауки России объявило о 33 проектах-победителях. Всего же в отборе участвовали 83 проекта [\[55\]](#). В научно-исследовательских проектах, одержавших победу в конкурсе, приняли участие 27 российских, 17 бразильских, 27 индийских, 26 китайских и 15 южноафриканских организаций. Тематика совместных проектов в рамках конкурса включает следующие направления: астрономия, медицина, информационно-коммуникационные технологии, материаловедение и нанотехнологии, возобновляемые источники энергии.

В 2022 году конкурс не проводился. Возобновление конкурсной активности произошло в 2023 году в виде шестого конкурса проектов. Однако нельзя не заметить, что данный конкурс был специально-тематическим и посвящен поддержке исследований и разработок в сфере адаптации к изменению климата и смягчения его последствий (*6 the BRICS STI FP Call 2023: Climate Change Adaptation and Mitigation*) [\[56\]](#). В этом нет ничего удивительного, так как это отражает дальнейшее развитие климатической повестки БРИКС и институционализацию климатического сотрудничества. Напомним, что конкурс 2020 года также был специально-тематическим, т.к. был посвящен пандемии COVID-2019. Применительно к рассматриваемому случаю существенная часть заявок, поданных в рамках предшествующего конкурса, имела достаточно выраженный «зеленый» оттенок, что сопоставимо с тематикой проектов, финансируемых программой ЕС Horizon Europe. В дополнение к этому с каждым годом «зеленый» поворот в БРИКС нарастает по своей интенсивности. Примером является усиление интереса к возобновляемым источникам энергии, предотвращению стихийных бедствий, очистке воды и т.д. Поэтому не случайно, что еще в конкурсной документации 2021 года отмечалось, что, например, исследования в области высокопроизводительных вычислений должны вносить вклад в достижение целей охраны окружающей среды.

В рамках конкурса 2023 года проекты, претендующие на получение поддержки, должны

быть направлены на решение следующих задач:

- 1) повышение устойчивости: адаптация в локальном масштабе и адаптивный ответ в масштабе водосбора;
- 2) совершенствование оценки воздействия и последствий изменения климата на основе технологий наблюдения за Землей;
- 3) разработка системного ответа на основе использования подхода Всемирного экономического форума (вода, энергия и продовольствие) для межсекторального управления изменением климата;
- 4) выявление и предотвращение рисков для низкорасположенных социально-экологических прибрежных систем [\[57\]](#).

К другим требованиям относится следующее:

- 1) продолжительность проекта не должна превышать 3 лет;
- 2) партнеры должны быть как минимум из двух-четырех стран БРИКС;
- 3) заявители проектов должны предоставить совместную форму заявки и номер подтверждения, направленные в Секретариат конкурса;
- 4) после того, как национальные финансирующие организации опубликуют свой конкурс заявок, заявители смогут подавать предложения в свои национальные финансирующие организации в соответствии с установленными процедурами.

Шестой конкурс предусматривал финансирование с бюджетом около 2 миллионов юаней на каждый. Всего было поддержано 19 проектов:

- 1) оценка влияния и последствий климатических изменений с применением технологий наблюдения Земли – 7 проектов;
- 2) риски для низинных прибрежных социально-экологических систем – 1 проект;
- 3) повышение устойчивости: масштабирование подходов и разработка упреждающих мер: от размеров конкретного бассейна до муниципальных и национальных масштабов – 3 проекта;
- 4) системный ответ, а именно использование подхода, основанного на взаимосвязи водных ресурсов, энергетики и продовольствия, с целью межсекторального управления изменением климата – 8 проектов.

В п. 8 Московской декларации 2024 года министры высказали одобрение результатами б-го конкурса Рамочной программы НТИ БРИКС и призвали «продолжить поддержку превосходных исследований по приоритетным направлениям среди академического сообщества БРИКС и запустить новый конкурс заявок в областях, представляющих общий интерес» [\[58\]](#). Заметим, что результаты реализации данных проектов служат интересам не только стран БРИКС, но также интересам всего мирового сообщества.

Вопросы реализации текущих конкурсов находятся в поле внимания деклараций саммитов и деклараций министерских встреч. В дополнение к этому предметом внимания оказывается общий ход реализации программы. Например, в 81 Декларации Гоа саммита 2016 года лидерами государств был отмечен прогресс первого конкурса Рамочной

программы, который был объявлен по десяти тематическим направлениям [59]. В п. 12 Сямэньской декларации IX саммита руководителей стран БРИКС, были высоко оценены отобранные научно-исследовательские проекты БРИКС в рамках первого конкурса Рамочной программы и отмечен запуск второго конкурса проектов [60]. В п. 75 Московской декларации XII-го саммита 2020 года, был отмечен прогресс, достигнутый в рамках Программы, в том числе касательно привлечения ресурсов финансовых учреждений БРИКС, что позволило поддержать свыше 100 проектов в различных областях. Отмечалось, что «эти усилия обеспечили более эффективное сетевое взаимодействие между исследовательскими учреждениями и учеными из стран объединения в целях совместной работы и разработки доступных решений общих социальных проблем» [61]. Одновременно с этим было объявлено о прогрессе, достигнутом в сотрудничестве по объединению усилий по противодействию распространению COVID-19 и преодолению его последствий. В качестве организационной основы данного рода сотрудничества выдвигалось предложение о проведении специального конкурса научно-исследовательских проектов по данной проблематике в составе Рамочной программы БРИКС в сфере НТИ. В качестве другой организационной формы было предложено налаживать контакты между экспертными сообществами в режиме онлайн.

Далее в п. 67 Декларации 15-го саммита главы государств БРИКС, высоко оценив успехи Рамочной программы, выразили высокую оценку усилий Секретариата Рамочной программы БРИКС в сфере НТИ по содействию обсуждению вопроса о запуске в 2024 году конкурса предложений по флагманским проектам НТИ БРИКС [62]. Реализация Рамочной программы в целях потенциального финансирования совместной исследовательской и инновационной деятельности в приоритетных областях науки была положительным образом отмечена в п. 112. Казанской декларации саммита 2024 года.

Что касается оценки программы в документах министерских встреч, то хотелось бы обратить внимание на п. 4 Кампинской декларации министров 2019 года. Здесь не только приводилась статистика пятилетнего цикла функционирования программы, но и указывалось на то, что растущее взаимодействие между исследователями, академиями и лабораториями стран БРИКС может открыть новые перспективы и внести вклад в мировое научное развитие. Кроме этого, свое одобрение получили усилия агентств БРИКС, которые осуществляют финансирование НТИ, в деле отбора перспективных исследовательских проектов. При этом министры высказали Рабочей группе БРИКС по финансированию НТИ рекомендацию относительно необходимости обсуждения следующего цикла конкурсов БРИКС, придавая особое внимание совершенствованию и упрощению конкурсных процедур. «Принимая во внимание важность совместных проектов и их результатов, отмечали министры, мы призываем учреждения БРИКС, финансирующие НТИ, увеличить свою поддержку будущих конкурсов БРИКС. Мы подтверждаем нашу полную поддержку продолжения Рамочной программы НТИ».

Приверженность Рамочной программе БРИКС в области НТИ как эффективному механизму сотрудничества в области совместных исследований по приоритетным направлениям была подтверждена в п. 12 Московской декларации министров 2020 года. Министры также заявили, что они приветствуют итоги 6-го заседания Рабочей группы БРИКС по финансированию НТИ (10 ноября 2020 года) и поддерживают второй цикл Рамочной программы на основе усовершенствованного механизма, предполагающего дальнейшее укрепление научно-исследовательского сотрудничества стран БРИКС и повышение эффективности операционной деятельности [63].

В зарубежной экспертной среде высказан тезис о том, что в Рамочной программе «используется поразительно схожий язык с собственными исследовательскими и инновационными рамочными программами ЕС, в нем даже есть национальные контактные пункты, хотя организаторы настаивают, что он не создан по образцу программ ЕС» [\[31\]](#). Действительно, сам термин «Рамочная программа в сфере НТИ» явно заимствован из европейского опыта.

В отечественной науке, в частности И.Г. Дежиной, высказано мнение о том, что в силу существования в странах БРИКС некоторых сходных проблем в развитии национального научно-технологического комплекса, «было бы некорректно сравнивать БРИКС со странами ЕС-27. Последние имеют близкое географическое расположение, сходные демографические проблемы и структуру отраслей промышленности, много общего у них и в системе институтов. Наконец, большой численный состав ЕС облегчает решение задачи создания альянсов заинтересованных сторон для выполнения отдельных научных или технологических проектов» [\[14, с. 21\]](#).

Однако, на наш взгляд, проведение сравнения достаточно востребовано. Как таковое, любое сравнение в нашем случае с многосторонними программами в рамках ЕС потенциально имеет не только сугубо познавательный, но и практический смысл, заключающийся в возможной рецепции продуктивных алгоритмов программного регулирования и их адаптации на уровне БРИКС. Тем более, что сотрудничество в рамках Европейского союза в области НТИ является длительным и продуктивным, что предопределяет постоянное обращение к опыту европейских рамочных программ, несмотря на все текущие геополитические коллизии. Подобного подхода также придерживается Л. Кабота, который полагает, что сопоставление может быть весьма полезно для стран БРИКС в процессе развития их научно-технологического сотрудничества в русле наращивания его глубины и объема [\[64, р. 106–107\]](#). С этим тезисом следует полностью согласиться, поскольку, как указывалось выше, многостороннее МНТС в рамках БРИКС стартовало лишь в 2014 году, тогда как в ЕС оно началось еще в 1950-х годах.

Проведение сравнения должно со всей необходимостью учитывать различную природу ЕС и БРИКС в качестве межгосударственных объединений. Практическое отсутствие сходства в их институциональных основах далее находит свое отражение в различиях, свойственных реализуемым в них программам в области НТИ. Организационно-правовые основы Рамочной программы БРИКС в отличие от рамочных программ ЕС весьма немногочисленны: Рамочная программа БРИКС не опирается на специально принимаемые правовые акты, как это имеет место в ЕС [\[65\]](#), и не сопровождается многочисленными руководствами, как это также имеет место в ЕС [\[66\]](#), и не предполагает такой институт, как ассоциированное членство третьих стран. Все это объясняется специфической природой БРИКС. Однако участие исследователей из стран, которые не входят в БРИКС, все же допускается. Но они могут участвовать в исследовательском проекте за свой счет и не рассматриваются в качестве партнеров из страны-участницы.

Несмотря на высказанные соображения, имеются вполне заметные черты сходства. На это обстоятельство указывают российские эксперты. Они отмечают, что за основу скоординированного первого конкурса был принят разработанный Европейским союзом механизм ERA-NET как наиболее гибкий и понятный всем участвующим сторонам. В свое время Россия накопила богатый опыт по участию в проектах в рамках данного механизма [\[67, с. 40–41\]](#). «В конкурсах, организованных по такому механизму, бюджет совместных

проектов складывается из взносов участвующих финансирующих организаций. При этом выделенные средства не пересекают национальные границы – каждая из участвующих финансирующих организаций финансирует своих исследователей в соответствии с национальными правилами и регламентами. Управление конкурсами на всех этапах реализуется также совместно участвующими финансирующими организациями» [\[34, с. 50\]](#). В сущности, механизм Рамочной программы сходен с механизмами ERA-NET, в том числе на уровне целей. В частности, механизм ERA-NET предполагает нацеленность на усиление степени координации в области исследований и разработок путем преодоления фрагментарности пространства НТИ. В результате проведения совместных конкурсов в тематических областях исследований и разработок обеспечивается объединение ресурсов отдельных стран и усиление их потенциала.

При этом явная специфика Рамочной программы БРИКС заключается в достаточно равномерном распределении выигравших заявок. В частности, согласно итогам конкурса 2021 года, исследователи из ЮАР были участниками 20 выигравших заявок, а китайские ученые стали победителями 26 заявок. Однако на примере рамочных программ ЕС можно видеть, что, несмотря на проводимую политику сокращения научно-технологического разрыва в рамках Союза, наибольшее число выигравших заявок приходится на Германию и Францию, которые и так располагают наибольшими бюджетами финансирования сектора исследований и разработок. На этом фоне подход БРИКС является в значительной степени более уравнивающим. Это обусловлено правилами финансирования, согласно которым, напомним, в каждом проекте должны участвовать ученые как минимум из трех стран БРИКС, а одним из ключевых критерии оценки выступает ориентация на сбалансированное сотрудничество.

Важное отличие также заключается в отсутствии единого процесса подачи заявок. В предыдущем изложении упоминалось о том, что партнеры из стран БРИКС подают совместную заявку в Секретариат программы, а также направляют соответствующую заявку в национальные финансирующие агентства. Последние в свою очередь направляют заявки на экспертную оценку, и только в случае одобрения заявок всеми экспертными комиссиями они получают необходимое финансирование. Однако такая система чревата сбоями. В качестве примера можно привести случай, когда профессор материаловедения и инженерии Цзяньюй Юань из Университета Сучжоу в Китае подал заявку на финансирование инновационного проекта в области солнечных батарей, в котором согласились участвовать коллеги из России, Бразилии и Индии. На многостороннем уровне совместная заявка была одобрена. Однако на национальном уровне индийским партнерам не удалось получить финансирование [\[31\]](#). Многосторонний проект все же был реализован, но вне Рамочной программы при поддержке Китая.

Как бы то ни было, в ходе проведенных шести конкурсов в 2016–2024 гг. поддержка была оказана 150 проектам по таким приоритетным направлениям, как биомедицина, возобновляемые источники энергии, наука о космосе и астрономия, океановедение и полярные исследования и т.д. [\[68\]](#). 100 проектов, поддержанных в результате пилотной фазы, в основном были завершены к 2024 году. В подготовку свыше 1 600 заявок на конкурсы было вовлечено свыше 5 000 команд из стран БРИКС [\[29\]](#).

Свидетельством успешности завершившихся работ стали такие результаты, как статьи в ведущих мировых научных журналах, получение патентов на изобретения и внедрение разработок. Думается, что многосторонний формат, который поддерживается программой, внес также определенный вклад в прогресс, достигнутый применительно к процессу интенсификации сотрудничества на уровне БРИКС. Однако останавливаться на

достигнутом еще рано. В частности, отмечается, что «библиометрические исследования показывают, что страны БРИКС становятся более важными партнерами друг для друга. При этом интенсивность сотрудничества внутри БРИКС во многих тематических областях растет, но пока остается недостаточно высокой. Высокие темпы наращивания публикационной активности, кратный рост у всех без исключения стран БРИКС-10 публикаций в большинстве областей науки и технологий, написанных в соавторстве с исследователями из других стран, отражают большие возможности для существенной интенсификации международного сотрудничества» [\[69, с. 137\]](#).

Из приведенной цитаты можно сделать вывод о том, что результатами реализации программы является не только т.н. «научная продукция» и технологические решения, но и новое качество многостороннего МНТС. В подтверждение этого можно сослаться на мнения самих участников сотрудничества. Так, в ходе специально проведенного опроса более половины респондентов заявили о том, что «отобранные проекты РП НТИ БРИКС уже привели не только к налаживанию взаимодействия между исследовательскими группами, но и к налаживанию сотрудничества на более высоком уровне, например, между исследовательскими организациями, университетами и т.д.» [\[70, с. 13\]](#). Таким образом, становится вполне очевидно, что функционирование программы направлено на преодоление ситуации, которая имела место в момент принятия Кейптаунской декларации 2014 года. Данную ситуацию М. Кан описывал следующим образом: «Что касается сотрудничества в области науки в рамках БРИКС, данные по публикациям свидетельствуют, что такое сотрудничество – скорее риторика, чем реальность. Каждая из пяти стран БРИКС гораздо более активно «сотрудничает» с центрами производства научных знаний в США и ЕС, чем друг с другом» [\[15, с. 155\]](#). Безусловно, страны БРИКС не стали друг для друга основными научными коллабораторами, но масштаб сотрудничества явно возрос. Взаимодействие в форме программы позволяет укреплять двустороннее сотрудничество, что также немаловажно. Так, в условиях санкций Китай стал главным партнером России. Взаимодействие в многостороннем формате позволяет закрепить взаимную заинтересованность двух стран друг другом. Аналогичный вывод релевантен и в отношении расширяющегося российско-индийского сотрудничества.

3. Концепция флагманских проектов БРИКС: формирование и перспективы реализации

Как уже отмечалось, одним из важных моментов совершенствования архитектуры Рамочной программы стала инициатива по разработке и поддержке флагманских проектов БРИКС (BRICS Flagship Projects). Дальнейшая концентрация усилий в этом направлении основана на идее технологического лидерства, которая нашла свое отражение в концепции флагманских проектов БРИКС. Концепция разрабатывается Рабочей группой по финансированию НТИ при участии различных тематических научных рабочих групп БРИКС, национальных координаторов научного сотрудничества БРИКС и экспертов в этой области. На 16-й встрече Руководящего комитета, состоявшегося 15 марта 2022 года с участием Рабочей группы по финансированию, обсуждались не только вопросы проведения 5-го конкурса проектов Рамочной программы, но и рассматривалась концепция механизма поддержки флагманских проектов. Стороны договорились, что продолжительность проектов данной категории должна составлять 3–5 лет и предполагать участие всех пяти стран, а также выделение большего объема финансирования по сравнению с поддержкой традиционных научно-исследовательских проектов Рамочной программы [\[71, с. 14\]](#).

Обсуждение концепции и направлений ее реализации далее последовало в ходе

заседания Рабочей группы по финансированию на тему: «Обсуждение флагманских НТИ проектов БРИКС», которое было проведено 27-28 июня 2022 года^[72]. В ходе встречи были заслушаны мнения представителей тематических рабочих групп о том, в чем заключается сущность флагманских проектов.

Согласно концепции, флагманские проекты отличаются междисциплинарностью и имеют стратегическое значение, поскольку фокусируются на глобальных вызовах и призваны решать задачи, общие для стран БРИКС. По мнению экспертов Рабочей группы, «флагманские проекты должны быть нацелены на сильное воздействие своих результатов, будь то технологический прогресс, социально-экономическое воздействие или значительный вклад в продвижение научного знания»^[73]. Разработка и реализация рассматриваемой концепции, была с одобрением отмечена в п. 45 Пекинской декларации XIV-го Саммита БРИКС 2022 года^[74].

В экспертной среде предлагается следующее видение сущности флагманских проектов. В частности, Г. Краснова полагает, что «это проекты научных исследований и опытно-конструкторских работ, нацеленные на решение актуальных вызовов, общих для стран объединения, в определенных стратегических научных областях и для задач, имеющих значительный размер с точки зрения масштаба научных вопросов и выделяемого финансирования, количества партнеров в проекте и его продолжительности»^[18]. В сущности, с таким определением следует полностью согласиться.

Заметим, что критерием флагманских проектов является не только междисциплинарность и интенсивность участия, но также инновационность. Иными словами, от них ожидается максимально заметный практический результат. Поэтому они должны быть нацелены на разработку новых технологий и решений в самых различных областях. Подобного рода проекты уже реализуются в рамках БРИКС. Сюда следует отнести такие проекты, как BRICS Health: Традиционная и Современная Медицина, а также BRICS WORKS реализуемый Международной Ассоциацией развития бизнеса и предполагающий формирование новой платформы для трансграничного сотрудничества. В качестве примера флагманских проектов следует привести проекты в области биомедицины^[75]. Россия в лице своих научных организаций принимает самое активное участие в разработке и реализации подобного рода флагманских проектов БРИКС, стремясь в полной мере реализовывать национальную концепцию технологического лидерства.

Инновационность флагманских проектов, которые будут поддерживаться на уровне Рамочной программы, призвана внести вклад в укрепление инновационного сотрудничества, которое активно развивается на уровне БРИКС. Это свидетельствует о приверженности государств-участников триаде «наука – технологии – инновации». Помимо совместных научно-исследовательских проектов реализуется поддержка инновационных проектов в рамках осуществления инновационного сотрудничества как составной части взаимодействия в производственной сфере. Это означает тесное соприкосновение научно-исследовательского, научно-технологического и производственно-технологического взаимодействия. Поэтому нет ничего случайного в том, что Рамочная программа является, как уже указывалось выше, сегментом Инициативы БРИКС в области исследований и инноваций. В свою очередь, Л. Кабота отмечает, что «кажется очевидным, что семя, посаженное всего несколько лет назад, взошло, дает плоды и приумножается». Что касается инноваций, то Л. Кабота сформулировал рекомендацию о том, что страны БРИКС «должны уделять особое внимание рынку, при этом в центре внимания должны быть предприятия, а не научные круги. Малый и средний бизнес предприятия должны активно участвовать в этом

процессе, и EUREKA является хорошим примером» [\[64, р. 107–108\]](#).

В продолжение этого хотелось бы повторить, что запуск амбициозных флагманских проектов предполагает увеличение объема их финансирования. Однако здесь имеются проблемные места. Как отмечают российские эксперты, «Россия все еще входит в тройку стран с наибольшим количеством участников проектов, но, если не переломить тенденции последних конкурсов, наша страна рискует покинуть тройку лидеров. С выбытием РФФИ из состава организаций, предоставляющих гранты российским исследователям, фактически утратились механизмы финансирования участия российских ученых в фундаментальных исследованиях БРИКС. Неоднократные попытки привлечь Российский научный фонд к участию в конкурсах Рамочной программы НТИ БРИКС не увенчались успехом. Безусловно, Рамочная программа БРИКС в сфере, науки, технологий и инноваций будет и дальше развиваться, предлагая новые возможности для совместного научно-технического сотрудничества в рамках пятистороннего объединения» [\[30, с. 98\]](#).

Решение данного вопроса особенно актуально, т.к. инновационный тренд, характерный для флагманских проектов, весьма ограничен. В научной литературе отмечается, что «научно-технологическое сотрудничество стран БРИКС имеет большой потенциал для усиления инновационного развития и технологической конкурентоспособности стран-участниц на глобальном уровне. Уже сегодня отмечается увеличение роли союза БРИКС в мировой науке. Если в 2010 г. на пять стран БРИКС приходилось 23,8% общемирового массива публикаций, то в 2023 г. –уже 41,4%, тогда как на 10 стран БРИКС – 45,6%, что превышает долю 27 стран ЕС (22,2%), но пока уступает доле стран ОЭСР (51,3%).... Проведенный анализ свидетельствует о значительном научном потенциале стран БРИКС и возможности усиления их международного сотрудничества в интересах решения общих социально-экономических задач союза» [\[69, с. 136–137\]](#).

Кстати говоря, инновационная направленность характерна для рамочных программ ЕС в сфере НТИ. Полагаем, что на уровне БРИКС инновационный характер флагманских проектов созвучен общему контексту акцента на развитии инновационного и технологического сотрудничества [\[76–86\]](#), в канве которого происходит функционирование программы. Следует всецело согласиться с В.И. Ногой в том, что «рост общего уровня инновационной активности в экономиках стран БРИКС является, по нашему мнению, второй доминантой научного-технологического сотрудничества. Речь идет об увеличении доли предприятий, создающих и внедряющих инновации, самостоятельно осуществляющих научные исследования, в общем количестве субъектов хозяйствования, повышении уровня инновационной активности в сегменте малых и средних предприятий, создании новых инновационно активных и инновационно ориентированных предприятий и т.п.» [\[3, с. 36\]](#).

В подтверждение данного вывода вполне можно указать на п. 52 Уфимской декларации, в котором подчеркивалась важность активизации сотрудничества по наращиванию возможностей промышленного производства, создания индустриальных парков и кластеров, технопарков и инжиниринговых центров с целью разработки и внедрения передовых технологий, подготовки инженерно-технических и управленческих кадров. Далее в п. 12 Сямэнской декларации IX-го саммита БРИКС руководители стран подчеркнули важность инноваций как ключевого фактора среднесрочного и долгосрочного экономического роста и глобального устойчивого развития, выразив свою поддержку расширению участия научных и деловых кругов, гражданского общества, а также других заинтересованных сторон в этом процессе.

Более того, темы ряда председательств непосредственно посвящены перспективам инновационного развития и сотрудничества стран БРИКС. Так, тема председательства Бразилии в БРИКС в 2019 году звучала следующим образом: «БРИКС: экономический рост для инновационного будущего». Практически идентичной была тема председательства России в БРИКС в 2020 году: «Партнерство БРИКС во имя глобальной стабильности, общей безопасности и инновационного роста». В п. 112. Казанской декларации главы государств и правительств призывали страны БРИКС предпринять усилия по изучению возможности «выделения в рамках БРИКС финансирования на научные исследования и разработки, в особенности в целях поддержки инновационных инициатив для стартапов и ММСП, принимая при этом во внимание национальные приоритеты и стратегии. Мы высказываемся за создание инкубаторов и стартапов в целях стимулирования инноваций и развития технологий в соответствии с Рамочной программой БРИКС в сфере НТИ».

Приоритетное значение инновационного развития и сотрудничества нашло свое подтверждение в декларациях встреч министров, курирующих сектор НТИ. В частности, темой 5-й встречи министров НТИ стран БРИКС в 2017 году стало «Лидерство через инновации и углубление сотрудничества». В п. 6 декларации министров было выражено одобрение результатов проведения первого конкурса проектов БРИКС в области НИОКР и подчеркнута важность Рамочной программы БРИКС в области науки, технологий и инноваций в качестве механизма объединения инновационных ресурсов и преимуществ, а также стимулирования развития в основных областях и ключевых технологиях [\[87\]](#). В п. 2 декларации БРИКС по НТИ, принятой на московской встрече министров в 2020 году, в очередной раз было подтверждено обязательство по продвижению устойчивого развития и обеспечению дальнейшего содействия инновациям и технологиям для повышения благосостояния граждан стран БРИКС [\[88\]](#). Одновременно министры не только подтвердили важность долговременного сотрудничества научных и инновационных сообществ, но и подчеркнули важность реализации комплексных проектов под эгидой Рамочной программы БРИКС в сфере НТИ, которые направлены на решение проблем, связанных с пандемией COVID-19. Тем не менее данный приоритет не отрицает важности реализации других проектов и мероприятий, запланированных на 2020–2021 гг. [\[89\]](#).

Далее в п. 17 декларации министров 2025 года Рамочная программа была признана «выдающимся примером сотрудничества стран БРИКС, объединяющим исследовательские сообщества и заинтересованных лиц в сфере инноваций из всех стран-членов». Признавая добровольность и необязывающий характер участия в Рамочной программе БРИКС в области науки, техники и инноваций (НТИ), министры выразили признательность ее Секретариату за «содействие ускорению координации между участвующими агентствами по финансированию исследований и инноваций стран БРИКС, нацеленными на объявление и запуск в 2025 году 7-го конкурса проектов Рамочной программы БРИКС в области науки, техники и инноваций (НТИ), пилотного конкурса флагманских проектов БРИКС в области науки, техники и инноваций (НТИ) и первого конкурса инноваций Рамочной программы БРИКС в области науки, техники и инноваций (НТИ)» [\[90\]](#).

Отмеченные обстоятельства стали основой для нового содержательного формата седьмого конкурса (BRICS STI FP Call 2025). Его запланировано провести в 3-м квартале 2025 года в качестве первого конкурса инновационных проектов БРИКС, направленного на поддержку флагманских научно-технологических проектов БРИКС.

Примечательно, что процесс реализации новой архитектуры Рамочной программы будет происходить на фоне интеграции новых стран БРИКС в многостороннее МНТС и будет

сопровождаться согласованием перечня тематических направлений при одновременном увеличении бюджета и количества проектов. Согласно самым последним данным, в настоящее время членами программы являются уже 15 финансирующих агентств из 7 стран БРИКС [29]. В целом новые участники проявляют активный интерес к Рамочной программе БРИКС и настроены на участие в seventh конкурсе [91]. Это можно обосновать тем, что, как, подчеркивает И.Г. Дежина, некоторые из новых участников, «в своей технологической повестке не полагались на внутренний потенциал. Такие страны особенно уязвимыми к новым рискам как зависимые в технологическом отношении, без опыта выстраивания научно-технологической системы, совместимой с задачами технологического суверенитета» [92, с. 5]. Поэтому в составе БРИКС они могут приобрести более высокую степень технологической устойчивости по отношению к внешним и внутренним вызовам на основе участия в Рамочной программе. Думается, что приглашение Египта к переговорам с ЕС об его ассоциации с Horizon Europe [93] все же не снизит его заинтересованность в участии в Рамочной программе БРИКС.

Предварительным условием институционального включения новых участников в функционирование Программы является их вовлечение в качестве участников Рабочей группы по финансированию НТИ. С этой целью планируется проведение специального заседания Рабочей группы по финансированию НТИ с участием агентств из новых стран-членов БРИКС, осуществляющих финансирование исследований [95]. В настоящее время основанием такого участия, а также последующего включения в функционирование Рамочной программы стало присоединение новых членов БРИКС к Протоколу к Меморандуму о сотрудничестве в сфере НТИ (Protocol to the Memorandum of Understanding on Cooperation in STI), имевшее место в ходе министерской встречи в июне 2025 года в Бразилии.

Заключение

Сотрудничество в рамках программы привело к результатам, которые значимы для всех государств БРИКС, участвующих в тех или иных проектах.

Во-первых, это новые научные знания и технологические разработки, которые коммерциализируются в различных сферах экономики. В ряде случаев поддержку получили проекты, которые не могли быть реализованы иным способом.

Во-вторых, это укрепление и масштабирование МНТС как одного из неотъемлемых измерений альянса. Об этом свидетельствует то, что в процесс реализации программы в форме участия в заявочном процессе и выполнении поддержанных проектов принял участие несколько тысяч исследовательских групп. Поэтому программа является своего рода мостом, который соединяет исследователей и ученых из стран БРИКС, а также их сообщества в рамках общего научно-технологического пространства посредством финансирования портфеля проектов НИОКР. Важнейшим принципом данного пространства, формирующегося, в том числе, вследствие реализации проектов программы, является открытость и диалог, в ходе которого выдвигаются инициативы, осуществляется коммуникация и разрабатываются проектные заявки. В результате произошло укрепление прежних и формирование новых институциональных связей между научно-исследовательскими сообществами в лице университетов и научных центров из разных стран БРИКС. Это стало результатом в том числе поиска возможных коллaborаторов в ходе разработки проектных заявок на конкурсы Рамочной программы.

Одновременно с этим вполне очевидными являются недостатки программы. Во-первых,

чрезмерный уровень конкуренции проектных заявок, что вызвано достаточно скромным финансированием. На наш взгляд, если так будет продолжаться и далее, то возникнет риск снижения интереса к программе и переключение внимания некоторых государств-участников БРИКС на усиление сотрудничества с ЕС. Во-вторых, двухступенчатая система является недостаточно эффективной. Во многом эта система вызвана самой природой объединения БРИКС, которое не является интеграционным объединением, а потому программное регулирование МНТС не основано на эффективных правовых инструментах. Иными словами, перед Рамочной программой возникает целый ряд вызовов. Ответом на них является дальнейшее инновационное совершенствование ее институционального формата, насколько это позволяет сама природа БРИКС как объединения государств. От этого во многом будет зависеть раскрытие всего потенциала научно-технологического сотрудничества, реализация идеи научно-технологического лидерства альянса, а также практическая отдача от флагманских проектов.

Библиография

1. BRICS STI Contributes to Global Wellbeing. Source: Science and Technology Daily (24.10.2024). URL: https://www.stdaily.com/web/English/2024-10/24/content_246080.html (дата обращения: 30.06.2025).
2. Кашуро И.А., Ступенькова З.Е. Научно-технологическое сотрудничество стран БРИКС на современном этапе // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и geopolitika. 2024. № 3. С. 74-84. DOI: 10.56429/2414-4894-2024-49-3-74-84 EDN: CFYKGW.
3. Нога В.И. Ключевые доминанты и векторы реализации механизмов научно-технологического сотрудничества стран БРИКС // Вестник МИРБИС. 2022. № 1. С. 29-39. DOI: 10.25634/MIRBIS.2022.1.3 EDN: ZCLDXK.
4. БРИКС: формирование международного научного ландшафта. Сборник материалов, научных трудов и статей, собранных Российским центром научной информации и посвященных вопросам состояния и перспективам развития научных связей в рамках БРИКС. Подготовлен в связи с председательством России в БРИКС. – М., 2024. 365 с.
5. Editorial. To boost science, the growing BRICS group must embrace inclusion and transparency // Nature. 2024. Vol. 635. Issue 8038. P. 258. DOI: 10.1038/d41586-024-03673-y EDN: JTACED.
6. Герасимов В.И., Коданева С.И. Научно-технологическое и инновационное сотрудничество стран БРИКС: тенденции, перспективы и вызовы // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 1. С. 204-229. DOI: 10.19181/smtp.2023.5.1.12 EDN: SPBDJZ.
7. Научно-технологическое и инновационное сотрудничество стран БРИКС: Материалы международной научно-практической конференции. Вып. 1 / РАН. ИИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2023. 525 с.
8. Editorial. BRICS nations are collaborating on science but need a bigger global platform // Nature. 2021. Vol. 600. Issue 7887. P. 7. DOI: 10.1038/d41586-021-03568-2 EDN: MMGHKO.
9. Попова Н.В. Состояние и динамика научного сотрудничества стран БРИКС // Информационные войны. 2020. № 4. С. 50. EDN: EPMHZL.
10. Leta J., das Neves Machado R., Lovón Canchumani R. M. Scientific collaboration among BRICS: Trends and priority areas // Springer Handbook of Science and Technology Indicators. Cham: Springer Verlag, 2019. P. 485-504.
11. Shashnov S., Kotsemir M. Research landscape of the BRICS countries: current trends in research output, thematic structures of publications, and the relative influence of partners // Scientometrics, 2018. Vol. 117(2). P. 1115–1155. DOI: 10.1007/s11192-018-2883-7 EDN:

VAHKTS.

12. Kiselev V., Nechaeva E. Priorities and possible risks of the BRICS countries' cooperation in science, technology and innovation // BRICS Law Journal. 2018. Vol. 5. Issue 4. P. 33-60. DOI: 10.21684/2412-2343-2018-5-4-33-60 EDN: OPCMYZ.
13. Sokolov A., Shashnov S., Kotsemir M., Grebenyuk A. S&T Priorities for BRICS Countries: In Search of a Win-Win Strategy. In: Zhao X., Li M., Huang M., Sokolov A. (eds) BRICS Innovative Competitiveness Report. Singapore: Springer, 2018. P. 31-65.
14. Дежина И.Г. Страны БРИКС: направления научной кооперации // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 9. С. 14-23. EDN: UIEHYB.
15. Кан М. Перспективы сотрудничества стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций // Вестник международных организаций. 2015. № 2. С. 140-159. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-140 EDN: UDJYLR.
16. Кравцов А.А. О текущих задачах развития научно-технологического сотрудничества между странами БРИКС // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник: материалы XV Международной научной конференции "Модернизация России: ключевые проблемы и решения", Москва, 18-19 декабря 2014 года / Ответственный редактор Пивоваров Ю.С. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН. М., 2015. С. 518-520. EDN: UDCYCD.
17. Перспективные направления научного сотрудничества: страны БРИКС: доклад № 90 / 2023 / [Г. Д. Толорая, А. Ю. Борзова, И. Г. Дежина, Р. О. Райнхардт, М. В. Никольская, Г. А. Краснова; под ред. Е. О. Карпинской, Е. А. Солодухиной, С. М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2023. 56 с.
18. Краснова Г. Состояние и перспективы многостороннего научного сотрудничества в рамках БРИКС (23 августа 2023). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sostoyanie-i-perspektivy-mnogostoronnego-nauchnogo-sotrudnichestva-v-ramkakh-briks/> (дата обращения: 23.07.2025).
19. Экспертное обсуждение "Возможности и сдерживающие факторы научно-технического сотрудничества России и стран – членов БРИКС" (22.12.2023). URL: https://mgimo.ru/about/news/departments/nts-brics/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 20.06.2025).
20. BRICS STI Overview (2020). URL: <https://brics-russia2020.ru/images/113/91/1139196.pdf> (дата обращения: 05.06.2025).
21. Бедрединова Л. Как сотрудничают ученые из стран БРИКС (05.12.2017). URL: <https://foresight.hse.ru/news/214118170.html> (дата обращения: 23.07.2025).
22. BRICS Science, Technology and Innovation Cooperation (2017). URL: <https://aistic.gov.in/ASEAN/imrcBRICS> (дата обращения: 30.07.2025).
23. Лапочкина Е.П. Международно-правовое сотрудничество в рамках БРИКС: эволюция, результаты и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 234-240. DOI: 10.17223/15617793/507/26 EDN: HBVKGN.
24. Ануфриева Л.П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12. С. 123-133. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.123-133 EDN: OHNKET.
25. Шинкарецкая Г.Г. О правовом статусе БРИКС // Современное право. 2015. № 10. С. 140-145. EDN: UMTVWZ.
26. Бевеликова Н.М. БРИКС: правовые особенности развития // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 110-123. DOI: 10.12737/12253 EDN: SGRSWF.
27. BRICS STI Framework Programme. URL: <http://brics-sti.org/> (дата обращения: 10.06.2025).
28. Cooperation in Science, Technology, and Innovation. Issue note BRICS 2025. Р. 105-

108.

29. Сорокотяга Я.В. Рамочная программа БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций (06.06.2025). URL: <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2025/06/%D0%A1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%82%D1%8F%D0%B3%D0%B0.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).
30. Квардаков В.В., Сорокотяга Я.В. Рамочная программа БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций. РЦНИ – секретариат Программы // БРИКС: формирование международного научного ландшафта. Сборник материалов, научных трудов и статей, собранных Российской центром научной информации и посвященных вопросам состояния и перспективам развития научных связей в рамках БРИКС. Подготовлен в связи с председательством России в БРИКС. М., 2024. С. 90-98.
31. Matthews D. Inside the BRICS rival to Horizon Europe (19 March 2024). URL: <https://sciencebusiness.net/news/international-news/inside-brics-rival-horizon-europe> (дата обращения: 20.06.2025).
32. Сорокотяга Я.В. Объединяя мир. Рамочной программе БРИКС в сфере НТИ – пять лет (04.05.2021). URL: <https://infobrics.org/ru/post/33277> (дата обращения: 23.06.2025).
33. Kuklina I. On Cooperation in Science, Technology and Innovation within BRICS Interstate Group // Russian Chairmanship 2020. – Moscow, 2021. P. 98-103.
34. Балашова М.В., Бухаева Е.Е., Кукина И.Р. и др. Механизмы поддержки научно-технологического сотрудничества между странами БРИКС: многосторонние конкурсы и сетевая платформа для трансфера знаний и технологий // Инновации. 2016. № 4. С. 47-54. EDN: ZBPYKJ.
35. Делийская декларация, принятая по итогам IV саммита БРИКС (Дели, 29 марта 2012 г.). URL: <https://base.garant.ru/71480296/> (дата обращения: 14.06.2025).
36. First BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial meeting: Cape Town Declaration (2014, February 10). URL: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Kei--p-Taunskaya-deklaratsiya-2014.pdf> (дата обращения: 16.06.2025).
37. Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между Правительствами Федеративной Республики Бразилии, Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Индии, Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Южно-Африканской Республики, принятый по итогам встречи представителей министерств науки, технологий и инноваций БРИКС (Бразилия, г. Бразилиа, 18 марта 2015 г.). URL: <http://government.ru/docs/17313/> (дата обращения: 15.07.2025).
38. Российский фонд фундаментальных исследований представил инициативу по созданию программы многосторонней поддержки проектов научных коллективов из стран БРИКС (16.07.2015). URL: https://www.rfbr.ru/press-center/news_events/41790 (дата обращения: 15.07.2025).
39. Встреча представителей финансирующих науку организаций стран БРИКС (29.01.2016). URL: https://www.rfbr.ru/press-center/news_events/4193/ (дата обращения: 20.07.2025).
40. IV BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting. Jaipur declaration (October 8, 2016, Jaipur, India). URL: <https://in4u.org/brcis-4th-sti-meeting-jaipur-declaration-october-8-2016-india/> (дата обращения: 14.07.2025).
41. Протокол оценки и сопоставления заявок на участие в конкурсном отборе на предоставление субсидий из федерального бюджета от 2 октября 2015 г. Официальный сайт Федеральной целевой программы "Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 гг.". URL: http://www.fcpir.ru/participation_in_program/contests/list_of_contests/6_competitionfinishe

- d/2015-14-585-0002 (дата обращения: 18.07.2025).
42. Russian Ministry of Education and Sciences (MON). BRICS STI Framework Programme. Coordinated call for BRICS multilateral projects. Pilot call 2016. URL: <https://studylib.net/doc/18590862/mon---brics-sti-framework-programme> (дата обращения: 30.07.2025).
43. II BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting. Declaration (18 March, 2015, Brasília, Brazil). URL: <https://www.gov.br/mre/en/contact-us/press-area/press-releases/ii-brics-science-technology-and-innovation-ministerial-meeting-brasilia-18-march-2015-approved-documents> (дата обращения: 23.07.2025).
44. III BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting. Moscow declaration (Moscow, 28 October 2015). URL: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Moskovskaya-deklaratsiya-2015.pdf> (дата обращения: 22.07.2025).
45. Декларация XVII-го саммита БРИКС "Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления" (Рио-де-Жанейро, Бразилия, 6 июля 2025 г.). URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTAkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf> (дата обращения: 22.07.2025).
46. BRICS STI Framework Programme: Coordinated call for BRICS multilateral projects – 2nd BRICS STI FP Call (2017). URL: <http://brics-sti.org/index.php?p=opportunities/2nd+BRICS+Call+2017> (дата обращения: 22.07.2025).
47. III BRICS STI FP Call (2019). URL: <http://brics-sti.org/index.php?p=opportunities/3rd+BRICS+Call+2019> (дата обращения: 23.07.2025).
48. VII BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting. Campinas Declaration (Campinas, Brazil, 20 September 2019), para. 7, 9. URL: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Kampinskaya-deklaratsiya-2019.pdf> (дата обращения: 23.07.2025).
49. BRICS STI FP Call 2020: Response to COVID-19 global pandemic. URL: http://brics-sti.org/files/BRICS_STI_Framework_Programme_Call_2020.pdf (дата обращения: 15.07.2025).
50. Секретариат Совета НТИ БРИКС. Информационный бюллетень о деятельности стран БРИКС в области научно-технического и инновационного сотрудничества во второй половине 2020 года. 49 с. URL: https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Dai--dzhest_BRIKS.pdf (дата обращения: 15.07.2025).
51. Встреча Рабочей группы БРИКС по финансированию науки, технологий и инноваций (27.09.2024). URL: <https://rcsi.science/press-center/news/mezhdunarodnaya-deyatelnost/vstrecha-rabochey-gruppy-briks-po-finansirovaniyu-nauki-tehnologiy-i-innovatsiy/> (дата обращения: 16.07.2025).
52. Annual Meeting of the BRICS Science, Technology and Innovation Funding Working Group 2024 (20.11.2024). URL: <http://brics-sti.org/?p=new/38> (дата обращения: 18.07.2025).
53. Казанская декларация XVI Саммита БРИКС "Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности" от 23 октября 2024 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 18.07.2025).
54. BRICS STI Framework Programme 5th coordinated Call for BRICS multilateral projects 2021. URL: <https://dst.gov.in/sites/default/files/final%20advertisement.pdf> (дата обращения: 18.07.2025).
55. Протокол оценки заявок на участие в отборе на предоставление грантов в области науки в форме субсидий из федерального бюджета на обеспечение проведения научных

- исследований российскими научными организациями и (или) образовательными организациями высшего образования совместно с организациями стран БРИКС в рамках обеспечения реализации программы двух- и многостороннего научно-технологического взаимодействия. URL: https://minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=58397&sphrase_id=4373429 (дата обращения: 18.07.2025).
56. BRICS Launches 6th Call for Multilateral Projects (20.11.2023). URL: https://en.most.gov.cn/pressroom/202311/t20231120_188848.htm (дата обращения: 19.07.2025).
57. BRICS STI Framework Programme 6th coordinated call for BRICS multilateral projects 2023 "Climate Change Adaptation and Mitigation" Call is open until November 1, 2023. 15:00 Moscow Time (UTC+3). URL: http://brics-sti.org/files/BRICS_STI_Framework_Programme_Call_2023.pdf (дата обращения: 19.07.2025).
58. XII BRICS Science, technology and innovation (STI) ministerial meeting. Moscow STI declaration (27 September 2024, Moscow). URL: https://www.gov.br/mcti/pt-br/accompanhe-o-mcti/noticias/2024/09/mcti-exercera-papel-fundamental-na-ampliacao-e-fortalecimento-da-cooperacao-em-c-t-entre-os-10-paises-membros-do-brics/Final_BRICS_Moscow_STI_Declaration__1_.pdf (дата обращения: 26.06.2025).
59. Декларация VIII-го саммита БРИКС (Индия, Гоа, 16 октября 2016 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5139> (дата обращения: 30.06.2025).
60. Сямэнская декларация IX саммита руководителей стран БРИКС (Сямэнь, Китай, 4 сентября 2017 года). URL: <https://health-brics.com/assets/files/syamenskaya-deklaraciya-rukovoditelej-stran-briks.pdf> (дата обращения: 30.07.2025).
61. Московская декларация XII саммита БРИКС (17.11.2020). URL: https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6052/2d9c/6272/697e/b441/0000/original/XII_саммит_БРИКС_-_Московская_декларация_Москва,_Россия__17_ноября_2020 (дата обращения: 24.06.2025).
62. XV BRICS Summit Johannesburg II Declaration BRICS and Africa: Partnership for Mutually Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism Sandton, Gauteng, South Africa (23 August 2023). URL: https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d1f9/6272/6906/a467/0000/original/Jhb-II-Declaration-24-August-2023-1.pdf?1732891129 (дата обращения: 24.06.2025).
63. VIII BRICS Science, Technology and Innovation (STI) Ministerial Meeting via videoconference. BRICS STI Declaration 2020 (13 November 2020, Russian Federation). URL: https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/BRICS-STI-Declaration-2020_adopted.pdf (дата обращения: 25.06.2025).
64. Kubota L.C. BRICS cooperation in science, technology and innovation: progress to be shown // Revista Tempo do Mundo. 2020. № 22. P. 95-109. DOI: 10.38116/rtm22art5 EDN: UAVFXN.
65. Regulation (EU) 2021/695 of the European Parliament and of the Council of 28 April 2021 establishing Horizon Europe – the Framework Programme for Research and Innovation, laying down its rules for participation and dissemination, and repealing Regulations (EU) No 1290/2013 and (EU) No 1291/2013 (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/695/oj/eng> (дата обращения: 26.07.2025).
66. Horizon Europe (HORIZON) Programme Guide. Version 3.0 (April 1, 2023). URL: https://ec.europa.eu/info/funding-tenders/opportunities/docs/2021-2027/horizon/guidance/programme-guide_horizon_en.pdf (дата обращения: 26.07.2025).
67. Лукша О.П., Пильнов Г.Б., Шписбергер М., Яновский А.Э. Новая модель многостороннего российско-европейского научно-технического сотрудничества по схеме ERA-Net // Инновации. 2013. № 5. С. 39-44. EDN: SDJKQN.

68. BRICS STI Framework Programme Bulletin 2024. 121 с. URL: http://brics-sti.org/files/BRICS_bulletin_1_2024.pdf (дата обращения: 26.07.2025).
69. Соколов А.В., Шашанов С.А., Коцемир М.Н. Расширение БРИКС и новые перспективы для научного сотрудничества // БРИКС: формирование международного научного ландшафта. Сборник материалов, научных трудов и статей, собранных Российским центром научной информации и посвященных вопросам состояния и перспективам развития научных связей в рамках БРИКС. Подготовлен в связи с председательством России в БРИКС. – М., 2024. С. 114-139.
70. Sorokotyaga Y. Development of the BRICS STI Framework Programme // BRICS STI Framework Programme Bulletin 2024. Р. 6-13. URL: http://brics-sti.org/files/BRICS_bulletin_1_2024.pdf (дата обращения: 26.07.2025).
71. Информационный бюллетень о деятельности стран БРИКС в области научно-технического и инновационного сотрудничества в первой половине 2022 года. Секретариат совета НТИ БРИКС (Москва, 2022). URL: https://unido.ru/upload/files/b/brics_digest_01_05_2022.pdf (дата обращения: 23.07.2025).
72. РФФИ. Концепция флагманских проектов НТИ БРИКС (29.06.2022). URL: https://www.rfbr.ru/press-center/news_events/4566/ (дата обращения: 23.07.2025).
73. Концепция флагманских проектов НТИ БРИКС (29.06.2022). URL: https://www.rfbr.ru/press-center/news_events/4566/ (дата обращения: 10.07.2025).
74. Пекинская декларация XIV-го саммита БРИКС (23 июня 2022 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 10.07.2025).
75. Ершова А. Флагманские проекты БРИКС: финансирование биомедицины и нейротехнологий (25.06.2024). URL: <https://inscience.news/ru/article/discussion/flagmanskie-proekty-stran-briks-finansirovaniye> (дата обращения: 30.06.2025).
76. Черников С.Ю. Формирование глобальной инновационной инфраструктуры БРИКС // Вестник МИРБИС. 2020. № 3. С. 113-121. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.3.12 EDN: VXWWCQ.
77. Миронова О. А. БРИКС: перспективы расширения и новые горизонты сотрудничества // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2025. № 1. С. 133-142. DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2025.89.1.013 EDN: NUSZXJ.
78. Ямпольская Д.О. Инновационное развитие и кластеры стран БРИКС // Экономические отношения. 2020. № 4. С. 1175-1190. DOI: 10.18334/eo.10.4.110954 EDN: PZQQCI.
79. Соколова О.Ю. Проблемы и перспективы инновационного и научно-технического сотрудничества стран БРИКС // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 3. С. 47-50. EDN: XDFDPD.
80. Лузина Т.В., Дударева Э.А. Анализ инновационного потенциала стран БРИКС, приоритеты сотрудничества // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. № 1. С. 201-204. DOI: 10.26140/ANIE-2019-0801-0043 EDN: ZBIYOT.
81. Сидорова Е.А. Инновационное развитие стран БРИКС, предпосылки и перспективы сотрудничества // Вестник международных организаций. 2018. № 1. С. 34-50. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-02 EDN: YSQBNZ.
82. Леонова Т.Н., Маланичева Н.В. Создание совместной инновационной инфраструктуры стран БРИКС // Вестник университета. 2018. № 2. С. 27-30. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-2-27-30 EDN: YUPHTV.
83. Ленчук Е.Б. Инновационный вектор сотрудничества России со странами БРИКС // Инновации. 2015. № 5. С. 29-35. EDN: UHOXSR.
84. Захарова С.В., Соколова О.Ю. Развитие инновационного потенциала стран БРИКС // Наука и общество. 2015. № 4. С. 20-26. EDN: VCGWLR.

85. Нестеров А.О. Альянс БРИКС как механизм развития инноваций в научно-технической сфере и в мировой политике // Инновации и инвестиции. 2014. № 3. С. 124-127. EDN: WTRSYT.
86. Дагаев А.А. Единение технологий. Интеграция стран БРИКС в мировое технологическое пространство // Креативная экономика. 2010. № 4. С. 9-16. EDN: LKEVCV.
87. The 5th BRICS Science, Technology & Innovation (STI) Ministerial Meeting Hangzhou Declaration Theme: Leading through Innovation & Deepening Cooperation (Hangzhou, China, July 18, 2017). URL: https://www.iri.edu.ar/wp-content/uploads/2017/10/BO_Documentos_BRICS_5th_BRICS_ScienceTechnologyInnovation.pdf (дата обращения: 07.07.2025).
88. VIII BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting via videoconference. BRICS STI Declaration 2020 (13 November 2020, Russian Federation). URL: <https://brics-russia2020.ru/images/113/92/1139201.pdf> (дата обращения: 07.07.2025).
89. BRICS Science, Technology and Innovation (STI) Calendar of Activities 2020–2021. URL: <https://brics-russia2020.ru/images/113/92/1139206.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).
90. Declaration of the 13th BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting (25th of June 2025, Brasilia (Brazil)).
91. РЦНИ представил программу БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций новым странам организации (18.03.2024). URL: <https://rcsi.science/press-center/news/mezhdunarodnaya-deyatelnost/rtsni-predstavil-ramochnyu-programmu-briks/> (дата обращения: 11.07.2025).
92. Страны, приглашенные в БРИКС: перспективные направления научно-технологического сотрудничества с Россией. Аналитический доклад. – Ижевск: ООО "Принт", 2024. 152 с.
93. Press statement by President von der Leyen with Austrian Chancellor Nehammer, Belgian Prime Minister De Croo, Cypriot President Christodoulides, Greek Prime Minister Mitsotakis, Italian Prime Minister Meloni and Egyptian President El-Sisi (March 17, 2024). URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_24_1521 (дата обращения: 11.07.2025).
94. XIV встреча Старших должностных лиц стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций и 12-я встреча министров стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций (02.10.2024). Аналитический центр МНИОП. Новости. URL: <https://mniop.ru/14-ya-vstrecha-starshih-dolzhestnyih-lits-stran-briks-v-oblasti-nauki-tehnologiy-i-innovatsiy-i-12-ya-vstrecha-ministrov-stran-briks-v-oblasti-nauki-tehnologiy-i-innovatsiy.html> (дата обращения: 23.07.2025). "

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования является Рамочная программа БРИКС в области науки, технологий и инноваций (BRICS STI Framework Programme) как ключевой политico-правовой инструмент регулирования и координации многостороннего международного научно-технологического сотрудничества в рамках объединения БРИКС. Автор анализирует программу в контексте международно-правового дискурса, рассматривая ее генезис, институциональную архитектуру, механизмы управления и перспективы развития.

Методология исследования

Методологическая база исследования представлена комплексом общенаучных и частно-научных методов. Основу составляет системный подход, позволивший создать целостное представление о функционировании Рамочной программы. Применены принцип историзма, методы анализа и синтеза, историко-правовой и юридико-догматический методы для анализа политico-правовых документов. Использован сравнительно-правовой метод при сопоставлении программного регулирования в БРИКС и ЕС, а также прогностический метод для оценки перспектив развития. Методология адекватна поставленным задачам и обеспечивает достоверность результатов исследования.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена возрастающим значением многостороннего научно-технологического сотрудничества в рамках БРИКС в условиях современных геополитических вызовов. Расширение объединения БРИКС в 2024 году и необходимость интеграции новых членов в существующие механизмы сотрудничества придают особую значимость анализу программного регулирования. Исследование модели функционирования Рамочной программы позволяет оценить эффективность выбранного подхода и определить перспективы развития научно-технологической кооперации.

Научная новизна

Новизна исследования заключается в проведении системного анализа Рамочной программы БРИКС именно в пространстве международно-правового дискурса. Автор впервые комплексно раскрывает политico-правовое измерение программы, анализируя специфику ее правовых основ в контексте природы БРИКС как неинтеграционного объединения. Новым является сравнительный анализ программного регулирования в БРИКС и ЕС с учетом различной институциональной природы данных объединений. Оригинальным представляется анализ концепции флагманских проектов БРИКС как нового этапа развития программы.

Стиль, структура, содержание

Статья написана научным стилем, характеризуется логичностью изложения и четкой структурой. Работа состоит из введения, трех основных разделов и заключения. Первый раздел посвящен анализу политico-правовых основ программы, второй - результатам ее реализации, третий - концепции флагманских проектов. Структура соответствует поставленным задачам исследования. Содержание отличается глубиной проработки материала, автор демонстрирует владение темой, оперирует обширным фактическим материалом и статистическими данными о реализации программы.

Библиография

Библиографический аппарат исследования включает 94 источника, среди которых научные статьи, аналитические обзоры, официальные документы БРИКС. Представлены работы как российских, так и зарубежных авторов, что обеспечивает объективность анализа. Особую ценность представляют ссылки на официальные декларации саммитов и министерских встреч БРИКС, документы Рамочной программы. Библиография оформлена корректно, все источники релевантны теме исследования.

Апелляция к оппонентам

Автор корректно полемизирует с различными точками зрения, представленными в научной литературе. Особенно интересна дискуссия о целесообразности сравнения

программного регулирования в БРИКС и ЕС, где автор аргументированно обосновывает продуктивность такого сопоставления вопреки мнению И.Г. Дежиной. Автор учитывает критические замечания экспертов относительно недостатков программы, в частности, проблемы двухступенчатой системы подачи заявок и ограниченного финансирования.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы исследования обоснованы и вытекают из проведенного анализа. Автор убедительно показывает, что Рамочная программа стала эффективным инструментом институционализации многостороннего научно-технологического сотрудничества в БРИКС, несмотря на отсутствие международно-договорной основы. Выявлены как достижения программы (поддержка более 150 проектов, вовлечение тысяч исследователей), так и ее недостатки (низкий процент поддержанных заявок, сложности координации).

Статья представляет интерес для широкого круга специалистов: юристов-международников, исследователей БРИКС, специалистов в области научно-технической политики, представителей научных фондов и организаций. Работа может быть полезна при разработке механизмов международного научного сотрудничества и совершенствовании существующих программ.

Заключение: Статья представляет собой качественное научное исследование, вносящее существенный вклад в понимание механизмов многостороннего научно-технологического сотрудничества в рамках БРИКС. Работа рекомендуется к публикации в журнале "Международное право".

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Кабанова О.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в условиях трансформации международного правопорядка // Международное право. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.74577 EDN: NFSIGB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74577

Государственный суверенитет Российской Федерации в условиях трансформации международного правопорядка

Кабанова Оксана Викторовна

кандидат юридических наук

доцент; Юридический институт; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

600026, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, д. 87

✉ oxana.v.kabanova@gmail.com

[Статья из рубрики "Теория и философия международного права"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.3.74577

EDN:

NFSIGB

Дата направления статьи в редакцию:

23-05-2025

Дата публикации:

09-08-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования выступает государственный суверенитет Российской Федерации в его современном конституционно-правовом и международно-правовом измерении, а также механизмы его защиты и реализации в условиях глобализации, транснационального давления, санкционных ограничений и цифровой трансформации. В фокусе исследования находятся правовые основания и механизмы практической реализации политической, экономической, информационной и кибернетической независимости Российской Федерации как ключевых составляющих государственного суверенитета. Особое внимание уделяется оценке нормативно-правовых инструментов, направленных на обеспечение устойчивости внутренней системы управления и защиты от внешнего давления. Кроме того, анализируется участие России в международных договорах, организациях и институциональных

правовых режимах, включая правовые последствия интеграции в межгосударственные объединения, а также пределы допустимого взаимодействия с наднациональными структурами с точки зрения сохранения суверенного статуса государства. Исследуются пределы допустимой интеграции в международную систему с позиции сохранения суверенитета, правовая природа избирательного подхода к международным обязательствам, а также внутренняя доктрина приоритета национальных интересов над наднациональными нормами и институтами. В исследовании применяются комплексный и междисциплинарный подходы, включающие методы сравнительного правоведения, формально-юридического анализа, системного анализа нормативных правовых актов, а также политico-правового моделирования современных механизмов защиты государственного суверенитета. Научная новизна настоящего исследования заключается в комплексной правовой оценке суверенитета Российской Федерации сквозь призму современных глобальных вызовов, включая geopolитическую нестабильность, санкционное давление, транснациональное вмешательство и технологические риски цифровой эпохи. Суверенитет рассматривается не только как конституционно закрепленная категория, но и как динамическое явление, реализуемое через политическую, экономическую, информационную и кибернетическую независимость государства. Впервые в научном обороте системно обоснована концепция «избирательного суверенитета» как модели селективного участия Российской Федерации в международных обязательствах при сохранении верховенства Конституции. Сделан вывод о трансформации традиционных подходов к взаимодействию с международными институтами и правовыми режимами в пользу прагматической внешнеполитической доктрины. Подчёркнута необходимость разработки механизмов правовой адаптации к новым реалиям, включая усиление национальных регуляторов в цифровой, валютной и информационной сферах, развитие публичной дипломатии и нормативное закрепление технологической самодостаточности как элемента устойчивого суверенитета.

Ключевые слова:

государственный суверенитет, конституционное право, международное право, избирательный суверенитет, цифровая безопасность, санкции, информационный суверенитет, правовая интеграция, внешнеполитическая стратегия, технологическая независимость

Актуальность темы исследования обусловлена рядом существенных факторов, среди которых ключевое место занимает возрастающая взаимозависимость современного мира. Глобальные вызовы — изменение климата, международный терроризм, миграционные потоки, экономическая нестабильность — требуют координированных усилий международного сообщества. Существенное число международных организаций сосредоточено на обеспечении прав человека, развитии социальной политики, образовании, экономике и культуре. Анализ взаимодействия Российской Федерации с такими организациями позволяет выявить влияние международных стандартов на формирование государственной политики, одновременно подчеркивая необходимость соблюдения принципа государственного суверенитета как основополагающего условия внешнеполитического и внутригосударственного курса.

Проблематика государственного суверенитета занимает устойчивое место в научной повестке отечественной и зарубежной юридической мысли. Вопросы природы и

правового содержания суверенитета, его реализации и ограничения исследовались такими видными учеными, как В. Е. Чиркин, И. И. Лукашук, А. В. Малько, С. Ю. Кашкин, А. Я. Капустин, а также представителями международной доктрины — Г. Кельзеном, Дж. Кроуфордом, М. Коскениеми. В трудах названных авторов сформированы концептуальные основания понимания суверенитета как политico-правовой категории, выражающей способность государства осуществлять верховную власть на своей территории и во внешнеполитических отношениях. Суверенитет традиционно рассматривался в контексте соотношения международного и внутригосударственного права, обеспечения территориальной целостности и исключения иностранного вмешательства. Несмотря на обширную теоретическую проработку, многие подходы к понятию и механизмам реализации государственного суверенитета требуют переосмыслиния в условиях современных вызовов.

В последние годы международный правопорядок переживает этап существенных изменений, сопровождающихся ослаблением универсальных правовых принципов и усилением геополитической напряженности. В сложившихся условиях проблемы государственного суверенитета приобретают новое содержание, сопряженное с необходимостью защиты цифрового пространства, обеспечения экономической самодостаточности и устойчивости политической системы. Это обуславливает актуальность переосмыслиния традиционных правовых конструкций и требует разработки обновленной доктрины, отражающей реалии современных международных отношений — включая санкционное давление, изменение конфигурации международных обязательств и диверсификацию внешнеполитических ориентиров. Представленная статья предлагает целостное осмысление феномена государственного суверенитета Российской Федерации как многоаспектного и динамичного явления, формирующегося на пересечении правовых, институциональных и внешнеполитических факторов в контексте эволюции мирового порядка.

Вопрос сохранения суверенитета Российской Федерации выступает ключевым в контексте любых международных взаимодействий. В этой связи исследование механизмов взаимодействия государственных органов РФ с международными организациями представляется актуальным, поскольку способствует комплексному осмыслению внутренних и внешнеполитических факторов, определяющих развитие страны в условиях современных геополитических трансформаций.

Методологическую основу настоящего исследования составляет совокупность общенаучных и специальных методов, позволяющих обеспечить комплексный анализ феномена государственного суверенитета в условиях трансформации международного правопорядка. Прежде всего, в статье использован формально-юридический метод, применяемый для изучения содержания нормативных правовых актов Российской Федерации, международных договоров и конституционных положений, определяющих параметры взаимодействия национального и международного права. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить правовые позиции, закрепленные в российском законодательстве, с подходами, реализуемыми в международной практике, что особенно актуально в условиях выхода Российской Федерации из отдельных международных организаций и переосмыслиния направлений внешнеполитической и правовой стратегии. Системный подход применялся при структурировании многоаспектной природы суверенитета как категории, охватывающей политическое управление, правовую автономию, экономическую независимость и информационную безопасность. Использование метода контент-анализа в работе осуществлялось при исследовании официальных стратегических документов, включая Концепцию внешней политики

Российской Федерации 2023 года, федеральные законы и указы Президента РФ, направленные на институционализацию принципа суверенитета в различных сферах государственной деятельности. Выбор методологического подхода продиктован междисциплинарным характером темы, затрагивающей нормы конституционного, международного, административного и информационного права в их связи с вопросами национальной безопасности. Применение такого подхода позволило всесторонне проанализировать правовое регулирование государственного суверенитета и сделать обоснованные выводы о его изменении в современных геополитических условиях.

Конституция Российской Федерации 1993 года выступает базовым источником регулирования суверенитета и организационных принципов государственной власти. В преамбуле и нормах Основного закона закреплены фундаментальные положения, определяющие Россию как суверенное, независимое государство, обладающее полнотой власти на всей своей территории.

Суверенитет Российской Федерации реализуется через установление верховенства государственной власти, самостоятельности во внешнеполитических решениях и единства правового пространства. Так, статья 1 Конституции прямо провозглашает Российскую Федерацию суверенным государством, способным самостоятельно решать вопросы внутреннего и внешнего характера. В статье 4 закреплены два ключевых аспекта суверенитета: верховенство Конституции и федеральных законов на всей территории страны, а также целостность государственной власти, исключающая возможность сепаратизма при сохранении разграничения полномочий между Федерацией и ее субъектами (статья 5).

Принцип народного суверенитета, закрепленный в статье 3, реализуется посредством институтов демократии — выборов, референдумов, органов местного самоуправления, что отражает связь между народом как источником власти и системой ее реализации.

Принцип народного суверенитета в современной Российской Федерации представляет собой не только конституционно закреплённый источник власти, но и ключевое условие легитимации внешнеполитического курса, ориентированного на автономию и защиту национальных интересов. В условиях санкционного давления и нарастающей информационной нестабильности особую значимость приобретает обеспечение эффективного участия граждан в выработке стратегических решений, формировании приоритетов государственной политики и укреплении правового единства. Отсутствие практической реализации этого принципа ставит под угрозу устойчивость и воспроизводимость государственного суверенитета как целостной системы.

При этом Конституция допускает участие Российской Федерации в международных договорах, однако статья 15 устанавливает пределы их действия: международные обязательства не должны противоречить положениям Основного закона. До 2022 года приоритет решений Европейского суда по правам человека над национальными актами рассматривался как часть международных обязательств РФ. Однако с выходом Российской Федерации из Совета Европы и последующим принятием Федерального закона от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» практика была существенно пересмотрена.

Поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, существенно усилили акцент на защите государственного суверенитета. В новой редакции статьи 67 прямо закреплено, что «Российская Федерация обеспечивает защиту своего

суверенитета и территориальной целостности», а любые действия, направленные на отчуждение части территории Российской Федерации (за исключением установленных международных процедур делимитации, демаркации и редемаркации границ), а равно призывы к ним, признаются недопустимыми. Эти положения свидетельствуют об адаптации Основного закона к изменившимся международным и внутренним условиям, включая санкционное давление и усиление геополитической нестабильности.

Участие Российской Федерации в международной системе основывается на сложном взаимодействии между национальными интересами и международными обязательствами. Согласно статье 15 Конституции, международные договоры Российской Федерации обладают приоритетом в случае их соответствия нормам национального законодательства. На практике это означает, что, например, соглашения в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) или Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) могут дополнять российскую правовую систему, но не отменять ее приоритета.

Геополитические изменения, последовавшие после 2014 и в особенности 2022 года, привели к усилению акцента на национальных правовых механизмах — в частности, после выхода из Совета Европы и денонсации Европейской конвенции по правам человека. Законодательные изменения, включая Федеральный закон от 4 июня 2018 года № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», предоставили Правительству Российской Федерации полномочия на введение ответных мер с целью защиты национальных интересов, включая стратегически важные отрасли экономики.

Современные вызовы суверенитету проявляются и в области цифровой безопасности. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает требование о локализации персональных данных российских граждан на территории страны. Дополнительно, в 2023 году были введены ограничения на использование зарубежных информационных технологий в государственном секторе (Указ Президента Российской Федерации от 30 марта 2022 года № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»). Эти меры направлены на минимизацию рисков внешнего вмешательства в ключевые сферы государственного управления.

Диверсификация внешнеполитических связей за пределами западных институтов представляет собой приоритетную задачу современной внешней политики России. Участие в объединениях типа БРИКС, ШОС и ЕАЭС позволяет укреплять международные связи и снижать зависимость от западных механизмов регулирования. Показательным примером служит соглашение о взаимном признании виз, заключенное в рамках ШОС в 2023 году, а также активное внедрение механизмов расчетов в национальных валютах, способствующее снижению зависимости от доллара во внешнеэкономических операциях.

В юридической науке продолжаются дискуссии о допустимых пределах интеграции в международную систему. Так, А. В. Малько полагает, что избирательное участие Российской Федерации в международных договорах необходимо для защиты национальных интересов [1, с. 10]. В то же время В. Е. Чиркин предупреждает о рисках изоляции и потери влияния в международных делах [2, с. 8]. Эти полярные позиции указывают на необходимость выработки сбалансированной правовой доктрины, сочетающей сохранение суверенитета с рациональным участием в глобальных институтах.

Современные условия глобальной нестабильности и санкционного давления обуславливают необходимость переосмысления традиционных подходов к обеспечению государственного суверенитета. На наш взгляд, перспективы укрепления суверенитета Российской Федерации связаны, прежде всего, с формированием альтернативных международных платформ и архитектур, не зависящих от западноцентрических институтов. К числу таких направлений следует отнести углубление евразийской интеграции, развитие национальной финансовой системы (в частности, переход к расчетам в национальных валютах с партнерами, такими как Индия), а также укрепление роли Организации Объединенных Наций как универсального инструмента обеспечения многостороннего диалога.

Несмотря на критику процессов глобализации, Российская Федерация продолжает активно участвовать в международных соглашениях, направленных на укрепление ее внешнеэкономических и политических позиций. Среди таких соглашений следует выделить:

- *Распоряжение Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 1186-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о расчетах и платежах», предусматривающее реализацию совместных проектов в энергетической и инфраструктурной сферах, способствующих снижению зависимости от западных технологий и платежных систем;*
- *Договор о коллективной безопасности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, направленный на укрепление региональной стабильности и безопасности, что стало особенно актуальным в посткризисный период после 2022 года;*
- *Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Исламской Республикой Иран, ориентированное на снижение влияния санкционных барьеров посредством использования бартерных схем и альтернативных платежных механизмов.*

Одним из важнейших направлений защиты экономического суверенитета выступает политика дедолларизации. Принятые в этом направлении нормативные правовые акты включают:

- *Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 года № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации», предусматривающий ограничение использования иностранной валюты, в частности доллара США, в расчетах с недружественными государствами;*
- *Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 года № 506 допускающее оборот отдельных категорий товаров без разрешения правообладателя в условиях санкционного режима, тем самым компенсируя дефицит продукции и обеспечивая функционирование ключевых секторов экономики.*

Поправки к Конституции Российской Федерации, принятые в 2020 году, закрешили правовой запрет на передачу суверенных полномочий наднациональным органам. Это положение отразилось, в частности, в положениях статьи 79, предусматривающей невозможность участия Российской Федерации в международных объединениях, противоречащих основам ее конституционного строя.

Дальнейшее развитие этой доктрины нашло отражение в:

- Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», который внес значительные изменения в конституционную структуру органов публичной власти, в том числе в аспектах международного взаимодействия;
- приоритете национального законодательства в вопросах, затрагивающих государственную безопасность, что выразилось, например, в блокировке деятельности отдельных иностранных интернет-платформ за несоблюдение требований российского законодательства.

Современная правовая наука предлагает широкий спектр взглядов на проблему реализации государственного суверенитета в условиях трансформации международного правопорядка. Наряду с концепцией усиления внутреннего правового контроля, основанной на приоритете Конституции и отказе от навязываемых международных обязательств, все более активно высказываются позиции, подчеркивающие необходимость баланса между правовой автономией и включенностью государства в международную правовую среду. В рамках такой сбалансированной модели суверенитет рассматривается не как изоляция, а как способность государства самостоятельно определять границы взаимодействия с внешними институтами, исходя из национальных интересов [\[3\]](#).

Сторонники традиционного понимания суверенитета делают акцент на недопустимости внешнего вмешательства в национальные дела, особенно в вопросах государственной безопасности, ценностей, территориальной целостности и политического устройства [\[4\]](#). При этом указывается, что международное право, будучи договорным по своей природе, не может ограничивать волеизъявление суверенного государства, если это противоречит его основополагающим конституционным принципам. Данный подход особенно актуализировался после 2022 года, когда в международных отношениях усилились односторонние меры давления, включая санкционные и политico-правовые инструменты [\[5\]](#).

Вместе с тем ряд исследователей обращает внимание на то, что полная правовая замкнутость государства может привести к снижению его способности адаптироваться к глобальным вызовам. В условиях технологической взаимозависимости, трансграничного оборота информации, угроз в киберсфере и климатической нестабильности эффективная реализация суверенитета требует не отказа от международного сотрудничества, а выстраивания гибкой модели взаимодействия [\[6\]](#). Такая модель предполагает участие в выработке универсальных правил, которые учитывают национальную специфику, но при этом позволяют координировать действия на глобальном уровне.

Современное понимание суверенитета включает не только территориальный, но и нетерриториальные аспекты — экономическую, информационную и технологическую независимость государства. Подчеркивается, что подобные объединения не посягают на национальный суверенитет, а напротив — позволяют его реализовать в новом формате, основанном на принципах равенства, невмешательства и консенсуса. Формирование механизмов расчетов в национальных валютах, укрепление сотрудничества в сфере цифрового и технологического суверенитета, совместные инициативы по реформированию глобальных институтов — все это свидетельствует о поиске государствами баланса между внутренней автономией и внешней включенностью [\[7\]](#).

Таким образом, современное осмысление государственного суверенитета выходит за рамки бинарной логики «изоляция или подчинение» и требует перехода к более сложной, многомерной правовой модели. В этой модели суверенитет сохраняет свое значение как основа внутренней стабильности и внешней независимости, но одновременно становится инструментом гибкого, избирательного участия в международных процессах. Такая концепция открывает возможности для развития международного диалога на основе взаимного уважения правовых позиций, а не их унификации, что особенно важно в условиях формирования многополярного мира.

Реализация принципа суверенитета в современных условиях сопряжена с множеством вызовов, включая внутренние правовые противоречия и внешние ограничения международного характера. Эти обстоятельства требуют многоуровневого анализа и комплексного подхода к выработке механизмов правовой защиты национальных интересов.

1. Внутренние ограничения. Одной из наиболее острых проблем является необходимость соблюдения баланса между государственным суверенитетом и гарантированными Конституцией правами и свободами человека и гражданина (статьи 17–24). В частности, положения Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» ограничивают возможность сбора и обработки информации, что может затруднять реализацию мероприятий по противодействию терроризму и коррупции.

2. Внешние вызовы. Участие Российской Федерации в международных договорах предполагает принятие на себя обязательств, которые в ряде случаев могут ограничивать действия государства в области экономической и правовой политики. С момента вступления в ВТО в 2012 году Россия была вынуждена скорректировать национальное регулирование в сторону соответствия международным торговым стандартам, что ограничило возможности защиты внутреннего рынка посредством протекционистских механизмов. После 2022 года санкционное давление, оказываемое западными странами, значительно ограничило доступ России к глобальным финансовым и технологическим рынкам, что привело к необходимости институционализации политики экономического суверенитета, включая развитие внутренней банковской системы, импортозамещение и валютные ограничения (Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81).

Международно-правовой вектор развития суверенитета Российской Федерации в настоящее время характеризуется переходом от универсалистской модели глобальной интеграции к модели избирательного партнерства [8]. Приоритет отдается защите национальных интересов через механизмы евразийской интеграции, укрепление законодательной базы, политику дедолларизации и технологической независимости. Вместе с тем данный подход сопряжен с новыми рисками, включая технологическую изоляцию, снижение инвестиционной привлекательности и ограниченность доступа к передовым технологиям. В этих условиях требуется выстраивание сбалансированной правовой стратегии, ориентированной на обеспечение как суверенитета, так и конструктивного международного диалога.

Политическая независимость представляет собой неотъемлемый элемент государственного суверенитета, выражаящий способность государства самостоятельно формировать и реализовывать внутреннюю и внешнюю политику без вмешательства со стороны иных субъектов международных отношений. Для Российской Федерации данный аспект имеет принципиальное значение как в системе государственного устройства, так и в международной практике.

Современная мировая система развивается в условиях углубляющейся глобализации, расширения транснационального влияния, технологической взаимозависимости и возрастающей геополитической напряженности. В этих условиях сохранение и укрепление политической независимости требует не только соответствующего конституционно-правового оформления, но и постоянной институциональной и практической реализации.

Политическая независимость Российской Федерации реализуется, прежде всего, через деятельность высших органов государственной власти. Президент Российской Федерации, как глава государства и гарант Конституции (статья 80 Конституции РФ), осуществляет стратегическое руководство внутренней и внешней политикой, определяя вектор государственного развития. Федеральное Собрание, Правительство Российской Федерации, а также органы исполнительной власти субъектов РФ действуют в рамках закрепленного суверенитета, принимая управленческие решения в интересах государства и общества.

Ключевым институтом, обеспечивающим легитимность и устойчивость политического суверенитета, выступает система народного волеизъявления. Выборы в органы государственной власти и местного самоуправления представляют собой форму прямой демократии, через которую граждане реализуют свое право на участие в управлении государственными делами (статья 3 Конституции РФ). Независимость избирательной системы, прозрачность выборных процедур, защита от фальсификаций и внешнего вмешательства являются необходимыми условиями для укрепления доверия к политическим институтам и обеспечения легитимности принимаемых решений.

Внешнеполитический курс Российской Федерации основан на принципах суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела и уважения национальных интересов. Россия последовательно выступает за формирование многополярного мира, выступая против доминирования отдельных государств или военно-политических альянсов. Важным программным документом в этом контексте стала *Концепция внешней политики Российской Федерации*, утвержденная в 2023 году, в которой особое внимание уделяется защите государственного суверенитета, традиционных ценностей, культурной идентичности и исторической памяти.

Транснациональное давление, принимающее формы информационного, образовательного и цифрового воздействия, требует разработки эффективных правовых механизмов реагирования. Российское законодательство включает комплекс мер, направленных на регулирование деятельности иностранных агентов, пресечение трансграничного финансирования политической активности, защиту государственной тайны и обеспечение информационной безопасности. В числе значимых актов можно выделить:

- Федеральный закон от 20 июля 2012 года № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента»;
- Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», содержащий положения, ограничивающие иностранное влияние на должностных лиц;
- нормативные акты, регулирующие оборот цифровых данных и деятельность иностранных ИТ-компаний на территории РФ.

Важнейшей гарантией политической независимости является система национальной безопасности, формируемая посредством деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, органов государственной безопасности, прокуратуры, МВД и иных институтов силового блока. Механизмы обеспечения безопасности включают как нормативно-правовые (Федеральный закон «О безопасности», «О противодействии экстремистской деятельности», Указы Президента в сфере стратегического планирования), так и организационные меры, направленные на защиту конституционного строя, территориальной целостности, правопорядка и устойчивости государственной власти.

Значимый вклад в обеспечение политического суверенитета вносит институционально оформленная децентрализация государственного управления. Речь идет не о передаче ключевых функций от центра регионам, а о рациональном распределении компетенций между уровнями публичной власти при сохранении вертикали управления. Такой подход позволяет эффективно учитывать региональную специфику и обеспечивает устойчивость политической системы в условиях многонационального федеративного государства.

Существенное значение для юридического закрепления политической самостоятельности имела конституционная реформа 2020 года. Конституционная реформа, осуществленная на основании Закона Российской Федерации о поправке к Конституции от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, закрепила верховенство Конституции Российской Федерации над международными договорами в случае их противоречия Основному закону, а также установила конституционный запрет на передачу полномочий наднациональным структурам (статья 79 Конституции РФ), тем самым нормативно зафиксировав принцип невмешательства внешних институтов в дела государства.

Таким образом, политическая независимость Российской Федерации реализуется через комплекс правовых, институциональных и внешнеполитических механизмов, направленных на защиту суверенитета, обеспечение легитимности власти и устойчивость государственного устройства. Особую роль играют:

- укрепление президентской вертикали и независимой законодательной власти;
- развитие механизмов народного волеизъявления и избирательной системы;
- нормативное и организационное противодействие иностранному вмешательству;
- институциональное обеспечение национальной безопасности;
- проведение внешней политики, основанной на принципах многополярности и суверенного равенства.

Комплексность этих подходов формирует прочную основу для развития устойчивого и независимого политического режима в условиях внешнего давления и глобальной турбулентности.

Экономическая и финансовая независимость представляют собой важнейшие компоненты государственного суверенитета, без которых невозможно устойчивое развитие, обеспечение национальной безопасности и эффективное функционирование ключевых институтов общества. В условиях современных вызовов — санкционного давления, нестабильности мировых рынков и трансформации глобальной экономической архитектуры — данные элементы приобретают стратегическое значение для Российской Федерации.

Экономическая независимость предполагает способность государства самостоятельно формировать и реализовывать экономическую политику, эффективно регулировать внутренние рынки, обеспечивать продовольственную, промышленную и технологическую безопасность. Финансовая независимость, в свою очередь, выражается в контроле над национальной валютой, денежно-кредитной системой, бюджетной и налоговой политикой, а также в минимизации зависимости от внешних источников финансирования [9].

Ключевым направлением в обеспечении экономического суверенитета Российской Федерации выступает политика импортозамещения. В условиях санкций, введенных после 2014 года, российские власти активизировали политику стимулирования внутреннего производства, особенно в стратегически значимых секторах, таких как аграрный комплекс, промышленность, фармацевтическое производство и цифровые технологии. Реализуемые меры ориентированы на укрепление технологической независимости и сокращение внешней зависимости.

Отдельного внимания заслуживает энергетическая независимость. Россия располагает одними из крупнейших в мире запасов нефти, природного газа, угля и урана, что позволяет не только удовлетворять внутренние потребности, но и формировать устойчивые экспортные потоки, играющие ключевую роль в формировании доходной части федерального бюджета. Энергетический сектор традиционно выступает основой внешнеэкономической активности и важным ресурсом для реализации масштабных инфраструктурных и социальных программ.

Финансовая независимость Российской Федерации обеспечивается через систему национальных финансовых институтов, включая Центральный банк РФ, национальную платежную систему «Мир», резервные фонды и механизмы бюджетного регулирования. Важным направлением последних лет стало проведение политики дедолларизации — постепенного снижения доли иностранной валюты в международных расчетах и перехода на использование рубля и валют дружественных государств [10, с. 289].

Центральный банк Российской Федерации реализует независимую денежно-кредитную политику, направленную на обеспечение устойчивости национальной валюты, сдерживание инфляции и повышение инвестиционной привлекательности. Развитие фондового рынка, сокращение зависимости от внешних кредитных ресурсов, поддержка национальных институтов инвестирования также являются средствами укрепления финансового суверенитета.

В условиях цифровой трансформации государство активно развивает инструменты цифрового управления экономикой. Внедрение механизма цифрового рубля, развитие национальных платежных платформ, усиление контроля над трансграничными транзакциями и реализация программ поддержки малого и среднего бизнеса на цифровых платформах способствуют модернизации финансовой инфраструктуры и ее адаптации к новым условиям.

Экономическая модель Российской Федерации демонстрирует способность к адаптации в условиях санкционного давления. Ответом на внешние ограничения стали диверсификация внешнеэкономических связей, развитие логистических коридоров вне зоны контроля недружественных государств, а также углубление экономического сотрудничества с государствами Азии, Африки и Латинской Америки. Это позволило в значительной мере компенсировать негативные последствия санкционной политики [11].

В XXI веке неотъемлемой частью государственного суверенитета становится информационный суверенитет и кибербезопасность. В условиях цифровизации, глобальной взаимосвязанности информационных потоков и роста угроз в киберпространстве защита национального информационного пространства приобретает приоритетное значение.

Информационный суверенитет подразумевает способность государства самостоятельно регулировать потоки информации, контролировать хранение и распространение данных, формировать политику в сфере информационной безопасности. Он также включает обеспечение устойчивости цифровой инфраструктуры, защиту граждан от манипуляций, деструктивного контента и киберугроз, направленных на подрыв общественной стабильности и государственной целостности.

Одной из ключевых угроз информационному суверенитету является трансграничное цифровое влияние, реализуемое через глобальные платформы — социальные сети, видеохостинги, мессенджеры. Указанные ресурсы могут использоваться для политического давления, распространения дезинформации, вмешательства во внутренние дела государства.

Экономическая, финансовая и информационная независимость Российской Федерации являются фундаментальными элементами современного понимания государственного суверенитета. Их развитие обеспечивается через стратегическое планирование, институциональное укрепление ключевых отраслей, цифровую трансформацию и реализацию политики технологической и валютной самодостаточности. Сформированная модель устойчивого развития позволяет государству эффективно противостоять внешнему давлению и выстраивать независимую траекторию движения в глобальной экономической и информационной системах.

В условиях цифровой трансформации кибербезопасность становится одним из ключевых направлений обеспечения национальной безопасности и реализации информационного суверенитета. Она охватывает комплекс организационно-технических, правовых и кадровых мер, направленных на защиту критически важной информационной инфраструктуры, государственных и корпоративных информационных систем от несанкционированного доступа, кибератак, вредоносного программного обеспечения и иных угроз.

В последние годы наблюдается устойчивая тенденция к росту числа попыток вмешательства в цифровую инфраструктуру Российской Федерации. В ответ на эти вызовы государство формирует собственную систему обнаружения, предотвращения и реагирования на компьютерные инциденты. Одним из центральных элементов этой системы является *Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам*, который координирует действия государственных и частных структур по обеспечению кибербезопасности [\[12\]](#).

Значительным шагом на пути укрепления киберсуверенитета стало развитие отечественного программного обеспечения, национальных операционных систем, а также реализация проектов по созданию собственных аппаратных и телекоммуникационных решений. Существенное внимание уделяется развитию интернет-инфраструктуры с целью обеспечения автономности российского сегмента сети (Рунета) и устойчивости цифровых коммуникаций в условиях потенциальной блокировки со стороны глобальных провайдеров.

Наряду с техническими решениями и нормативным регулированием, важной составляющей информационной безопасности является повышение цифровой грамотности населения. Осведомленный и критически мыслящий гражданин становится частью устойчивого цифрового пространства. В этой связи реализуются программы кибергигиены, цифровой безопасности для детей и подростков, входящие в национальную стратегию обеспечения информационной независимости.

Российская Федерация активно выступает за формирование универсальных международно-правовых норм, регулирующих поведение государств в цифровой среде. На площадках ООН, БРИКС и иных международных форматов Россия последовательно отстаивает идеи недопустимости милитаризации киберпространства, необходимости уважения цифрового суверенитета государств и прав граждан в информационной сфере [\[13\]](#).

Для эффективного преодоления современных вызовов и обеспечения устойчивости государственного суверенитета Российской Федерации требуется реализация сбалансированной и адаптивной внешнеполитической и экономической стратегии. В данном контексте приоритетными представляются следующие направления:

1. Диверсификация партнерств, предполагающая укрепление устойчивых внешнеэкономических и политических связей со странами Азии, Африки и Латинской Америки, менее подверженными санкционному давлению и политической конъюнктуре.
2. Инновационная модернизация, включающая интеграцию в глобальные цепочки добавленной стоимости за счет внедрения передовых цифровых технологий, локализации высокотехнологичных производств и продвижения отечественных разработок на международных рынках.
3. Правовая гармонизация, ориентированная на сближение норм национального законодательства с международными стандартами в таких ключевых сферах, как внешняя торговля, экологическая политика и кибербезопасность, при сохранении приоритета Конституции Российской Федерации и соблюдении принципов национального суверенитета.
4. Публичная дипломатия, направленная на активизацию внешнеполитических коммуникаций, формирование объективного международного имиджа России и продвижение ее гуманитарных, научных и правовых инициатив в рамках многостороннего взаимодействия.

Таким образом, информационный суверенитет и кибербезопасность в данном контексте выступают важнейшими элементами комплексной системы защиты суверенитета государства. Их обеспечение требует согласованных усилий по развитию отечественных технологий, подготовке квалифицированных кадров, совершенствованию нормативно-правовой базы и расширению международного сотрудничества.

В условиях глобальной нестабильности многосторонние международные платформы сохраняют свою значимость как эффективный инструмент реализации внешнеполитических интересов Российской Федерации. Несмотря на существующие противоречия и конфликты, именно формат открытого, равноправного диалога предоставляет возможность снижения международной напряженности, выработки сбалансированных решений и консолидации усилий в ответ на транснациональные угрозы.

Будущее успешное позиционирование России на мировой арене будет зависеть от способности сочетать прагматичный экономический подход, стратегическую решимость в вопросах национальной безопасности и открытую гуманитарную повестку. При этом ключевым фактором укрепления доверия к Российской Федерации как к надежному и предсказуемому участнику международных отношений остается сохранение стратегической самостоятельности, подкрепленной внутренними институциональными реформами и модернизацией.

Библиография

1. Малько А. В. Конституционное право России в вопросах и ответах: учебное пособие. М.: Издательство, 2003. 249 с.
2. Чиркин В. Е. Наднациональное право и государственный суверенитет (некоторые проблемы теории): учебник. М.: Издательство, 2024. 40 с.
3. Пяткин В. Н. Концепция государственного суверенитета в современный период // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 1. С. 23-32. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-1-23-32. EDN: IPGTZA.
4. Сальников В. П., Масленников Д. В., Захарцев С. И., Морозов А. И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149-162. EDN: IVGYZY.
5. Варламова Н. В. Государство как правопорядок и правопорядок без государства // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 2. С. 89-114. EDN: VQGPGP.
6. Роменский В. В. Цифровизация как угроза государственному суверенитету // Современный ученый. 2023. № 3. С. 340-343. EDN: UKZBBL.
7. Гуласарян А. С. Государство и международные организации: переосмысление концепции суверенитета // Государство и право. 2019. № 8. С. 101-107. DOI: 10.31857/S013207690006249-5. EDN: JLSEBQ.
8. Пяткин В. Н. Концепция государственного суверенитета в современный период // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 1. С. 23-32. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-1-23-32. EDN: IPGTZA.
9. Уланова О. И. Теоретические аспекты и роль экономической безопасности на региональном уровне // Проблемы и основные направления повышения эффективности функционирования АПК региона в условиях глобализации и импортозамещения: монография / под общей редакцией О. А. Столяровой, Р. Р. Юняевой. Пенза: Издательство, 2023. С. 232-251. EDN: PYTSDJ.
10. Эриашвили Н. Д. Суверенитет Российской Федерации как неотъемлемый элемент федеративного устройства Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 289-294. DOI: 10.24412/2312-0444-2024-1-289-294. EDN: ZSTLKJ.
11. Бекренев Ю. В., Щербакова А. А., Лобода А. А. Трансформация экономики России в условиях санкционной войны и проведения СВО // Теоретическая экономика. 2023. № 10. С. 24-35. EDN: THXWTR.
12. Фомин А. В. Особенности работы системы управления инцидентами и взаимодействия с НКЦКИ // Вестник науки. 2023. Т. 2. № 5. С. 433-436. EDN: YWJPAY.
13. Зиновьева Е. С. Кибердипломатия в условиях обострения великодержавной конкуренции // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17. № 4. С. 27-47. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-ol5. EDN: GIYDBT.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, государственный суверенитет Российской Федерации в условиях трансформации международного правопорядка. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомнена и обосновывается им следующим образом: "Актуальность темы исследования обусловлена рядом существенных факторов, среди которых ключевое место занимает возрастающая взаимозависимость современного мира. Глобальные вызовы — изменение климата, международный терроризм, миграционные потоки, экономическая нестабильность — требуют координированных усилий международного сообщества. Существенное число международных организаций сосредоточено на обеспечении прав человека, развитии социальной политики, образовании, экономике и культуре. Анализ взаимодействия Российской Федерации с такими организациями позволяет выявить влияние международных стандартов на формирование государственной политики, одновременно подчеркивая необходимость соблюдения принципа государственного суверенитета как основополагающего условия внешнеполитического и внутригосударственного курса. Вопрос сохранения суверенитета Российской Федерации выступает ключевым в контексте любых международных взаимодействий. В этой связи исследование механизмов взаимодействия государственных органов РФ с международными организациями представляется актуальным, поскольку способствует комплексному осмыслинию внутренних и внешнеполитических факторов, определяющих развитие страны в условиях современных геополитических трансформаций". Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Современные условия глобальной нестабильности и санкционного давления обуславливают необходимость переосмыслиния традиционных подходов к обеспечению государственного суверенитета. На наш взгляд, перспективы укрепления суверенитета Российской Федерации связаны, прежде всего, с формированием альтернативных международных платформ и архитектур, не зависящих от западноцентрических институтов. К числу таких направлений следует отнести углубление евразийской интеграции, развитие национальной финансовой системы (в частности, переход к расчетам в национальных валютах с партнерами, такими как Индия), а также укрепление роли Организации Объединенных Наций как универсального инструмента обеспечения многостороннего диалога"; "Таким образом, политическая независимость Российской Федерации реализуется через комплекс правовых, институциональных и внешнеполитических механизмов, направленных на защиту суверенитета, обеспечение легитимности власти и устойчивость государственного устройства. Особую роль играют:

— укрепление президентской вертикали и независимой законодательной власти; — развитие механизмов народного волеизъявления и избирательной системы; — нормативное и организационное противодействие иностранному вмешательству; — институциональное обеспечение национальной безопасности; — проведение внешней политики, основанной на принципах многополярности и суверенного равенства; — реализация положений конституционной реформы 2020 года. Комплексность этих подходов формирует прочную основу для развития устойчивого и независимого политического режима в условиях внешнего давления и глобальной турбулентности";

"Экономическая, финансовая и информационная независимость Российской Федерации являются фундаментальными элементами современного понимания государственного суверенитета. Их развитие обеспечивается через стратегическое планирование, институциональное укрепление ключевых отраслей, цифровую трансформацию и реализацию политики технологической и валютной самодостаточности. Сформированная модель устойчивого развития позволяет государству эффективно противостоять внешнему давлению и выстраивать независимую траекторию движения в глобальной экономической и информационной системах"; "Для эффективного преодоления современных вызовов и обеспечения устойчивости государственного суверенитета Российской Федерации требуется реализация сбалансированной и адаптивной внешнеполитической и экономической стратегии. В данном контексте приоритетными представляются следующие направления: 1. Диверсификация партнерств, предполагающая укрепление устойчивых внешнеэкономических и политических связей со странами Азии, Африки и Латинской Америки, менее подверженными санкционному давлению и политической конъюнктуре. 2. Инновационная модернизация, включающая интеграцию в глобальные цепочки добавленной стоимости за счет внедрения передовых цифровых технологий, локализации высокотехнологичных производств и продвижения отечественных разработок на международных рынках. 3. Правовая гармонизация, ориентированная на сближение норм национального законодательства с международными стандартами в таких ключевых сферах, как внешняя торговля, экологическая политика и кибербезопасность, при сохранении приоритета Конституции Российской Федерации и соблюдении принципов национального суверенитета. 4. Публичная дипломатия, направленная на активизацию внешнеполитических коммуникаций, формирование объективного международного имиджа России и продвижение ее гуманитарных, научных и правовых инициатив в рамках многостороннего взаимодействия" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор выявляет проблемы государственного суверенитета Российской Федерации в условиях трансформации международного правопорядка и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 8 источниками (монографией, научными статьями, учебником и учебным пособием). С формальной точки зрения источников должно быть не менее 10. Следовательно, теоретическая база работы нуждается в расширении.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (В. Е. Чиркин), но ее нельзя признать достаточной. В основном автор ссылается на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Для эффективного преодоления современных вызовов и обеспечения устойчивости государственного суверенитета Российской Федерации требуется реализация сбалансированной и адаптивной внешнеполитической и экономической стратегии. В данном контексте приоритетными представляются следующие направления: 1. Диверсификация партнерств, предполагающая укрепление устойчивых внешнеэкономических и политических связей со странами Азии, Африки и Латинской Америки, менее

подверженными санкционному давлению и политической конъюнктуре. 2. Инновационная модернизация, включающая интеграцию в глобальные цепочки добавленной стоимости за счет внедрения передовых цифровых технологий, локализации высокотехнологичных производств и продвижения отечественных разработок на международных рынках. 3. Правовая гармонизация, ориентированная на сближение норм национального законодательства с международными стандартами в таких ключевых сферах, как внешняя торговля, экологическая политика и кибербезопасность, при сохранении приоритета Конституции Российской Федерации и соблюдении принципов национального суверенитета. 4. Публичная дипломатия, направленная на активизацию внешнеполитических коммуникаций, формирование объективного международного имиджа России и продвижение ее гуманитарных, научных и правовых инициатив в рамках многостороннего взаимодействия.

Таким образом, информационный суверенитет и кибербезопасность в данном контексте выступают важнейшими элементами комплексной системы защиты суверенитета государства. Их обеспечение требует согласованных усилий по развитию отечественных технологий, подготовке квалифицированных кадров, совершенствованию нормативно-правовой базы и расширению международного сотрудничества" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, международного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), расширении теоретической базы работы, введении дополнительных элементов дискуссионности.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Государственный суверенитет Российской Федерации в условиях трансформации международного правопорядка»

Объектом исследования выступает совокупность отношений по поводу определения содержания государственного суверенитета Российской Федерации в условиях трансформации международного правопорядка. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические воззрения по тематике статьи, международно-правовая и конституционно-правовая регламентация государственного суверенитета Российской Федерации, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди использованных автором методов особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать сравнительно-правовой метод, посредством которого автор сопоставил «правовые позиции, закрепленные в российском законодательстве с подходами, реализуемыми в международной практике; системный подход позволил структурировать суверенитет как многоаспектную категорию, касающуюся политического управления, правовой автономии, экономической независимости и информационной безопасности; формально-юридический метод использован для изучения содержания нормативных правовых актов Российской Федерации - прежде всего, конституционных положений и международных соглашений.

Актуальность разработки заявленной темы высока в свете глобализации внешнеполитических и внешнеполитических процессов. Это неминуемо предполагает необходимость осмыслиения соотношения конституционных норм и норм международного публичного права, выработка некоторых новых внутригосударственных и механизмов обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором исследуется государственный суверенитет Российской Федерации в условиях трансформации международного правопорядка. Научный интерес представляют выделенные автором приоритетные направления сбалансированной и адаптивной внешнеполитической и экономической стратегии.

Статья характеризуется научным стилем изложения. Содержание в целом логично.

Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Нельзя не согласиться с утверждением автора, что «в XXI веке неотъемлемой частью государственного суверенитета становится информационный суверенитет и кибербезопасность». Вместе с тем достаточно спорной является следующая констатация: «В научной дискуссии все чаще подчеркивается, что в XXI веке суверенитет утрачивает исключительно территориальный характер и трактуется как способность государства самостоятельно формировать стратегию международного взаимодействия...». Но ведь государственный суверенитет никогда не имел «исключительно территориального» характера, поскольку всегда отражал независимость государства во внутриполитических делах и на международной арене. Представляется, формулировки требуют уточнения.

Характеризуя «комплекс правовых, институциональных и внешнеполитических механизмов, направленных на защиту суверенитета, обеспечение легитимности власти и устойчивость государственного устройства», автор в качестве последнего по списку механизма указывает реализацию положений конституционной реформы 2020 года. Вместе с тем, реализация положений реформы является обобщающей к другим выделенным направлениям.

В статье недостаточное внимание уделено носителю суверенитета в Российской Федерации. Автор лишь констатирует: «Принцип народного суверенитета, закрепленный в статье 3, реализуется посредством институтов демократии — выборов, референдумов, органов местного самоуправления, что отражает связь между народом как источником власти и системой ее реализации», однако выводов относительно тематики статьи из данного положения не делает.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в международно-правовых, конституционно-правовых, а также отчасти теоретико-исторических исследованиях. При условии определенной доработки она вполне может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья на тему «Государственный суверенитет Российской Федерации в условиях трансформации международного правопорядка» для опубликования в журнале «Международное право». Статья посвящена анализу

государственного суверенитета Российской Федерации в контексте современных изменений международного правопорядка. Автор рассматривает суверенитет как многогранное явление, охватывающее политическую, экономическую, информационную и правовую сферы, а также его взаимодействие с международными нормами и институтами. Методология исследования основана на применении автором комплекса следующих методов научного исследования: формально-юридический анализ был использован в работе для изучения нормативных актов и конституционных положений; сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления российских и международных подходов; системный подход - для структурирования понятия суверенитета; проведен контент-анализ стратегических документов, таких как Концепция внешней политики РФ. Методология обоснована и соответствует поставленным задачам, однако можно отметить недостаточное применение эмпирических методов, таких как социологические исследования или анализ конкретных кейсов, что могло бы усилить практическую значимость работы.

Тема статьи является актуальной, учитывая современные геополитические вызовы, санкционное давление, цифровизацию и трансформацию международных отношений. Автор обоснованно подчеркивает необходимость переосмыслиния суверенитета в новых условиях. Однако акцент на российскую специфику мог бы быть дополнен сравнением с опытом других стран, что расширило бы контекст исследования. Новизна работы заключается в комплексном анализе суверенитета РФ, включая его цифровые и экономические аспекты, а также в рассмотрении последних законодательных изменений (например, поправки к Конституции 2020 года). Однако некоторые тезисы, особенно касающиеся международного права, не являются принципиально новыми и повторяют уже известные позиции.

Стиль, структура, содержание соответствуют предъявляемым требованиям. Статья хорошо структурирована, логика изложения четкая, а стиль соответствует научным стандартам. Содержание текста изобилует юридической терминологией, что может несколько затруднить восприятие для не погруженного в тематику исследования читателя. Список литературы обширен и включает авторитетные источники, такие как труды В. Е. Чиркина, А. В. Малько, а также современные научные статьи. Апелляция к оппонентам в тексте статьи присутствует. Автор учитывает полярные точки зрения на суверенитет, например, позиции А. В. Малько и В. Е. Чиркина, что добавляет работе дискуссионность. Однако критика оппонентов могла бы быть более развернутой, с приведением мнений других перечисленных в библиографии авторов, а также собственных контраргументов и примеров. Выводы статьи логичны и подкреплены анализом. Они отражают основные тезисы работы, но могли бы быть более конкретными, с указанием практических рекомендаций. Статья будет интересна специалистам в области международного и конституционного права, политологам, а также всем, кто изучает современные геополитические процессы. Таким образом, статья представляет собой серьезное и актуальное исследование, вносящее вклад в понимание государственного суверенитета РФ в современных условиях. Несмотря на отдельные недостатки, работа соответствует требованиям искомого журнала и рекомендуется к публикации.

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Сечин Д.С. Теоретическое осмысление принципа суверенного равенства // Международное право. 2025. № 3. С. 176-190. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.75571 EDN: QSMLHO URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75571

Теоретическое осмысление принципа суверенного равенства

Сечин Даниил Сергеевич

ORCID: 0000-0002-6431-8064

аспирант; Юридический факультет; Санкт-Петербургский государственный университет

190000, Россия, г. Санкт-Петербург, 8-я линия Васильевского острова, 77, 406

✉ just-daniil@yandex.ru

[Статья из рубрики "Теория и философия международного права"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.3.75571

EDN:

QSMLHO

Дата направления статьи в редакцию:

16-08-2025

Дата публикации:

23-08-2025

Аннотация: Предметом исследования является принцип суверенного равенства в современном международном праве, его нормативное закрепление и теоретическая интерпретация в контексте критических правовых исследований. Исследование сосредоточено на аспекте восприятия этого принципа международно-правовой науки. Основное внимание статьи удалено месту принципа в системе международного права, его связи с другими нормами, такими как иммунитеты государств, самоопределение народов и невмешательство. Исследование опирается на ключевые тексты международного права, включая Устав ООН, Декларацию 1970 года и решения Международного Суда ООН, которые подтверждают фундаментальный характер принципа, но также демонстрируют его теоретическую ограниченность в условиях фактического неравенства государств. Рассматривается взаимосвязь принципа

суверенного равенства с другими фундаментальными нормами международного права: иммунитетом государств, правом на самоопределение, принципом невмешательства во внутренние дела. В работе используются формально-догматический метод для выявления места принципа суверенного равенства в системе международного права. Однако такой метод не даёт никакой основы для выявления смысла этого принципа. Это восполняет критический правовой анализ, раскрывающий противоречия и неопределенности в аргументации, связанной с суверенным равенством. Среди выводов исследования стоит отметить, что суверенное равенство, несмотря на его декларативную универсальность, сталкивается с проблемой содержательной пустоты. Новизна исследования заключается в применении метода деконструкции принципа через призму критической теории, что позволяет раскрыть его историческую изменчивость и зависимость от контекста, а также внутреннюю противоречивость и пустоту. Критический анализ выявляет тавтологичность его определений. Автор демонстрирует, что традиционные доктринальные трактовки суверенного равенства представляют собой логический круг, где равенство определяется через суверенитет, а суверенитет – через равенство, однако ни одно из них не дает смыслового содержания. Автор прослеживает эволюцию принципа от теологических истоков до современного экономического детерминизма. Принцип требует переосмысления с учетом новых глобальных вызовов.

Ключевые слова:

суверенное равенство, международное право, деконструкция, принцип равенства, *jus cogens*, критическая правовая теория, формально-догматический метод, неравенство, Устав ООН, Неопределенность права

Введение

Предметом работы является место и теоретическое осмысление принципа суверенного равенства в современном международном праве. Содержание принципа кажется интуитивно понятным всем, но в то же время, комплексность и многоаспектность его проявлений в политике, экономике, социологии и истории словно перечёркивают эту ясность, оставляя исследователя один на один с неохватным материалом.

Актуальность темы обусловлена ее центральностью для понимания современного миропорядка, который переживает кризис легитимности и трансформацию. Принцип суверенного равенства, с одной стороны, является краеугольным камнем системы международного права, закрепленным в Уставе ООН, а с другой – постоянно подвергается критике и переосмыслению в условиях растущего экономического и политического неравенства, появления новых акторов и глобальных вызовов. Место принципа суверенного равенства в правовой системе исследовалось в работе О.И. Тиунова и множества других авторов, так как она является фундаментальной для международного права, однако подробное критическое осмысление этого принципа произошло в трудах таких авторов, как Г. Кельзен, М. Коскениеми, Д. Кеннеди. Эти авторы не являются прямыми оппонентами друг другу, но рассматривают принцип суверенного равенства с разных позиций и концептуальных рамок. Для теоретического осмысления принципа суверенного равенства необходима особая методология.

Подробнее остановимся на каждом из методов и проясним связь между ними. Формально-догматический метод применяется при изучении нормативного правового материала. Он состоит в уяснении смысла и значимости нормы права, исходя из её

собственного содержания [23, с. 94]. Так, для С. С. Алексеева термин «догма» означал фиксацию правовых реалий как твёрдых, неизменных в каждый момент времени, внешне объективированных феноменов из мира правовых явлений [14, с. 44]. Такой метод подчиняет логические средства рассуждения для упорядочивания права и построения системы юридических понятий [21, с. 101]. С помощью логических средств исследователь работает с нормативным закреплением принципа суверенного равенства, что предполагает, прежде всего, определение места этой концепции в нормативной системе и её соотношение с другими принципами и нормами. Однако такой метод рассматривает нормы права скорее как аксиомы и факты, что не даёт никакой основы для оценки этичности или эффективности этих норм и не может показать, как они используются в речи, и какие смыслы юристы в них вкладывают.

Для анализа сущностного содержания смысла суверенного равенства уместно использовать критический правовой анализ. Этот метод фокусируется на исследовании аргументации сторон. В частности, Д. Кеннеди выделял два типа аргументации в отношении права. Первый обращается к суверенной власти государств, их автономии, второй – к взаимозависимости государств, чувству справедливости. Эти типы аргументации взаимосвязаны: когда одна сторона обращается к суверенной власти, другая приводит контраргумент на основе справедливости, что делает процесс аргументирования бесконечным [27, р. 811]. Из этого М. Коскениеми сделал вывод о системной неопределенности права, которая коренится в языке и порядке использования аргументации. Деконструкция аргументации приводит к ограниченному набору правил, определённой грамматике и системе производства юридических норм [18, р. 568]. Соответственно, определённые элементы этой методологии необходимо использовать для деконструкции постоянных понятий в отношении суверенного равенства и демонстрации их неопределенности.

1. Место принципа суверенного равенства в системе международного права.

Для юристов любые рассуждения о правовом явлении должны начинаться с анализа нормативных текстов. В современном мире утверждение о равенстве государств перед законом и между собой неизбежно подкрепляется ссылками на Устав ООН, где первый пункт статьи о принципах Организации гласит: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех её Членов» [1]. Декларация о принципах международного права 1970 года, основные положения которой можно рассматривать как обычную норму международного права, указывает на равноправие народов как на принцип международного права, а также закрепляет принцип суверенного равенства государств. В силу особенностей российской научной традиции принципы международного права часто рассматриваются как нормы *jus cogens*, выраженные в категории общепризнанных принципов [24, с. 5-21]

Равноправие и самоопределение народов выступает как инструмент легитимации существующего суверенного равенства государств. Способность народов к самоопределению приводит к формированию равных государств [22, с.143-153]. Соотношение равноправия народов и государств остаётся сложной проблемой. В частности, при обсуждении общих принципов права в Комиссии международного права (далее – КМП) государства согласились с неуместностью термина «цивилизованные нации», однако разошлись в оценках возможной замены этого термина. Одни согласились со специальным докладчиком и его предложением использовать термин «международное сообщество» (*community of nations*) [4], но многие страны в

комментариях настаивали на необходимости использовать термин «сообщество государств»^[5]. Дискуссии о должном термине ещё идут, однако сам подход подчёркивает принципиальное различие между народами и государствами. Принцип равноправия народов предполагает, что все они имеют право определять свободно определять социальное и культурное развитие и уважают это право. В то время как принцип суверенного равенства заключается в одинаковых правах и обязанностях государств, что раскрывается через шесть ключевых элементов:

- а) государства юридически равны;
- б) каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету;
- в) каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств;
- г) территориальная целостность и политическая независимость государства неприкосновенны;
- д) каждое государство имеет право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы;
- е) каждое государство обязано выполнять полностью и добросовестно свои международные обязательства и жить в мире с другими государствами ^[2].

По мнению М. Коскениеми, декларация не задумывалась как упражнение по определению смысла или логики ключевых понятий Устава ООН или как формальное празднование его юбилея, но была частью усилий новых деколонизированных стран по наполнению его положений смыслами, соответствующими их целям ^[19, р.166]. Декларация должна была привлечь внимание к огромному политическому, военному и экономическому неравенству в мире. Страны, которые мы теперь привыкли называть Глобальным Югом, считали, что неспособность ООН выйти за рамки «юридического равенства», игнорирование других аспектов неравенства подчёркивает лицемерие этой организации ^[19, р.167]. Закрепление принципа суверенного равенства в декларации стало призывом к преобразованиям и демонстрации того, что ООН не просто послевоенный институт для легитимизации власти держав-победительниц, а механизм построения справедливого миропорядка ^[19, р.167]. При этом формулировки Декларации подверглись значительной критике. Так, итальянский профессор Г. Аранхио-Руис полагал, что положения статей тавтологичны, а закрепление суверенного равенства как принципа не соответствует действительности *de lege lata* и невозможно *de lege ferenda* ^[15, р.103].

Несмотря на это, Международный Суд ООН регулярно ссылается на принцип суверенного равенства государств. Например, в деле о иммунитетах и уголовном преследовании, касающемся конфликта между Экваториальной Гвинеей и Францией из-за уголовного преследования вице-президента африканской страны и конфискации его имущества, Суд обратился к исследованию статьи 4 Палермской конвенции, которая закрепляет, что «государства-участники выполняют свои обязательства по настоящей Конвенции в соответствии с принципами суверенного равенства и территориальной целостности государств и невмешательства во внутренние дела других государств». Суд считает, что слово «выполняют» (*shall carry out their obligations*) налагает на государства-участники правовое обязательство. Однако эта статья не является независимой от других положений Конвенции. Ее цель - обеспечить выполнение государствами-участниками Конвенции своих обязательств в соответствии с принципами суверенного равенства,

территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела других государств [6, para 93]. Данная статья относится только к общим принципам международного права (*general principles of international law*) и в своем обычном значении не устанавливает, через ссылку на суверенное равенство, обязательств действовать в соответствии со множеством норм международного права, которые защищают суверенитет в целом [6, para 93]. Исходя из этого, Суд установил, что данная статья не включает нормы об иммунитетах государств и должностных лиц [6, para 96]. Соответственно, МС ООН прежде всего подтвердил, что конкретно этот текст Палерсмской конвенции не может читаться, как подразумевающий норму об иммунитете государств, при этом такое решение служит подтверждением неотъемлемой связи равенства и иммунитета.

Кроме того, часто Суд устанавливает прямую связь между принципом суверенного равенства и другими правовыми нормами. Так, в деле о юрисдикционных иммунитетах государств по спору Германии против Италии Суд отметил, что нормы государственного иммунитета происходят из принципа суверенного равенства государств [7, para 123-124].

Кроме иммунитетов, МС ООН связывал принцип суверенного равенства с правом народов на самоопределение. Так в Консультативном заключении о правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия, Суд посчитал, что правовой режим несамоуправляющихся территорий основан на постепенном развитии их институтов, с тем чтобы соответствующее население могло осуществить свое право на самоопределение. Сделав уважение принципа равноправия и самоопределения народов одной из целей Организации Объединенных Наций, Устав включил положения, которые позволили бы несамоуправляющимся территориям в конечном итоге управлять собой [8, p.131]. Из этого следует, что право суверенного равенства возможно только когда народы достигают определенной степени автономности и могут организовывать власть у себя. Именно это определяет, что народы могут достичь равноправия лишь при обладании суверенности.

В деле Никарагуа против США МС ООН подчеркнул, что принцип невмешательства сопутствует принципу суверенного равенства государств [9, para 202]. Таким образом, в международно-правовой системе принцип суверенного равенства взаимодействует с другими нормами и принципами международного права, так как они находятся в системном единстве и многие принципы и нормы происходят из суверенного равенства. Кроме того, как отметил судья Вирамантри международное сообщество невозможно без базовой предпосылки равенства, так как иначе весьма реальна опасность того, что воля сильного станет законом [11, p.305]. Именно принцип суверенного равенства защищает правопорядок от учреждения верховенства права силы в международных отношениях.

При этом, такой фундаментальный и принципиальный характер этой нормы не ведет к выводу о статусе *jus cogens* этой нормы. Подобные обсуждения были характерны для эпохи деколонизации. При обсуждении Венской конвенции о праве международных договоров в 1966 году принцип равенства и самоопределения народов рассматривался как пример нормы *jus cogens* [3], однако тогда Комиссия отказалась от самой идеи формирования списка возможных норм *jus cogens*, так как это потребовало бы отдельной сложной работы. Спустя почти 50 лет она вновь обратилась к проблеме норм *jus cogens* [4]. Она исследовала возможность формирования норм *jus cogens* через общие принципы права и указала на решение Межамериканского суда по правам человека «Правовое положение и права недокументированных мигрантов» [12], в котором принцип

равенства перед законом, равной защиты со стороны закона и недопустимости дискриминации относится к нормам *jus cogens*, так как на нём зиждется вся правовая структура национального и международного правопорядка [4]. Данное решение не свидетельствует о единообразном отношении к принципу равенства как к норме *jus cogens*, но говорит о тенденциях и постепенном осознании фундаментальной важности принципа равенства в международно-правовом дискурсе.

Международный Суд ООН указывал, что принцип суверенного равенства является одним из фундаментальных принципов международного правопорядка [10, р.10]. Современный международный правопорядок основан на идее равенства, которой пропитано международное право и кажется, что она существовала в нём всегда. Любая оценка действий государства в отношении другого государства основана на идее равенства этих государств, суверенное равенство предопределяет структуру самого международного права, его характерные и отличительные особенности, так как принцип *par in parem non habet imperium* (равный над равным власти не имеет) сущностно отличает право внутри государств от права, регулирующего отношения между ними. По сути, принцип равенства давно стал аксиомой для международного права.

Несмотря на такую фундаментальность для международного права, вопрос о признании принципа суверенного равенства нормой *jus cogens* остаётся спорным [29, р. 713-739]. Исключение этого принципа из неисчерпывающего перечня норм вызвало несогласие нескольких членов КМП, а также в академической литературе [29, р.71-739].

2. Деконструкция принципа суверенного равенства

Открытость и адаптивность идеи суверенитета не позволяет сформировать конкретное содержание принципа суверенного равенства, которое могло бы применяться как некое универсальное правило, но существует как концепция, применимая для решения конкретного политического спора в контексте исторических, экономических и других факторов. Цена такой политической применимости для решения проблем – пустота содержания. Определение суверенного, как основной характеристики принципа равенства остаётся содержательно неопределенным. Суверенитет означает определённый набор прав и обязанностей, существующий у государства. Однако, как характеристика равенства это содержание суверенитета теряет свой смысл и становится выражением тавтологической мысли, что государства равны в силу обладания у них суверенитета, а суверенитетом они обладают, потому что являются государствами и никто не может навязывать ему свою волю, потому что все государства равны. Ни равенство не определяется через суверенитет, ни суверенитет через равенство. При этом международное право постоянно существует в парадоксальной попытке примирить правовое равенство государств и их фактическое неравенство.

Так, с позиций критической теории П. Вестен обосновал логическую пустоту принципа равенства. В частности, он указывает, что предложение относиться одинаково к одинаковым субъектам является тавтологией. Утверждение, что с людьми, которые схожи в каком-то плане, необходимо обращаться одинаково, означает обращаться с ними в соответствии с моральным правилом, по которому они определяются как одинаковые [28, р. 547]. Следовательно, правило, что с подобными лицами следует обращаться одинаково, означает, что лица, для которых определённое обращение предписано неким стандартом, должны получить соответствующее обращение. П. Вестен указывает на логический круг, связанный с определением стандартов равенства, так как эта идея велит относиться к подобным людям одинаково, но если мы спрашиваем, кто такие

подобные люди, то оказывается, что это лица, к которым следует относиться одинаково [28, р.547]. Идея равенства как формальный принцип – формула, которая сама по себе не наделена никаким ценностным и этическим содержанием [28, р.547]. Такая конструкция критики идеи равенства людей переносится и на идею суверенного равенства.

Обладание равными правами и обязанностями является содержательным ядром принципа суверенного равенства. Равенство не определяет и не может содержательно определить, что это за права, а оттого необходимо возвращаться к определению суверенного равенства государств. Соответственно, равные права – это «суверенные» права, которыми в равной степени пользуются государства, как это определено международным правом. Если мы говорим о суверенитете, а потом снова о равенстве, то это подразумевает один и тот же юридический статус государств. Отличается только точка зрения или акцент, который делается или на автономии государства, понимаемой как его юридически установленная способность к самоопределению, или на его статусе по отношению к статусу других членов международного сообщества и самого этого сообщества [20, р.158-159].

В целом, можно отметить, что конструкция суверенного равенства сталкивается регулярно с теоретической критикой. Г. Кельзен писал, что термин суверенное равенство объединяет два ключевых и взаимосвязанных атрибута государства – суверенитет и равенство. Под суверенитетом для него традиционно понимается «верховная власть», однако в контексте международного права такая власть невозможна, так как несовместима с международно-правовыми обязательствами. Суверенитет государства в международном праве означает лишь юридические полномочия или компетенцию государства, ограниченные и подлежащие ограничению только международным правом, а не национальным правом другого государства [26, р. 208].

После этого он обратился к анализу принципа равенства. Для него этот принцип не подразумевает тождества прав и обязанностей всех государств (что опровергается, например, различиями между прибрежными и внутренними странами), а означает равную правоспособность – возможность приобретать права и нести обязанности при равных условиях. Это представляет собой по сути пустую и бессодержательную конструкцию. Такая трактовка не имеет реального значения, поскольку совместима с любыми формами фактического неравенства между государствами. Например, норма, предоставляющая особые привилегии великим державам, может формально соответствовать этому принципу, если сформулирована как: «любое государство, являющееся великой державой, получает соответствующие привилегии». В этом случае принцип равенства сводится лишь к тавтологическому выражению принципа законности – требования применять правовые нормы ко всем случаям, которые под них подпадают [26, р. 209].

В книге Р. Хьорта отчасти развиваются идеи Г. Кельзена, однако он деконструирует этот принцип, выделяя четыре концепции равенства, существовавшие в международных отношениях. Во-первых, морально-натуралистическая концепция, основанная на схоластической традиции, предполагает наличие определенных общих элементов, делающих государства частью большего политического пространства. Во-вторых, прагматико-натуралистический подход, в котором членство равных государств в семье наций сочетается с представлением об иерархии цивилизаций. В-третьих, прагматико-конструктивистская концепция, основанная на согласии, берущая начало от Гоббса,

утверждает равенство как продукт согласия государств и находит свое выражение в юридическом позитивизме XX века [16, р.103]. В-четвертых, автор выделяет морально-конструктивистскую перспективу, актуальную для современности, в которой принцип равенства является гибким [16, р.104]. Р. Хорт демонстрирует, что суверенное равенство государств не является ни единственной, ни неизменной формой международного равенства. Его связь с принципом суверенитета исторически изменчива и обусловлена конкретными политическими контекстами. В XX веке доминирующей стала формально-юридическая интерпретация равенства как равенства перед законом, что нашло отражение в Уставе ООН и других основополагающих документах международного права. Однако параллельно сохранялись и иерархические структуры, наиболее явно проявившиеся в особом статусе постоянных членов Совета Безопасности ООН [16, р.103-106].

М. Коскениеми отмечает, что в международных отношениях тяжело указать единый внешний тип справедливости, к которому должны стремиться все государства. Кроме того, нет простого и однозначного ответа на вопрос о том, должно ли международное право в принципе обладать внешней идеей справедливости [19, р.188].

Отсутствие у принципа равенства внутренней морали приводит к тому, что такая идея вынуждена искать внешнюю мораль и идею справедливости и опираться на них. Открытость концепции суверенитета, проявляемая в круговой аргументации фактов и права, на практике приводит к постоянному изменению и делению её содержательного ядра. В дискурсе регулярно появляются разные измерения суверенитета, например, экономический или технологический суверенитет. Понятие «суверенитет», изначально связываемое с Богом, а позднее с разумом, сейчас полностью соотносится с экономическими категориями. М. Коскениеми в своей книге «К самым отдалённым уголкам земли» представляет нарратив о том, как экономика стала основным языком современных инструментов управления, которые всегда выражались через нормы права [17, р.123]. Он разбирает, как европейское международное право исторически формировалось из локальных и технических словарей и языковых практик, взаимопроникающих друг в друга и конкурирующих друг с другом, определяя рамки для работы правового воображения. На протяжении более чем пяти веков право постоянно сосуществовало с теологическими, философскими, политическими и экономическими идиомами, которые формировали язык международного права [17, р.123]. Но именно экономика стала основным мерилом и внешним типом справедливости для современных государств, что и предопределяет динамику отношений между ними. При провозглашении критерия равенства на основе внутренней характеристики, государства обращаются к экономике, но это приводит к утверждению иерархии и неравенства на основании богатства и власти. Соответственно, на наш взгляд, смысловое наполнение идеи равенства фокусируется сейчас на реальности, в которой остались только экономические показатели, обуславливающие смысловое наполнение идеи равенства. Равенство ресурсов и экономических возможностей стало основным смысловым содержанием этой идеи, определяющей её отражение в праве.

Экономика, выступая неким реальным, а не трансцендентальным мерилом государств, через призму открытой концепции суверенитета приводит к профанации [13, с.78] идеи самого государства. Профанация означает переход вещей из сферы божественного и сакрального к сфере человеческого права. Бытие цивилизованного или христианского государства являлось сакральным и было основано на неких трансцендентальных основах.

Однако, как пишет Р.М. Фишл, вопрос, который убил критические правовые исследования, звучит так: «Что бы вы предложили взамен?» (*What would you put in its place?*) [25, p.779-820]. Иными словами, изучение и разоблачение разрыва между утопией и реальностью не содержит позитивной программы, не может предложить альтернативный проект. Соответственно, ограничения методологии обуславливают и критические недостатки такого подхода. Простая деконструкция идеи суверенного равенства не даёт альтернативного проекта.

Соответственно, проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, принцип суверенного равенства является не просто одним из многих принципов, а фундаментальной аксиомой, порождающей и обуславливающей другие ключевые нормы международного правопорядка, такие как иммунитет государств, невмешательство во внутренние дела и право народов на самоопределение. Его центральная роль подтверждается как нормативными источниками (Устав ООН, Декларация 1970 г.), так и правоприменительной практикой Международного Суда ООН.

Во-вторых, классическое понимание, опирающееся на взаимозависимость понятий «суверенитет» и «равенство», образует логический круг и не обладает собственным содержательным ядром, что делает его пустой формальной конструкцией, совместимой с любыми формами фактического неравенства.

В-третьих, в условиях отсутствия внутренней морали и единого внешнего критерия справедливости, содержательная неопределенность принципа суверенного равенства преодолевается через его экономизацию. Экономические показатели (богатство, ресурсы, технологический потенциал) де-факто становятся главным мерилом, определяющим реальный вес и «равенство» государства в международных отношениях, что ведёт к профанации изначальной сакральной идеи суверенитета и утверждению новой иерархии.

В-четвертых, проведенная деконструкция хотя и показывает теоретические недостатки этой идеи, однако это не означает необходимость отказа от этой идеи, а наоборот предполагает необходимость наполнения этой идеи новыми смыслами.

Библиография

1. Устав Организации Объединенных Наций // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956. 2.
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml 3.
3. Доклад Комиссии международного права. Семнадцатая сессия. Генеральная Ассамблея (A/6309/Rev. 1) // Официальный сайт ООН. – URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/russian/reports/a_cn4_191.pdf 4.
4. Доклад Комиссии международного права. Семьдесят первая сессия (29 апреля – 7 июня и 8 июля – 9 августа 2019 года). Генеральная Ассамблея. (A/74/10) // Официальный сайт ООН. – URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2019/russian/chp9.pdf> 5.
5. Общие принципы права, замечания и соображения, полученные от правительств. Семьдесят шестая сессия. Комиссия международного права (A/CN.4/779) // Официальный сайт ООН. – URL:

- <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g25/012/40/pdf/g2501240.pdf> 6.
6. Immunities and Criminal Proceedings (Equatorial Guinea v. France), Preliminary Objections, Judgment // I.C.J. Reports 2018. – P. 322. 7.
7. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece Intervening), Judgment // I.C.J. Reports 2012 (I). – Pp. 123-124. 8.
8. Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965, Advisory Opinion // I.C.J. Reports 2019. – P. 131. 9.
9. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. USA), Judgment // I.C.J. Reports 1986. – P. 106. 10.
10. Questions relating to the Seizure and Detention of Certain Documents and Data (Timor-Leste v. Australia), Provisional Measures, Order of 3 March 2014 // I.C.J. Reports 2014. – P. 10. 11.
11. Threat or use of nuclear weapons, Dissenting Opinion of Judge Weeramantry // I.C.J. Reports 1996. – P. 305. 12.
12. Inter-American Court of Human Rights, Advisory Opinion OC-18/03 of 17 September 2003, requested by the United Mexican States // Официальный сайт. – URL: http://www.gaetanoarangioruiz.it/wp-content/uploads/2017/04/The_Concept_of_International_Law_and_the.pdf 13.
13. Агамбен Д. Профанации. – М.: Гилея, 2014. – 112 с. 14.
14. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 11 томах. – Том 7. – М.: Статут, 2010. – 495 с. 15.
15. Arangio-Ruiz G. The United Nations declaration on friendly relations and the system of the sources of international law. – Alphen aan den Rijn: Sijthoff & Noordhoff, 1979. – 341 p. 16.
16. Hjorth R. Equality in International Society: A Reappraisal. – Springer, 2014. – 103-106 p. 17.
17. Kennedy D., Koskenniemi M. Of Law and the World: Critical Conversations on Power, History, and Political Economy. – Harvard University Press, 2023. – 320 p. 18.
18. Koskenniemi M. From apology to utopia: the structure of international legal argument. – Cambridge, 2006. – 704 p. 19.
19. Koskenniemi M., Kari V. Sovereign equality // The UN Friendly Relations Declaration at 50: An Assessment of the Fundamental Principles of International Law. – Cambridge University Press, 2020. – 400 p. 20.
20. Simma B. et al. The Charter of the United Nations: a commentary. – Vol. I (3rd Edition). – Oxford University Press, 2024. – 2000 p. 21.
21. Краевский А. А. Юридическая техника и догматический метод: проблема соотношения // Проблемы методологии в юридической науке: от римского права к современным правовым концепциям. – 2021. – С. 95-102. EDN: VEARCE 22.
22. Малов Д. В. Принцип равноправия и самоопределения народов в системе современного международного права: особенности толкования и проблемы субъектности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2013. – Т. 8. – № 2. – С. 143-153. EDN: QCWQKD 23.
23. Петров А.В., Зырянов А.В. Формально-догматический подход в юридической науке в условиях современности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2019. – № 1. – С. 94-99. DOI: 10.14529/law190114 EDN: YZDXYD 24.
24. Тиунов О.И. Суверенное равенство государств в системе основных принципов международного права // Журнал российского права. – 2014. – № 5 (209). – С. 5-21. DOI: 10.12737/3457 EDN: SBXOGR 25.
25. Fischl R.M. The question that killed critical legal studies // Law & Social Inquiry. – 1992. – Vol. 17. – № 4. – Pp. 779-820. 26.

26. Kelsen H. The principle of sovereign equality of states as a basis for international organization // The Yale Law Journal. – 1944. – Vol. 53. – № 2. – Pp. 207-220. 27.
27. Trimble P.R. International law, world order, and critical legal studies // Stanford Law Review. – 1989. – Vol. 42. – P. 811-845. 28.
28. Westen P. The Empty Idea of Equality // Harvard Law Review. – 1982. – Vol. 95. – № 3. – P. 537-596. 29.
29. Woolaver H. Sovereign Equality as a Peremptory Norm of General International Law // D. Tladi (ed.) Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens). – Pp. 713-739.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, теоретическое осмысление принципа суверенного равенства. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Подробнее остановимся на каждом из методов и проясним связь между ними. Формально-догматический метод применяется при изучении нормативного правового материала. Он состоит в уяснении смысла и значимости нормы права, исходя из её собственного содержания [23, с.94]. Так, для С. С. Алексеева термин «догма» означал фиксацию правовых реалий как твёрдых, неизменных в каждый момент времени, внешне объективированных феноменов из мира правовых явлений [14, с.44]. Такой метод подчиняет логические средства рассуждения для упорядочивания права и построения системы юридических понятий [21, с.101]. С помощью логических средств исследователь работает с нормативным закреплением принципа суверенного равенства, что предполагает, прежде всего, определение места этой концепции в нормативной системе и её соотношение с другими принципами и нормами. Однако такой метод рассматривает нормы права скорее как аксиомы и факты, что не даёт никакой основы для оценки этичности или эффективности этих норм и не может показать, как они используются в речи и какие смыслы юристы в них вкладывают. Для анализа сущностного содержания смысла суверенного равенства уместно использовать критический правовой анализ. Этот метод фокусируется на исследовании аргументации сторон. В частности, Д. Кеннеди выделял два типа аргументации в отношении права. Первый обращается к суверенной власти государств, их автономии, второй – к взаимозависимости государств, чувству справедливости. Эти типы аргументации взаимосвязаны: когда одна сторона обращается к суверенной власти, другая приводит контраргумент на основе справедливости, что делает процесс аргументирования бесконечным [27, р.811]. Из этого М. Коскениеми сделал вывод о системной неопределенности права, которая коренится в языке и порядке использования аргументации. Деконструкция аргументации приводит к ограниченному набору правил, определённой грамматике и системе производства юридических норм [18, р. 568]. Соответственно, определённые элементы этой методологии необходимо использовать для деконструкции постоянных понятий в отношении суверенного равенства и демонстрации их неопределенности".

Актуальность избранной автором темы исследования обосновывается им очень кратко: "Предметом работы является место и теоретическое осмысление принципа суверенного равенства в современном международном праве. Содержание принципа кажется интуитивно понятным всем, но в то же время комплексность и многоаспектность его проявлений в политике, экономике, социологии и истории словно перечёркивают эту

ясность, оставляя исследователя один на один с неохватным материалом". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, в международно-правовой системе принцип суверенного равенства взаимодействует с другими нормами и принципами международного права, так как они находятся в системном единстве и многие принципы и нормы проис текают из суверенного равенства"; "Открытость и адаптивность идеи суверенитета не позволяет сформировать конкретное содержание принципа суверенного равенства, которое могло бы применяться как некое универсальное правило, но существует как концепция, применимая для решения конкретного политического спора в контексте исторических, экономических и других факторов. Цена такой политической применимости для решения проблем – пустота содержания. Определение суверенного, как основной характеристики принципа равенства остаётся содержательно неопределенным. Суверенитет означает определённый набор прав и обязанностей, существующий у государства. Однако, как характеристика равенства это содержание суверенитета теряет свой смысл и становится выражением тавтологической мысли, что государства равны в силу обладания у них суверенитета, а суверенитетом они обладают, потому что являются государствами и никто не может навязывать ему свою волю, потому что все государства равны. Ни равенство не определяется через суверенитет, ни суверенитет через равенство. При этом международное право постоянно существует в парадоксальной попытке примирить правовое равенство государств и их фактическое неравенство"; "Отсутствие у принципа равенства внутренней морали приводит к тому, что такая идея вынуждена искать внешнюю мораль и идею справедливости и опираться на них. Открытость концепции суверенитета, проявляемая в круговой аргументации фактов и права, на практике приводит к постоянному изменению и делению её содержательного ядра. В дискурсе регулярно появляются разные измерения суверенитета, например, экономический или технологический суверенитет. Понятие «суверенитет», изначально связываемое с Богом, а позднее с разумом, сейчас полностью соотносится с экономическими категориями"; "Но именно экономика стала основным мерилом и внешним типом справедливости для современных государств, что и предопределяет динамику отношений между ними. При провозглашении критерия равенства на основе внутренней характеристики, государства обращаются к экономике, но это приводит к утверждению иерархии и неравенства на основании богатства и власти. Соответственно, на наш взгляд, смысловое наполнение идеи равенства фокусируется сейчас на реальности, в которой остались только экономические показатели, обуславливающие смысловое наполнение идеи равенства. Равенство ресурсов и экономических возможностей стало основным смысловым содержанием этой идеи, определяющей её отражение в праве" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования и раскрывает его методологию. Основная часть статьи состоит из двух разделов: "1. Место принципа суверенного равенства в системе международного права"; "2. Деконструкция принципа суверенного равенства". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В книге Р. Хьорта отчасти развиваются идеи Г. Кельзена, однако он деконструирует этот принцип выделяя четыре концепции равенства, существовавшие в международных отношениях" - "В книге Р. Хьорта отчасти развиваются идеи Г. Кельзена, однако он деконструирует этот принцип, выделяя четыре концепции равенства, существовавшие в международных отношениях" (см. на пунктуацию).

Ученый отмечает: "В-третьих, прагматико-конструктивистская концепция, основанная на согласии берущая начало от Гоббса, утверждает равенство как продукт согласия государств и находит свое выражение в юридическом позитивизме XX века [16, р.103]" - "В-третьих, прагматико-конструктивистская концепция, основанная на согласии, берущая начало от Гоббса, утверждает равенство как продукт согласия государств и находит свое выражение в юридическом позитивизме XX века [16, р. 103]" (см. на пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются пунктуационные ошибки.

Библиография исследования представлена 29 источниками (монографиями и научными статьями, международными документами, аналитическими материалами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, принцип суверенного равенства занимает центральное место в системе современного международного права. Именно этот принцип обуславливает другие принципы и нормы права. Несмотря на такую фундаментальную роль в системе права, содержание этого принципа остаётся теоретически неопределенным"), однако они носят общий характер и не отражают всех научных достижений автора, и потому нуждаются в уточнении и конкретизации.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, конституционного права при условии ее доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания), уточнении и конкретизации итоговых выводов, устраниении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Теоретическое осмысление принципа суверенного равенства».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам понимания принципа суверенного равенства. Автором рассматриваются положительные и отрицательные моменты, связанные с различными отечественными и зарубежными подходами к определению и содержанию принципа суверенного равенства с точки зрения теории международного права. Как указано в самой статье, «Предметом работы является место и теоретическое осмысление принципа суверенного равенства в современном международном праве. Содержание принципа кажется интуитивно

понятным всем, но в то же время, комплексность и многоаспектность его проявлений в политике, экономике, социологии и истории словно перечёркивают эту ясность». В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения международно-правовых актов, мнения ученых, материалы практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о сущности принципа суверенного равенства. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства, положений международно-правовых актов. Например, следующий вывод автора: «В современном мире утверждение о равенстве государств перед законом и между собой неизбежно подкрепляется ссылками на Устав ООН, где первый пункт статьи о принципах Организации гласит: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех её Членов» [1]. Декларация о принципах международного права 1970 года, основные положения которой можно рассматривать как обычную норму международного права, указывает на равноправие народов как на принцип международного права, а также закрепляет принцип суверенного равенства государств. В силу особенностей российской научной традиции принципы международного права часто рассматриваются как нормы *jus cogens*, выраженные в категории общепризнанных принципов».

Также автором активно анализируется практика, в частности Международного Суда ООН, что важно в контексте поставленной цели исследования.

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема принципа суверенного равенства сложна и неоднозначна. В науке представлено несколько подходов, но с учетом изменяющейся политической и международной обстановки вопросы толкования принципов международного права приобретают особую значимость и ценность. Сложно спорить с авторами в том, что «Актуальность темы обусловлена ее центральностью для понимания современного миропорядка, который переживает кризис легитимности и трансформацию. Принцип суверенного равенства, с одной стороны, является краеугольным камнем системы международного права, закрепленным в Уставе ООН, а с другой — постоянно подвергается критике и переосмыслинию в условиях растущего экономического и политического неравенства, появления новых акторов и глобальных вызовов».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «классическое понимание, опирающееся на взаимозависимость понятий «суверенитет» и «равенство», образует логический круг и не обладает собственным содержательным

ядром, что делает его пустой формальной конструкцией, совместимой с любыми формами фактического неравенства».

Во-вторых, автором представлены оригинальные обобщения практики, в частности, Международного Суда ООН, что может быть полезно специалистам в рассматриваемой сфере исследования.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с пониманием принципа суверенного равенства в международном праве.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели исследования, так как в завершении статьи сделаны обоснованные и оригинальные выводы, связанные с сущностью принципа суверенного равенства.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Arangio-Ruiz G., Hjorth R., Koskenniemi M., Simma B., Краевский А.А., Малов Д.В., Петров А.В., Зырянов А.В. и другие). Хотело бы отметить использование автором большого количества иностранных источников, что важно в контексте цели исследования.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам сущности принципа суверенного равенства в международном праве.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Белкин Д.С. Международное частное право и международное строительное контрактное право: применимое право и юрисдикция // Международное право. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.74510 EDN: RZWBRP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74510

Международное частное право и международное строительное контрактное право: применимое право и юрисдикция

Белкин Дмитрий Семенович

ORCID: 0009-0003-1532-1958

старший преподаватель; кафедра международного права; Славяно-Греко-Латинская Академия

105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, 20, каб. 201

✉ dmitryb81@gmail.com

[Статья из рубрики "Международное частное право"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.3.74510

EDN:

RZWBRP

Дата направления статьи в редакцию:

19-05-2025

Аннотация: В статье описано проведенное исследование, посвящённое соотношению норм международного частного права и международного строительного контрактного права при определении применимого права и юрисдикции в трансграничных строительных проектах. Предметом исследования является правовая природа коллизионных и процессуальных норм, применяемых в международных строительных контрактах. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при реализации международных инфраструктурных соглашений, в которых пересекаются частноправовые и публично-правовые элементы. Подробно рассматриваются такие аспекты темы, как доктринальные основания автономии воли сторон, особенности интеграции оговорок о праве и форуме в типовые формы договоров Международной федерации инженеров-консультантов (МФИК), взаимосвязь коллизионных привязок и процессуальных критериев допустимости споров, а также применение доктрины «принципа развилки» (англ. "fork in the road") в спорах между инвестором и государством. Методология исследования включает формально-юридический анализ

арбитражных регламентов, прецедентный подход и сравнительно-правовой метод с сопоставлением национальных и международных моделей распределения компетенции арбитров. Основными выводами проведенного исследования являются выявление функциональной взаимосвязи между выбором применимого права и определением юрисдикции в контрактах, а также обоснование необходимости комплексного согласования коллизионных и процессуальных условий договора. Особым вкладом автора в исследование темы является систематизация арбитражной практики по разграничению договорных и инвестиционных споров, в частности на основе теста Salini, что позволяет минимизировать риски процессуального дублирования. Новизна исследования заключается в том, что впервые в российской литературе сопоставлены особенности применения статьи 42 Вашингтонской конвенции 1965 года и статьи 35 Регламента ЮНСИТРАЛ при отсутствии прямого выбора права сторонами строительного контракта. Установлено, что эффективность применения стандартов МФИК во многом зависит от точного встраивания коллизионных оговорок в публично-правовой контекст конкретной юрисдикции. Автор делает вывод, что современная практика арбитражей МЦУИС, ЮНСИТРАЛ и ППТС подтверждает приоритет инвестиционных норм над национальным правом в части защиты инвестора от недобросовестных действий государственных органов, а также демонстрирует эволюцию понимания автономии воли как механизма синхронизации публичных и частных интересов в сфере строительства.

Ключевые слова:

международное частное право, международное строительное право, МСКП, применимое право, юрисдикция, международный арбитраж, Международная федерация инженеров-консультантов, МФИК, правовые риски, трансграничные строительные проекты

Выбор применимого права и юрисдикции сегодня формирует повестку любого крупного российского инфраструктурного проекта: без чёткого согласования этих параметров стройки задерживаются, дорожают и погружаются в правовую неопределенность. Процессуальные коллизии множатся, по мере того как глобальная строительная индустрия опирается на распределённые цепочки поставок, а инвесторы активнее прибегают к многосторонним механизмам защиты капиталовложений [\[1\]](#).

Современная доктрина международного частного права подчёркивает, что только корректный выбор права и форума способен минимизировать транзакционные издержки. Гипотеза проведённого исследования состояла в том, что совпадение ключевых коллизионных привязок с критериями допустимости юрисдикции обеспечивает максимальную процессуальную экономию независимо от того, рассматривает ли спор МЦУИС, ad hoc-арбитраж ЮНСИТРАЛ или национальный суд.

Исследование преследовало цель выработать научно обоснованные рекомендации по координации коллизионных и процессуальных норм в российской практике по договорам «инжиниринг, снабжение и строительство» (Engineering, Procurement and Construction, EPC), а также при использовании типовых форм контрактов, разработанных Международной федерацией инженеров-консультантов (МФИК). Для этого в исследовании анализируются доктрина, прецеденты и типовые формы контрактов МФИК, выявляются проблемные моменты на стадиях заключения, исполнения и разрешения споров.

Объект исследования — комплекс общественных отношений, возникающих при

реализации трансграничных строительных проектов; предмет — совокупность норм МЧП и международного арбитражного процессуального права, регулирующих определение права и компетентного форума.

Методология включает формально-юридический анализ статьи 42 Вашингтонской конвенции 1965 года о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами (Вашингтонская конвенция 1965 года), толкование статьи 35 (ранее ст. 33) Регламента ЮНСИТРАЛ, сравнительную оценку ангlosаксонских и континентальных распределений рисков, а также арбитражных прецедентов в области международного строительного контрактного права (МСКП). Сочетание указанных методов позволило раскрыть проблему во всей её многослойности.

Актуальность темы исследования подтверждается работами Г. Борна и Ч. Калелиоглу, демонстрирующими, что даже при всеобщем признании автономии воли — государства по-разному очерчивают границы публичного порядка [\[2\]](#). Исследования J. Huang демонстрируют, как новая редакция ГПК КНР 2024 года радикально меняет международную подсудность и заставляет подрядчиков пересматривать стратегию выбора форума [\[3\]](#). Работа И. Яковлевой о юрисдикции МЦУИС показывает, что формально безупречная арбитражная оговорка может утратить силу, если спор не подпадает под критерии Конвенции, что особенно чувствительно для строительных концессий [\[4\]](#).

Проблему осложняет многоуровневый характер крупных международных строительных и транснациональных инвестиционных договоров: в одном споре смешиваются подрядные и инвестиционные требования. Корректное разграничение этих пластов позволяет трибуналу выбрать надлежащие нормы и предотвратить дублирование процессов.

Российская практика, при всём признании приоритета ДИС над правилами, предусмотренными законом (п. 4, ст. 15 Конституции РФ), пока опирается на ограниченный набор «специальных условий» и не всегда бесконфликтно встраивает стандарты МФИК в международные строительные проекты. Отсюда возникает разрыв между договорной практикой и публично-правовыми гарантиями инвестиционной безопасности. Как указывает в своей работе академик РАН А.Г. Лисицын-Светланов, задача дальнейшего развития правовой системы состоит «не в создании специальных условий для иностранных инвесторов, включая условия об особом порядке рассмотрения споров, а в обеспечении общего инвестиционного режима, основанного на добросовестной конкуренции» [\[5\]](#).

Международные строительные проекты — например, реализуемые по условиям МФИК или договорам «инжиниринг, закупки и строительство» (EPC, Engineering, Procurement and Construction) — зачастую становятся предметом сложных споров с участием иностранных подрядчиков и государств. В таких спорах встаёт вопрос как об определении применимого права, так и о юрисдикции международных арбитражных институтов. В последние десятилетия накопился значительный массив прецедентной практики в рамках трех ключевых механизмов разрешения международных споров: Международного центра по регулированию инвестиционных споров (МЦУИС), арбитражей по регламенту Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) и арбитражей, администрируемых Постоянной палатой третейского суда (ППТС).

Заслуживает внимание то, как арбитражные трибуналы определяют и применяют: (1) применимое право — т. е. комплекс норм, регулирующих существо спора; (2) юрисдикцию — т. е. наличие и пределы полномочий рассматривать спор в данных

форумах. На основе анализа решений МЦУИС, арбитражей по правилам ЮНСИТРАЛ и арбитражей под эгидой ППТС выявляются сходства и различия в подходах к вопросам международного частного права, включая коллизионное регулирование и взаимодействие между договорными обязательствами и нормами международных инвестиционных договоров. Далее отражены важные прецеденты – известные дела, связанные с крупными международными строительными контрактами и инфраструктурными проектами.

В арбитраже МЦУИС вопрос о выборе права урегулирован статьёй 42(1) Вашингтонской конвенции 1965 года. Если стороны прямо не согласовали применимое право, трибунал МЦУИС обязан применять право государства-ответчика (государства места инвестирования), включая его нормы международного частного права, «и такие нормы международного права, которые могут быть применимы». Это означает, что в спорах инвестора с государством по строительному контракту, заключенному, например, с государственным органом, МЦУИС-трибунал будет исходить прежде всего из согласованного сторонами права (например, указания в контракте на применение законодательства конкретной страны). При отсутствии такового – применяется право страны-ответчика, дополненное нормами международного права.

На практике применение статьи 42 Вашингтонской конвенции 1965 года приводит к тому, что первоочередным источником регулирования выступают положения ДИС, индивидуального контракта между инвестором и принимающим государством (и др.) и нормы национального права страны, на территории которой осуществляется инвестиционный проект. Международное право в этой системе играет вспомогательную роль: оно применяется в случае пробелов в национальном праве либо используется для коррекции национального регулирования, если его применение противоречит императивным нормам международного публичного порядка. Так, в деле *World Duty Free Company v. Republic of Kenya* (МЦУИС, 2006 г.)^[6] рассматривался контракт, включавший две коллизионные оговорки: одну в пользу применения кенийского права (статья 10(A)), другую – английского права (статья 9 (2)(C)). Арбитражному трибуналу потребовалось соотнести эти системы, выявить их совпадение в части запрета коррупции и применить их кумулятивно. В результате руководствуясь положениями статьи 42 Конвенции МЦУИС и принимая во внимание международные антикоррупционные стандарты, трибунал признал контракт оспоримым и, с учётом своевременно заявленного отказа от исполнения соглашения (в контрмеморандуме Кении от 18 апреля 2003 года), отказал инвестору в защите его требований. Этот кейс подчёркивает, что даже при наличии явно согласованного национального права, арбитражи МЦУИС обязаны учитывать международно-правовые ограничения, в частности запрет коррупции как норму «непреложный закон» (лат. «*jus cogens*») и руководствоваться принципами международного публичного порядка в целях обеспечения справедливого и законного разрешения спора.

В тех случаях, когда инвестиционный спор вытекает из ДИС, строительный контракт нередко включает собственную оговорку о применимом праве (англ. «*applicable law*»); большинство ДИС предусматривают, что спор подлежит разрешению с учётом положений самого договора и «применимых норм международного права». При передаче разбирательства в МЦУИС такая оговорка квалифицируется как соглашение сторон о праве в смысле статьи 42(1) Вашингтонской конвенции 1965 г. Именно так поступил трибунал МЦУИС в деле *Bayindir v. Pakistan* (2009)^[7]: применимыми он признал нормы ДИС Турция–Пакистан 1995 г. и общие принципы международного права, поскольку само соглашение не ссылалось на какое-либо национальное право. Одновременно к

обязательствам, вытекающим из строительного контракта с Национальным агентством автомобильных дорог Пакистана, применялось пакистанское право как право договора; трибунал учитывал эти нормы лишь постольку, поскольку это требовалось для проверки возможных нарушений инвестиционного соглашения, включая оценку правомерности одностороннего расторжения контракта сквозь призму стандарта справедливого и равноправного режима. В precedентном деле *Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco* (2001) [\[8\]](#) по контракту МФИК на строительство автомагистрали Рабат – Фес Трибунал МЦУИС отметил, что ни сам контракт, ни ДИС Италия – Марокко не содержат автономной коллизионной оговорки; следовательно, в силу второго предложения ст. 42(1) Вашингтонской конвенции 1965года применимым становится право государства ответчика в совокупности с нормами международного инвестиционного права, прежде всего с положениями самого ДИС. На практике это выражалось в том, что марокканские нормы гражданского и административного права служили для проверки надлежащего исполнения подрядных обязательств, в то время как вопрос о нарушении государством стандартов «справедливого и равноправного режима», «полной защиты и безопасности» и т.п. решался по критериям международного права, к которым Трибунал отнес ДИС как специализированный источник.

В арбитражах *ad hoc* по правилам ЮНСИТРАЛ (в том числе администрируемых ППТС) вопрос применимого права решается на основании арбитражного соглашения сторон и положений регламента ЮНСИТРАЛ. Правило ст. 35 Регламента ЮНСИТРАЛ гласит «арбитражный суд применяет нормы права, которые стороны согласовали как подлежащие применению при решении спора по существу. Если такого согласия нет, суд использует право, которое он сочтет уместным». Поэтому если спор возникает из международного строительного контракта, регулируемого определенным национальным правом (что типично для контрактов МФИК, где в особых условиях обычно указан закон страны проекта), то трибунал ЮНСИТРАЛ применит это выбранное сторонами национальное право. Международное частное право как самостоятельный вопрос встанет только если стороны не указали применимого права. В таком случае арбитры обычно обращаются к коллизионным принципам, часто отдавая предпочтение праву страны, с которой спор наиболее тесно связан (например, праву государства, где находится объект строительства или где основные обязательства должны исполняться).

Во многих спорах «инвестор – государство» по международным строительным контрактам применимое право выводится не столько из самого контракта, сколько из положений ДИС: когда инвестор инициирует арбитраж *ad hoc* по Правилам ЮНСИТРАЛ, ссылаясь на нарушение государством норм ДИС – будь то экспроприация, несправедливое отношение (англ. «failure to accord fair and equitable treatment») или нарушение «зонтичной оговорки» (англ. «umbrella clause») – трибунал, как правило, руководствуется текстом ДИС и нормами международного публичного права, расценивая ссылку на ДИС как автономное соглашение сторон о праве; в результате выбор права в делах ЮНСИТРАЛ совпадает по методологии с практикой МЦУИС, хотя без императива ст. 42(1) Вашингтонской конвенции 1965 г. Иллюстративно решение *Romak v. Uzbekistan* [\[9\]](#): швейцарская компания пыталась квалифицировать одноразовые поставки зерна по типовым контрактам, разработанным Международной ассоциацией торговли зерном и кормами (The Grain and Feed Trade Association, GAFTA), как «инвестицию» в смысле швейцарскоузбекского ДИС; трибунал, применив толкование Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, подтвердил, что охраняемая инвестиция должна предполагать вклад, длительность и риск, а простое перемещение собственности таким критериям не отвечает; вследствие отсутствия инвестиции право применялось лишь к

вопросу юрисдикции и состояло из международных норм толкования ДИС, а не какого-либо национального законодательства, тогда как в спорах, где инвестиционный характер сделки не оспаривается, к чисто договорным аспектам могут подключаться нормы внутреннего права.

В арбитраже *Eurotunnel (Channel Tunnel Group Ltd. & France-Manche S.A. v. UK & France)* [10] применимое право было сформулировано многоуровневой коллизионной оговоркой: в силу ст. 19(6) Договора о фиксированной ЛаМаншской переправе 1986 г. и кл. 40.4 Концессионного соглашения трибунал прежде всего руководствовался самим Договором и Концессионным соглашением, далее — общими принципами международного права, а нормы английского или французского права подлежали учёту лишь постольку, поскольку реализация конкретных обязательств требовала их применения; при этом кл. 41.1 подтверждал, что национальное право действует субсидиарно «насколько это применимо». Трибунал предоставил приоритет Договору и Концессионному соглашению, квалифицировал требования концессионеров как претензии по контракту (англ. «contract claims») и учёл национальные нормы только в той мере, в какой они органично вписывались в согласованный «правовой режим концессии» и не противоречили ему, что иллюстрирует гибкость арбитража ППТС в сочетании международно~~правовых~~ и национально~~правовых~~ элементов в спорах, где частноправовой контракт встроен в более широкий публично~~правовой~~ контекст.

Во всех ключевых арбитражных режимах наблюдается общая логика определения применимого права: при наличии соглашения сторон оно уважительно исполняется, а при его отсутствии арбитры стремятся установить право, наиболее тесно связанное со спором. В инвестиционных делах, администрируемых МЦУИС, в рамках Регламента ЮНСИТРАЛ либо по правилам Постоянной палаты третейского суда, приоритет почти неизменно отдаётся нормам соответствующего инвестиционного соглашения и международному праву, тогда как национальное право привлекается главным образом для решения сугубо договорных вопросов, таких как существование и объём обязательств или последствия их нарушения. Отличия институтов обусловлены в первую очередь положениями их учредительных актов: так, МЦУИС формально предписывает учитывать право государства~~приёмника~~ инвестиций (что может оказаться критичным, если положения ДИС не охватывают некоторый аспект спора), тогда как регламенты ЮНСИТРАЛ и ППТС оставляют трибуналу больше свободы выбрать коллизионный метод. Тем не менее в практике последних десятилетий эти различия фактически нивелированы: трибуналы всех форумов, как правило, выходят на сходные материально~~правовые~~ результаты, применяя либо прямо избранное сторонами право, либо, при его отсутствии, право государства~~ответчика~~ в сочетании с общими принципами международного права. Конвергенцию подходов иллюстрируют, например, споры о вмешательстве государственных судов в исполнение арбитражных решений по строительным контрактам: в делах *Saipem v. Bangladesh* (2009) [11] и *ATA Construction v. Jordan* (2010) [12] трибуналы МЦУИС квалифицировали отмену или фактический срыв исполнения арбитражных решений национальными судами как нарушение международно~~правового~~ обязательства по соблюдению ДИС, несмотря на то, что сами контракты подпадали под право Бангладеш и Иордании; оба состава арбитров опирались на положения договоров об обеспечении справедливого и равноправного режима для инвестиций и на нормы ответственности государств, демонстрируя тем самым приоритет международных стандартов над национальными нормами в случаях нарушения инвесторских прав.

Арбитражная юрисдикция МЦУИС основывается на Вашингтонской конвенции 1965 года и

соглашении сторон спора (как правило, это оговорка в инвестиционном договоре или непосредственно в контракте с государством). Ключевое требование – наличие «инвестиций» в понимании ст. 25(1) Вашингтонской конвенции 1965 года; спор должен прямо вытекать из такой инвестиции. В контексте строительных проектов это означало, что подрядчик-инвестор должен осуществлять существенный вклад в хозяйственную деятельность принимающего государства – строительство инфраструктурного объекта обычно удовлетворяет этому критерию. Так, в уже упомянутом ранее деле *Salini v. Morocco* (2001) трибунал МЦУИС сформулировал знаменитый тест (т. н. «критерии Салини») для определения инвестиции: вклад капитала или иных ценностей, определённая длительность проекта, наличие предпринимательского риска и вклад в развитие принимающей страны. Строительный контракт на возведение автомагистрали в Марокко, финансируемый за счет средств инвестора (итальянской компании) и сопровождающийся переносом технологий и рисками, был признан «инвестицией». Этот подход подтвердился во множестве последующих дел МЦУИС, касавшихся строительства дорог, объектов энергетики, недвижимости и т.д. Например, в рассмотренном выше деле *Bayindir v. Pakistan* (2009), а также в деле *Jan de Nul v. Egypt, Toto Costruzioni v. Lebanon* (2012) [13], итальянский подрядчик требовал компенсацию за задержки при строительстве участка шоссе Saoufar-Mdeirej, ссылаясь на нарушения Ливаном ДИС между Италией и Ливаном 1997 года — прежде всего поздние экспроприации, присутствие сирийских войск и изменение налогов. В решении о юрисдикции 11 сентября 2009 г. трибунал подтвердил, что подрядный договор может быть признан «инвестицией» (англ. «investment») в смысле ст. 25(1) Вашингтонской конвенции 1965 года, применив тест *Salini* и признав вклад в инфраструктуру, длительность и риск проекта; одновременно трибунал отклонил требования, основанные исключительно на договорных обязательствах и не затрагивавшие осуществление суверенных прерогатив государства. Решением от 7 июня 2012 г. трибунал МЦУИС отклонил все требования, заявленные истцом на основании двустороннего инвестиционного соглашения, констатировал принципиальное различие между договорными нарушениями и нарушениями норм международного инвестиционного права, указал, что часть задержек связана с модификациями проекта по инициативе самого подрядчика, и распределил арбитражные расходы поровну между сторонами.

Еще одним условием применения механизмов МЦУИС является наличие «иностранных инвесторов» — физического или юридического лица, обладающего гражданством либо местом инкорпорации в другом государстве участнике Конвенции. Определение национальности нередко сопряжено с правовыми коллизиями, особенно в многоступенчатых структурах акционерного контроля. В спорах по классическим договорам «инжиниринг, закупки и строительство» такие вопросы возникали редко, поскольку подрядчики регистрировались в государствах-сторонах Вашингтонской конвенции 1965 года. Вместе с тем арбитражная практика демонстрирует, что государство-ответчик вправе оспорить статус иностранного инвестора, ссылаясь на утрату им требуемого гражданства или на отсутствие фактического контроля со стороны зарубежных акционеров. Иллюстративен прецедент *Autopista Concesionada de Venezuela v. Venezuela* (2003) [14]: концессионер автомагистрали был венесуэльской компанией, но после передачи контрольного пакета акций иностранной корпорации стороны договора прямо согласовали, что такое общество считается инвестором из государства-участника Конвенции. Трибунал подтвердил юрисдикцию, указав, что ст. 25(2)(b) Вашингтонской конвенции 1965 года допускает подобную договорную фиксацию статуса иностранного инвестора независимо от формального места регистрации юридического лица. Исключением остаются случаи, когда инвестор не может документально подтвердить

требуемую национальность: например, в деле *Soufraki v. UAE* (2004) [\[15\]](#) иск был отклонён в связи с утратой истцом итальянского гражданства до даты подачи. Во всех спорах, связанных со строительными проектами, арбитражный трибунал МЦУИС по собственной инициативе проверяет соответствие гражданства инвестора требованиям ст. 25 Конвенции; при установлении у истца гражданства государства ответчика на критические даты, трибунал МЦУИС обязан отказать в юрисдикции, однако это не препятствует инвестору инициировать разбирательство по Правилам ЮНСИТРАЛ или в ППТС, которые не обременены положениями статьи 25 Вашингтонской конвенции 1965 года и руководствуются текстом соответствующего ДИС.

МЦУИС требует, чтобы спор возник непосредственно из инвестиционной деятельности. В строительных контрактах зачастую одновременно имеются «договорные споры» (например, о неоплате выполненных работ, о неправомерном расторжении контракта государственным заказчиком) и возможные «требования по ДИС» (например, об экспроприации, когда государство конфискует технику или материалы, или о нарушении честного режима из-за произвольного вмешательства чиновников). В подобных случаях принципиальным является разграничение: рассматривает ли трибунал только нарушения ДИС или он вправе рассматривать также требования, основанные исключительно на положениях гражданско-правового договора, не затрагивающие норм международного инвестиционного права.

Практика МЦУИС выработала чёткий подход: *договорная оговорка о подсудности* (например, требование обращаться в национальный суд или в коммерческий арбитраж по спорам из контракта) сама по себе **не исключает** юрисдикцию МЦУИС в отношении требований о нарушении ДИС. Инвестор вправе предъявлять требования о нарушении договора о защите инвестиций, даже если те же факты составляют одновременно нарушение контрактных обязательств государства. Знаковым является решение МЦУИС по делу *Vivendi (Compañía de Aguas del Aconquija) v. Argentina* (2007) [\[16\]](#). Данный подход был чётко сформулирован Комитетом МЦУИС по аннулированию в 2002 году, где подчёркнуто, что государство не может ссылаться на исключительную подсудность, установленную контрактом, чтобы избежать квалификации своих действий как международного правонарушения; позиция была подтверждена и при повторном рассмотрении спора в 2007 году. Следовательно, включение в строительный контракт или иной инвестиционный контракт условия о компетенции национальных судов определяет только порядок разрешения чисто договорных претензий и не освобождает государство **принимающую** сторону от ответственности за нарушение обязательств по ДИС. Последующие трибуналы, в том числе по строительным спорам, следовали этому принципу. Например, в рассмотренном ранее деле *Bayindir v. Pakistan* (2009) государство возражало против юрисдикции МЦУИС, указывая, что основной спор — расторжение дорожного контракта — должен рассматриваться по арбитражной оговорке контракта (в той ситуации — через местный арбитраж по праву Пакистана), и что якобы «нет самостоятельного нарушения ДИС». Трибунал МЦУИС отклонил эти доводы, указав, что требования заявителя основаны на положениях инвестиционного договора (об экспроприации, справедливом режиме и т.д.), и даже если они фактически пересекаются с контрактным спором, это не лишает трибунала компетенции. При этом трибунал рассмотрел также и вопрос о соотношении параллельных разбирательств: поскольку по контракту Bayindir не завершил арбитраж, а пошёл сразу в МЦУИС, реальной «двойной» процедуры не было. Аналогично, в деле *Toto Costruzioni v. Lebanon* (2012) инвестор — подрядчик дорог — столкнулся с тем, что контрактные претензии должны были рассматриваться административными судами Ливана. Он одновременно заявил нарушения ДИС (Италия–Ливан) из-за задержек и действий властей. Трибунал МЦУИС

признал свою юрисдикцию по требованиям о нарушении ДИС, указав, что они отличаются от чисто контрактных исков и основаны на международном праве. В том же решении Трибунал исследовал применимость доктрины «раздвоение правовой защиты» (англ. «fork in the road»), согласно которой выбор инвестором национального способа разрешения спора блокирует последующее обращение к международному арбитражу, если соответствующее ДИС содержит исключительную оговорку. Поскольку ДИС Италия-Ливан такой оговорки не предусматривало, но устанавливало обязательный двенадцатимесячный период обращения в ливанские суды, Трибунал проанализировал фактические процессуальные действия инвестора: те исковые требования, которые ранее не предъявлялись в национальных судах, были признаны допустимыми (англ. «admissible») к рассмотрению в МЦУИС, тогда как требования, тождественные тем, что уже рассматривались ливанской юрисдикцией, квалифицированы как повторные и потому отклонены как недопустимые (англ. «inadmissible») в силу нарушения в арбитражном производстве принципа запрета повторного рассмотрения идентичных требований (лат. «*ne bis in idem*»), то есть запрета на повторное предъявление одного и того же иска, уже разрешённого по существу ранее».

В ряде ДИС, особенно более ранних, содержится условие, известное как «принцип развилки» (англ. «fork in the road»), согласно которому обращение инвестора за разрешением спора в национальные суды или иной выбранный форум лишает его возможности впоследствии инициировать международный инвестиционный арбитраж. Данное условие имеет существенное значение для международных строительных споров, поскольку подрядчик, обращаясь в национальные суды или коммерческий арбитраж по вопросам исполнения контракта, рискует утратить право на обращение в инвестиционный арбитраж в связи с тем же предметом спора. Иллюстративным примером строгого применения принципа развилки является дело *Pantechniki S.A. Contractors & Engineers v. Albania* (2009) [17], возникшее из дорожного строительства в Албании, когда в результате массовых беспорядков 1997 года имущество греческой компании-подрядчика было разграблено. Инвестор первоначально предъявил иск в албанские суды с целью взыскания компенсации по контракту, ссылаясь на соответствующее условие договора о рисках беспорядков, однако апелляционный суд Албании признал данное условие ничтожным по национальному праву. Не продолжая национальное разбирательство, подрядчик инициировал арбитраж МЦУИС, обосновывая претензии на основе ДИС между Грецией и Албанией, включая нарушение стандартов защиты инвестиций и «отказ в правосудии» (англ. «denial of justice»). Трибунал МЦУИС (единоличный арбитр — Я. Полссон), внимательно исследовав положение о «принципе развилки» и предмет национального и арбитражного разбирательств, пришёл к выводу, что оба спора фактически были основаны на одних и тех же обстоятельствах и преследовали идентичную цель — компенсацию одного и того же ущерба, несмотря на формально разные правовые основания (контракт и ДИС). Трибунал постановил, что инвестор исчерпал возможность защиты через национальные суды, тем самым утратив право обратиться в инвестиционный арбитраж в соответствии с ДИС. Претензии инвестора были отклонены не по причине отсутствия основания по существу, а в силу невозможности применения договора о защите инвестиций после обращения в национальный суд.

Строительные контракты международного характера (особенно МФИК) почти всегда предусматривают многоступенчатую процедуру урегулирования: сначала обращение к Техническому заказчику (межд. Инженеру-консультанту), затем в Совет по урегулированию споров (Dispute Adjudication Board, DAB) – в контрактах до 2017 года и в Совет по предотвращению / урегулированию споров (Dispute avoidance/Adjudication Board, DAAB) с 2017 года, и лишь потом – арбитраж. Аналогично, ДИС нередко требуют

попытаться разрешить спор полюбовно или через местный суд в течение определенного времени (6 месяцев, 1 год и т.п.) перед международным арбитражем. Невыполнение этих предварительных условий обычно рассматривается как вопрос допустимости иска (англ. «admissibility»), а не отсутствия юрисдикции (лат. «*ipso jure*»). Практика показывает, что трибуналы как МЦУИС, так и ЮНСИТРАЛ, стремятся не отвергать иск формально, если предварительная стадия не выполнена, а оценивают, не утратила ли она смысл. Например, 6-месячный период для переговоров в ДИС считается не препятствием к юрисдикции, а процедурным требованием, которое может быть «имплицитно отменено», если государство участвовало в споре по существу без возражений или если переговоры явно бесполезны. В рассмотренном ранее деле *Bayindir v. Pakistan* (2009) истец уведомил о споре, и к моменту регистрации иска 6 месяцев уже прошло – условие считалось выполненным. В деле *SGS v. Pakistan* (2003) [18] трибунал МЦУИС констатировал, что формальное несоблюдение двенадцатимесячного срока консультаций по статье 9 ДИС не лишает арбитраж юрисдикции, если к моменту принятия решения о компетенции указанный срок уже истёк.

Что касается требований о предварительном обращении к DAB/DAAB по контракту МФИК: этот вопрос в инвестиционных разбирательствах встал, например, в рассмотренном выше деле *Pantechniki v. Albania* (2009). В данном деле инвестор попытался сразу предъявить требования как экспроприацию контракта, минуя DAB. Трибунал МЦУИС, однако, сосредоточился на иных основаниях иска («принцип развилки»), не вынося принципиального решения о влиянии непрохождения DAB. В коммерческих же спорах национальные суды также сталкиваются с подобными ситуациями, в частности, Верховный суд Филиппин рассмотрел такое обстоятельство в деле *Hutama-RSEA v. Citra* (2010 г.) [19]. Спор возник из EPC контракта на строительстве автодороги Skyway Project между генеральным подрядчиком Citra Metro Manila Tollways Corporation и субподрядчиком Hutama-RSEA Joint Operations, Inc., в результате неоплаты части предусмотренных договором сумм. После неудачных переговоров субподрядчик обратился за разрешением спора в Арбитражную комиссию строительной индустрии Филиппин (CIAC), при этом он не выполнил предусмотренное контрактом (п. 20.4 EPC) обязательное условие предварительного обращения к Совету по рассмотрению споров (DAB). Генеральный подрядчик возразил против юрисдикции CIAC, ссылаясь на несоблюдение процедуры DAB, однако CIAC своим решением от 30 августа 2005 года подтвердила собственную компетенцию рассматривать спор. Citra Metro Manila Tollways Corporation обжаловала это решение в Апелляционный суд Филиппин, который 23 мая 2007 года согласился с генеральным подрядчиком и отменил решение CIAC, указав, что предварительное обращение к DAB обязательно и должно быть выполнено перед арбитражем. В свою очередь, субподрядчик Hutama-RSEA подал апелляцию в Верховный суд Филиппин, который своим решением от 24 апреля 2009 года отменил постановление Апелляционного суда и восстановил решение CIAC, подтвердив её право рассматривать спор по существу. Верховный суд указал, что само наличие арбитражной оговорки в договоре свидетельствует о согласии сторон на арбитраж, а несоблюдение процедуры предварительного обращения к DAB не лишает CIAC полномочий, хотя и может иметь другие последствия, например, повлиять на распределение арбитражных расходов или привести к приостановлению разбирательства для выполнения досудебной процедуры.

ППТС как учреждение не налагает дополнительных требований к юрисдикции – они определяются либо договором между сторонами (согласие на арбитраж), либо регламентом, который стороны выбрали. ППТС администрирует в том числе межгосударственные споры, но в контексте частных инвестиций чаще выступает как

регистратор *ad hoc* арбитражей. В частности, многие крупные арбитражи ЮНСИТРАЛ с государствами по инвестициям в 2010-х гг. администрировались ППТС (напр., споры против Венесуэлы после ее выхода из МЦУИС). В таких случаях условия юрисдикции – это условия соответствующего ДИС. Интересно, что при разрешении споров на базе многосторонних договоров или специальных соглашений ППТС-трибуналы также следуют общей логике. В рассмотренном ранее деле *Eurotunnel*, помимо вопросов применимого права, обсуждалась юрисдикция арбитража относительно некоторых требований, которые, по мнению ответчиков (Великобритании и Франции), выходили за рамки арбитражной оговорки. В итоге часть требований (в частности, о совместной и солидарной ответственности правительств за убытки) была признана не подпадающей под юрисдикцию, поскольку выходила за рамки обязательств государств по концессионному договору. Это подчёркивает: при отсутствии универсального документа вроде Вашингтонской конвенции 1965 года, границы компетенции арбитража ППТС определяются сугубо соглашением сторон.

Результаты настоящего исследования подтверждают, что при выборе применимого права и определении юрисдикции в международных строительных контрактах приоритет достигается лишь при согласованном учёте функционально-отраслевых критерий инвестиционной деятельности, сформулированных в практике МЦУИС. Эти критерии, первоначально систематизированные в прецеденте *Salini* и детально отражённые в доктрине предметной юрисдикции МЦУИС российскими исследователями [20], позволяют надёжно отделять договорные притязания от требований, основанных на международном инвестиционном праве. Проведённое исследование подтверждает, что такое разграничение становится особенно убедительным, когда строительно-концессионные модели совмещают элементы ЕРС-контракта и соглашения о защите инвестиций; при этом коллизионная оговорка, встроенная в типовые условия МФИК, способна функционировать как «юридический мост» между публично-правовым режимом и коммерческой сделкой.

В то же время практические выводы, полученные при анализе арбитражей *ad hoc* ЮНСИТРАЛ, подтверждают опасения, высказанные в связи с нормативной неопределённостью правового статуса Каспийских трубопроводов [21]: отсутствие детально согласованных процедур направления спора в арбитраж по-прежнему увеличивает транзакционные издержки и провоцирует параллелизм разбирательств. На евразийском направлении эти риски усиливаются многоступенчатой договорной сетью ШОС, где, как справедливо подмечено китайскими авторами, наблюдаются коллизии между перегруженной системой ДИС и ростом арбитражных расходов [22].

Унифицирующую роль автономии воли сторон следует оценивать сквозь призму глобализационных вызовов, выделенных в российских исследованиях права мирового развития [23]. Они выводят на первый план проблему баланса между суверенитетом и открытостью правовой системы. Российская конституционная модель уже закрепила приоритет международно-правовых обязательств, что целостно проанализировано в трудах О.Н. Хлестова (раскрывшего эволюцию отечественной позиции от дуалистического восприятия к монистическому) [24] и И.А. Умновой-Конюховой (указавшей на необходимость институциональной адаптации конституционных механизмов) [25].

Интернационализация конституционного права, а также «конституционализация» международных соглашений, как это продемонстрировано в работах Н.В. Варламовой и

Т.А. Васильевой [26], усиливает контроль национальных судов за корректным применением арбитражных оговорок. Это, в свою очередь, требует от практикующих юристов внимательного соотнесения коллизионных привязок с предписаниями публичного порядка, на что неоднократно обращают внимание англо-американские авторы, анализирующие последствия конституционного многоуровневого регулирования для трансграничных договоров [27].

Результаты исследования органично сопрягаются с классической концепцией примата международного права Х. Кельзена [28] и современным учением о «функциональном верховенстве» международного права над фрагментарными национальными нормами, развивающимся Дж. Кроуфордом в его работе «Principles of Public International Law» [29]. Тем не менее «сумеречные» тенденции конституционализма, описанные Д. Гrimmом, П. Добнером и М. Лафлином [30], показывают: без точного механизма интеграции международных стандартов в национальную систему возможно перерастание доктрины автономии воли в источник правовой дезинтеграции.

Проведённое исследование доказывает, что действенный синтез международного частного права и МСКП достигается только при условии параллельного учёта доктрины Salini для целей арбитражной юрисдикции, надлежащего конституционного закрепления верховенства международного права и тщательного проектирования коллизионных оговорок в ЕРС-контрактах. Современная практика МЦУИС и арбитражей ЮНСИТРАЛ подтверждает эффективность модели, при которой типовые условия МФИК служат нормативным интерфейсом между национальной регламентацией строительства и многосторонними инвестиционными договорами. Однако применение этой модели требует от российской правовой системы оперативного устранения нормативных пробелов, связанных с отсутствием механизма адъюдикации, который обязателен по стандартам МФИК. Достижение такого баланса повысит предсказуемость правовой среды для трансграничных проектов, усилит конкурентоспособность российских подрядчиков на рынках БРИКС и минимизирует риски юрисдикционных конфликтов без ущерба для государственного суверенитета.

Библиография

1. Алферова Е. В. Вызовы глобализации и право: исследования российских правоведов (обзор) // Право в условиях глобализации: новые научные подходы и практики. 2016. № 2016. С. 8-30. EDN: XEVUXD.
2. Gary Born and Cem Kalelioglu. Choice-of-Law Agreements in International Contracts // Ga. J. Int'l & Compar. L. 2021. Vol. 50. P. 44.
3. Huang J. Developing Chinese Private International Law for Transnational Civil and Commercial Litigation: The 2024 New Chinese Civil Procedure Law // Neth Int Law Rev. 2023. Vol. 70. P. 205-249. <https://doi.org/10.1007/s40802-023-00243-3>. EDN: XOSDVQ.
4. Yakovleva I. Проблемы, связанные с юрисдикцией в арбитраже Международного центра по регулированию инвестиционных споров (МЦУИС) // BULLETIN of LN Gumilyov Eurasian National University Law Series. 2022. Vol. 141. No. 4. P. 97-104.
5. Лисицын-Светланов А.Г. Рассмотрение споров по инвестиционным проектам с иностранным участием // Правовой энергетический форум. 2021. № 2. С. 8-13. DOI: 10.18572/2312-4350-2021-2-8-13. EDN: HIGVRK.
6. World Duty Free Company v Republic of Kenya, Award. URL: <https://www.italaw.com/cases/documents/3281> (дата обращения: 21 марта 2025 года).
7. Bayindir Insaat Turizm Ticaret Ve Sanayi A.S. v. Islamic Republic of Pakistan (I), ICSID Case No. ARB/03/29. URL: <https://www.italaw.com/cases/131> (дата обращения: 21 марта

2025 года).

8. Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco [I], ICSID Case No. ARB/00/4. URL: <https://www.italaw.com/cases/958> (дата обращения: 21 марта 2025 года).
9. Romak S.A. (Switzerland) v. The Republic of Uzbekistan, Award. URL: <https://www.italaw.com/cases/documents/919> (дата обращения: 21 марта 2025 года).
10. The Channel Tunnel Group Limited and France-Manche S.A. v. United Kingdom and France (The Eurotunnel Arbitration), PCA Case No. 2003-06. URL: <https://www.italaw.com/cases/11836> (дата обращения: 21 марта 2025 года).
11. Saipem S.p.A. v. The People's Republic of Bangladesh, ICSID Case No. ARB/05/07. URL: <https://www.italaw.com/cases/951> (дата обращения: 21 марта 2025 года).
12. ATA Construction, Industrial and Trading Company v. The Hashemite Kingdom of Jordan, ICSID Case No. ARB/08/2. URL: <https://www.italaw.com/cases/97> (дата обращения: 21 марта 2025 года).
13. Toto Costruzioni Generali S.p.A. v. The Republic of Lebanon, ICSID Case No. ARB/07/12. URL: <https://www.italaw.com/cases/1108> (дата обращения: 22 марта 2025 года).
14. Autopista Concesionada de Venezuela, C.A. v. Bolivarian Republic of Venezuela, ICSID Case No. ARB/00/5. URL: <https://www.italaw.com/cases/3458> (дата обращения: 15 марта 2025 года).
15. Hussein Nuaman Soufraki v. The United Arab Emirates, ICSID Case No. ARB/02/7. URL: <https://www.italaw.com/cases/1041> (дата обращения: 15 марта 2025 года).
16. Compañía de Aguas del Aconquija S.A. and Vivendi Universal S.A. v. Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/97/3 (formerly Compañía de Aguas del Aconquija, S.A. and Compagnie Générale des Eaux v. Argentine Republic). URL: <https://www.italaw.com/cases/309> (дата обращения: 22 марта 2025 года).
17. Pantechniiki S.A. Contractors & Engineers (Greece) v. The Republic of Albania, ICSID Case No. ARB/07/21. URL: <https://www.italaw.com/cases/810> (дата обращения: 22 марта 2025 года).
18. SGS Société Générale de Surveillance S.A. v. Islamic Republic of Pakistan, ICSID Case No. ARB/01/13. URL: <https://www.italaw.com/cases/1009> (дата обращения: 22 марта 2025 года).
19. HUTAMA-RSEA Joint Operations, Inc. vs. Citra Metro Manila Tollways Corp. URL: <https://jur.ph/jurisprudence/digest/hutama-rsea-joint-operations-inc-v-citra-metro-manila-tollways-corp> (дата обращения: 22 марта 2025 года).
20. Терешкова В.В., Гадалов Г.А. Применение теста Салини при определении инвестиций в практике Международного центра по урегулированию инвестиционных споров // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2022. № 3. С. 35-50. DOI: 10.7256/2454-0633.2022.3.33217 EDN: NFHXLY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33217
21. Гликман О. В., Мамедов Л. Р. Механизмы международно-правового регулирования трансграничных трубопроводных проектов в Каспийском регионе // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 9 (166). С. 119-131.
22. Яньянь Ж., Сысы Д. Исследование механизма арбитражных разрешений инвестиционных споров государств-членов ШОС и путей их совершенствования // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 4. С. 175-195. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_4_175_195. EDN: ZPVEAL.
23. Алферова Е. В. Вызовы глобализации и право: исследования российских правоведов (обзор) // Право в условиях глобализации: новые научные подходы и практики. 2016. № 2016. С. 8-30. EDN: XEVUXD.
24. Хлестов О. Н. Международное право и Россия // Московский журнал международного права. 2021. № 4. С. 52-59.

25. Умнова-Конюхова И. А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. – М.: РГУП, 2016. – 672 с. ISBN 978-5-93916-526-6.
26. Варламова Н. В., Васильева Т. А. Интернационализация конституционного права: современные тенденции / Под ред. Н. В. Варламовой и Т. А. Васильевой. – М.: ИГП РАН, 2017. – 224 с.
27. Weiler J. H. H., Wind M. (ed.). European Constitutionalism Beyond the State. – Cambridge University Press, 2003.
28. Kelsen H. Principles of International Law. – The Lawbook Exchange, Ltd., 2003.
29. Crawford J., Brownlie I. Brownlie's Principles of Public International Law. – Oxford University Press, USA, 2019.
30. Grimm D., Dobner P., Loughlin M. The Twilight of Constitutionalism? – 2010.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, международное частное право и международное строительное контрактное право. Автор анализирует проблемы выбора применимого права и юрисдикции. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методология включает формально-юридический анализ статьи 42 Вашингтонской конвенции 1965 года о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами (Вашингтонская конвенция 1965 года),, толкование статьи 35 (ранее ст. 33) Регламента ЮНСИТРАЛ, сравнительную оценку англо-саксонских и континентальных распределений рисков, а также арбитражных прецедентов в области международного строительного контрактного права (МСКП). Сочетание указанных методов позволило раскрыть проблему во всей её многослойности".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Выбор применимого права и юрисдикции сегодня формирует повестку любого крупного российского инфраструктурного проекта: без чёткого согласования этих параметров стройки задерживаются, дорожают и погружаются в правовую неопределенность. Процессуальные коллизии множатся по мере того, как глобальная стройиндустрия опирается на распределённые цепочки поставок, а инвесторы активнее прибегают к многосторонним механизмам защиты капиталовложений [1]. Современная доктрина международного частного права подчёркивает, что только корректный выбор права и форума способен минимизировать транзакционные издержки. Гипотеза проведенного исследования состояла в том, что совпадение ключевых коллизионных привязок с критериями допустимости юрисдикции обеспечивает максимальную процессуальную экономию независимо от того, рассматривает ли спор МЦУИС, ad hoc-арбитраж ЮНСИТРАЛ или национальный суд"; "Актуальность темы исследования подтверждается работами Г. Борна и Ч. Калелиоглу демонстрирующая, что даже при всеобщем признании автономии воли государства по-разному очерчивают границы публичного порядка [2]. Исследования J. Huang, демонстрируют как новая редакция ГПК КНР 2024 года радикально меняет международную подсудность и заставляет подрядчиков пересматривать стратегию выбора форума [3]. Работа И. Яковлевой о юрисдикции МЦУИС показывает, что формально безупречная арбитражная оговорка может утратить силу, если спор не подпадает под критерии Конвенции, что особенно чувствительно для строительных концессий [4]".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Результаты настоящего исследования подтверждают, что при выборе применимого права и определении юрисдикции в международных строительных контрактах приоритет достигается лишь при согласованном учёте функционально-отраслевых критериев инвестиционной деятельности, сформулированных в практике МЦУИС. Эти критерии, первоначально систематизированные в прецеденте *Salini* и детально отражённые в доктрине предметной юрисдикции МЦУИС российскими исследователями [20], позволяют надёжно отделять договорные притязания от требований, основанных на международном инвестиционном праве. Проведенное исследование подтверждает, что такое разграничение становится особенно убедительным, когда строительно-концессионные модели совмещают элементы ЕРС-контракта и соглашения о защите инвестиций; при этом коллизионная оговорка, встроенная в типовые условия МФИК, способна функционировать как «юридический мост» между публично-правовым режимом и коммерческой сделкой"; "Унифицирующую роль автономии воли сторон следует оценивать сквозь призму глобализационных вызовов, выделенных в российских исследованиях права мирового развития [23]. Они выводят на первый план проблему баланса между суверенитетом и открытостью правовой системы"; "Интернационализация конституционного права, а также «конституционализация» международных соглашений, как это продемонстрировано в работах Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой [26], усиливает контроль национальных судов за корректным применением арбитражных оговорок. Это, в свою очередь, требует от практикующих юристов внимательного соотнесения коллизионных привязок с предписаниями публичного порядка, на что неоднократно обращают внимание англо-американские авторы, анализирующие последствия конституционного многоуровневого регулирования для трансграничных договоров [27]. Результаты исследования органично сопрягаются с классической концепцией примата международного права Х. Кельзена [28] и современным учением о «функциональном верховенстве» международного права над фрагментарными национальными нормами, развиваемым Дж. Кроуфордом в его работе «*Principles of Public International Law*» [29]. Тем не менее «сумеречные» тенденции конституционализма, описанные Д. Гриффом, П. Добнером и М. Лафлином [30], показывают: без точного механизма интеграции международных стандартов в национальную систему возможно перерастание доктрины автономии воли в источник правовой дезинтеграции" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его цель и методологию. В основной части работы автор вырабатывает научно обоснованные рекомендации по координации коллизионных и процессуальных норм в российской практике по договорам «инжиниринг, снабжение и строительство» (Engineering, Procurement and Construction, EPC) и при использовании типовых форм контрактов, разработанных Международной федерацией инженеров консультантов (МФИК). В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий. Однако оно не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Актуальность темы исследования подтверждается работами Г. Борна и Ч. Калелиоглу демонстрирующая, что даже при всеобщем признании автономии воли государства по-разному очерчивают границы публичного порядка [2]. Исследования J. Huang, демонстрирует как новая редакция ГПК КНР 2024 года радикально меняет

международную подсудность и заставляет подрядчиков пересматривать стратегию выбора форума [3]" - "Актуальность темы исследования подтверждается работами Г. Борна и Ч. Калелиоглу, демонстрирующими, что даже при всеобщем признании автономии воли государства по-разному очерчивают границы публичного порядка [2]. Исследования J. Huang демонстрируют, как новая редакция ГПК КНР 2024 года радикально меняет международную подсудность и заставляет подрядчиков пересматривать стратегию выбора форума [3]" (см. на орфографию и пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, орфографические и пунктуационные ошибки.

Библиография исследования представлена 30 источниками (монографиями, научными статьями, аналитическими и эмпирическими материалами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Проведённое исследование доказывает, что действенный синтез международного частного права и МСКП достигается только при условии параллельного учёта доктрины Salini для целей арбитражной юрисдикции, надлежащего конституционного закрепления верховенства международного права и тщательного проектирования коллизионных оговорок в ЕПС-контрактах. Современная практика МЦУИС и арбитражей ЮНСИТРАЛ подтверждает эффективность модели, при которой типовые условия МФИК служат нормативным интерфейсом между национальной регламентацией строительства и многосторонними инвестиционными договорами. Однако применение этой модели требует от российской правовой системы оперативного устранения нормативных пробелов, связанных с отсутствием механизма адьюдикции, который обязателен по стандартам МФИК. Достигжение такого баланса повысит предсказуемость правовой среды для трансграничных проектов, усилит конкурентоспособность российских подрядчиков на рынках БРИКС и минимизирует риски юрисдикционных конфликтов без ущерба для государственного суверенитета"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, со стороны специалистов в сфере международного права, международного частного права, международного строительного контрактного права при условии ее доработки: устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Международное частное право и международное строительное контрактное право: применимое право и юрисдикция»

Объектом исследования выступает совокупность общественных отношений, возникающих при реализации трансграничных строительных проектов. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические взгляды по тематике статьи, совокупность норм международного частного и международного арбитражного процессуального права, регулирующих определение права и компетентного форума, а

также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди методологического арсенала автора особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать методы анализа международных правовых актов, к примеру, Вашингтонской конвенции 1965 года; сравнительно-правовой анализ «ангlosаксонских и континентальных распределений рисков, а также арбитражных прецедентов в области международного строительного контрактного права»; метод моделирования, позволивший выработать рекомендации по реализации коллизионных и процессуальных норм в российской практике по договорам «инжиниринг, снабжение и строительство» (Engineering, Procurement and Construction, EPC), а также при использовании типовых форм контрактов, разработанных Международной федерацией инженеров-консультантов (МФИК).

Актуальность разработки заявленной темы не вызывает сомнений в свете динамично развивающейся строительной отрасли в мире, повышением потребности в восстановлении зданий, строений и сооружений на новых территориях Российской Федерации. Своевременность исследования подчеркивают работы иностранных исследователей, демонстрирующих, «что даже при всеобщем признании автономии воли — государства по-разному очерчивают границы публичного порядка», а также изменения в законодательстве некоторых глобальных игроков строительного рынка, в частности КНР.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одной из первых работ, в которой международное частное право и международное строительное контрактное право исследуются в части применимого права и юрисдикции. Вызывает интерес авторский анализ доктрины, прецедентов и типовых форм контрактов МФИК, выявленные проблемные моменты на стадиях заключения, исполнения и разрешения споров, в результате чего выработаны соответствующие рекомендации по координации коллизионных и процессуальных норм. Теоретически интересными представляются рассуждения о соотношении международного и конституционного права, а именно проиллюстрированные примерами из строительной отрасли процессы интернационализации конституционного права, а также «конституционализации» международных соглашений.

Статья характеризуется научным стилем изложения. Содержание в целом логично. Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода. Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Работа представляется оригинальным и завершенным, исходя из возможного объема статьи, исследованием. Ощутимых недостатков статья не имеет.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в международно-правовых и гражданско-правовых исследованиях. Полагаю, что статья «Международное частное право и международное строительное контрактное право: применимое право и юрисдикция» может быть рекомендована к публикации.

Англоязычные метаданные

Is public control possible outside the territorial borders of the state: towards the formulation of the problem

Maksimov Aleksandr Alekseevich

Lecturer; Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

58 Belinsky str., Yakutsk, Republic of Yakutia, 677000, Russia

✉ niipgergo2009@mail.ru

Goncharov Vitalii Viktorovich

PhD in Law

Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Kuban State University'

Deputy Director for Scientific Work of the Kuban Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution 'Federal Scientific Center for Food Systems named after V.M. Gorbatov of the Russian Academy of Sciences'

3 Kolkhoznaya str., Krasnodar Territory, 350042, Russia

✉ niipgergo2009@mail.ru

Malinovskii Oleg Nikolaevich

PhD in Law

Associate Professor, Head of the Department; Department of Civil Procedure and International Law; Kuban State University

Stavropol str., 149, Krasnodar Territory, 350040, Russia

✉ niipgergo2029@mail.ru

Petrenko Elena Gennad'evna

PhD in Law

Associate Professor; Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin

350044, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Kalinina str., 13

✉ niipgergo2009@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the issues of the possibility and necessity of organizing and implementing public control outside the territorial borders of the state. The authors note that the public control is the most important legal guarantee for the implementation and protection of both the system of constitutional principles and the entire system of rights, freedoms and legitimate interests of citizens of the Russian Federation, as well as numerous non-governmental non-profit organizations. In this regard, the issues of determining the spatial boundaries of the functioning of this institution of civil society are of particular interest. In the context of international law, the territory of the planet is conventionally represented by the state territory of the countries of the world, territories with a mixed regime, as well as territories with an international regime (the Antarctic continent occupies a special place in this group of territories). The authors analyze the possibilities and limits of the functioning of public control within each group of these territories. The article uses a number of methods of scientific cognition, including: formal-logical; comparative-legal; historical-legal; statistical; sociological; method of analyzing specific legal situations. The paper analyzes modern problems that impede the optimal functioning of the institute of public

control outside the territorial borders of the state (on the example of Russia), the most important of which are: the lack of consolidation in the legislation on public control of the concept and content of the territorial limits of the functioning of this institution of civil society; the absence in international legislation of direct consolidation of the institute of control of civil society of the peoples of the United Nations international governmental and non-governmental organizations; weak development of the institute of international associations and unions of subjects of public control (subjects of civil society); ignoring by a number of countries (including the United States) the need to sign and (or) ratify the most important UN conventions affecting territories with a mixed and international regime (for example, the UN Convention on the Law of the Sea dated 11/16/1994); weak development in the scientific doctrine of international law of forms, methods, principles, grounds and limits of the functioning of public control (control of civil society) outside the territorial borders of the state. The authors have developed and justified a system of measures to resolve these problems.

Keywords: optimization, problems, Russian Federation, state, territorial borders, limits, democracy, public control, international law, sovereignty

References (transliterated)

1. Achmad H., Djais A. I., Petrenko E. G., Markov A. A., Vikhareva L. V., Putra A. P. 3-D printing as a tool for applying biotechnologies in modern medicine // International Journal of Pharmaceutical Research. 2020. T. 12. № 4. S. 3454-3463.
2. Berdnikova E. V. Mezhdunarodnye pravovye standarty v sfere obshchestvennogo kontrolya // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2018. № 4. S. 6-9.
3. Goncharov V. V. Obshchestvennyi kontrol' za filialami i predstavitel'stvami mezhdunarodnykh nepravitel'stvennykh organizatsii na territorii Rossii // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2023. № 7 (120). S. 94-99. URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2023.7.11>.
4. Goncharov V. V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo sub"ektorov obshchestvennogo kontrolya: k postanovke problemy // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii. 2023. № 4. S. 80-91. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2023.4.69430>.
5. Goncharov V. V., Maksimova S. M., Petrenko E. G., Poyarkov S. Yu. O problemakh i perspektivakh razvitiya informatsionnogo obespecheniya obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 1 (217). S. 76-79. URL: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_1_76.
6. Goncharov V. V., Petrenko E. G., Borisova A. A., Tolmacheva L. V., Dmitrieva I. A. Sistema sotsial'nogo doveriya (sotsial'nogo reitinga) v KNR: problemy i perspektivy vnedreniya v Rossiiskoi Federatsii // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2023. № 3. S. 78-91. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2023.3.39983>.
7. Grigorchuk M. A. K voprosu o samoopredelenii narodov i territorial'noi tselostnosti gosudarstva // Tendentii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2022. № 92-7. S. 64-67. URL: <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2022-323>.
8. Evtekhov R.A. Transgranichnye prostranstva v sisteme vospriyatiya ugroz natsional'noi bezopasnosti Rossii // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2022. № 6. S.109-120. DOI: 10.7256/2454-0668.2022.6.39056 EDN: SFSGCH URL: https://enotabene.ru/nbmag/article_39056.html
9. Zav'yalova T. D., Kirillov R. A., Kirillova O. Yu. Obshchestvennyi kontrol' v sisteme

- gosudarstvennykh zakupok: mezhdunarodnyi opyt i rossiiskaya praktika // Vestnik MIRBIS. 2020. № 2 (22). S. 111-121. URL: <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2020.2.13>.
10. Kozak D. N. Pravovoe regulirovanie granits territorii kontinental'nogo shel'fa gosudarstva // Vestnik nauki. 2023. T. 1. № 11 (68). S. 328-332.
URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54781444_66863534.pdf.
 11. Nezhenets O. V., Petrenko E. G. OON kak posrednik v uregulirovaniii mezhdunarodnykh konfliktov // Epomen. 2020. № 35. S. 230-235.
 12. Niklaus A. A. K voprosu o roli suvereniteta v protsesse territorial'noi optimizatsii gosudarstva // POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura. 2021. № 5 (88). S. 12-19.
URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48163204_69515359.pdf.
 13. Pal'chenkova V. M. Organizatsiya obshchestvennogo kontrolya na mezhdunarodnom urovne: istoriko-pravovoi aspekt // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2012. № 4 (10). S. 51-56.
URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18272723_73940102.pdf.
 14. Petrenko E. G., Kuleshova E. D. Problemy zashchity zhertv voennogo konflikta na Vostoche Ukrayiny // Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 33. № 1. S. 86-89.
 15. Romanova V. V., Moiseeva V. Yu. Osobennosti peremeshcheniya diplomaticeskimi predstaviteleyami oruzhiya cherez tamozhennye granitsy na primere SShA i Rossii // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2024. № 1 (56). S. 13-19. URL: <https://doi.org/10.18323/2220-7457-2024-1-13-19>.
 16. Savos'kin A. V., Galitskov V. A. Pravovaya reglamentatsiya izmeneniya territorii Rossiiskoi Federatsii kak faktor natsional'noi bezopasnosti // Voprosy bezopasnosti. 2022. № 4. S. 111-118. URL: <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2022.4.38952>

Restrictive and expansive interpretation of the 1967 Outer Space Treaty in the context of the use of space resources

Balichevsky Dmitry □

PhD student of the Department of International Law at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

53/2 Ostozhenka str., building 1, Moscow, 119021, Russia

✉ d-balichevskiy1996@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the main theoretical and legal approaches to the interpretation of norms of international space law in the context of the use of space resources, as presented in the modern doctrine of international law. The object of the research is the international legal relations arising in the process of interpreting and applying the provisions of the Outer Space Treaty of 1967 in relation to the issues of the legality of the use and appropriation of space resources by various subjects of international law. The study aims to identify the content and methodological foundations of restrictive and expansive approaches to the interpretation of Articles I and II of the Outer Space Treaty, analyze their theoretical premises, and assess the impact of doctrinal developments on the formation of a prospective international legal regime for space resources. Special attention is given to analyzing the positions of leading representatives of international legal science regarding the extension of the prohibition of national appropriation to private entities and the qualification of natural resources of celestial bodies as part of the latter. The methodological basis of the

research is provided by general scientific methods of cognition, including a systemic approach to analyzing doctrinal positions, comparative legal analysis of various interpretations of international legal norms, as well as methods of legal hermeneutics in studying the ways of interpretation of international treaties. The scientific novelty of the research is determined by the comprehensive analysis of doctrinal approaches to the issue of space resources from the perspective of the methodology of interpretation of international law. For the first time, a systematization of theoretical and legal concepts has been conducted, revealing their philosophical and legal foundations and practical implications. The study demonstrates that discrepancies in doctrine are attributable to different understandings of the nature of international law: teleological and literal interpretations of international treaties, as well as the prioritization of collective and individual interests. It has been established that the restrictive approach is based on a systemic analysis of international legal norms and the concept of the common heritage of mankind, while the expansive approach is grounded in the principles of common law and the doctrine of res nullius. The conclusion is drawn regarding the necessity of synthesizing rational elements of both concepts to create an effective international legal regime for space resources, taking into account both the collective interests of the international community and the needs for the development of space technologies.

Keywords: collective heritage of humanity, use of outer space, celestial bodies, private appropriation, national appropriation, expansive interpretation, restrictive interpretation, common heritage of mankind, space resources, legal hermeneutics

References (transliterated)

1. Balychevskii D. N. Aktual'nye tendentsii v oblasti formirovaniya mezhdunarodno-pravogo rezhima ispol'zovaniya kosmicheskikh resursov // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2024. – № 11 (198). – S. 17-21. EDN: AMYVDG.
2. Chernykh I.A. Vliyanie epistemicheskikh soobshchestv na razrabetku budushchego mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti na Lune // RUDN Journal of Law. – 2024. – T. 28. – № 1. – S. 215-230. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-1-215-230. EDN: RBDTEL.
3. Gorove S. Freedom of Exploration and Use in the Outer Space Treaty: A Textual Analysis and Interpretation // Denver Journal of International Law & Policy. – 1971. – Vol. 1, № 1. – P. 93-107.
4. Handbook of Space Law / ed. by F. von der Dunk, F. Tronchetti. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. – 1136 p.
5. Vylegzhinan A. N. Mezhdunarodno-pravovye perspektivy ispol'zovaniya prirodnykh resursov Luny i drugikh nebesnykh tel // Gornyi informatsionno-analiticheskii byulleten'. – 2021. – № 3-1. – S. 155-172. DOI: 10.25018/0236_1493_2021_31_0_155. EDN: TSCHMM.
6. Volynskaya O.A. Mezhdunarodnye politiko-pravovye aspekty ispol'zovaniya kosmicheskikh resursov // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2018. – № 9. – S. 145-154. DOI: 10.12737/art_2018_9_14. EDN: XYUNAD.
7. Hobe S. Current and Future Development of International Space Law // Disseminating and developing international and national space law: the Latin America and Caribbean perspective / Proceedings United Nations/Brazil Workshop on Space Law, ST/SPACE/28. – New York, 2005. – URL: https://www.unoosa.org/pdf/publications/st_space_28E.pdf (Data obrashcheniya: 28.05.2025).
8. Sterns P.M. Preliminary jurisprudential observations concerning property rights on the

- moon and other celestial bodies in the commercial space age // Proceedings of the Colloquium on the Law of Outer Space. – 1996. – Vol. 39. – P. 1-60.
9. Pop V. Appropriation in outer space: the relationship between land ownership and sovereignty on the celestial bodies // Space Policy. – 2000. – Vol. 16, № 4. – P. 275-282.
 10. Jenks C.W. Space law. – London: Stevens & Sons, 1965. – URL: <https://airandspacelaw.olemiss.edu/pdfs/jsl-36-1.pdf> (Data obrashcheniya: 28.05.2025).
 11. Popova O.A. Natsional'noe prisvoenie prirodnnykh resursov v mezhdunarodnom kosmicheskom prave // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. 2021. № 1. S. 46-59. DOI: 10.7256/2454-0633.2021.1.35099 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35099
 12. Myers D.S. Political considerations on some aspects of the law of outer space // Proceedings of the Colloquium on the Law of Outer Space. – 1975. – Vol. 18. – P. 66-73.
 13. Mizushima A. What is an Appropriate Interaction between International Law and Domestic Legal Systems to Promote Space Resources Development? // Air and Space Law. – 2017. – Vol. 42. – № 11. – URL: <https://www.nishimura.com/en/knowledge/publications/20171101-22946> (Data obrashcheniya: 28.05.2025).
 14. Hofmann M. Space resources activities from the perspective of sustainability: legal aspects // Global Sustainability. – 2020. – Vol. 3. – P. 1-7. DOI: 10.1017/sus.2019.27. EDN: UOJLUV.
 15. Von der Dunk F.G. Property Rights Over the Moon or On the Moon? The Legality of Space Resource Exploitation on Celestial Bodies // Journal of Law & Innovation. – 2023. – Vol. 6. – № 1. – P. 95-134.
 16. Tolstykh V. L. Reforma kosmicheskogo prava // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2021. – № 5. – S. 166-182. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.166-182. EDN: OHDKEX.
 17. De Man P. State practice, domestic legislation and the interpretation of fundamental principles of international space law // Space Policy. – 2017. – Vol. 42. – URL: <https://www.law.kuleuven.be/iir/nl/onderzoek/working-papers/wp181deman.pdf> (Data obrashcheniya: 28.05.2025). 18.
 18. Wang C. Legal Regulation of Commercial Exploitation of Outer Space Resources and China's Countermeasures // Beijing Law Review. – 2024. – Vol. 15. – DOI: 10.4236/blr.2024.153063. EDN: VKKSCB.
 19. Cheney T. There's No Rush: Developing a Legal Framework for Space Resource Activities // Space Law Journal. – 2019. – URL: <https://oro.open.ac.uk/69653/1/Cheney%20-%20Space%20Law%20Article%20-%202.9.19.pdf> (Data obrashcheniya: 28.05.2025).
 20. Freeland S. Article II / S. Freeland, R. Jakhu // Cologne Commentary on Space Law: Volume 1, Outer Space Treaty / eds. S. Hobe, B. Schmidt-Tedd, K.-U. Schrog. – Cologne: Carl Heymanns Verlag, 2009.
 21. Berg L. A. Posleduyushchaya praktika primeneniya mezhdunarodnykh dogovorov kak sredstvo sudebnogo tolkovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2025. – 23 s.

Legal Regime of Maritime Spaces and Their Natural Resources in the Context of International Construction Contract Law

Belkin Dmitry Semenovich □

Senior Lecturer; Department of International Law; Slavic-Greek-Latin Academy

20 Radio Street, office 201, Moscow, 105005, Russia

✉ dmitryb81@gmail.com

Abstract. This article presents the results of a conducted study on the legal regime of maritime spaces and the natural resources therein in the context of international construction contract law. The study examines the interplay between the international legal norms enshrined in the United Nations Convention on the Law of the Sea and the contractual provisions governing maritime construction projects. The research focuses on the regulation of port infrastructure, artificial maritime installations, and offshore facilities, with particular attention to the mechanisms for risk allocation, environmental obligations, and investor protection. The object of the study comprises maritime zones and natural resources utilized in major construction projects, while the subject of the research lies in the legal framework that regulates the planning, execution, and environmental control of such projects. The methodology employed includes a detailed analytical approach, comparative legal analysis, and an extensive review of judicial and arbitral practices. Standard contractual frameworks and pertinent international agreements serve as the foundation for this examination, ensuring a robust evaluation of both legislative and practical dimensions. The study also incorporates an assessment of relevant case law from international courts and arbitral tribunals, which contributes to a deeper understanding of the evolving legal principles in this field. The novelty of the research is reflected in its systematic synthesis of multi-jurisdictional legal precedents and the integration of sustainable development principles into the analysis. The findings indicate that adherence to established international norms and standardized contractual practices not only enhances legal certainty but also minimizes disputes between sovereign states and private entities, thereby promoting a balanced and sustainable approach to maritime infrastructure development.

Keywords: maritime spaces, legal regime, FIDIC, international construction contracts, ICCL, International Federation of Consulting Engineers, International Construction Contract Law, UNCLOS, investment disputes, environmental control

References (transliterated)

1. Vylegzhinan A.N., Korzhenyak A.M. Klauzuly ustoichivogo razvitiya v mezdunarodnom morskom prave // Moskovskii zhurnal mezdunarodnogo prava. 2022. № 4. S. 6-33. DOI: 10.24833/0869-0049-2022-4-6-33. EDN: RYVHIV.
2. Charrett D. (ed.). The international application of FIDIC contracts: A practical guide. – Taylor & Francis, 2019.
3. Guyana v. Suriname. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/9/> (data obrashcheniya: 9 marta 2025 goda).
4. Dispute concerning delimitation of the maritime boundary between Ghana and Côte d'Ivoire in the Atlantic Ocean (Ghana/Côte d'Ivoire). URL: <https://www.itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-23/> (data obrashcheniya: 9 marta 2025 goda).
5. Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America). 2003. URL:

- <https://www.icj-cij.org/node/103215> (data obrashcheniya: 9 марта 2025 goda).
6. Continental Shelf (Tunisia/Libyan Arab Jamahiriya). 1982. URL: <https://www.icj-cij.org/case/63> (data obrashcheniya: 9 марта 2025 goda).
 7. Continental Shelf (Libyan Arab Jamahiriya/Malta). 1985. URL: <https://www.icj-cij.org/case/68> (data obrashcheniya: 9 марта 2025 goda).
 8. Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain). 2001. URL: <https://www.icj-cij.org/node/103159> (data obrashcheniya: 9 марта 2025 goda).
 9. DP World and Doraleh v. Djibouti. DP World and Doraleh Container Terminal v. Republic of Djibouti, LCIA Case No. 183886, 2024. URL: <https://jusmundi.com/en/document/decision/en-dp-world-and-doraleh-container-terminal-v-republic-of-djibouti-report-and-recommendation-of-the-united-states-district-court-for-the-district-of-columbia-friday-5th-july-2024> (data obrashcheniya: 9 марта 2025 goda).
 10. DP World Callao S.R.L., P&O Dover (Holding) Limited, and The Peninsular and Oriental Steam Navigation Company v. Republic of Peru, ICSID Case No. ARB/11/21, 2020. URL: <https://www.italaw.com/cases/12472> (data obrashcheniya: 9 марта 2025 goda).
 11. DP World Limited v. Kingdom of Belgium, ICSID Case No. ARB/17/21, 2024. URL: <https://www.italaw.com/cases/5994> (data obrashcheniya: 9 марта 2025 goda).
 12. Case concerning Land Reclamation by Singapore in and around the Straits of Johor (Malaysia v. Singapore), Provisional Measures, 2023. URL: <https://www.itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-12/> (data obrashcheniya: 10 марта 2025 goda).
 13. The MOX Plant Case (Ireland v. United Kingdom), Provisional Measures, 2001. URL: <https://www.itlos.org/en/main/cases/list-of-cases/case-no-10/> (data obrashcheniya: 10 марта 2025 goda).
 14. Ampal-American and others v. Egypt. Ampal-American Israel Corp., EGI-Fund (08-10) Investors LLC, EGI-Series Investments LLC, BSS-EMG Investors LLC and David Fischer v. Arab Republic of Egypt, ICSID Case No. ARB/12/11. URL: <https://jusmundi.com/fr/document/decision/en-ampal-american-israel-corp-egi-fund-08-10-investors-llc-egi-series-investments-llc-bss-emg-investors-llc-and-david-fischer-v-arab-republic-of-egypt-decision-on-jurisdiction-monday-1st-february-2016> (data obrashcheniya: 11 марта 2025 goda).
 15. RSM Production Corporation and others v. Grenada, ICSID Case No. ARB/10/6. URL: <https://www.italaw.com/cases/937> (data obrashcheniya: 11 марта 2025 goda).
 16. RSM Production Corporation v. Saint Lucia, ICSID Case No. ARB/12/10. URL: <https://www.italaw.com/cases/2706> (data obrashcheniya: 11 марта 2025 goda).
 17. Mobil Investments Canada Inc. and Murphy Oil Corporation v. Canada, ICSID Case No. ARB(AF)/07/4. URL: <https://www.italaw.com/cases/1225> (data obrashcheniya: 11 марта 2025 goda).
 18. Tidewater Inc., Tidewater Investment SRL, Tidewater Caribe, C.A., et al. v. The Bolivarian Republic of Venezuela, ICSID Case No. ARB/10/5. URL: <https://www.italaw.com/cases/1096> (data obrashcheniya: 11 марта 2025 goda).
 19. Land Reclamation by Singapore in and around the Straits of Johor (Malaysia v. Singapore). URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/108/6> (data obrashcheniya: 11 марта 2025 goda).
 20. The South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China). URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/7/> (data obrashcheniya: 11 марта 2025 goda).

goda).

21. Chagos Marine Protected Area Arbitration (Mauritius v. United Kingdom). URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/11/> (data obrashcheniya: 11 marta 2025 goda).
22. Konsul'tativnoe zaklyuchenie Mezhdunarodnogo Suda o pravovykh posledstviyakh otdeleniya arkhipelaga Chagos ot Mavrikiya v 1965 godu. URL: <https://docs.un.org/ru/A/73/L.84/Rev.1> (data obrashcheniya: 11 marta 2025 goda).
23. Dzhunusova D. N. Mezhdunarodnoe morskoe pravo: uchebnoe posobie. – Astrakhan': ID "Astrakhanskii universitet, 2012. – 328 s. ISBN 978-5-9926-0557-0. EDN: TLZKLX.
24. Seregina O. N. Kodifikatsiya norm mezhdunarodnogo publichnogo prava na primere Konventsii OON po morskomu pravu 1982 g // Aktual'nye problemy prava. 2016. S. 195-197. EDN: XEYYAJ.
25. Garaev M. I. Mezhdunarodnye pogranichnye spory o morskoi delimitatsii v praktike Mezhdunarodnogo Suda OON // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2019. № 1. S. 65-69. EDN: NYQISW.
26. Arkhipova A. G., Abrosimova E. A. Arbitrabel'nost' morskikh sporov s publichno-pravovym elementom // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 463. S. 196-205. DOI: 10.17223/15617793/463/25. EDN: UJEEZS.
27. Elizarov M. V. O sredstvakh mirnogo uregulirovaniya mezhdunarodnykh morskikh sporov // Aktual'nye problemy prava i gosudarstva v XXI veke. 2017. T. 9. № 3. S. 197-201. EDN: ZAELBD.
28. Boyle A. E., Redgwell C. Birnie, Boyle, and Redgwell's international Law and the environment. Oxford University Press, 2021.
29. Roberts J. Marine environment protection and biodiversity conservation: the application and future development of the IMO's particularly sensitive sea area concept. Springer Science & Business Media, 2006.

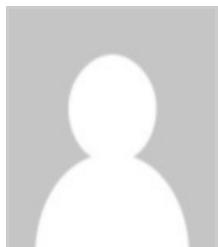
Exterritoriality in corpore: spatial limits of national law, jurisdiction, and the phenomena based on them

Davydov Dmitry Vasilevich

Postgraduate student; Faculty of Law; State Academic University of Humanities

26 Maronovsky Lane, Yakimanka district, Moscow, 119049, Russia

✉ dxdavydov@gauhn.ru

Abstract. Traditional notions of territorial supremacy and the spatial limits of legal norms, which allowed for extraterritorial application only in isolated, strictly defined cases, are actually devalued due to the persistent desire of states to extend the scope of their national law and jurisdiction. Time has shown that issues of extraterritoriality are no longer limited to personal status and the fiction of extraterritoriality. The need to address this issue is also driven by the consequences of the rapid development of global competition, which has an extremely negative impact on foreign trade. This article aims to formulate the most comprehensive list of various practical manifestations of extraterritoriality, briefly trace the attitude of international legal doctrine towards this problem, and analyze, in light of the conducted research, the variant proposed by the UN International Law Commission for addressing the issue of exercising extraterritorial jurisdiction. The article employs analytical, deductive, inductive, historical, systemic, comparative-legal, and functional research methods. It analyzes the characteristics of the manifestation of various forms and types of

extraterritoriality and attempts to assess the diversity of these manifestations in their entirety. Now, the science and practice of international law must develop approaches concerning not only the extraterritorial effect of laws but also the rights and obligations arising from them, judicial decisions, and documents. A generalized list of various instances of extraterritoriality leaves no doubt that this issue lies at the intersection of public international law and private international law. It is clear that the problem of extraterritoriality is so extensive and complex that it will require the participation of many specialists representing different legal traditions and the coordination of their efforts, most likely under the auspices of the UN International Law Commission.

Keywords: immunity, international legal assistance, nationalization, territorial supremacy, documents' cross-border movement, fiction of exterritoriality, exterritoriality, extraterritoriality, jurisdiction, jurisdictional enclave

References (transliterated)

1. Bakhin S.V. Pravo mezhunarodnoi konkurentsii i bezopasnost' gosudarstv (nekotorye rassuzhdeniya o blizhaishem budushchem) // Global'nye vyzovy i ugrozy mezhunarodnoi bezopasnosti. Sbornik materialov mezhunarodnoi nauchno-prakticheskoi onlain-konferentsii. 30 sentyabrya 2020 goda, Nur-Sultan / Pod red. Sh.V. Tlepinoi, R.D. Akshalovoi, D.M. Kamatovoi. Nur-Sultan: IP Bulatov, 2020. S. 43-49.
2. Bakhin S.V. Global'naya konkurensiya (na podstupakh k novomu miroporyadku) // Nauka SPBGU-2022. Sbornik materialov Vserossiiskoi konferentsii po estestvennym i gumanitarnym naukam s mezhunarodnym uchastiem. Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. Moskva: OOO "Izdatel'stvo Ippolitova", 2023. S. 1230-1231. EDN: GBULBU.
3. Bakhin S.V. "Sanktsionnoe pravo": postanovka problemy // Pravoprimenenie. 2024. T. 8. № 4. S. 143-152. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).143-152. EDN: KUINNW.
4. Terri P.S. Provedenie v zhizn' vnesheini politiki SShA putem nalozheniya odnostoronnikh vtorichnykh sanktsii: rabotaet li pravo sil'nogo v mezhunarodnom publichnom prave? // Vestnik mezhunarodnykh organizatsii. 2022. T. 17. № 1. S. 25-55. DOI: 10.17323/19967845-2022-01-02. EDN: SXNBFQ.
5. Klishas A.A. O vmeshatel'stve SShA i ES vo vnutrennie dela gosudarstv [Elektronnyi resurs] // Soviet Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii [sait]. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/81083/> (data obrashcheniya: 27.05.2025).
6. Lewin T. Business and the Law; Imposing Rule of U.S. Abroad // New York Times. November 16, 1982. Sec. D. P. 2.
7. Boklan D.S., Koval' V.V. Odnostoronne sanktsii v sootvetstviu s mezhunarodnym pravom i effektivnost' blokirovaniya // Moskovskii zhurnal mezhunarodnogo prava. 2024. № 1. S. 6-23. DOI: 10.24833/0869-0049-2024-1-6-23. EDN: MLJGHG.
8. Bakhin S.V. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossiiskoi Federatsii i mezhunarodnoe chastnoe pravo // Zhurnal mezhunarodnogo chasnogo prava. 2018. № 1 (99). S. 24-53. EDN: YOJWBV.
9. Martens F. Sovremennoe mezhunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov. Tom II. Izd. pyatoe, dop. i ispravl. Sankt-Peterburg: Tipografiya A. Benke, 1905. 626 s.
10. Cheshire J., North P., Fawcett J. International Private Law / P. Torremans, J. Fawcett, 15th edition. Vicenza: L.E.G.O. S.p.A., 2017. 1632 p.
11. Diplomaticeskii slovar' : v 3 t. T. 3. S-Ya / gl. redaktsiya A.A. Gromyko i dr. 4-e

- pererab. i dop. izd. Moskva: Nauka, 1986. 749, [1] s.
12. Samarin A.A. Eksterritorial'noe deistvie prava : dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.01 / A.A. Samarin. Nizhnii Novgorod, 2016. 229 s. EDN: LGOSFW.
 13. Mandel'shtam A.N. Gaagskie konferentsii o kodifikatsii mezhdunarodnogo chastnogo prava. Tom I. Sankt-Peterburg: Tipografiya A. Benke, 1900. 273 s.
 14. Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava Organizatsii Ob"edinennykh Natsii [Elektronnyi resurs]: 1 maya 9 iyunya i 3 iyulya 11 avgusta 2006 g. (Pyat'desyat vos'maya sessiya) A/61/10. S. 536-558. URL: <https://docs.un.org/ru/A/61/10> (data obrashcheniya: 27.05.2025).
 15. Terent'eva L.V. Eksterritorial'noe proyavlenie yurisdiktsii gosudarstva v usloviyakh transformatsii vospriyatiya ego gosudarstvennykh granits // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2019. № 3. S. 160-180. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.3.160.180. EDN: GJFPOL.
 16. Kurs mezhdunarodnogo prava : v 6 t. / Akademiya Nauk SSSR, In-t gosudarstva i prava. Moskva: Nauka, 1967-1969.
 17. Kurs mezhdunarodnogo prava. V 7 t. / red. kol. V.N. Kudryavtsev (gl. red.) i dr. Moskva: Nauka, 1989-1993.
 18. Vilkov G.E. Natsionalizatsiya i mezhdunarodnoe pravo. Moskva: Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii, 1962. 134 s.
 19. Baratyants N.R. Problemy eksterritorial'nogo deistviya pravovykh norm i mezhdunarodnoe chastnoe pravo // Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: sovremennye problemy / Otv. red. M.M. Boguslavskii. Moskva: Izdatel'skoe tovarishchestvo "TEIS", 1994. S. 245-261.
 20. Palienko N.I. Suverenitet. Istoricheskoe razvitiye idei suvereniteta i ee pravovoe znachenie. Yaroslavl': Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1903. 567 s.
 21. Taube M.A. Sistema mezhgosudarstvennogo prava v skhematischeskom izlozenii: programma-konspekt lektsii. Sankt-Peterburg: tip. V.F. Kirshbauma, 1909. 51 s.
 22. Kurs mezhdunarodnogo prava. V 7 t. T. 3. Osnovnye instituty mezhdunarodnogo prava / otv. red. N.A. Ushakov. Moskva: Nauka, 1990. 260 s.
 23. Zolotoi fond rossiiskoi nauki mezhdunarodnogo prava. T. V. Danevskii V.P. Posobie k izucheniyu istorii i sistemy mezhdunarodnogo prava / Nauch. red. G.S. Starodubtsev. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2021. 496 s.
 24. Grotsii G. O prave voiny i mira: reprint s izd. 1956 g. / S.B. Krylov; per. s lat. A.L. Sakketti. Moskva: LadoMir, 1994. 868 s.
 25. Aleksieva B.B. Tendentii razvitiya instituta konsul'skikh privilegii i immunitetov : dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.10 / B.B. Aleksieva. Moskva, 2006. 150 s. EDN: NNRVNR.
 26. List F. Mezhdunarodnoe pravo v sistematicheskom izlozenii / V.E. Grabar', perevod M. Mebel'. Yur'ev: Izdanie M.A. Polyanskoi, 1902. 404 s.
 27. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Sbornik natsional'nykh kodifikatsii / sost. i red. V. Plekhanov. Moskva, 2021. 1112 s.
 28. Glandin S.V. Zakon o prave podsanktsionnykh lits perenosit' sudebnye spory v Rossiyu: prichiny i predposylki // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2021. № 1 (37). S. 131-152. DOI: 10.21128/2226-2059-2021-1-131-152. EDN: HLIPMK.
 29. Gavrilov E. Grazhdansko-pravovaya zashchita i okhrana sekretov proizvodstva i kommercheskoi tainy // Khozyaistvo i pravo. 2014. № 7. S. 41-56. EDN: UFEMHL.
 30. Agarkov M.M. Primenenie sovetskim sudom inostrannogo zakona // Problemy sotsialisticheskogo prava. Sbornik 3. Moskva: Juridicheskoe izdatel'stvo NKYU Soyuza

- SSSR, 1938. S. 65-72.
31. Brun M.I. Ocherki istorii konfliktного права. Москва: Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko, 1915. 106 s.
 32. Batyr' V.A. Mezhdunarodnoe territorial'noe pravo. Москва: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2021. 664 s. EDN: XDPDOB.
 33. Moroz S.P. Sud MFTsA: voprosy teorii i praktiki // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan. 2020. № 1 (59). S. 111-115. EDN: HSYTKB.
 34. Murzagalieva A.M. K voprosu o vidakh mezhdunarodnykh finansovykh tsentrov // CONCORDE. 2018. № 3. S. 99-104. EDN: XMJMTB.

Forum internum and forum externum in the law of freedom of thought, conscience, and religion: international legal aspects and comparative analysis.

Kulov Stanislav Sergeevich

Postgraduate student; Department of International Law; Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Lawyer; Karachay-Cherkess Republican Bar Association

115035, Russia, Moscow, Yakimanka district, 3rd Kadashevskylane, 5 p. 5

 staskulov@gmail.com

Abstract. The article explores the concepts of forum internum and forum externum as essential components of the right to freedom of thought, conscience, and religion. It analyses international legal instruments, including the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Civil and Political Rights, and the European Convention, alongside jurisprudence from the UN Human Rights Committee and the European Court of Human Rights. Particular attention is given to the distinction between internal convictions, which are afforded absolute protection, and their external manifestations, which may be restricted under specific conditions. Additionally, the article examines the conformity of the Russian legal system with international standards in this sphere. The research summarises current doctrinal developments relating to forum internum and externum and analyses recent practical cases, an area that has not previously received systematic coverage in Russian academic literature. The aim of this article is to provide a comprehensive analysis of the concepts of forum internum and forum externum within the context of the right to freedom of thought, conscience, and religion. Special emphasis is placed on a comparative legal perspective regarding the protection of this right within international and regional frameworks (UN, Council of Europe, CIS) as well as within the Russian legal order. The methodological framework comprises a combination of general scientific and specialised legal methods, including comparative-legal analysis, formal-legal analysis, and case study approaches. The practical significance lies in the fact that the conclusions and recommendations offered in the article can be applied to improve legislation and judicial practices, as well as in expert analyses and educational activities addressing issues of international protection of freedom of conscience. The international experience analysed in this study demonstrates that effective protection of freedom of thought, conscience, and religion is achievable only through strict adherence to the boundary between forum internum and forum externum. Absolute protection of individual internal beliefs must be balanced with reasonable and justified regulation of external religious manifestations. Observance of this balance promotes harmonious coexistence of diverse worldviews, prevents religious conflicts, and reinforces the principle of the rule of law. International legal mechanisms have accumulated valuable experience that can be utilised by states, including Russia and CIS countries, to enhance their own practices.

Keywords: forum externum, forum internum, ECtHR, human rights, international law, UN, restrictions on rights, freedom of religion, freedom of conscience, freedom of thought

References (transliterated)

1. Komitet OON po pravam cheloveka. Zamechanie obshchego poryadka № 22: Pravo na svobodu mysli, sovesti i religii (st. 18) // CCPR/C/21/Rev.1/Add.4. – 30.07.1993.
2. Komitet OON po pravam cheloveka. Zamechanie obshchego poryadka № 34: Svobody mneniya i vyrazheniya // CCPR/C/GC/34. – 12.09.2011.
3. Bielefeldt H., Ghanea N., Wiener M. Freedom of Religion or Belief: An International Law Commentary. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 625 p.
4. Lerner N. Religion, Beliefs and International Human Rights. – Leiden: Brill, 2021. – 340 p.
5. Evans M. D. Religious Liberty and International Law in Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 392 p.
6. Shakhov M.O. Pravovye osnovy deyatel'nosti religioznykh ob"edinenii v Rossiiskoi Federatsii / Sretenskaya dukhovnaya seminariya. – 3-e izd., pererab. i dop. – M. : Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2019. – 880 s.
7. Pchelintsev A.V. Svoboda veroispovedaniya i deyatel'nost' religioznykh ob"edinenii v Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovye osnovy, – M.: ID «Yurisprudentsiya», 2012. – 248s.
8. Kulov S. S. Praktika Komiteta po pravam cheloveka OON po obrashcheniyam, kasayushchimsya narushenii prava na svobodu mysli, sovesti i religii // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2025. – № 4. – S. 24-25.
9. Bilefel'dt Kh. Svoboda religii ili ubezhdennii: normativnye ramki // Religion and Human Rights. – 2012. – T. 7. № 1. S. 15-29.
10. Ganea N. Pravo na svobodu religii i prava drugikh lits // Religion and Human Rights. – 2012. – T. 7. № 2. S. 123-136.
11. Novak M. Mezhunarodnyi pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh: Kommentarii k polozheniyam. 2-e izd. – Kel'-am-Rain: N.P. Engel, 2005. – 1312 s.

The Asylum Seekers Agreement between the United Kingdom and the Republic of Rwanda: international legal assessment

Tatarintsev Kirill Yurievich □

Postgraduate student; Department of International Law; Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

53/2 Ostozhenka str., Khamovniki district, Moscow, 119021, Russia

✉ tatarincev.smack@mail.ru

Abstract. The subject of the study is theoretical views on mechanisms of asylum regulation, as well as law enforcement practice. It analyzes the legal acts of the UK concerning migration issues. The bilateral asylum partnership agreements between the UK and Rwanda are examined in detail. The study seeks to identify possible legal risks in the use of "Rwandan scheme". It briefly describes the existing precedents in international practice for the development of similar mechanisms for the treatment of asylum seekers. The research methodology includes the analysis of international legal acts national law, court decisions,

systematic approach. The author's contribution to the research is the results of the legal analysis of the scheme of "expulsion" of asylum seekers to third countries. The novelty of the study lies in a comprehensive analysis of the goals and objectives of the agreements between the UK and Rwanda in terms of their compliance with international law. The relevance of the study is confirmed by the fact that the "Rwandan scheme" is arousing interest in the countries of Europe, North America, the Middle East, Australia and Oceania, a precedent is being formed, which is likely to serve as a basis for further development of international human rights law. The main conclusions of the study are that the "Rwandan scheme" by a number of parameters at this stage may not comply with Art. 33 of the Convention relating to the Status of Refugees, Art. 3 of the European Convention on Human Rights, Art. 3 of the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. The findings of the study can be used in expert and government circles in the planning of changes in legislation that would control the illegal stay of foreigners and reduce illegal migration.

Keywords: rule-making process, ECHR, Rwanda asylum plan, Status of Refugees, UNHCR, human rights, international law, irregular migration, asylum seekers, refugees

References (transliterated)

1. Rogozhina I.N. Pravo ubezhishcha v sovremennoi mezhdunarodnoi praktike: monografiya. – M.: Norma, 2023. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01012345678>
2. Petrov V.N. Pravovye aspekty regulirovaniya migratsii v Rossii: monografiya. – M.: Izdatel'stvo "Yuridicheskaya literatura", 2022. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01012345679>
3. Greenhill K. Refugees, Asylum Seekers, and Global Migration: The Legal Frameworks and Human Rights Issues. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/refugees-asylum-seekers-and-global-migration/>
4. Soter G. Migration and International Law: Challenges and Legal Strategies. – New York: Springer, 2021. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-12345-6>
5. Kovalev I.S. Mezhdunarodnoe pravo zashchity prav bezhentsev: Sravnitel'nyi analiz // Yuridicheskii zhurnal. – 2022. – № 3. – S. 12-25. URL: <https://legaljournal.ru/2022/3/kovalev>
6. Smirnova N.V. Kontseptsiya mezhdunarodnoi zashchity bezhentsev v sovremennykh usloviyakh // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. – № 1. – S. 60-75. URL: <https://lawstate.ru/2023/1/smirnova>
7. Novikov P.D. Problemy pravovogo regulirovaniya migratsii v usloviyakh global'noi nestabil'nosti // Mezhdunarodnye otnosheniya i pravo. – 2023. – № 2. – S. 28-37. URL: <https://intlawjournal.ru/2023/2/novikov>
8. Yastrebova A.Yu. Mezhdunarodno-pravovye osnovy regulirovaniya statusa trudyashchikhsya-migrantov na universal'nom i regional'nom urovne // Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 2015. – № 4. – S. 116-126. URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/view/119> EDN: XBIFON
9. Yastrebova A.Yu. Pravo individa na migrantsiyu: otdel'nye mezhdunarodno-pravovye aspekty i ikh sootnoshenie s natsional'nym regulirovaniem // Prava cheloveka v mezhdunarodnom i natsional'nom prave: sbornik nauchnykh statei. – M.: Prava cheloveka, 2015. – S. 91-101. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01012345680>
10. Shpakovskii A.V. Zaderzhanie bezhentsev i lits, ishchushchikh ubezhishche, v mezhdunarodno-pravovom kontekste soblyudeniya prav cheloveka i prav bezhentsev //

Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2025. – № 3(202). – S. 200. – Rezhim dostupa: eurasialaw-journal.ru/2025g/03-202-2025g.html

11. Betts A., Easton-Calabria E., Omata N. Refugee Protection as a Public Good: What Benefits Do States Derive? // Perspectives on Politics. – 2024. – 22(2). – S. 678-693. URL: <https://doi.org/10.1017/S1537592724001014>
12. Yastrebova A.Yu. Zashchita vynuzhdennykh migrantov v usloviyakh vooruzhennykh konfliktov: mezhdunarodno-pravovye aspekty // Puti k miru i bezopasnosti. – 2019. – № 1(54). – S. 74-82. URL: <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-1-74-82> EDN: ZYTCLZ
13. Krasnov Yu. Povorot Rossii v otnoshenii k resheniyam mezhdunarodnykh sudov. Nespravedlivye resheniya vypolnyat' ne budem // Pravo i upravlenie. XXI vek. – 2016. – № 1(38). – S. 24-31.
14. Costello C. Towards a New Architecture for International Protection? // International Journal of Refugee Law. – 2023. – 35(4). – S. 461-487. URL: <https://doi.org/10.1093/ijrl/eead027>
15. McDonnell T.M., Merton V.H. Enter at Your Own Risk: Criminalizing Asylum-Seekers // Columbia Human Rights Law Review. – 2019. – Vol. 51, No. 1. URL: <https://hrlr.law.columbia.edu/hrlr/enter-at-your-own-risk-criminalizing-asylum-seekers/>
16. Taylor S. Is Australia a Model for the UK? A Critical Assessment of Parallels of Detention, Offshore Processing and Asylum Policy // Journal of Refugee Studies. – 2023. – 36(2). – S. 271-293. URL: <https://doi.org/10.1093/jrs/fead016> EDN: RBEIYM
17. Ivanov D.V., Iordanovski S. Mezhdunarodno-pravovye aspekty obshcheevropeiskoi sistemy ubezhishcha: praktika primeneniya Dublinskoi konventsii, opredelyayushchei gosudarstvo, otvetstvennoe za rassmotrenie khodataistv o predostavlenii ubezhishcha, podannykh v odnom iz gosudarstv-chlenov Evropeiskogo soyusa // Rossiya i sovremennyi mir: ekonomika i pravo. Ch. II. – M.: MGIMO, 2017. EDN: ZSKOXT
18. Costello C., Mouzourakis M. Effective Judicial Protection of Migrants and Refugees? The Role of Europe's Supranational Courts in Protecting and Generating Rights // Research Handbook in EU Migration Law / Ed. by Evangelia (Lilian) Tsourdi. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022. URL: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4890519>
19. Kalinichenko P.A. K voprosu o kollizii mezhdu postanovleniyami ESPCh i Konstitutsiei Rossii v svete pozitsii Konstitucionnogo Suda RF // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2016. – № 2(63). – S. 42-48. URL: <https://aprp.msal.ru/jour/article/view/36> DOI: 10.17803/1994-1471.2016.63.2.042-048 EDN: VUTHST

On the issue of the history of the regulation of the prohibition of the propaganda of aggressive war in international law.

Bagandova Leila Zakirovna

Junior Researcher of the Scientific and Organizational Department; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Office 207, Znamenka str., Moscow, 119019, Russia

✉ leyla.bagandova@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the formation of the international criminal law sector concerning the regulation of provisions on crimes of aggression. The author examines the development and adoption of international documents aimed at criminalizing the propaganda of aggressive war in retrospect, such as the UN Charter, the draft Code of Crimes against

Peace and Humanity, etc. The author's significant contribution lies in the comprehensive overview of adopted treaties and resolutions, as well as the analysis of the contentious issues that arose during the adoption of the respective documents. The relevance of this study is underscored by the complex international political and economic situation and the record number of regional conflicts, making the retrospective examination of this issue important for developing more effective measures to counteract crimes of aggression, particularly the propaganda of aggressive wars, to fulfill the task of criminal law in ensuring peace and security for humanity. The scientific novelty of the research lies in the author's comprehensive review of international documents to determine the most effective ways to counteract the propaganda of aggression in the context of the current international situation while reintroducing the term "propaganda of aggressive war" into scientific discourse, as it is absent from the legislation of the Russian Federation and replaced with "public calls for unleashing aggressive war." In conducting this research, the author employed historical, comparative legal methods, as well as analytical, deductive, and inductive methods. As a result of the work carried out, the author concluded that over the past century, there have been many attempts to limit not only aggressive war itself but also its propaganda. To a large extent, the starting point for this was the judgment of the Nuremberg Tribunal; however, efforts to criminalize the act in question were undertaken long before that. Through a comprehensive analysis of international documents, the author also noted that despite the adoption of relevant resolutions, the global community has not reached a consensus on recognizing propaganda of aggressive war, rather than its individual elements (incitement), as an international crime, since the phenomenon of "propaganda" itself encompasses a broader range of actions, many of which do not fall under the relevant norms.

Keywords: security of humanity, crimes of aggression, international criminal law, Rome Statute, Nuremberg Tribunal, UN, League of Nations, aggressive war, propaganda of aggression, propaganda

References (transliterated)

1. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast': uchebnik. 2-e izdanie, ispravленное и дополненное / под ред. В.П. Ревина. – М.: Юстициум, 2009. – СПС "КонсультантПлюс".
2. Formirovanie ugolovnoi otvetstvennosti za prestuplenie agressii v mezhdunarodnom prave kontsa XIX – pervoi poloviny XX veka // Pravo i politika. – 2024. – № 6. – С. 53-54.
3. Savenkov A.N. Nyurnbergskii protsess i razvitiye mezhdunarodnoi ugolovnoi yustitsii: spetsializirovannyi uchebnyi kurs / A.N. Savenkov. – Moskva: IGP RAN, 2022. – 253 s. – EDN: UZVAIC.
4. Shpakovskii Yu.G. LIGA NATsII // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. – 2020. – № 12 (76). – С. 249-256. – EDN: UGUDLY.
5. Batyr' V.A. Kontseptual'nye podkhody k mezhdunarodnopravovomu opredeleniyu ponyatiya "agressiya" i problemy sovershenstvovaniya rossiiskogo zakonodatel'stva // Lex Russica. – 2025. – Vol. 78, № 1 (218). – С. 95-116. – DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.095-116. – EDN: WUZFRK.
6. Il'inskaya O.I. Problema zapreshcheniya agressivnykh voin v istorii mezhdunarodnogo prava // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2024. – Т. 19. – № 8(165). – С. 162-173. – DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.162-173. – EDN: SGRPNM.
7. Trainin A.N. Izbrannye proizvedeniya / под общем ред. Р.А. Руденко. – Moskva, 1969. – 454 s.

8. Dzeitova R.B. Zapret propagandy voiny v mezhunarodnom i rossiiskom prave // Penitentsiarnaya nauka. – 2023. – № 3 (63). – Vol. 17. – S. 265-272. – DOI: 10.46741/2686-9764.2023.63.3.004. – EDN: MXEAWP.
9. Kearney M. The prohibition of propaganda for war in the international covenant on civil and political rights // Netherlands Quarterly of Human Rights. – 2005. – Vol. 23/4. – Pp. 551-570.
10. Bagandova L.Z. Publichnye prizyvy k razvyazyvaniyu agressivnoi voiny kak sostav prestupleniya po rossiiskomu zakonodatel'stvu: diskussionnye aspekty // Politseiskaya i sledstvennaya deyatel'nost'. 2025. № 2. S. 107-120. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.2.73609 EDN: YULAXX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73609
11. Mezhdunarodnoe pravo: Uchebnik / Otv. red. Yu.M. Kolosov i V.I. Kuznetsov. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. – 608 s.
12. Valeev R.M. Kodifikatsiya prestuplenii protiv chelovechnosti (k 70-letiyu Nyurnbergskogo protsessa) // Juridicheskaya nauka. – 2015. – № 3. – S. 69-74. – EDN: VCCITH.
13. Tret'yakova O.V. Zapret propagandy voiny v SMI: mezhdunarodnye i rossiiskie pravovye normy // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. – 2020. – № 4. – S. 212-228. – EDN: LWEYUN.
14. Kolomeitseva T.A., Svistunova L.Yu. Konstitutsionno-pravovye aspekty ogranicenii prava na svobodu slova // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. – 2019. – № 2 (56). – S. 65-72. – EDN: QCYZAN.

International Legal Aspects of Local Integration of Refugees

Reshetnikova Viktoriia Dmitrievna

Postgraduate student; Law Institute; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Leading specialist; Institute of Social and Humanitarian Education; Moscow Pedagogical State University

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

 vd.reshetnikova@gmail.com

Abstract. The article analyzes the concept of local integration proposed by UNHCR within the framework of implementing the long-term solutions to refugee problems, as well as the provisions contained in international legal acts of universal scope. It examines the positions of international documents in the field of refugee rights protection to identify provisions regarding the local integration of refugees. The mechanisms that can be used for the successful local integration of refugees into local communities are defined. The role of the host state, society, the private sector, and structures such as UNHCR and other humanitarian organizations in supporting the local integration of refugees is considered. The author provides examples of UNHCR programs and projects aimed at improving the living conditions of refugees and their integration into society. The goal of this research is to identify the international legal foundations of local integration in international refugee law. The tasks of the study include examining international documents regulating this process, analyzing UNHCR's activities regarding local integration, and exploring regional approaches using Latin America as an example. International legal regulation of local integration is reflected in international documents of universal scope, including documents from UNHCR specifically aimed at regulating it. UNHCR plays a key role in this process by taking on the responsibility of seeking and implementing refugee solutions, which is expressed in the adoption of

programs and mediation between refugees, the host country, and the country of origin. Regional experiences in legal regulation highlight the collective aspirations of states to make decisions that address the refugee issue. Local integration can become an effective long-term solution for integrating refugees into a new environment, providing them with opportunities for self-sufficiency. However, further research on the experience of legal regulation is needed to assess the successful implementation of this mechanism.

Keywords: local integration, international legal regulation, protection of refugees, protection of refugee rights, UNHCR, long-term solutions for the problems, integration, refugees, international refugee law, international law

References (transliterated)

1. Andrysek O., Rantala T. Integratsiya bezhentsev v Respublike Belarus', Respublike Moldova i Ukraine: "Strategiya deistvii", Sederkopingskii protsess. 2008. S. 186. URL: <https://www.unhcr.org/ru/media/integraciya-bezhencev-v-belarusi-moldove-i-ukraine-pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2025).
2. Varshaver E.A., Rocheva A.L. Integratsiya migrantov: chto eto i kakuyu rol' v ee osushchestvlenii mozhet igrat' gosudarstvo // ZhISP. 2016. № 3. S. 315-330. EDN: WONTVF.
3. Gerasimova I.V. Protsessy adaptatsii i integratsii migrantov kak komponenty obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii // Nauka. Obshchestvo. Oborona. 2019. T. 7. № 4. S. 8. DOI: 10.24411/2311-1763-2019-10211. EDN: UTOVOT.
4. Granin Yu.D. Globalizatsiya: eroziya natsional'noi identichnosti // Vek globalizatsii. 2015. № 1. S. 142-153. EDN: TSBZRJ. 5.
5. Selivanova T.M. Proekt "integratsiya bezhentsev v Belarusi, Moldove i Ukraine" // Zhurnal mezhunarodnogo prava i mezhunarodnykh otnoshenii. 2009. № 3. S. 47-51. URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2009-3/2009-3-selivanova> (data obrashcheniya: 01.05.2025).
6. Upravlenie Verkhovnogo komissara OON po delam bezhentsev. Zashchita bezhentsev i smeshannaya migratsiya: Desyatikomponentnyi plan v deistvii. 1 fevralya 2011. URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/comp/unhcr/2011/ru/78406> (data obrashcheniya: 29.04.2025).
7. Core Group on Durable Solutions. Framework for Durable Solutions for Refugees and Persons of Concern. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR), May 2003. URL: <https://www.refworld.org/policy/strategy/unhcr/2003/en/35014> (data obrashcheniya: 27.04.2025).
8. Executive Committee of the High Commissioner's Programme (ExCom). Conclusion No. 117 (LXXV): Durable Solutions and Complementary Pathways. Adopted by the Executive Committee. 2024. URL: <https://www.refworld.org/policy/exconc/excom/2024/en/148870> (data obrashcheniya: 29.04.2025).
9. Executive Committee of the High Commissioner's Programme. Conclusion No. 104 (LVI): Local Integration. Adopted by the Executive Committee. 2005. URL: <https://www.refworld.org/policy/exconc/excom/2005/en/114429> (data obrashcheniya: 27.04.2025).
10. Khasalamwa-Mwandha S. Local Integration as a Durable Solution? Negotiating Socioeconomic Spaces between Refugees and Host Communities in Rural Northern Uganda // Sustainability. 2021. T. 13. S. 10831. DOI: 10.3390/su131910831. URL:

https://www.academia.edu/63526523/Local_Integration_as_a_Durable_Solution_Negotiating_Socioeconomic_Spaces_between_Refugees_and_Host_Communities_in_Rural_Northern_Uganda (data obrashcheniya: 29.04.2025). EDN: PGWFBM.

11. Hossain Md. Aslam. The Rohingya dilemma: Exploring the challenges of local integration in Bangladesh // International Migration. 2025. T. 63. № 3. S. 1-17. DOI: 10.1111/imig.70027. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/imig.70027?campaign=woletoc> (data obrashcheniya: 22.04.2025).
12. Dryden-Peterson S., Hovil L. A remaining hope for durable solutions: Local integration of refugees and their hosts in the case of Uganda // Refuge. 2004. T. 22. № 1. S. 26-38. DOI: 10.25071/1920-7336.21315. URL: https://www.researchgate.net/publication/237282671_A_Remaining_Hope_for_Durable_Solutions_Local_Integration_of_Refugees_and_Their_Hosts_in_the_Case_of_Uganda (data obrashcheniya: 29.04.2025). 13.
13. Sironi A., Bauloz C., Emmanuel M. Glossary on Migration // International Migration Law. 2019. № 34. S. 248.
14. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR). Solution to the Refugee Problem and the Protection of Refugees. EC/SCP/55. 23 avgusta 1989. URL: <https://www.refworld.org/reference/annualreport/unhcr/1989/en/94203> (data obrashcheniya: 27.04.2025).
15. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR). Global Consultations on International Protection/Third Track: Local Integration. EC/GC/02/6. 25 aprelya 2002. URL: <https://www.refworld.org/policy/strategy/unhcr/2002/en/15967> (data obrashcheniya: 27.04.2025).

BRICS Framework Programme for Science, Technology and Innovation: Political and Legal Dimension

Shugurov Mark Vladimirovich

Doctor of Philosophy

Professor; Department of International Law; Saratov State Law Academy

410056, Russia, Saratov, Chernyshevsky str., 104

 shugurovs@mail.ru

Shugurova Irina Viktorovna

PhD in Law

Associate Professor; Department of International Law; Saratov State Law Academy

104 Chernyshevsky St., Saratov, 410056, Russia, Saratov region

 ivshugurova@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the BRICS Framework Program for Science, Technology and Innovation. The purpose of the study is to reveal the political and legal dimension of the program. In this regard, the specifics of its political and legal foundations were studied, which are the Memorandum on Cooperation in the Sphere of STI of 2015, as well as the provisions of the declarations of the summits of the leaders of the BRICS countries and ministerial meetings, which contain directives. A special political and legal basis is formed by the Agreement on the program, concluded by the national agencies of the BRICS countries that finance the sphere of research and development. The authors dwell in detail on the analysis of the mechanism for managing the implementation of the program in the process of holding

project competitions based on agreed priority areas. Much attention was paid to revealing the prospects for the transition to a new stage of the program's functioning associated with flagship projects. The methodological base of the study includes the following methods and approaches: systemic and historical approaches, formal-dogmatic and comparative-legal methods, prognostic method. The main conclusion of the study is the position that due to the absence of international treaty regulation of multilateral ISTC within the BRICS, program regulation is of increased importance. The novelty of the study lies in the systematization of the political and legal foundations of the program. It has been established that due to the implementation of multilateral projects, there are prospects for the transition of the BRICS ISTC to a new qualitative level necessary for a joint response to major challenges. Along with this, the shortcomings of the program are identified. Firstly, this is an excessive level of competition between project applications, which is caused by rather modest funding. Secondly, the two-stage system of the application process within the BRICS is not effective enough. In many respects, this system is caused by the very nature of the BRICS association, which is not an integration association, and therefore program regulation of the ISTC is not based on international treaty instruments. The contribution of the article to the subject area of research is the disclosure of the specifics of the mechanism for regulating the multilateral ISTC within the BRICS.

Keywords: grand challenges, science and technology initiative, multilateral projects, program regulation, BRICS, innovation, international cooperation, calls for proposals, science and technology priorities, flagship projects

References (transliterated)

1. BRICS STI Contributes to Global Wellbeing. Source: Science and Technology Daily (24.10.2024). URL: https://www.stdaily.com/web/English/2024-10/24/content_246080.html (data obrashcheniya: 30.06.2025).
2. Kashuro I.A., Stupen'kova Z.E. Nauchno-tehnologicheskoe sotrudnichestvo stran BRIKS na sovremennom etape // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika. 2024. № 3. S. 74-84. DOI: 10.56429/2414-4894-2024-49-3-74-84 EDN: CFYKGW .
3. Noga V.I. Klyuchevye dominanty i vektry realizatsii mekhanizmov nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva stran BRIKS // Vestnik MIRBIS. 2022. № 1. S. 29-39. DOI: 10.25634/MIRBIS.2022.1.3 EDN: ZCLDXK .
4. BRIKS: formirovanie mezhdunarodnogo nauchnogo landshafta. Sbornik materialov, nauchnykh trudov i statei, sobrannykh Rossiiskim tsentrom nauchnoi informatsii i posvyashchennykh voprosam sostoyaniya i perspektivam razvitiya nauchnykh svyazei v ramkakh BRIKS. Podgotovlen v svyazi s predsedatel'stvom Rossii v BRIKS. – M., 2024. 365 s.
5. Editorial. To boost science, the growing BRICS group must embrace inclusion and transparency // Nature. 2024. Vol. 635. Issue 8038. R. 258. DOI: 10.1038/d41586-024-03673-y EDN: JTACED .
6. Gerasimov V.I., Kodaneva S.I. Nauchno-tehnologicheskoe i innovatsionnoe sotrudnichestvo stran BRIKS: tendentsii, perspektivy i vyzovy // Upravlenie naukoi: teoriya i praktika. 2023. T. 5. № 1. S. 204-229. DOI: 10.19181/smtp.2023.5.1.12 EDN: SPBDJZ .
7. Nauchno-tehnologicheskoe i innovatsionnoe sotrudnichestvo stran BRIKS: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vyp. 1 / RAN. INION. Otd. nauch.

- sotrudnichestva; otv. red. V.I. Gerasimov. – M., 2023. 525 s.
8. Editorial. BRICS nations are collaborating on science but need a bigger global platform // Nature. 2021. Vol. 600. Issue 7887. P. 7. DOI: 10.1038/d41586-021-03568-2 EDN: MMGHKO.
 9. Popova N.V. Sostoyanie i dinamika nauchnogo sotrudnichestva stran BRIKS // Informatsionnye voiny. 2020. № 4. S. 50. EDN: EPMHZL.
 10. Leta J., das Neves Machado R., Lovón Canchumani R. M. Scientific collaboration among BRICS: Trends and priority areas // Springer Handbook of Science and Technology Indicators. Cham: Springer Verlag, 2019. Р. 485-504.
 11. Shashnov S., Kotsemir M. Research landscape of the BRICS countries: current trends in research output, thematic structures of publications, and the relative influence of partners // Scientometrics, 2018. Vol. 117(2). P. 1115-1155. DOI: 10.1007/s11192-018-2883-7 EDN: VAHKTS.
 12. Kiselev V., Nechaeva E. Priorities and possible risks of the BRICS countries' cooperation in science, technology and innovation // BRICS Law Journal. 2018. Vol. 5. Issue 4. P. 33-60. DOI: 10.21684/2412-2343-2018-5-4-33-60 EDN: OPCMYZ.
 13. Sokolov A., Shashnov S., Kotsemir M., Grebenyuk A. S&T Priorities for BRICS Countries: In Search of a Win-Win Strategy. In: Zhao X., Li M., Huang M., Sokolov A. (eds) BRICS Innovative Competitiveness Report. Singapore: Springer, 2018. Р. 31-65.
 14. Dezhina I.G. Strany BRIKS: napravleniya nauchnoi kooperatsii // Mirovaya ekonomika i mezdunarodnye otnosheniya. 2015. № 9. S. 14-23. EDN: UIEHYB.
 15. Kan M. Perspektivy sotrudnichestva stran BRIKS v oblasti nauki, tekhnologii i innovatsii // Vestnik mezdunarodnykh organizatsii. 2015. № 2. S. 140-159. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-140 EDN: UDJYLR.
 16. Kravtsov A.A. O tekushchikh zadachakh razvitiya nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva mezhdu stranami BRIKS // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Modernizatsiya Rossii: klyuchevye problemy i resheniya", Moskva, 18-19 dekabrya 2014 goda / Otvetstvennyi redaktor Pivovarov Yu.S. – Moskva: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN. M., 2015. S. 518-520. EDN: UDCYCD.
 17. Perspektivnye napravleniya nauchnogo sotrudnichestva: strany BRIKS: doklad № 90 / 2023 / [G. D. Toloraya, A. Yu. Borzova, I. G. Dezhina, R. O. Rainhardt, M. V. Nikol'skaya, G. A. Krasnova; pod red. E. O. Karpinskoi, E. A. Solodukhinoi, S. M. Gavrilovoi]; Rossiiskii sovet po mezdunarodnym delam (RSMD). – M.: NP RSMD, 2023. 56 s.
 18. Krasnova G. Sostoyanie i perspektivy mnogostoronnego nauchnogo sotrudnichestva v ramkakh BRIKS (23 avgusta 2023). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sostoyanie-i-perspektivy-mnogostoronnego-nauchnogo-sotrudnichestva-v-ramkakh-briks/> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
 19. Ekspertnoe obsuzhdenie "Vozmozhnosti i sderzhivayushchie faktory nauchno-tehnicheskogo sotrudnichestva Rossii i stran – chlenov BRIKS" (22.12.2023). URL: https://mgimo.ru/about/news/departments/nts-brics/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (data obrashcheniya: 20.06.2025).
 20. BRICS STI Overview (2020). URL: <https://brics-russia2020.ru/images/113/91/1139196.pdf> (data obrashcheniya: 05.06.2025).
 21. Bedredanova L. Kak sotrudnichayut uchenye iz stran BRIKS (05.12.2017). URL: <https://foresight.hse.ru/news/214118170.html> (data obrashcheniya: 23.07.2025).

22. BRICS Science, Technology and Innovation Cooperation (2017). URL: <https://aistic.gov.in/ASEAN/imrcBRICS> (data obrashcheniya: 30.07.2025).
23. Lapochkina E.P. Mezhdunarodno-pravovoe sotrudnichestvo v ramkakh BRIKS: evolyutsiya, rezul'taty i perspektivy razvitiya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 507. S. 234-240. DOI: 10.17223/15617793/507/26 EDN: HBVKGN.
24. Anufrieva L.P. BRIKS: o pravovoi prirode i printsipakh sotrudnichestva // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2019. № 12. S. 123-133. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.123-133 EDN: OHNKET.
25. Shinkaretskaya G.G. O pravovom statuse BRIKS // Sovremennoe pravo. 2015. № 10. S. 140-145. EDN: UMTVWZ.
26. Bevelikova N.M. BRIKS: pravovye osobennosti razvitiya // Zhurnal rossiiskogo prava. 2015. № 8. S. 110-123. DOI: 10.12737/12253 EDN: SGRSWF.
27. BRICS STI Framework Programme. URL: <http://brics-sti.org/> (data obrashcheniya: 10.06.2025).
28. Cooperation in Science, Technology, and Innovation. Issue note BRICS 2025. R. 105-108.
29. Sorokotyaga Ya.V. Ramochnaya programma BRIKS v sfere nauki, tekhnologii i innovatsii (06.06.2025). URL: <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2025/06/%D0%A1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%82%D1%8F%D0%B3%D0%B0.pdf> (data obrashcheniya: 13.07.2025).
30. Kvardakov V.V., Sorokotyaga Ya.V. Ramochnaya programma BRIKS v sfere nauki, tekhnologii i innovatsii. RTsNI – sekretariat Programmy // BRIKS: formirovanie mezhdunarodnogo nauchnogo landshafta. Sbornik materialov, nauchnykh trudov i statei, sobrannykh Rossiiskim tsentrom nauchnoi informatsii i posvyashchennykh voprosam sostoyaniya i perspektivam razvitiya nauchnykh svyazei v ramkakh BRIKS. Podgotovlen v svyazi s predsedatel'stvom Rossii v BRIKS. M., 2024. S. 90-98.
31. Matthews D. Inside the BRICS rival to Horizon Europe (19 March 2024). URL: <https://sciencebusiness.net/news/international-news/inside-brics-rival-horizon-europe> (data obrashcheniya: 20.06.2025).
32. Sorokotyaga Ya.V. Ob"edinyaya mir. Ramochnoi programme BRIKS v sfere NTI – pyat' let (04.05.2021). URL: <https://infobrics.org/ru/post/33277> (data obrashcheniya: 23.06.2025).
33. Kuklina I. On Cooperation in Science, Technology and Innovation within BRICS Interstate Group // Russian Chairmanship 2020. – Moscow, 2021. R. 98-103.
34. Balashova M.V., Bukhaeva E.E., Kuklina I.R. i dr. Mekhanizmy podderzhki nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva mezhdu stranami BRIKS: mnogostoronne konkursy i setevaya platforma dlya transfera znanii i tekhnologii // Innovatsii. 2016. № 4. S. 47-54. EDN: ZBPKJ.
35. Deliiskaya deklaratsiya, prinyataya po itogam IV sammita BRIKS (Deli, 29 marta 2012 г.). URL: <https://base.garant.ru/71480296/> (data obrashcheniya: 14.06.2025).
36. First BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial meeting: Cape Town Declaration (2014, February 10). URL: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Kei--p-Taunskaya-deklaratsiya-2014.pdf> (data obrashcheniya: 16.06.2025).
37. Memorandum o sotrudnichestve v sfere nauki, tekhnologii i innovatsii mezhdu Pravitel'stiami Federativnoi Respubliki Brazillii, Pravitel'stvom Rossiiskoi Federatsii,

- Pravitel'stvol Respubliki Indii, Pravitel'stvol Kitaiskoi Narodnoi Respubliki i Pravitel'stvol Yuzhno-Afrikanskoi Respubliki, prinyaty po itogam vstrechi predstavitelei ministerstv nauki, tekhnologii i innovatsii BRIKS (Braziliya, g. Brazilia, 18 marta 2015 g.). URL: <http://government.ru/docs/17313/> (data obrashcheniya: 15.07.2025).
38. Rossiiskii fond fundamental'nykh issledovanii predstavil initsiativu po sozdaniyu programmy mnogostoronnei podderzhki proektov nauchnykh kollektivov iz stran BRIKS (16.07.2015). URL: https://www.rfbr.ru/press-center/news_events/41790 (data obrashcheniya: 15.07.2025).
39. Vstrecha predstavitelei finansiruyushchikh nauku organizatsii stran BRIKS (29.01.2016). URL: https://www.rfbr.ru/press-center/news_events/4193/ (data obrashcheniya: 20.07.2025).
40. IV BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting. Jaipur declaration (October 8, 2016, Jaipur, India). URL: <https://in4u.org/brcis-4th-sti-meeting-jaipur-declaration-october-8-2016-india/> (data obrashcheniya: 14.07.2025).
41. Protokol otsenki i sopostavleniya zayavok na uchastie v konkursnom otbore na predostavlenie subsidii iz federal'nogo byudzhetu ot 2 oktyabrya 2015 g. Ofitsial'nyi sait Federal'noi tselevoi programmy "Issledovaniya i razrabotki po prioritetnym napravleniyam razvitiya nauchno-tehnologicheskogo kompleksa Rossii na 2014–2020 gg.". URL: http://www.fcpir.ru/participation_in_program/contests/list_of_contests/6_competitionfinished/2015-14-585-0002 (data obrashcheniya: 18.07.2025).
42. Russian Ministry of Education and Sciences (MON). BRICS STI Framework Programme. Coordinated call for BRICS multilateral projects. Pilot call 2016. URL: <https://studylib.net/doc/18590862/mon---brics-sti-framework-programme> (data obrashcheniya: 30.07.2025).
43. II BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting. Declaration (18 March, 2015, Brasília, Brazil). URL: <https://www.gov.br/mre/en/contact-us/press-area/press-releases/ii-brics-science-technology-and-innovation-ministerial-meeting-brasilia-18-march-2015-approved-documents> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
44. III BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting. Moscow declaration (Moscow, 28 October 2015). URL: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Moskovskaya-deklaratsiya-2015.pdf> (data obrashcheniya: 22.07.2025).
45. Deklaratsiya XVII-go sammita BRIKS "Ukreplenie sotrudnichestva Global'nogo Yuga dlya bolee inklyuzivnogo i ustochivogo upravleniya" (Rio-de-Zhaneiro, Braziliya, 6 iyulya 2025 g.). URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf> (data obrashcheniya: 22.07.2025).
46. BRICS STI Framework Programme: Coordinated call for BRICS multilateral projects – 2nd BRICS STI FP Call (2017). URL: <http://brics-sti.org/index.php?p=opportunities/2nd+BRICS+Call+2017> (data obrashcheniya: 22.07.2025).
47. III BRICS STI FP Call (2019). URL: <http://brics-sti.org/index.php?p=opportunities/3rd+BRICS+Call+2019> (data obrashcheniya: 23.07.2025).
48. VII BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting. Campinas Declaration (Campinas, Brazil, 20 September 2019), para. 7, 9. URL: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Kampinskaya-deklaratsiya-2019.pdf> (data obrashcheniya: 23.07.2025).

49. BRICS STI FP Call 2020: Response to COVID-19 global pandemic. URL: http://brics-sti.org/files/BRICS_STI_Framework_Programme_Call_2020.pdf (data obrashcheniya: 15.07.2025).
50. Sekretariat Soveta NTI BRIKS. Informatsionnyi byulleten' o deyatel'nosti stran BRIKS v oblasti nauchno-tehnicheskogo i innovatsionnogo sotrudничества vo vtoroi polovine 2020 goda. 49 s. URL: https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Dai--dzhest_BRIKS.pdf (data obrashcheniya: 15.07.2025).
51. Vstrecha Rabochei gruppy BRIKS po finansirovaniyu nauki, tekhnologii i innovatsii (27.09.2024). URL: <https://rcsi.science/press-center/news/mezhdunarodnaya-deyatelnost/vstrecha-rabochey-gruppy-briks-po-finansirovaniyu-nauki-tehnologiy-i-innovatsiy/> (data obrashcheniya: 16.07.2025).
52. Annual Meeting of the BRICS Science, Technology and Innovation Funding Working Group 2024 (20.11.2024). URL: <http://brics-sti.org/?p=new/38> (data obrashcheniya: 18.07.2025).
53. Kazanskaya deklaratsiya XVI Sammita BRIKS "Ukreplenie mnogostoronnosti dlya spravedlivogo global'nogo razvitiya i bezopasnosti" ot 23 oktyabrya 2024 g. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAMF3LEh02OL3Hk.pdf> (data obrashcheniya: 18.07.2025).
54. BRICS STI Framework Programme 5th coordinated Call for BRICS multilateral projects 2021. URL: <https://dst.gov.in/sites/default/files/final%20advertisement.pdf> (data obrashcheniya: 18.07.2025).
55. Protokol otsenki zayavok na uchastie v otbore na predostavlenie grantov v oblasti nauki v forme subsidii iz federal'nogo byudzheta na obespechenie provedeniya nauchnykh issledovanii rossiiskimi nauchnymi organizatsiyami i (ili) obrazovatel'nymi organizatsiyami vysshego obrazovaniya sovmestno s organizatsiyami stran BRIKS v ramkakh obespecheniya realizatsii programmy dvukh- i mnogostoronnego nauchno-tehnologicheskogo vzaimodeistviya. URL: https://minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=58397&sphrase_id=4373429 (data obrashcheniya: 18.07.2025).
56. BRICS Launches 6th Call for Multilateral Projects (20.11.2023). URL: https://en.most.gov.cn/pressroom/202311/t20231120_188848.htm (data obrashcheniya: 19.07.2025).
57. BRICS STI Framework Programme 6th coordinated call for BRICS multilateral projects 2023 "Climate Change Adaptation and Mitigation" Call is open until November 1, 2023. 15:00 Moscow Time (UTC+3). URL: http://brics-sti.org/files/BRICS_STI_Framework_Programme_Call_2023.pdf (data obrashcheniya: 19.07.2025).
58. XII BRICS Science, technology and innovation (STI) ministerial meeting. Moscow STI declaration (27 September 2024, Moscow). URL: https://www.gov.br/mcti/pt-br/accompanhe-o-mcti/noticias/2024/09/mcti-exercera-papel-fundamental-na-ampliacao-e-fortalecimento-da-cooperacao-em-c-t-entre-os-10-paises-membros-do-brics/Final_BRICS_Moscow_STI_Declaration__1_.pdf (data obrashcheniya: 26.06.2025).
59. Deklaratsiya VIII-go sammita BRIKS (Indiya, Goa, 16 oktyabrya 2016 g.). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5139> (data obrashcheniya: 30.06.2025).
60. Syamen'skaya deklaratsiya IX sammita rukovoditelei stran BRIKS (Syamen', Kitai, 4 sentyabrya 2017 goda). URL: <https://health-brics.com/assets/files/syamenskaya-deklaraciya-rukovoditelej-stran-briks.pdf> (data obrashcheniya: 30.07.2025).
61. Moskovskaya deklaratsiya XII sammita BRIKS (17.11.2020). URL: https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6052/2d9c/6272/697e/b441/0000/original/KhII_sammit_BRIKS_-

- _Moskovskaya_deklaratsiya_Moskva,__Rossiya__17_noyabrya_2020 (data obrashcheniya: 24.06.2025).
62. XV BRICS Summit Johannesburg II Declaration BRICS and Africa: Partnership for Mutually Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism Sandton, Gauteng, South Africa (23 August 2023). URL: https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d1f9/6272/6906/a467/0000/original/Jhb-II-Declaration-24-August-2023-1.pdf?1732891129 (data obrashcheniya: 24.06.2025).
 63. VIII BRICS Science, Technology and Innovation (STI) Ministerial Meeting via videoconference. BRICS STI Declaration 2020 (13 November 2020, Russian Federation). URL: https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/BRICS-STI-Declaration-2020_adopted.pdf (data obrashcheniya: 25.06.2025).
 64. Kubota L.C. BRICS cooperation in science, technology and innovation: progress to be shown // Revista Tempo do Mundo. 2020. № 22. Р. 95-109. DOI: 10.38116/rtm22art5 EDN: UAVFXN.
 65. Regulation (EU) 2021/695 of the European Parliament and of the Council of 28 April 2021 establishing Horizon Europe – the Framework Programme for Research and Innovation, laying down its rules for participation and dissemination, and repealing Regulations (EU) No 1290/2013 and (EU) No 1291/2013 (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/695/oj/eng> (data obrashcheniya: 26.07.2025).
 66. Horizon Europe (HORIZON) Programme Guide. Version 3.0 (April 1, 2023). URL: https://ec.europa.eu/info/funding-tenders/opportunities/docs/2021-2027/horizon/guidance/programme-guide_horizon_en.pdf (data obrashcheniya: 26.07.2025).
 67. Luksha O.P., Pil'nov G.B., Shpisberger M., Yanovskii A.E. Novaya model' mnogostoronnego rossiisko-evropeiskogo nauchno-tehnicheskogo sotrudничества po skheme ERA-Net // Innovatsii. 2013. № 5. S. 39-44. EDN: SDJKQN.
 68. BRICS STI Framework Programme Bulletin 2024. 121 s. URL: http://brics-sti.org/files/BRICS_bulletin_1_2024.pdf (data obrashcheniya: 26.07.2025).
 69. Sokolov A.V., Shashanov S.A., Kotsemir M.N. Rasshirenie BRIKS i novye perspektivy dlya nauchnogo sotrudничества // BRIKS: formirovanie mezhdunarodnogo nauchnogo landshafta. Sbornik materialov, nauchnykh trudov i statei, sobrannykh Rossiiskim tsentrom nauchnoi informatsii i posvyashchennykh voprosam sostoyaniya i perspektivam razvitiya nauchnykh svyazei v ramkakh BRIKS. Podgotovlen v svyazi s predsedatel'stvom Rossii v BRIKS. – M., 2024. S. 114-139.
 70. Sorokotyaga Y. Development of the BRICS STI Framework Programme // BRICS STI Framework Programme Bulletin 2024. R. 6-13. URL: http://brics-sti.org/files/BRICS_bulletin_1_2024.pdf (data obrashcheniya: 26.07.2025).
 71. Informatsionnyi byulleten' o deyatel'nosti stran BRIKS v oblasti nauchno-tehnicheskogo i innovatsionnogo sotrudничества v pervoi polovine 2022 goda. Sekretariat soveta NTI BRIKS (Moskva, 2022). URL: https://unido.ru/upload/files/b/brics_digest_01_05_2022.pdf (data obrashcheniya: 23.07.2025).
 72. RFFI. Kontseptsiya flagmanskih proektov NTI BRIKS (29.06.2022). URL: https://www.rfbr.ru/press-center/news_events/4566/ (data obrashcheniya: 23.07.2025).
 73. Kontseptsiya flagmanskih proektov NTI BRIKS (29.06.2022). URL:

- https://www.rfbr.ru/press-center/news_events/4566/ (data obrashcheniya: 10.07.2025).
74. Pekinskaya deklaratsiya XIV-go sammita BRIKS (23 iyunya 2022 g.). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5819> (data obrashcheniya: 10.07.2025).
 75. Ershova A. Flagmanskie proekty BRIKS: finansirovanie biomeditsiny i neirotekhnologii (25.06.2024). URL: <https://inscience.news/ru/article/discussion/flagmanskie-proekty-stran-briks-finansirovanie> (data obrashcheniya: 30.06.2025).
 76. Chernikov S.Yu. Formirovaniye global'noi innovatsionnoi infrastruktury BRIKS // Vestnik MIRBIS. 2020. № 3. S. 113-121. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.3.12 EDN: VXWWCQ.
 77. Mironova O. A. BRIKS: perspektivy rasshireniya i novye gorizonty sotrudnichestva // Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomiceskogo universiteta (RINKh). 2025. № 1. S. 133-142. DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2025.89.1.013 EDN: NUSZXJ.
 78. Yampol'skaya D.O. Innovatsionnoe razvitiye i klastery stran BRIKS // Ekonomicheskie otnosheniya. 2020. № 4. S. 1175-1190. DOI: 10.18334/eo.10.4.110954 EDN: PZQQCI.
 79. Sokolova O.Yu. Problemy i perspektivy innovatsionnogo i nauchno-tehnicheskogo sotrudnichestva stran BRIKS // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomiceskogo universiteta. 2019. № 3. S. 47-50. EDN: XDFDPD.
 80. Luzina T.V., Dudareva E.A. Analiz innovatsionnogo potentsiala stran BRIKS, prioritety sotrudnichestva // Azimut nauchnykh issledovanii: ekonomika i upravlenie. 2019. № 1. S. 201-204. DOI: 10.26140/ANIE-2019-0801-0043 EDN: ZBIYOT.
 81. Sidorova E.A. Innovatsionnoe razvitiye stran BRIKS, predposylki i perspektivy sotrudnichestva // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii. 2018. № 1. S. 34-50. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-02 EDN: YSQBNZ.
 82. Leonova T.N., Malanicheva N.V. Sozdanie sovmestnoi innovatsionnoi infrastruktury stran BRIKS // Vestnik universiteta. 2018. № 2. S. 27-30. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-2-27-30 EDN: YUPHTV.
 83. Lenchuk E.B. Innovatsionnyi vektor sotrudnichestva Rossii so stranami BRIKS // Innovatsii. 2015. № 5. S. 29-35. EDN: UHOXSR.
 84. Zakharova S.V., Sokolova O.Yu. Razvitiye innovatsionnogo potentsiala stran BRIKS // Nauka i obshchestvo. 2015. № 4. S. 20-26. EDN: VCGWLR.
 85. Nesterov A.O. Al'yans BRIKS kak mekhanizm razvitiya innovatsii v nauchno-tehnicheskoi sfere i v mirovoi politike // Innovatsii i investitsii. 2014. № 3. S. 124-127. EDN: WTRSYT.
 86. Dagaev A.A. Edinenie tekhnologii. Integratsiya stran BRIKS v mirovoe tekhnologicheskoe prostranstvo // Kreativnaya ekonomika. 2010. № 4. S. 9-16. EDN: LKEVCV.
 87. The 5th BRICS Science, Technology & Innovation (STI) Ministerial Meeting Hangzhou Declaration Theme: Leading through Innovation & Deepening Cooperation (Hangzhou, China, July 18, 2017). URL: https://www.iri.edu.ar/wp-content/uploads/2017/10/BO_Documentos_BRICS_5th_BRICS_ScienceTechnologyInnovation.pdf (data obrashcheniya: 07.07.2025).
 88. VIII BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting via videoconference. BRICS STI Declaration 2020 (13 November 2020, Russian Federation). URL: <https://brics-russia2020.ru/images/113/92/1139201.pdf> (data obrashcheniya: 07.07.2025).
 89. BRICS Science, Technology and Innovation (STI) Calendar of Activities 2020–2021. URL: <https://brics-russia2020.ru/images/113/92/1139206.pdf> (data obrashcheniya: 10.07.2025).

90. Declaration of the 13th BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting (25th of June 2025, Brasilia (Brazil)).
91. RTsNI predstavil programmu BRIKS v sfere nauki, tekhnologii i innovatsii novym stranam organizatsii (18.03.2024). URL: <https://rcsi.science/press-center/news/mezhdunarodnaya-deyatelnost/rtsni-predstavil-ramochnyu-programmu-briks/> (data obrashcheniya: 11.07.2025).
92. Strany, priglashennye v BRIKS: perspektivnye napravleniya nauchno-tehnologicheskogo sotrudничества s Rossiei. Analiticheskii doklad. – Izhevsk: OOO "Print", 2024. 152 s.
93. Press statement by President von der Leyen with Austrian Chancellor Nehammer, Belgian Prime Minister De Croo, Cypriot President Christodoulides, Greek Prime Minister Mitsotakis, Italian Prime Minister Meloni and Egyptian President El-Sisi (March 17, 2024). URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_24_1521 (data obrashcheniya: 11.07.2025).
94. XIV vstrecha Starshikh dolzhnostnykh lits stran BRIKS v oblasti nauki, tekhnologii i innovatsii i 12-ya vstrecha ministrov stran BRIKS v oblasti nauki, tekhnologii i innovatsii (02.10.2024). Analiticheskii tsentr MNIOP. Novosti. URL: <https://mniop.ru/14-ya-vstrecha-starshih-dolzhnostnyih-lits-stran-briks-v-oblasti-nauki-tehnologiy-i-innovatsiy-i-12-ya-vstrecha-ministrov-stran-briks-v-oblasti-nauki-tehnologiy-i-innovatsiy.html> (data obrashcheniya: 23.07.2025).

The state sovereignty of the Russian Federation in the context of the transformation of the international legal order

Kabanova Oksana Viktorovna

PhD in Law

Associate Professor; Law Institute; Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov

87 Gorky Street, Vladimir, Vladimir Region, 600026, Russia

✉ oxana.v.kabanova@gmail.com

Abstract. The subject of this study is the state sovereignty of the Russian Federation in its modern constitutional-legal and international-legal dimensions, as well as the mechanisms for its protection and realization in the context of globalization, transnational pressure, sanction restrictions, and digital transformation. The focus of the research is on the legal foundations and mechanisms for the practical implementation of the political, economic, informational, and cyber independence of the Russian Federation as key components of state sovereignty. Special attention is given to the assessment of regulatory legal instruments aimed at ensuring the resilience of the internal governance system and protection against external pressure. Additionally, the participation of Russia in international treaties, organizations, and institutional legal regimes is analyzed, including the legal consequences of integration into intergovernmental associations, as well as the limits of permissible interaction with supranational structures from the standpoint of preserving the sovereign status of the state. The study explores the limits of permissible integration into the international system in terms of maintaining sovereignty, the legal nature of the selective approach to international obligations, and the internal doctrine of prioritizing national interests over supranational norms and institutions. The research applies comprehensive and interdisciplinary approaches, including methods of comparative jurisprudence, formal-legal analysis, systemic analysis of

regulatory legal acts, as well as political-legal modeling of contemporary mechanisms for protecting state sovereignty. The scientific novelty of this study lies in a comprehensive legal assessment of the sovereignty of the Russian Federation through the lens of modern global challenges, including geopolitical instability, sanction pressure, transnational interference, and technological risks of the digital age. Sovereignty is considered not only as a constitutionally enshrined category but also as a dynamic phenomenon, realized through the political, economic, informational, and cyber independence of the state. For the first time in scientific discourse, the concept of "selective sovereignty" is systematically substantiated as a model of selective participation of the Russian Federation in international obligations while maintaining the supremacy of the Constitution. It is concluded that traditional approaches to interaction with international institutions and legal regimes are transforming in favor of a pragmatic foreign policy doctrine. The necessity of developing legal adaptation mechanisms to new realities is emphasized, including strengthening national regulators in digital, monetary, and informational spheres, developing public diplomacy, and legally enshrining technological self-sufficiency as an element of sustainable sovereignty.

Keywords: technological independence, state sovereignty, constitutional law, international law, selective sovereignty, digital security, sanctions, information sovereignty, foreign policy strategy, legal integration

References (transliterated)

1. Mal'ko A. V. Konstitutsionnoe pravo Rossii v voprosakh i otvetakh: uchebnoe posobie. M.: Izdatel'stvo, 2003. 249 s.
2. Chirkin V. E. Nadnatsional'noe pravo i gosudarstvennyi suverenitet (nekotorye problemy teorii): uchebnik. M.: Izdatel'stvo, 2024. 40 s.
3. Pyatkin V. N. Kontseptsiya gosudarstvennogo suvereniteta v sovremennoy period // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2023. № 1. S. 23-32. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-1-23-32. EDN: IPGTZA.
4. Sal'nikov V. P., Maslenikov D. V., Zakhartsev S. I., Morozov A. I. Tsennostnoe osnovanie suvereniteta (k voprosu o suverennoi gosudarstvenno-pravovoi ideologii) // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2019. № 11. S. 149-162. EDN: IVGYZY.
5. Varlamova N. V. Gosudarstvo kak pravopryadok i pravopryadok bez gosudarstva // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk. 2016. № 2. S. 89-114. EDN: VQGPGP.
6. Romenskii V. V. Tsifrovizatsiya kak ugroza gosudarstvennomu suverenitetu // Sovremennyi uchenyi. 2023. № 3. S. 340-343. EDN: UKZBBL.
7. Gulasaryan A. S. Gosudarstvo i mezhdunarodnye organizatsii: pereosmyslenie kontseptsii suvereniteta // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 8. S. 101-107. DOI: 10.31857/S013207690006249-5. EDN: JLSEBQ.
8. Pyatkin V. N. Kontseptsiya gosudarstvennogo suvereniteta v sovremennoy period // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2023. № 1. S. 23-32. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-1-23-32. EDN: IPGTZA.
9. Ulanova O. I. Teoreticheskie aspekty i rol' ekonomicheskoi bezopasnosti na regional'nom urovne // Problemy i osnovnye napravleniya povysheniya effektivnosti funktsionirovaniya APK regiona v usloviyakh globalizatsii i importozameshcheniya: monografiya / pod obshchey redaktsiei O. A. Stolyarovoi, R. R. Yunyaevoy. Penza: Izdatel'stvo, 2023. S. 232-251. EDN: PYTSDJ.
10. Eriashvili N. D. Suverenitet Rossiiskoi Federatsii kak neot'emlemyi element

- federativnogo ustroistva Rossiiskoi Federatsii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2024. № 1. S. 289-294. DOI: 10.24412/2312-0444-2024-1-289-294. EDN: ZSTLKJ.
11. Bekrenev Yu. V., Shcherbakova A. A., Loboda A. A. Transformatsiya ekonomiki Rossii v usloviyakh sanktsionnoi voiny i provedeniya SVO // Teoreticheskaya ekonomika. 2023. № 10. S. 24-35. EDN: THXWTR.
 12. Fomin A. V. Osobennosti raboty sistemy upravleniya intsidentami i vzaimodeistviya s NKTsKI // Vestnik nauki. 2023. T. 2. № 5. S. 433-436. EDN: YWJPAY.
 13. Zinov'eva E. S. Kiberdiplomatiya v usloviyakh obostreniya velikoderzhavnói konkurentsii // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2024. T. 17. № 4. S. 27-47. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-ol5. EDN: GIYDBT.

Theoretical understanding of the principle of sovereign equality.

Sechin Daniil Sergeevich

Postgraduate student; Faculty of Law; St. Petersburg State University
190000, Russia, St. Petersburg, 8th line of Vasilievsky Island, 77, 406

✉ just-daniil@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the principle of sovereign equality in contemporary international law, its normative fixation, and theoretical interpretation within the context of critical legal studies. The study focuses on the aspect of the perception of this principle in international legal science. The article primarily addresses the principle's place in the international legal system, its relationship with other norms such as state immunities, the self-determination of peoples, and non-intervention. The research relies on key texts of international law, including the UN Charter, the 1970 Declaration, and decisions of the International Court of Justice, which affirm the fundamental nature of the principle while also demonstrating its theoretical limitations in the context of actual inequality among states. The interconnection of the principle of sovereign equality with other fundamental norms of international law, including state immunity, the right of peoples to self-determination, and the principle of non-interference in internal affairs, is examined. The work employs a formal-dogmatic method to identify the place of the principle of sovereign equality within the international legal system. However, such a method offers no foundation for uncovering the meaning of this principle. This gap is filled by critical legal analysis, revealing contradictions and uncertainties in the arguments associated with sovereign equality. Among the findings of the study, it is noteworthy that sovereign equality, despite its declarative universality, faces the problem of substantive emptiness. The novelty of the research lies in applying the method of deconstruction of the principle through the lens of critical theory, allowing for the disclosure of its historical variability and contextual dependency, as well as its internal contradictions and emptiness. The critical analysis reveals the tautological nature of its definitions. The author demonstrates that traditional doctrinal interpretations of sovereign equality represent a logical circle where equality is defined through sovereignty, and sovereignty through equality, yet neither provides meaningful content. The author traces the evolution of the principle from theological origins to contemporary economic determinism. The principle requires rethinking in light of new global challenges.

Keywords: inequality, formal-dogmatic method, critical legal theory, jus cogens, principle of equality, deconstruction, International law, sovereign equality, UN Charter, Indeterminacy of

References (transliterated)

1. Ustav Organizatsii Ob"edinennykh Natsii // Sbornik deistvuyushchikh dogovorov, soglashenii i konventsii, zaklyuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. – Vyp. XII. – M., 1956. 2.
2. Deklaratsiya o printsipakh mezhdunarodnogo prava, kasayushchikhsya druzhestvennykh otnoshenii i sotrudnichestva mezhdunarodnogo prava v sootvetstvii s Ustavom Organizatsii Ob"edinennykh Natsii // Ofitsial'nyi sait OON. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml 3.
3. Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava. Semnadtsataya sessiya. General'naya Assambleya (A/6309/Rev. 1) // Ofitsial'nyi sait OON. – URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/russian/reports/a_cn4_191.pdf 4.
4. Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava. Sem'desyat pervaya sessiya (29 aprelya – 7 iyunya i 8 iyulya – 9 avgusta 2019 goda). General'naya Assambleya. (A/74/10) // Ofitsial'nyi sait OON. – URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2019/russian/chp9.pdf> 5.
5. Obshchie printsipy prava, zamechaniya i soobrazheniya, poluchennye ot pravitel'stv. Sem'desyat shestaya sessiya. Komissiya mezhdunarodnogo prava (A/CN.4/779) // Ofitsial'nyi sait OON. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g25/012/40/pdf/g2501240.pdf> 6.
6. Immunities and Criminal Proceedings (Equatorial Guinea v. France), Preliminary Objections, Judgment // I.C.J. Reports 2018. – P. 322. 7.
7. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece Intervening), Judgment // I.C.J. Reports 2012 (I). – Pp. 123-124. 8.
8. Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965, Advisory Opinion // I.C.J. Reports 2019. – P. 131. 9.
9. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. USA), Judgment // I.C.J. Reports 1986. – P. 106. 10.
10. Questions relating to the Seizure and Detention of Certain Documents and Data (Timor-Leste v. Australia), Provisional Measures, Order of 3 March 2014 // I.C.J. Reports 2014. – P. 10. 11.
11. Threat or use of nuclear weapons, Dissenting Opinion of Judge Weeramantry // I.C.J. Reports 1996. – P. 305. 12.
12. Inter-American Court of Human Rights, Advisory Opinion OC-18/03 of 17 September 2003, requested by the United Mexican States // Ofitsial'nyi sait. – URL: http://www.gaetanoarangioruiz.it/wp-content/uploads/2017/04/The_Concept_of_International_Law_and_the.pdf 13.
13. Agamben D. Profanatsii. – M.: Gileya, 2014. – 112 s. 14.
14. Alekseev S.S. Sobranie sochinenii. V 11 tomakh. – Tom 7. – M.: Statut, 2010. – 495 s. 15.
15. Arangio-Ruiz G. The United Nations declaration on friendly relations and the system of the sources of international law. – Alphen aan den Rijn: Sijthoff & Noordhoff, 1979. – 341 p. 16.
16. Hjorth R. Equality in International Society: A Reappraisal. – Springer, 2014. – 103-106 p. 17.
17. Kennedy D., Koskenniemi M. Of Law and the World: Critical Conversations on Power, History, and Political Economy. – Harvard University Press, 2023. – 320 p. 18.

18. Koskenniemi M. From apology to utopia: the structure of international legal argument. – Cambridge, 2006. – 704 p. 19.
19. Koskenniemi M., Kari V. Sovereign equality // The UN Friendly Relations Declaration at 50: An Assessment of the Fundamental Principles of International Law. – Cambridge University Press, 2020. – 400 p. 20.
20. Simma B. et al. The Charter of the United Nations: a commentary. – Vol. I (3rd Edition). – Oxford University Press, 2024. – 2000 p. 21.
21. Kraevskii A. A. Yuridicheskaya tekhnika i dogmaticheskii metod: problema sootnosheniya // Problemy metodologii v yuridicheskoi nauke: ot rimskogo prava k sovremennoy pravovym kontsepsiym. – 2021. – S. 95-102. EDN: VEARCE 22.
22. Malov D. V. Printsip ravnopraviya i samoopredeleniya narodov v sisteme sovremennoy mezhdunarodnogo prava: osobennosti tolkovaniya i problemy sub"ektnosti // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. – 2013. – T. 8. – № 2. – S. 143-153. EDN: QCWQKD 23.
23. Petrov A.V., Zyryanov A.V. Formal'no-dogmaticheskii podkhod v yuridicheskoi nauke v usloviyakh sovremennosti // Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo. – 2019. – № 1. – S. 94-99. DOI: 10.14529/law190114 EDN: YZDXYD 24.
24. Tiunov O.I. Suverennoe ravenstvo gosudarstv v sisteme osnovnykh printsipov mezhdunarodnogo prava // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2014. – № 5 (209). – S. 5-21. DOI: 10.12737/3457 EDN: SBXOGR 25.
25. Fischl R.M. The question that killed critical legal studies // Law & Social Inquiry. – 1992. – Vol. 17. – № 4. – Pp. 779-820. 26.
26. Kelsen H. The principle of sovereign equality of states as a basis for international organization // The Yale Law Journal. – 1944. – Vol. 53. – № 2. – Pp. 207-220. 27.
27. Trimble P.R. International law, world order, and critical legal studies // Stanford Law Review. – 1989. – Vol. 42. – P. 811-845. 28.
28. Westen P. The Empty Idea of Equality // Harvard Law Review. – 1982. – Vol. 95. – № 3. – P. 537-596. 29.
29. Woolaver H. Sovereign Equality as a Peremptory Norm of General International Law // D. Tladi (ed.) Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens). – Pp. 713-739.

Private international law and international construction contract law: applicable law and jurisdiction

Belkin Dmitry Semenovich □

Senior Lecturer; Department of International Law; Slavic-Greek-Latin Academy

20 Radio Street, office 201, Moscow, 105005, Russia

✉ dmitryb81@gmail.com

Abstract. The article presents the findings of a comprehensive study focused on the interplay between private international law and international construction contract law in allocating applicable law and jurisdiction in cross-border construction contracts. The research subject is the legal nature of choice-of-law and procedural norms employed in international construction contracts, while the research object comprises the social relations arising in large infrastructure schemes where private and public interests overlap. The study scrutinizes doctrinal foundations of party autonomy, the integration of FIDIC applicable-law and jurisdiction clauses, the interdependence of connecting factors and admissibility criteria, and

the operation of the fork-in-the-road doctrine in investor-state disputes. Particular attention is devoted to the jurisprudence of ICSID tribunals, the Permanent Court of Arbitration and UNCITRAL ad hoc tribunals, revealing convergent trends in determining governing law under Article 42 of the 1965 Washington Convention and analogous provisions. Methodologically, the work employs formal-legal analysis of arbitral rules, systematic synthesis of leading case law (including World Duty Free, Bayindir and Eurotunnel), and a comparative evaluation of Anglo-American and civil-law risk-allocation models. A mixed-methods approach ensures both doctrinal precision and practical relevance. The principal findings demonstrate a functional interdependence between selection of applicable law and forum, substantiate the need for comprehensive alignment of substantive and procedural clauses, and highlight the role of multi-tiered dispute resolution mechanisms in contract admissibility. The author's chief contribution lies in systematizing arbitral practice on the Salini test, thereby reducing the risk of procedural duplication in parallel proceedings. The novelty of the research is the first juxtaposition in Russian scholarship of Article 42 of the Washington Convention and Article 35 of the UNCITRAL Rules where parties have made no express choice of law. The study concludes that accurately embedded FIDIC standards enhance investor protection without eroding state sovereignty, illustrating the evolving role of party autonomy as a bridge between public and private interests in the construction sector.

Keywords: International Federation of Consulting Engineers, FIDIC, international arbitration, jurisdiction, applicable law, international construction contract law, ICCL, private international law, legal risks, cross-border construction projects

References (transliterated)

1. Alferova E. V. Vyzovy globalizatsii i pravo: issledovaniya rossiiskikh pravovedov (obzor) // Pravo v usloviyakh globalizatsii: novye nauchnye podkhody i praktiki. 2016. № 2016. S. 8-30. EDN: XEVUXD.
2. Gary Born and Cem Kalelioglu. Choice-of-Law Agreements in International Contracts // Ga. J. Int'l & Compar. L. 2021. Vol. 50. P. 44.
3. Huang J. Developing Chinese Private International Law for Transnational Civil and Commercial Litigation: The 2024 New Chinese Civil Procedure Law // Neth Int Law Rev. 2023. Vol. 70. P. 205-249. <https://doi.org/10.1007/s40802-023-00243-3>. EDN: XOSDVQ.
4. Yakovleva I. Problemy, svyazанные с юрисдикцией в арбитраже Международного центра по регулированию инвестиционных споров (МТсUIS) // BULLETIN of LN Gumilyov Eurasian National University Law Series. 2022. Vol. 141. No. 4. P. 97-104.
5. Lisitsyn-Svetlanov A.G. Rassmotrenie sporov po investitsionnym proektam sиностранным участием // Pravovoi energeticheskii forum. 2021. № 2. S. 8-13. DOI: 10.18572/2312-4350-2021-2-8-13. EDN: HIGVRK.
6. World Duty Free Company v Republic of Kenya, Award. URL: <https://www.italaw.com/cases/documents/3281> (data obrashcheniya: 21 marta 2025 goda).
7. Bayindir Insaat Turizm Ticaret Ve Sanayi A.S. v. Islamic Republic of Pakistan (I), ICSID Case No. ARB/03/29. URL: <https://www.italaw.com/cases/131> (data obrashcheniya: 21 marta 2025 goda).
8. Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco [I], ICSID Case No. ARB/00/4. URL: <https://www.italaw.com/cases/958> (data obrashcheniya: 21 marta 2025 goda).

9. Romak S.A. (Switzerland) v. The Republic of Uzbekistan, Award. URL: <https://www.italaw.com/cases/documents/919> (data obrashcheniya: 21 марта 2025 goda).
10. The Channel Tunnel Group Limited and France-Manche S.A. v. United Kingdom and France (The Eurotunnel Arbitration), PCA Case No. 2003-06. URL: <https://www.italaw.com/cases/11836> (data obrashcheniya: 21 марта 2025 goda).
11. Saipem S.p.A. v. The People's Republic of Bangladesh, ICSID Case No. ARB/05/07. URL: <https://www.italaw.com/cases/951> (data obrashcheniya: 21 марта 2025 goda).
12. ATA Construction, Industrial and Trading Company v. The Hashemite Kingdom of Jordan, ICSID Case No. ARB/08/2. URL: <https://www.italaw.com/cases/97> (data obrashcheniya: 21 марта 2025 goda).
13. Toto Costruzioni Generali S.p.A. v. The Republic of Lebanon, ICSID Case No. ARB/07/12. URL: <https://www.italaw.com/cases/1108> (data obrashcheniya: 22 марта 2025 goda).
14. Autopista Concesionada de Venezuela, C.A. v. Bolivarian Republic of Venezuela, ICSID Case No. ARB/00/5. URL: <https://www.italaw.com/cases/3458> (data obrashcheniya: 15 марта 2025 goda).
15. Hussein Nuaman Soufraki v. The United Arab Emirates, ICSID Case No. ARB/02/7. URL: <https://www.italaw.com/cases/1041> (data obrashcheniya: 15 марта 2025 goda).
16. Compañía de Aguas del Aconquija S.A. and Vivendi Universal S.A. v. Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/97/3 (formerly Compañía de Aguas del Aconquija, S.A. and Compagnie Générale des Eaux v. Argentine Republic). URL: <https://www.italaw.com/cases/309> (data obrashcheniya: 22 марта 2025 goda).
17. Pantechniki S.A. Contractors & Engineers (Greece) v. The Republic of Albania, ICSID Case No. ARB/07/21. URL: <https://www.italaw.com/cases/810> (data obrashcheniya: 22 марта 2025 goda).
18. SGS Société Générale de Surveillance S.A. v. Islamic Republic of Pakistan, ICSID Case No. ARB/01/13. URL: <https://www.italaw.com/cases/1009> (data obrashcheniya: 22 марта 2025 goda).
19. HUTAMA-RSEA Joint Operations, Inc. vs. Citra Metro Manila Tollways Corp. URL: <https://jur.ph/jurisprudence/digest/hutama-rsea-joint-operations-inc-v-citra-metro-manila-tollways-corp> (data obrashcheniya: 22 марта 2025 goda).
20. Tereshkova V.V., Gadalov G.A. Применение теста Salini при определении инвестиций в практике Международного центра по регулированию инвестиционных споров // Международное право и международные организаций / International Law and International Organizations. 2022. № 3. С. 35-50. DOI: 10.7256/2454-0633.2022.3.33217 EDN: NFHXLY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33217
21. Glikman O. V., Mamedov L. R. Механизмы международно-правового регулирования трансграничных трубопроводных проектов в Каспийском регионе // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 9 (166). С. 119-131.
22. Yan'yan' Zh., Sysy D. Исследование механизма арбитражных разрешений инвестиционных споров государственных учреждений ShOS и путей их совершенствования // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 4. С. 175-195. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_4_175_195. EDN: ZPVEAL.
23. Alferova E. V. Вывозы глобализации и право: исследование российских правоведов (обзор) // Право в условиях глобализации: новые научные подходы и практика. 2016. № 2016. С. 8-30. EDN: XEVUXD.

24. Khlestov O. N. Mezhdunarodnoe pravo i Rossiya // Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2021. № 4. S. 52-59.
25. Umnova-Konyukhova I. A. Konstitutsionnoe pravo i mezhdunarodnoe publichnoe pravo: teoriya i praktika vzaimodeistviya. – M.: RGUP, 2016. – 672 s. ISBN 978-5-93916-526-6.
26. Varlamova N. V., Vasil'eva T. A. Internatsionalizatsiya konstitutsionnogo prava: sovremennoye tendentsii / Pod red. N. V. Varlamovo i T. A. Vasil'evoi. – M.: IGP RAN, 2017. – 224 s.
27. Weiler J. H. H., Wind M. (ed.). European Constitutionalism Beyond the State. – Cambridge University Press, 2003.
28. Kelsen H. Principles of International Law. – The Lawbook Exchange, Ltd., 2003.
29. Crawford J., Brownlie I. Brownlie's Principles of Public International Law. – Oxford University Press, USA, 2019.
30. Grimm D., Dobner P., Loughlin M. The Twilight of Constitutionalism? – 2010.